

Джон Ле Карре.
В одном немецком городке

John Le Carre "A Small Town in Germany" (1965)

ПРОЛОГ. ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ И ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ

П я т н и ц а . В е ч е р

Десять минут до полуночи; май, страстная пятница; призрачная дымка с реки обволакивает площадь. Бонн в этот час похож на какой-то балканский город, безликий и таинственный, опутанный трамвайными проводами. Он похож на дом, где кто-то умер, дом в траурных полотнищах, как это принято у католиков, охраняемый полицейскими. Их кожаные пальто блестят в лучах фонарей, черные флаги трепещут над головами, как крылья птиц. И кажется, будто все, кроме них, услышали сигнал тревоги и покинули город. Порой пронесется машина, торопливо пробежит пешеход. За ними по пятам идет тишина. Где-то вдалеке прогрехочет трамвай. В лавке бакалейщика с пирамиды консервных банок взывает написанное от руки объявление: "Покупайте у нас не откладывайте!" На марципановых крошках пасутся марципановые свинки, похожие на голых мышей,- напоминание о забытом Дне всех святых.

Только лозунги не молчат. Они ведут свою бесплодную войну на фонарях и деревьях, прибитые все на одном уровне, словно по предписанию.

Лозунги отпечатаны люминесцентными красками, наклеены на картон и украшены вымпелами из черной материи. Как живые, они шевелятся перед его глазами. Он спешит мимо. "Верните иностранных рабочих на родину!", "Долой продажный Бонн!". Самый длинный лозунг на высоких шестах протянут через всю улицу, выше остальных: "Откройте путь на Восток! Дорога на Запад завела в тупик!"

Его темные глаза, не останавливаясь, скользят по буквам. Полицейский, постукивая ногой о ногу, скорчил забавную гримасу, горько подшучивая над погодой; другой окликнул его, но как-то неуверенно. Еще один сказал "доброй вечер!", но он не ответил. Его ничто не интересовало, кроме плотного мужчины шагах в ста впереди, который торопливо двигался по широкой улице, то исчезая в тени черного флага, то вновь появляясь, будто выхваченный из темноты масляным светом фонаря.

Ночь опустилась без торжественных приготовлений, так же как ушел серый день, но морозный мрак был звонок, пахло зимой.

В Бонне почти не существует времен года: климат ощущается только внутри помещений - тепловатый и бесцветный, как вода в бутылке, климат головной боли, климат ожидания, горький на вкус, вызванный к жизни медленно текущей рекой, климат усталости и худосочия. Воздух здесь - всего лишь обессиленный ветер, упавший на равнину, а сумерки, когда они приходят,- лишь сгущенный до темноты дневной туман, свечение люминесцентных фонарей на унылых улицах. Но в эту весеннюю ночь снова вернулась зима. Она прокралась вверх по Рейну под предательским покровом темноты, обожгла пронзительным и неожиданным холодком и заставила пешеходов идти быстрее.

Глаза того, что был меньше ростом, напряженно вглядывавшиеся в темноту, слезились от холода.

Улица повернула и повела их мимо желтых стен университета. "Демократы! Барона прессы на виселицу!", "Мир принадлежит молодым!", "Пусть последыши

английских лордов просят подавание!", "Акселя Шпрингера - на виселицу!", "Да здоровствует Аксель Шпрингер!", "Протест - это свобода!". Эти лозунги были напечатаны студентами вручную с деревянных колодок. Кроны деревьев сверкали над ними грудой осколков зеленого стекла. Освещение здесь было ярче, полицейских - меньше. Оба пешехода продолжали идти вперед, не убыстряя и не замедляя шага. Первый шел деловито, даже озабоченно. Походка его, хотя и быстрая, казалась неловкой и какой-то нарочитой - походка немецкого бюргера, исполненного сознания собственного достоинства и внезапно сошедшего с привычных высот. Он шел выпрямившись и часто энергично взмахивал руками. Знал ли он, что его преследуют? Голову он держал высоко, как человек, облеченный властью, но власть была ему не к лицу. Притягивало ли его нечто увиденное впереди или гнало вперед что-то оставленное позади? Быть может, страх не давал ему обернуться? Но человек с положением не вертит зря головой. Второй легко шел по его следу, невесомый в темноте, скользя сквозь тени, точно сквозь сети, как шут, который, крадучись, подстерегает придворного. Они вошли в узкий проулок. Здесь пахло прокисшей едой. И снова стены зывали к ним, на этот раз традиционно немецкой рекламой: "Сильные люди пьют пиво!", "Знание - сила. Читайте книги издательства Мольден!". И здесь впервые их шаги зазвучали в унисон, исключая возможность случайного совпадения, бросая вызов. Здесь тот, что впереди, по-видимому, вдруг почувал сзади опасность. Всего лишь мгновенная заминка, нарушение четкого ритма его величественного движения, но она привела его к краю тротуара, куда не достигали тени домов. И он как бы почувствовал себя увереннее здесь, на свету, в лучах фонарей и под защитой полицейских. Однако его преследователь не отступал. "Приезжайте на встречу в Ганновере!" - вопил плакат. "Карфельд выступит в Ганновере!", "Приезжайте в Ганновер в воскресенье!".

Промчался пустой трамвай с защитной сеткой на окнах. Послышались монотонные удары одинокого колокола, призыв к христианской добродетели в пустом городе.

Теперь они снова шли вперед, но уже ближе один к другому, однако первый по-прежнему не оборачивался. Завернули за угол. Перед ними на фоне пустого неба, точно вырезанный из металла, возник шпиль собора. Мало-помалу, будто с неохотой, зазвонили и другие колокола, и вот уже по всему городу разнесся нестройный колокольный разнобой. Благовест? Или воздушный налет? Молодой полицейский в дверях спортивного магазина обнажил голову. У входа в собор в красной стеклянной чаше горела свеча; к собору примыкала лавка, в которой продавались церковные книги. Плотный мужчина замедлил шаг, наклонился, будто рассматривая что-то в витрине лавки, и оглянулся назад, на мостовую. Свет витрины выхватил из темноты его лицо. Преследователь побежал, остановился, снова побежал, но было уже поздно.

Появился лимузин "опель-рекорд". За рулем - бледный человек, неясно различимая фигура за матовыми стеклами боковых окон. Задняя дверца отворилась и снова захлопнулась. Тяжелая машина набрала скорость, и безответным остался крик - крик ярости, обвинения, утраты и безысходной горечи; словно против воли вырванный из груди, он внезапно разнесся над пустынной улицей и так же внезапно стих. Полицейский поглядел по сторонам, зажег свой фонарик. Его лучи осветили фигуру невысокого человека, который стоял неподвижно, глядя вслед лимузину. Подпрыгивая на булыжной мостовой, скользя на мокрых трамвайных рельсах, лимузин промчался на красный сигнал светофора и скрылся в западном направлении, где на холмах мерцали огни.

- Кто вы такой?

Луч фонаря осветил пальто из английского твида, слишком мохнатое для такого малорослого человека, модные, элегантные, забрызганные грязью ботинки, темные, немигающие глаза.

- Кто вы такой? - громче повторил полицейский, так как колокола звонили теперь повсюду, нагоняя безотчетную тревогу.

Небольшая узкая рука исчезла в складках пальто и вынырнула с кожаной книжечкой. Полицейский взял книжечку, отстегнул застежку, стараясь не выронить фонарь и черный пистолет, который он неумело сжимал в левой руке.

- В чем дело? - спросил полицейский.- Почему вы кричали?

Невысокий не ответил и сделал несколько шагов по тротуару.

- Вы никогда раньше не видели его? - спросил он, глядя вслед уехавшей машине.- Не знаете, кто он такой? - Он говорил негромко, как говорят, когда рядом спят дети,- осторожный голос, уважающий тишину.

- Нет.

На худощавом, в резких складках лице появилась успокаивающая улыбка.

- Простите, я ошибся: мне показалось, что я его узнал.

Его немецкое произношение было не совсем немецким, но английский акцент - не до конца английским: какая-то ничья земля между немецким и английским, особый, тщательно отработанный выговор. Казалось, если слушателю акцент не понравится, он может подвинуть его в ту или другую сторону.

Такая погода,- продолжал он, явно желая завязать разговор.- Внезапное похолодание, невольно как-то внимательнее приглядываешься к людям.- Он открыл коробочку с тонкими голландскими сигарами и предложил полицейскому закурить. Полицейский отказался, и он закурил сам.

- Это все беспорядки,- медленно проговорил полицейский.- Флаги, лозунги. Все мы нервничаем. На этой неделе - Ганновер. На прошлой - Франкфурт. Нарушается привычный порядок вещей.- Полицейский был молод и получил специальное образование.- Нужно побольше им запрещать, как коммунистам,- добавил он, повторяя привычную формулу.

Он небрежно козырнул на прощанье. Незнакомец улыбнулся еще раз. Улыбка выражала симпатию, быть может, даже намек на дружеские чувства, просьбу о сообщничестве. Она погасла медленно, не сразу. Потом он ушел. Не двигаясь с места, полицейский внимательно прислушивался к удаляющимся шагам. Вот они стихли, вот послышались снова, стали быстрее и - или это ему показалось? - увереннее. Минуту он раздумывал.

В Бонне, подумал он про себя, подавляя вздох и вспоминая легкие шаги незнакомца, даже мухи могут занимать официальное положение. Вынув блокнот, он тщательно записал происшествие, его время и место. Он принадлежал к тугодумам, но пользовался репутацией человека обстоятельного и дотошного. Кончив записывать, он добавил еще и номер машины, случайно ему запомнившийся. Внезапно он перестал писать и молча пробежал глазами написанное - фамилию мужчины и номер машины. Он вспомнил того, плотного человека, его широкий по-военному шаг, и сердце у него забилось. Он вспомнил секретную инструкцию, с которой его знакомили в полицейском участке, и маленькую выцветшую фотографию, сделанную много лет назад. И, забыв спрятать блокнот, полицейский опрометью бросился к телефонной будке.

В Германии в Германии

в немецком городке
жил-поживал сапожник
герр Шуман звался он
Я - славный музыкант
умру за Фатерланд
Имел он барабан
и барабанил в тон

(Застольная песня, которую пели английские военнослужащие во всех солдатских столовых в оккупированной Германии на мотив военного марша и с прибавлением непристойных вариантов)

1. МЕДОУЗ И КОРК

С у б б о т а

- Почему бы вам не пойти пешком? Будь я в вашем возрасте, я бы давно так поступил, а не мучался бы в этой толчее.

- Все обойдется,- ответил шифровальщик Корк, молодой человек с глазами альбиноса, и тревожно посмотрел на своего старшего спутника, сидевшего рядом за рулем.- Просто давайте спешить медленно,- добавил он успокаивающе. Корк был кокни, рыжий, как охра; его огорчало, что Медоуз так взволнован.- Пусть все идет своим чередом, верно, Артур?

- Я бы охотно сбросил всю эту чертову свору в Рейн.

- Оставьте, сами знаете, что вы это только так.

Была суббота, девять часов утра. Дорога из Фрисдорфа в посольство была забита машинами, почти все они негодуя сигналили; вдоль мостовой выстроились в шеренгу огромные портреты лидера Движения. Поперек улицы, над домами, как на митинге, висели полотнища лозунгов: "Запад обманул нас. Немцы, отбросьте стыд. Повернитесь на Восток", "Долой культуру кока-колы!". В середине длинной колонны машина Корка и Медоуза хранила молчание среди нарастающего рева автомобильных клаксонов. Иногда этот рев катился волнами, начинаясь где-то впереди и медленно нарастая по мере приближения к хвосту колонны; он проносился над их головами, как гудение самолета в небе, иногда клаксоны звучали в унисон: тире - точка - тире - буква К - Карфельд, наш избранник и вождь! А иногда, беспорядочные и непрерывные, они сливались в какую-то симфонию.

- Какого черта им нужно? Чего они вопят? Половину из них надо было бы сначала послать в парикмахерскую, потом выпороть хорошенько, а потом - марш назад в школу!

- Это крестьяне,- сказал Корк.- Я же вам говорил, они пикетируют бундестаг.

- Крестьяне? Вот эти ребята? Да они все заболеют и умрут, если промочат ножки, Дети! Посмотрите туда. Все это отвратительно. Не нахожу другого слова.

Справа от них в красном "фольксвагене" сидели трое студентов - двое юношей и девушка. Водитель был в кожаной куртке, длинные волосы свисали почти до плеч. Он неотрывно смотрел в ветровое стекло на машину впереди, тонкая рука, спокойно лежавшая на рулевом колесе, готовилась нажать гудок. Девушка и второй юноша целовались.

- Это все статисты,- сказал Корк.- Для них это просто забава. Вы знаете лозунг студентов: "Настоящая свобода лишь та, которую ты сам завоеуешь". Ничего нового. У нас в Англии происходит то же самое. Читали, что они вчера устроили на Гросвенор-сквер? - Корк снова пытался переменить тему разговора.- Если это называется образованием, я - за невежество.

Но Медоуз не давал себя отвлечь.

- Им нужна воинская повинность. Это приведет их в чувство,- сказал он, глядя на "фольксваген".

- Она у них есть. Уже лет двадцать, если не больше.

Почувствовав, что Медоуз готов оставить эту тему, Корк заговорил о том, что не могло не интересовать его спутника.

- Ну, как прошел день рождения Майры? Весело было? Надеюсь, она хорошо провела время?

По какой-то причине этот вопрос только ухудшил настроение Медоуза, и Корк решил, что лучше всего в таком случае просто помолчать. Он перепробовал все, что мог,- безрезультатно. Медоуз неплохой старикан, слегка чокнутый на почве религии. Теперь таких уже больше не делают, и, конечно, он стоит того, чтобы потратить на него время, но есть предел и сыновней преданности Корка. Он начал с нового "ровера", который Медоуз купил, готовясь уйти в отставку, с десятипроцентной скидкой, по себестоимости. Корк до посинения восхищался его формой, удобством, отделкой. Наградой же ему было лишь ворчанье. Он попробовал заговорить об Автоклубе для иностранцев - Медоуз этот клуб горячо поддерживал,- потом о спортивном празднике для детей персонала посольств стран Содружества, который устраивают сегодня днем в посольском саду. И вот теперь еще одна тема - вечеринка, где они не были из-за того, что Джейнет должна вот-вот родить. Но других блюд в меню у Корка нет, и больше ему нечего предложить Медоузу. Старикуну нужен отдых, решил Корк, длительный отдых на солнышке, подальше от Карфельда и брюссельских переговоров, подальше - да, подальше от его дочери Майры, иначе Артур Медоуз наверняка свихнется.

- Слыхали,- Корк сделал последнюю попытку,- акции "Шелла" поднялись еще на один шиллинг.

- А "Гест-Кина" упали на три.

Корк решительно избегал вкладывать деньги в английские предприятия, но Медоуз из чувства патриотизма предпочитал идти на риск.

- Снова поднимутся после Брюсселя, не волнуйтесь.

- Кого вы пытаетесь обмануть? Переговоры, можно считать, уже провалились, разве не так? Возможно, я не столь проницателен, как вы, но по-печатному читать и я умею.

У Медоуза - Корк первый признал бы это - были все основания для плохого настроения и без покупки акций британской стальной компании. Он приехал сюда прямо из Варшавы, где пробыл почти без перерыва четыре года, и уже одного этого вполне достаточно, чтобы испортить себе нервы. Он дорабатывал последние месяцы и должен был в августе уйти на пенсию, а по наблюдениям Корка, в таких случаях старики чем ближе к пенсии, тем больше дуреют. Не говоря уже о том, что Майра, его дочь,- явная психопатка; правда, она как будто уже поправляется, но, если хоть половина того, что о ней рассказывают, правда, до выздоровления еще далеко.

Добавьте к этому обязанности заведующего архивом и канцелярией - другими словами, человека, ответственного за политические документы в период самого острого на памяти всех кризиса,- и вы получите более чем полное представление о положении вещей. Даже он, Корк, запятанный в своем шифровальном отделе, и то чувствовал, какие ветры дуют. Еще бы: все эти

дополнительные рейсы диппочты, сверхурочные, и Джейнет, которая вот-вот родит, и работенка, которую тащат к нему все советники по очереди и требуют, чтобы она была готова вчера. А уж если так достается ему, то можно себе представить, каково приходится старику Артуру. Беда в том, что заботы валяются со всех сторон - это и добивает, думал Корк. Никогда не знаешь, что случится через час. Только что отправил срочный ответ по поводу бременских беспорядков или завтрашнего спектакля в Ганновере, как на тебя валятся новые телеграммы о валютной лихорадке, или о Брюсселе, или о том, что создается фонд в несколько миллионов где-нибудь во Франкфурте или в Цюрихе. Если трудно приходится шифровальщикам, то что уж говорить про тех, кто должен отыскивать в делах документы, отмечать недостающие, регистрировать входящие и передавать их исполнителям. Это почему-то напомнило ему, что надо позвонить консультанту-бухгалтеру. Если рабочий фронт на заводах Круппа будет и дальше действовать таким образом, может быть, стоит приглядеться к шведской стали - мелочишка для будущего малыша...

- Эй! - Корк сразу повеселел. - Кажется, предстоит небольшая потасовка.

Двое полицейских остановились на краю тротуара и стали что-то втолковывать крупному мужчине в "мерседес-дизеле". Сначала он опустил стекло и заорал на них, потом отворил дверцу и снова стал кричать. Внезапно блюстители порядка ушли. Корк разочарованно зевнул.

В прежние времена, с тоской подумал Корк, кризисы наступали по очереди. Скажем, вопили о Берлинском коридоре: мол, русские вертолеты висят у самой границы, - и это вызывало дебаты в специальном комитете четырех держав в Вашингтоне. Или затевалась интрига: есть предположение, что немцы намерены выступить с какой-то дипломатической инициативой в Москве - ее следует задушить в зародыше; есть предположение, что идут махинации вокруг родезийского эмбарго; есть попытки замолчать бунт в частях Рейнской армии в Миндене. Просто и ясно. Наскоро глотаешь еду, открываешь свою лавочку и сидишь там, пока не переделана вся работа. А потом идешь домой свободным человеком. Так оно и должно быть. Из этого состоит жизнь. Таков Бонн. Аттестован ты, как де Лилл, или не аттестован и сидишь за обтянутой зеленой материей дверью, повсюду одно и то же: немного драмы, уйма спешки, немного дискуссий о курсе разных акций, снова повседневная рутина и - следующее назначение.

Так было до Карфельда. Корк с огорчением смотрел на плакаты. Да, до того, как появился Карфельд. Девять месяцев, размышлял он, глядя на крупные черты расплывшегося невыразительного лица и самодовольный открытый взгляд, да, девять месяцев прошло с тех пор, как Артур Медоуз появился на пороге двери, соединяющей их комнаты, и взволнованно сообщил о демонстрации в Киле, о неожиданном выдвижении некой кандидатуры, о студенческой сидячей забастовке и о тех незначительных фактах насилия, к которым они с тех пор постепенно привыкли. Кто тогда пострадал? Кто-то из участников контрдemonстрации, устроенной социалистами. Одного избили до смерти, другого забросали камнями... тогда это их потрясло. Они были еще зеленые. Господи, боже мой, подумал он. Теперь уже кажется, что это было лет десять назад. Но он помнил все даты с точностью чуть ли не до минуты.

События в Киле начались в то утро, когда доктор сказал, что Джейнет беременна. С того дня все пошло по-другому.

Снова дико заголосили гудки. Машины дернулись одна за другой и опять резко остановились, дребезжа и скрежеща тормозами на все лады.

- Удалось что-нибудь выяснить насчет этих папок? - спросил Корк, пытаясь понять, чем вызвана озабоченность Медоуза.

- Нет.

- И тележка не нашлась?

- Нет, тележка тоже не нашлась.

Подшипники, вдруг подумал Корк, какая-нибудь маленькая аккуратенькая шведская фирма, из тех, что пошустрее... двести зелененьких - и готово дело...

- Не поддавайтесь. Артур, здесь не Варшава. Вы теперь в Бонне. Хотите знать, сколько чашек пропало в столовой только за последние шесть недель? Не разбилось, заметьте, а пропало.

На Медоуза это не произвело никакого впечатления.

- Как вы думаете, кому нужна казенная посуда?

Никому, Люди просто немного не в себе. Думают о другом. Все дело в кризисе. Так повсюду. Вот и с папками то же самое.

Но на чашках нет грифа "секретно". Только и всего. - Но на тележках тоже,- настаивал Корк.- И на электрическом камине из конференц-зала, из-за которого так бесится хозяйственный отдел. И машинка с большой кареткой из машбюро тоже не секретный инвентарь, и... Да послушайте, Артур, вы не можете за это отвечать, слишком тут много всего. Вы ведь знаете, в какое состояние приходят эти дипломаты, когда начинают сочинять

телеграммы. Скажем, де Лилл или Гевистон - просто сомнамбулы какие-то. Я не отрицаю, это все гении, только они никогда сами не знают, на каком они свете, витают в облаках. Вы-то тут при чем?

- Очень даже при чем. Я за это отвечаю.

- Ладно, терзайтесь! - крикнул Корк, теряя терпение.- Уж если кто отвечает, так это Брэдфилд, а не вы. Он возглавляет аппарат советников, он и отвечает за соблюдение секретности.

Корк замолчал и снова перевел взгляд на непривлекательную картину за окном. С Карфельда за многое спросится, подумал он, и притом во многих областях.

Картина, открывшаяся глазам Корка, отнюдь не согревала сердца и не ласкала зора. Погода стояла отвратительная. Бесцветный рейнский туман, точно след дыхания на поверхности зеркала, покрывал всю цивилизованную пустыню бюрократического Бонна. На пустырях огромные, еще недостроенные, мрачные здания тянулись вверх, как сорняки. Впереди на коричневой равнине сияло всеми своими окнами здание британского посольства. Оно казалось госпиталем на окутанном сумерками поле боя. У ворот печально колыхался над головами кучки боннских полицейских почему-то приспущенный британский флаг.

Идея устроить в Бонне зал ожидания перед пересадкой в Берлин с самого начала была нелепой. Теперь она выглядела просто оскорбительной. Наверно, одни только немцы способны, избрав канцлера, перенести свою столицу к его порогу. Для того чтобы разместить всех дипломатов, политических деятелей и государственных служащих, которым выпала сомнительная честь прибыть сюда, и в то же время держать их на расстоянии, граждане Бонна выстроили целый новый пригород вне городских стен. Через южную часть этого пригорода и пытались сейчас пробиться машины. Вдоль широкой проезжей части улицы высились громоздкие башни, тянулись приземистые плоские современные постройки. Дорога доходила почти до Бад-Годесберга, уютного курортного городка, раньше существовавшего главным образом за счет минеральной воды, а теперь перешедшего на дипломатию. Конечно, некоторые министерства разместились в самом Бонне, украсив своими стилизованными под древнюю каменную кладку

постройками мощенные булыжником дворцы; конечно, несколько посольств оказалось в Бад-Годесберге, но федеральное правительство и около девяноста аккредитованных при нем иностранных представительств, а также лоббисты, пресса, руководство политических партий, организации беженцев, официальные резиденции высокопоставленных боннских чиновников, кураторий "За неделимую Германию" и вся бюрократическая надстройка временной столицы Западной Германии - все они расположились по ту или другую сторону этой магистрали между бывшим местопребыванием епископа Кльнского и викторианскими вилами рейнского курорта.

Британское посольство - неотъемлемая часть этой противоестественной столичной деревни, этого островного государства, не имеющего ни политического лица, ни гражданского тыла, государства, обреченного постоянно оставаться временным. Вообразите себе распластанный на земле безликий заводской цех - такие попадаются десятками на окраинах английских городов, обычно с рекламой своих изделий на крыше,- пририсуйте к нему скучное рейнское небо, добавьте намек на архитектурный стиль нацистского периода - всего лишь намек, не больше,- поместите позади на холмистой почве очертания двух футбольных ворот для развлечения "нечистых", и вы довольно точно представите себе, как выглядит мозг и мощь Англии в Федеративной республике. Одним из своих распростертых крыльев посольство прижимает к земле прошлое, другим - приглаживает настоящее и третьим - лихорадочно ощупывает влажную рейнскую землю в поисках того, что в ней зарыто для будущего. Построенное в конце столь преждевременно завершившейся оккупации, посольство хорошо воссоздает неприглядную атмосферу того периода: оно отвернуло свое каменное лицо от бывшего врага и встречает серой улыбкой теперешнего союзника. Слева от Корка, когда они наконец въехали в ворота, была штаб-квартира Красного Креста, справа - завод "Мерседес", за ним через дорогу - Центральный комитет социал-демократической партии и склад кока-колы. Посольство отделено от этих неподобающих соседей полоской голой земли с пятнами обнаженной глины и кое-где пучками щавеля. Она тянется до самого безлюдного здесь Рейна и, представляя собой предмет гордости местных градостроителей, именуется в Бонне "зеленым поясом".

Быть может, в один прекрасный день все они уедут отсюда в Берлин: такая возможность иногда обсуждается даже в Бонне. Быть может, в один прекрасный день вся эта огромная серая гора соскользнет на автостраду и потихоньку доберется до мокрых автомобильных стоянок у распотрошенного рейхстага. Но пока этого не случилось, бетонный палаточный город остается в Бонне - временный, ибо такова мечта, и постоянный, ибо такова реальность. Он остается здесь и будет расти, потому что в Бонне движение заменило прогресс, а все, что не растет, обречено на умирание.

Поставив машину на обычное место за столовой, Медоуз медленно обошел ее, как всегда после любой поездки. Попробовал все ручки, проверил, нет ли на кузове царапин от гравия, летящего из-под колес. Погруженный в свои мысли, он пересек дворик и подошел к главному входу, где два солдата английской военной полиции - сержант и капрал - проверяли пропуска. Корк, все еще пережевывая обиду, на некотором расстоянии следовал за ним; когда он достиг порога, Медоуз уже разговаривал с часовыми.

- А вы-то кто будете? - спросил сержант.

- Я - Медоуз, из архива. Он работает у меня.- Медоуз старался через плечо сержанта заглянуть в список, но часовой прижал листок к животу.- Он, видите ли, болел. Я хотел выяснить...

- А почему же он числится по первому этажу?

- У него там кабинет. Он занимает две должности на двух разных участках. У меня и на первом этаже.

- Нету,- снова сказал сержант, заглянув в список.

Стайка машинисток в мини-юбках, укороченных до предела, дозволенного супругой посла, вспорхнула мимо них по лестнице.

Медоуз не двигался с места, асе еще не до конца убежденный.

- Вы хотите сказать, что он не входил в посольство? - спросил он, явно надеясь услышать обратное.

- Именно так. Нету его. Он не проходил. В посольстве его нет. Ясно?

Они вошли вслед за машинистками в холл. Корк взял Медоуза под руку и отвел в сторону, в тень решетки, преграждающей вход в подвал.

- Что случилось, Артур? Что с вами такое? Дело не в одних пропавших папках, верно? Что вас грызет?

- Ничего меня не грызет.

- Тогда что это за разговор, будто Лео болен? Он же не болел ни разу в жизни.

Медоуз не ответил.

- Что такое задумал Лео? - подозрительно спросил Корк.

- Ничего.

Тогда почему вы о нем справлялись! Не мог же он тоже потеряться. Вот уже двадцать лет его не могут потерять, как ни стараются.

Корк почувствовал, что Медоуз колеблется: готов что-то открыть и все же вынужден воздержаться.

- Вы не можете отвечать за Лео. Никто не может за него отвечать. Нельзя быть всеобщим отцом, Артур. Возможно, он где-то шляется и спекулирует талонами на бензин...

Медоуз обрушился на него, не дав ему закончить фразу.

- Не смейте так говорить, слышите, не смейте. Лео вовсе не такой. Да и о других так говорить непорядочно. Спекулирует талонами на бензин! И все потому лишь, что

он - человек временный.

Выражение лица Корка, поднимавшегося на первый этаж по широкой лестнице на безопасном расстоянии от Медоуза, говорило само за себя: если таким делают человека годы, то отставка в шестьдесят - это ничуть не рано. Он-то, Корк, уйдет в отставку по-иному. Он мечтает - кто не мечтает? - уехать от всего этого на какой-нибудь греческий остров. Может быть, на Крит. Не исключено, что удастся открутиться к сорока, если дело с подшипниками выгорит. Ну, уж в крайнем случае - к сорока пяти.

Сразу за архивом по коридору находится шифровальная, а за ней - маленький светлый кабинет Питера де Лилла. Аппарат советников - не более как политический отдел. Работающие здесь молодые люди принадлежат к элите. И если где-то может стать реальностью весьма распространенная мечта о блестящей карьере британского дипломата, то именно здесь. Причем ближе всех к осуществлению этой мечты - Питер де Лилл. Элегантный, стройный, гибкий, он был весьма недурен собой и упорно оставался молодым, хоть и перешагнул уже за четвертый десяток и так медленно двигался, что, казалось, вот-вот заснет. Эта его медлительность была не наигранной, а просто обманчивой. Две мировые войны и последовавшие за ними узкосемейные, но трагические события изрядно обкорнали фамильное дерево де Лиллов: брат погиб в автомобильной катастрофе, дядя покончил с собой, еще один брат утонул, отдыхая в Пензансе. Так постепенно де Лилл аккумулировал в себе всю энергию и все обязанности человека, которому чудом удалось выжить. Все его движения будто говорили:

лучше бы вовсе не служить, но раз уж так случилось, приходится носить мундир.

Когда Медоуз и Корк прошли к себе, де Лилл как раз собирал голубые листки черновиков, разбросанные в художественном беспорядке на его письменном столе. Небрежными движениями он рассортировал их, застегнул жилет, потянулся, бросил задумчивый взгляд на репродукцию с картины, изображающей озеро Уиндермир, выпущенную министерством труда с любезного разрешения железнодорожной дирекции Лондона, Мидленда и Шотландии, и вышел на лестничную площадку, довольной улыбкой приветствуя новый день. Он задержался у высокого окна и с минуту смотрел вниз на крыши черных фермерских фургонов и на голубые островки света там, где вспыхивали мигалки полицейских машин.

- У них прямо страсть к стали,- сказал он Микки Крабу, неряшливо одетому человеку со слезящимися глазами, постоянно находившемуся в состоянии похмелья. Краб медленно поднимался по лестнице, крепко держась рукой за перила и втянув голову в плечи, будто в ожидании удара.- Я как-то про это забыл. Про кровь помнил, а про сталь забыл.

- Пожалуй, вы правы, - пробормотал Краб,- пожалуй, что так.

Голос, как и все, что еще осталось в нем от прежней жизни, казался только тенью, отброшенной былым. Одни волосы не состарились - они росли на его маленькой головке черной густой копной, точно удобренные алкоголем.

- Спортивный праздник! - вдруг выкрикнул Краб, неожиданно останавливаясь.- Они же еще не натянули этот чертов тент.

- Натянут,- почти ласково заверил его де Лилл.-

Задержка произошла из-за крестьянских беспорядков.

- Проезд позади дома пуст, как соседняя церковь. Чертовы гунны! - добавил Краб без всякой злости, как приветствие, и продолжал свое трудное восхождение по лестнице.

Медленно идя вслед за ним по коридору, де Лилл открывал одну за другой двери кабинетов, заглядывал внутрь, здоровался или окликал кого-то, пока постепенно не дошел до кабинета старшего советника. Здесь он громко постучал и приотворил дверь.

- Все собрались, Роули,- сказал он.- Ждем вас.

- Я готов.

- Скажите, вы случайно не позаимствовали мой электрокамин? Он бесследно исчез.

- К счастью, я не страдаю kleptomанией.

- Людвиг Зибкрон просил о встрече в четыре,- невозмутимо добавил де Лилл.- В министерстве внутренних дел. Он не сказал, в чем дело. Я пробовал допытаться, но он разозлился. Сказал, что просто хочет обсудить некоторые меры, связанные с нашей безопасностью.

- Наша безопасность в полном порядке. Мы об этом уже толковали с ним на прошлой неделе. К тому же он обедает у меня в четверг. Не нахожу, что тут надо еще что-то

предпринимать. Уже и так вся территория забита полицейскими. Я не допущу, чтобы он превратил посольство в крепость.

Голос его звучал резко и уверенно, голос человека образованного и прошедшего военную школу, умеющего многое скрывать, умеющего защищать свои секреты и свою независимость, голос, мягкий от природы, но способный звучать и жестко.

Де Лилл вошел, прикрыл дверь и щелкнул задвижкой.

- Как прошло вчера?

- Нормально. Можете посмотреть протокол, если хотите. Медоуз должен показать его послу.

- Думаю, что Зибкрон мог звонить именно в связи с этим.

- Я не обязан отчитываться перед Зибкроном и, кстати, не собираюсь. Не имею представления, почему он позвонил так рано и зачем созывает это совещание. У вас лучше развито воображение, чем у меня.

Так или иначе, я дал согласие от вашего имени. Мне казалось, что так будет правильно.

В котором часу нас просят прибыть?

- В четыре, и он пришлет за нами машину.

Брэдфилд недовольно нахмурился.

- Он беспокоится, что мы не сумеем проехать по городу. Считает, что в сопровождении его людей мы доберемся легче,- пояснил де Лилл.

- А я-то думал, что он хочет сэкономить наш бензин.

Шутка повисла в воздухе.

<h2>2. "...ПО ТЕЛЕФОНУ БЫЛО СЛЫШНО, КАК ОНИ ВОПЯТ"</h2>

Д е л а с у б б о т н и е и в о с к р е с н ы е

Ежедневное совещание аппарата советников британского посольства в Бонне обычно начинается в десять часов. Это дает возможность сотрудникам с утра просмотреть почту, прочитать телеграммы и перелистать немецкие газеты, а иногда и прийти в себя после утомительных светских обязанностей предыдущего вечера. Де Лилл сравнивал эти совещания с утренней молитвой в общине неверующих: хотя обряд был малопоучителен и маловдохновляющ, он все же задавал тон рабочему дню, служил как бы своеобразной переключкой и содействовал созданию атмосферы коллективности. Когда-то очень давно приход на службу в субботу был делом добровольным, полуобязательным и неопределенным. Это укрепляло чувство независимости, давало ощущение отдыха и покоя. Теперь все это - в прошлом. Субботы в чрезвычайной обстановке последнего времени подчинились административному распорядку остальных дней недели.

Все вошли по одному, вслед за де Лиллом. Те, кто имел привычку здороваться, приветствовали друг друга. Остальные молча заняли свои места на расставленных полукругом стульях и начали просматривать кипы телеграмм на цветных бланках, которые принесли с собой, или просто глядеть в широкое окно, сожалея о несостоявшемся уикэнде. Утренний туман рассеивался, над задним крылом здания посольства сгустились черные тучи, телевизионные и радиоантенны над плоской крышей напоминали сюрреалистические деревья, выросшие на этом черном фоне.

- Довольно мрачно для спортивного праздника,- сказал Микки Краб. Но он не имел веса в посольстве, и никто не затруднил себя ответом.

Сидя лицом к сотрудникам за стальным письменным столом, Брэдфилд не замечал их присутствия. Он принадлежал к той школе государственных служащих, которые читают с пером в руке. Перо двигалось по строкам вместе с его взглядом, готовое в любой момент остановиться, чтобы исправить ошибку или сделать пометку.

- Может кто-нибудь мне сказать,- спросил он, не поднимая головы,- как перевести "Geltungbedьfnis"?

- Потребность в самоутверждении,- предложил де Лилл и увидел, как перо пригвоздило слово к бумаге и снова поднялось.

- Очень точно. Ну что ж, начнем?

Дженни Парджитер, единственная женщина среди присутствующих, обычно делала обзор прессы. Она начала свое сообщение раздраженным тоном, будто оспаривая общепринятую точку зрения, и в то же время в этом тоне сквозила безнадежность: казалось, она знала в глубине души, что удел всякой женщины, излагающей новости,- недоверие.

- Помимо крестьянских волнений, Роули, самое важное событие - вчерашний инцидент в КJльне. Там студенты-демонстранты вместе с литейщиками заводов Круппа перевернули машину американского посла.

- Пустую машину американского посла. Есть некоторая разница, знаете ли.- Брэдфилд написал что-то на телеграмме.

Микки Краб, сидевший у двери, неправильно истолковав это замечание как юмористическое, нервно рассмеялся.

- Кроме того, они поймали какого-то старика, привязали его цепью к решетке на вокзальной площади, о б р и л и ему голову и повесили на грудь плакат: "Я срывал лозунги

Движения". Предполагают, что он не получил серьезных увечий.

- Предполагают?

- Врачи установили...

- Питер, вы ведь ночью составили об этом телеграмму. Вы, очевидно, огласите текст?

- В ней изложены основные моменты.

- А именно?

Де Лилл был готов к этому вопросу:

- Союз между недовольными студентами и Карфельдовским движением быстро укрепляется, замыкается прочный круг: беспорядки ведут к безработице, безработица

вызывает беспорядки. Гальбах, вожак студентов, заперся вчера почти на целый день с Карфельдом в КJльне. Они вместе это и состряпали.

- Кажется, Гальбах руководил делегацией студентов, выступавших в Брюсселе против Англии в январе? Когда еще вымазали грязью Холидей-Прайда?

- Я отметил это в телеграмме.

- Дженни, пожалуйста, продолжайте.

- Большинство крупных газет печатает комментарии. Только выдержки, будьте добры.

- "Нойе Рур-цайтунг" и связанные с ней газеты обращают главное внимание на молодость демонстрантов. Газеты настаивают, что это не коричневорубашечники, не хулиганы, а молодые немцы, решительно недовольные боннскими порядками.

- А кто ими доволен? - проговорил де Лилл вполголоса.

- Благодарю вас, Питер,- сказал Брэдфилд без тени благодарности в голосе, и Дженни Парджитер вдруг почему-то покраснела.

- И "Вельт" и "Франкфуртер альгемайне" проводят параллель с последними событиями в Англии, в особенности с антивьетнамскими демонстрациями, расовыми беспорядками в Бирмингеме и протестами Ассоциации домовладельцев и жильцов по поводу жилищного законодательства для цветных. Обе газеты пишут о растущем недовольстве избирателей своими правительствами как в Англии, так и в Германии; "Франкфуртер" утверждает, что все несчастья начинаются с налогов: если налогоплательщик видит, что его деньги расходуются неразумно, он считает, что и голосовал не за того, кого нужно. Они называют

это новой инерцией.

- Вот как! Придумали еще один ярлык.

Устав от долгого ночного дежурства и давно известных фактов и обобщений, де Лилл слушал как бы издалека, улавливая привычные фразы, точно передачу какой-то маломощной радиостанции: "...В связи с ростом антидемократических настроений как справа, так и слева... Федеральное правительство должно понимать, что только по-настоящему сильное руководство, даже вопреки воле какого-нибудь экстремистского меньшинства, может содействовать укреплению европейского единства... Немцы должны вновь обрести уверенность в себе, должны рассматривать политику как нечто, сливающее воедино мысль и действие..."

В чем дело, лениво размышлял он, что делает немецкий политический жаргон даже в переводе таким нереально-отвлеченным? Метафизическая вата - так он назвал все это во вчерашней телеграмме, и это определение понравилось ему самому. Немцу достаточно заговорить о политике, чтобы сразу же погрузиться в пучину нелепых абстракций... Но разве одни лишь их абстракции так расплывчаты? Даже самые очевидные факты кажутся невероятно недостоверными, даже самые чудовищные события, добравшись до Бонна, как-то теряют окраску. Он старался представить себе, что он чувствовал бы, если бы его избивали студенты Гальбаха,- удары по лицу, пока не польется кровь, потом цепь, которой привязывают к решетке, снова бьют, бреют голову... все это казалось таким далеким. Но разве КJльн так уж далеко? Семнадцать миль? Семнадцать тысяч миль? Нужно всюду бывать, подумал он, нужно ходить на митинги и своими глазами видеть, что там делается. Но как успеть, когда они вдвоем с Брэдфилдом составляют все важные политические донесения; когда так много деликатных, чреватых неприятностями дел надо решать здесь, на месте...

А Дженни Парджитер распалась все больше. "Нойе цюрихер" поместила статью, в которой взвешивает наши шансы в Брюсселе, говорила Дженни. Она считает чрезвычайно важным, чтобы все в отделе прочитали статью с максимальным вниманием. Де Лилл довольно громко вздохнул. Неужели Брэдфилд никогда не выключит эту говорильную машину?

- Автор пишет, что у нас не осталось ни одного пункта, по которому мы могли бы вести переговоры, Роули, ни одного. Правительство Ее Величества так же потеряло все свои козыри, как и Бонн,- никакой поддержки у избирателей и очень мало среди правящей партии. Правительство Ее Величества надеется на Брюссель, как на панацею от всех бед, но - сколь это ни парадоксально - может добиться успеха только с помощью доброй воли другого неудачливого правительства.

Де Лиллу казалось, что он все еще слышит через открытое окно печальный вой автомобилей бунтующих фермеров. Таков Бонн, подумал он. Эта дорога - весь наш мир. Сколько указателей с названиями городов можно встретить на пяти милях между Мелемом и Бонном? Шесть? Семь? Вот она, суть нашей работы,- словесная война из-за того, что никому не нужно. Бесконечная, бесплодная какофония запросов и протестов. Появляются все новые модели машин, все быстрее становится их движение, все сокрушительнее столкновения, все выше дома, но дорога все та же, а куда она ведет - не имеет значения...

- Остальные докладчики выступят очень коротко, хорошо, Микки?

- Ну конечно.

Краб, будто проснувшись, принялся длинно и невразумительно излагать слух, который сообщил ему корреспондент "Нью-Йорк таймс" в Американском клубе, в свою очередь узнавший его от Карла-Гейнца Зааба, который в свою очередь слышал все это от кого-то в ведомстве Зибкрона. Дело сводилось к

тому, что Карфельд находился вечером предыдущего дня в Бонне, что после вчерашнего выступления перед студентами в КJльне он вопреки слухам не вернулся в Ганновер, чтобы готовиться к завтрашнему митингу, а приехал на своей машине каким-то окольным путем в Бонн и участвовал тут в секретном совещании.

- Говорят, что он встречался с Зибкроном, Роули,- заключил Краб, но если в его голосе и звучала когда-то уверенность, сейчас ее, видно, начисто смыли бесчисленные коктейли.

Брэдфилда это сообщение тем не менее почему-то раздосадовало, и он отозвался на него довольно резко.

- Без конца твердят, что он встречался с Людвигом Зибкроном. А почему, черт побери, им не встречаться? Зибкрон отвечает за общественный порядок, у Карфельда тьма недругов. Сообщите в Лондон,- закончил он устало, что-то помечая в блокноте,- пошлите телеграмму с изложением слухов. Вреда не будет.

Порыв ветра вдруг швырнул струю дождя в стекло, оправленное в стальную раму,- все вздрогнули от его яростной дробы.

- Несчастный спортивный праздник стран Содружества,- прошептал Краб, и снова никто не обратил на него внимания.

- Несколько указаний,- продолжал Брэдфилд.- Завтрашний митинг в Ганновере начинается в десять тридцать. Время малоподходящее для демонстрации, но днем у них, кажется, футбольный матч. Здесь играют по воскресеньям. Не могу себе представить, почему это касается нас, но посол просил всех сотрудников не выходить из дому после утреннего богослужения, если у них нет дел в здании посольства. По просьбе Зибкрона в течение всего воскресенья у главных и задних ворот будет выставлен дополнительный полицейский патруль, и по какой-то ему одному известной причине у нас во время спортивного праздника будут находиться сотрудники их тайной полиции.

- И нет на свете тайной полиции,- тихонько проговорил де Лилл, повторяя какую-то семейную шутку,- более таинственной, чем эта.

- Прошу тишины. Вопросы безопасности. Мы получили из Лондона печатные пропуска для входа в посольство, их раздадут в понедельник, и с этого дня прошу предъявлять их при входе и выходе. Учебные пожарные тревоги. Сообщаю для вашего сведения, что в понедельник днем будут проведены практические занятия по тушению пожара. Полагаю, что всем следует быть на месте: надо показать пример младшему персоналу. Культурно-общественные мероприятия. Спортивный праздник стран Содружества сегодня днем в саду посольства. Состязания по олимпийской системе. Снова вынужден предложить всем принять участие. Разумеется, прибыть с женами,- добавил он таким тоном, словно последнее обстоятельство взваливало на их плечи дополнительное бремя.- Микки, за атташе посольства Ганы нужно приглядывать. Не подпускайте его к супруге посла.

- Могу я сказать, Роули? - Краб нервно заерзал на стуле, жилы на его шее, выпиравшие из дряблой кожи, чем-то напоминали куриные лапы.- Супруга посла раздает призы в четыре, обратите внимание - в четыре. Могу я просить всех подтянуться к главному павильону примерно без четверти... Простите, без четверти четыре,- добавил он,- простите, Роули.- Говорили, что Краб был одним из адъютантов Монтгомери во время войны, и вот все, что от этого осталось.

- Записали, Дженни?

Она пожала плечами: разве они станут выполнять...

Де Лилл обратился к собранию тем непринужденно-светским тоном, который считается принадлежностью и прерогативой английского правящего класса.

- Позвольте узнать, не работает ли кто-нибудь над папкой "Сведения об отдельных лицах"? Медоуз буквально изводит меня, требуя эту папку, а я готов дать присягу, что уже много месяцев не видал ее в глаза.

- За кем она записана?

- Очевидно, за мной.

- В таком случае,- сказал Брэдфилд довольно резко,- по-видимому, вы ее и взяли.

- В том-то и дело, что я ее не брал. Я охотно готов отвечать за свои поступки, но не могу представить себе, зачем бы вдруг она мне понадобилась.

- Кто-нибудь из присутствующих брал ее?

Все, что бы ни говорил Краб, неизменно звучало как признание.

- Она и за мной записана, Роули,- прошептал он из своего темного угла у двери.- Видите ли, Роули...

Все ждали.

- Судя по записи, до Питера она находилась у меня. Потом я ее вернул. Так записано у Медоуза, Роули.

И снова никто не захотел ему помочь.

- Две недели назад, Роули. Только я ее вовсе не брал. Мне очень жаль. Артур Медоуз набросился на меня как ненормальный. Но все напрасно: у меня ее не было. Там куча всякой грязи о немецких промышленниках. Это не по моей части. Я так и сказал Медоузу. Лучше всего спросить Лео. Он изучает всевозможных деятелей. Это его участок.

Со слабой улыбкой он обвел глазами своих коллег, пока не дошел до окна, у которого стоял пустой стул. Внезапно все взглянули в том направлении - на пустой стул. Не с тревогой, не как на открытие, а просто с любопытством, будто только сейчас заметили, что он пуст. Это был простой сосновый стул, не похожий на другие, с обивкой красноватого оттенка. Он вызывал какое-то отдаленное представление о будуаре. На сиденье лежала маленькая вышитая подушечка.

- Где он? - спросил Брэдфилд резко. Лишь он один не проследил за взглядом Краба.- Где Гартинг?

Никто не ответил. Никто не смотрел на Брэдфилда. Дженни Парджитер, побагровев, разглядывала свои мужские рабочие руки, лежавшие на широких коленях.

- Застрял из-за идиотского паррома, наверно,- ответил де Лилл, слишком поспешно бросаясь на помощь.- Кто знает, что делают эти крестьяне на той стороне реки.

- Пусть кто-нибудь выяснит,- сказал Брэдфилд самым бесстрастным тоном.- Позвоните к нему домой или еще куда-нибудь.

Знаменательно, что никто из присутствующих не принял этого указания на свой счет. Они покинули комнату в необычном беспорядке, не глядя ни на Брэдфилда, ни друг на друга, ни на Дженни Парджитер, чье смущение вызывало у всех чувство неловкости.

Невзирая на всю свою светскость, де Лилл всерьез разозлился. Особенно рассердила его поездка из посольства в министерство. Он ненавидел мотоциклы, ненавидел эскорты, и весьма шумная их комбинация оказалась для него почти невыносимой. Он ненавидел также преднамеренную грубость, независимо от того, кто именно - он сам или кто-нибудь другой - становился ее объектом. А он считал, что налицо была именно преднамеренная грубость. Не успели они въехать во двор министерства внутренних дел, как несколько молодых людей в

кожаных пальто рывком распахнули все дверцы машины, сопровождая свои действия возгласами:

- Герр Зибкрон примет вас немедленно! Просьба идти сейчас же! Да, да, немедленно!

Когда их повели к некрашеному стальному лифту, Брэд-филд резко сказал:

- Я намерен идти так, как мне удобно, попрошу меня не торопить! - И, обращаясь к де Лиллу, добавил: - Я поговорю с Зибкроном. Они похожи на свору обезьян.

Вид верхнего этажа вернул им спокойствие. Это был Бонн, который они знали: блеклый интерьер, соответствующий служебному характеру здания, такие же блеклые служебные репродукции на стенах, мебель из блеклого неполированного тика; белые рубашки, серые галстуки и лица, бледные, как диск луны. Их было семеро. Двое, что сидели по бокам Зибкрона, вовсе не имели фамилий, и де Лилл с некоторым злорадством подумал о том, не клерки ли это, которых пригнали сюда для большего счета. Слева от него сидел Лифф - этакая парадная лошадь из протокольного отдела; напротив, справа от Брэдфилда, - старый полицей-директор из Бонна. Он был почему-то симпатичен де Лиллу - монументальный мужчина с боевыми шрамами и белыми следами заросших пулевых ранений на лице. На подносе лежали сигареты в пачках. Суровая девица внесла декофеинированный кофе, и они молча ждали, пока она покинет комнату.

"Что же все-таки нужно Зибкрону?" - в сотый раз с того момента, как в девять утра раздался его звонок, задал себе вопрос де Лилл.

Совещание началось, как все совещания, с оглашения резюме переговоров на предыдущей встрече. Лифф читал протокол с подобострастно-олическим выражением, будто собирался вручать медали. Всем своим тоном он подчеркивал радостный характер происходящего. Полицей-директор расстегнул свой зеленый мундир и разжигал длинную голландскую сигару, пока она не запыхала, как факел. Зибкрон сердито кашлянул, но старый полицейский не обратил на него внимания.

- Есть возражения по этому протоколу, мистер Брэдфилд?

Зибкрон обычно улыбался, когда задавал этот вопрос, и, хотя улыбка его была холодна, как северный ветер, де Лилл почувствовал, что сегодня хотел бы ее увидеть.

- На слух - никаких, - непринужденно ответил Брэдфилд, - но, прежде чем подписать, я должен прочитать сам.

- Никто вас не просит подписывать.

Де Лилл резко вскинул голову.

- Разрешите мне, - объявил Зибкрон, - зачитать следующее заявление. Копии будут вам розданы.

Заявление было кратким.

Дуайен дипломатического корпуса, читал Зибкрон, уже обсудил с герром Лиффом из протокольного отдела и с американским послом вопросы физической безопасности дипломатических представителей в случае беспорядков, могущих возникнуть в связи с демонстрациями групп меньшинства в Федеративной республике. Зибкрон сожалеет, но придется принять дополнительные меры, поскольку целесообразнее предусмотреть возможные неприятности, чем ликвидировать их последствия, когда будет уже поздно. Зибкрон получил заверения дуайена, что все главы дипломатических представительств готовы в максимальной мере сотрудничать с федеральными властями. Британский посол уже заявил о своей поддержке этих мероприятий. Тон Зибкрона стал необычно

резким, почти злым. Лифф и старый полицейский повернули головы и смотрели на Брэдфилда в упор, взгляды их были откровенно враждебны.

- Я убежден, что вы согласитесь с изложенным,- добавил Зибкрон по-английски, пододвигая к Брэдфилду копию заявления.

Брэдфилд, казалось, ничего не замечал. Вынув ручку из внутреннего кармана пиджака, он отвинтил колпачок, аккуратно надел его на другой конец ручки и стал читать, водя пером вдоль строк.

- Это что, памятная записка?

- Меморандум, Там приложен немецкий текст.

- Не вижу здесь ничего такого, что бы следовало излагать в письменном виде,- небрежно заметил Брэдфилд.- Вы хорошо знаете, Людвиг, что мы всегда приходим к согласию по таким вопросам. Это же в общих интересах.

Зибкрон игнорировал это дружеское обращение:

- Но вы также знаете, что доктор Карфельд не очень расположен к англичанам. Это ставит британское посольство в особое положение.

Улыбка Брэдфилда не померкла.

- Это не ускользнуло от нашего внимания. Но мы рассчитываем на вас и верим, что вы не позволите, чтобы чувства доктора Карфельда нашли выражение в действиях.

Мы абсолютно убеждены в вашей способности предотвратить это.

- Вы совершенно правы. Именно поэтому вы поймете, как я заинтересован в том, чтобы обеспечить безопасность всего персонала британского посольства.

На этот раз в голосе Брэдфилда прозвучала почти явная издевка:

- Что это, Людвиг? Признание в любви?

Дальнейшее произошло очень быстро и выглядело как ультиматум:

- В соответствии с изложенным я должен - впредь до особого распоряжения - просить всех сотрудников британского посольства в ранге ниже советника не покидать пределов Бонна. Вы будьте любезны довести до всеобщего сведения, что ради их же собственной безопасности мы просим ваших сотрудников, начиная с сегодняшнего дня и вплоть до особого распоряжения, не выходить на улицу...- Тут Зибкрон снова уткнулся глазами в лежавшую перед ним папку: - ...после одиннадцати часов вечера по местному времени.

Бледные лица за пеленой табачного дыма воспринимались словно лампы операционной сквозь дурман наркоза. В наступившей сумятице, в атмосфере всеобщего недоумения не дрогнул только голос Брэдфилда, прозвучавший весомо и решительно, точно голос командира, отдающего боевой приказ.

- Одна из первооснов общественного порядка,- заявил он,- которую англичане усвоили на горьком опыте во многих частях света, состоит в том, что неприятные инциденты возникают, по существу, именно в результате излишних предосторожностей.

Зибкрон никак на это не реагировал.

Полностью отдавая должное профессиональной и личной озабоченности Зибкрона, Брэдфилд все же считал своей обязанностью решительно предостеречь его от любого шага, который мог бы быть неверно истолкован внешним миром.

Зибкрон ждал.

Так же как и Зибкрон, не отступал Брэдфилд, он несет ответственность за моральное состояние аппарата посольства и за укрепление духа младшего персонала перед лицом надвигающихся трудностей. В настоящий момент он не может поддержать такое мероприятие, которое выглядело бы как отступление перед лицом противника, еще даже не начавшего наступать... Неужели Зибкрон хочет, чтобы говорили, будто он не в состоянии справиться с кучкой хулиганов?..

Зибкрон встал, за ним встали и остальные. Короткий наклон головы заменил на сей раз непременно рукопожатие. Дверь отворилась, и кожаные пальто быстро повели их к лифту. Вот они уже на мокром дворе. Оглушающе взрвели мотоциклы. "Мерседес" вылетел на дорогу. "Что, черт возьми, мы такого сделали? - размышлял де Лилл.- Что мы сделали, чтобы заслужить все это? Кто-то бросил камень в окно учителя, но кто?"

- Может быть, это как-то связано с тем, что произошло вчера вечером? - наконец спросил он Брэдфилда, когда они подъезжали к посольству.

- Не представляю себе, какая тут может быть связь,- резко ответил Брэдфилд. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, лицо его было сурово и жестко.- Какова бы ни была причина,- добавил он, скорее суммируя собственные мысли, чем делаясь ими с де Лиллом,- Зибкрон - та нить, которую я не имею права порвать.

- Разумеется,- согласился де Лилл, когда они выходили из машины.

За англиканской церковью на лесистом холме вдали от центра Бад-Годесберга, где улица выглядит почти деревенской, посольство создало для себя как бы кусочек пригородного Суррея. Удобные домики, вроде тех, какие любят биржевые маклеры, с каминами и длинными коридорами для слуг, которых теперь ни у кого нет и в помине, прячутся за карликовыми живыми изгородями и зеленой стеной плюща. Воздух чуть дрожит от тихой музыки радиопередач Британских экспедиционных сил. Собаки - несомненно английской породы - бродят в палисадниках, мостовая вдоль тротуаров заставлена автомашинами супруг посольских советников. Каждое воскресенье в течение всего теплого сезона эта улица становится свидетельницей ритуала, более приятного, чем совещания в аппарате советников. За несколько минут до одиннадцати собак закрывают в доме, кошек выгоняют в сад, и примерно с десятка посольских жен в цветных шляпках и с сумочками в тон выходят из десятка дверей, сопровождаемые мужьями в воскресных костюмах.

Вскоре на тротуаре образуется небольшая толпа, кто-то бросает шутку, кто-то смеется, все нетерпеливо посматривают кругом в ожидании опаздывающих, оглядываются на ближайшие дома. Крабы, видимо, проспали. Может быть, им кто-нибудь позвонит? Нет, вот они наконец. Все не спеша начинают спускаться с холма, направляясь к церкви: женщины - впереди, мужчины - за ними, глубоко засунув руки в карманы. У паперти все останавливаются, поощрительно улыбаясь той из присутствующих дам, чей муж выше рангом. Она с легким жестом удивления начинает подниматься по ступенькам и исчезает за зеленой завесой плюща, предоставляя младшим по рангу следовать за собой в любом порядке, который, однако, если бы они обращали внимание на подобные мелочи, оказался бы в полном соответствии с требованиями протокола.

В то воскресное утро Роули Брэдфилд в сопровождении своей красивой жены Хейзел вошел в церковь и сел на обычное место рядом с Тиллами, которые в силу установившегося порядка вещей проследовали впереди них. Брэдфилд теоретически был католиком, но считал своим неперменным долгом посещать службу в посольской часовне: по этому вопросу он отказывался советоваться не только со своей религией, но и со своей совестью. Брэдфилд и его жена были на редкость красивой парой. В Хейзел давала себя знать ирландская кровь: ее медно-рыжие волосы сверкали в лучах солнца, падавших сквозь зарешеченное окно; и Брэдфилд галантно, но с сознанием собственного превосходства относился к ней на людях. Непосредственно позади них сидел заведующий архивом и канцелярией Медоуз рядом со своей белокурой, очень нервной дочкой. Она была недурна собой, но кое-кого - в частности, некоторых посольских жен - удивляло то, что человек таких строгих правил, как ее отец, позволяет ей

употреблять столько косметики.

Усевшись на скамью, Брэдфилд стал искать в молитвеннике отмеченные гимны - некоторые песнопения он пропускал из эстетических соображений,- затем окинул взглядом церковь, чтобы установить, кто отсутствует. Все оказались на месте, и он уже готов был вернуться к своему молитвеннику, когда миссис Ванделунг, супруга голландского советника и в настоящее время - вице-председатель Комитета жен дипломатического корпуса, перегнувшись к нему, громким и несколько истерическим шепотом спросила, почему нет органиста. Брэдфилд взглянул на маленькую освещенную нишу, на пустой стул с вышитой подушечкой на сиденье и в ту же минуту впервые ощутил настороженную тишину, еще усугубленную скрипом двери западного придела, которую Микки Краб - сегодня была его очередь помогать священнику - затворил, не дожидаясь музыкального вступления к службе. Быстро встав, Брэдфилд пошел по проходу. Джон Гонт, охранник аппарата советников, со скрытой тревогой следил за ним из первого ряда хора. Дженни Парджитер, взволнованная, как невеста, смотрела прямо перед собой, не ощущая ничего, кроме религиозного восторга. Возле нее стояла Джейнет Корк, всецело занятая мыслями о будущем ребенке. Ее муж находился в посольстве - он дежурил в шифровальной.

- Где же, черт побери, Гартинг? - спросил Брэдфилд, но, взглянув на Краба, понял, что вопрос задан впустую, и вышел на улицу. Сделав несколько шагов по скользкой дорожке, которая вела к вершине холма, он открыл маленькую железную дверь, ведущую в ризницу, и вошел без стука,

- Гартинг не явился,- сухо сказал он,- кто еще может играть на органе?

- Он еще ни разу не пропускал службы. Ни разу,- ответил капеллан. Кроме него, кто-нибудь умеет играть на органе?

- Может быть, паром не ходит? Я слышал, что вокруг беспорядки.

- Он мог пойти кружным путем - через мост. Не раз так и делал. Что же, никто не может его заменить?

- Лично я никого не знаю,- сказал священник, перебирая кайму своего золототканого ораря и думая о другом.- Просто никогда не возникало необходимости вы

яснять это, право...

- Что же вы собираетесь предпринять?

- Может быть, кто-нибудь начнет мелодию голосом.

Может быть, это выход. У Джонни Гонта прекрасный тенор, он ведь валлиец.

- Очень хорошо, все будут подпевать хору. Будьте добры, сразу же предупредите хор.

- Беда в том, что они не знают гимнов, мистер Врэдфилд,- сказал священник.- В пятницу на репетиции хора Гартинга тоже не было. Он просто не пришел. Мы вынуждены были отменить репетицию, видите, как получилось.

Выйдя на воздух, Брэдфилд обнаружил Медоуза, который, незаметно покинув свое место рядом с дочерью, последовал за ним.

- Он исчез,- сказал Медоуз с каким-то даже противоестественным спокойствием.- Я проверял всюду: в списке больных, у врача. Я был возле его дома. Машина в гараже,

бутылки с молоком - у двери. Никто его не видел и не слышал о нем с пятницы. Он не заходил в Автоклуб. У нас собрались гости в день рождения дочери, но он и к нам не

пришел. Он предупреждал, что будет занят, но собирался все-таки заглянуть. Он обещал подарить ей фен для сушки волос. Все это на него не похоже, мистер Брэдфилд, совсем

не похоже.

На какое-то мгновение - всего лишь на мгновение - самообладание, казалось, покинуло Брэдфилда. Он яростно посмотрел на Медоуза, потом на церковь, будто выбирая, с кем разделаться в первую очередь; у него был такой вид, словно он сейчас бросится вниз по дорожке, распахнет двери церкви и криком оповестит о случившемся тех, кто терпеливо ждал внутри.

- Едемте со мной.

Едва они въехали в ворота посольства, еще прежде, чем полицейские успели проверить их пропуска, им стало ясно, что творится что-то неладное. На лужайке перед зданием стояло два военных мотоцикла. Корк, шифровальщик, дежурный по зданию, ждал на ступеньках, все еще держа в руках "Руководство для индивидуального помещения капитала". За зданием столовой стоял немецкий полицейский фургон зеленого цвета - на крыше его вспыхивал синий огонь, изнутри долетало кваканье радио.

- Слава богу, вы приехали, сэр,- сказал начальник охраны Макмаллен.- Я послал дежурную машину, она, вероятно, разминулась с вами.

По всему зданию трещали звонки.

- Звонили из Ганновера, сэр, из генерального консульства: к несчастью, было очень плохо слышно. Там на их сборище начались страшные беспорядки, все будто с цепи сорвалось, сэр. Они штурмуют библиотеку и собираются идти к зданию консульства. Прямо не поймешь, что творится на свете, сэр. Тут даже хуже, чем на Гросвенор-сквер. По телефону было слышно, как они вопят, сэр.

Медоуз вслед за Брэдфилдом быстро прошел наверх.

- Вы сказали - фен для сушки волос? Он собирался подарить вашей дочери фен?

Минута нарочитой алогичности, быть может, нарочитое замедление хода событий, нервный жест перед вступлением в бой - так Медоуз истолковал это для себя.

- Он его специально заказал для нее.

- А, неважно,- сказал Брэдфилд и шагнул было к шифровальной, но Медоуз снова обратился к нему.

- Пропала папка,- прошептал он,- зеленая папка с особо секретными протоколами. Ее с пятницы нет на месте.

<h2>3. АЛАН ТЕРНЕР</h2>

В о с к р е с е н ь е в Л о н д о н е

Это был день, почти свободный от обязанностей, день, когда, оставаясь в Лондоне, можно подумать, будто ты в сельской глуши. В Сент-Джеймском парке ранее в этом году лето вступало в третью неделю своего существования. Вокруг озера в необычном для мая зное воскресного полудня лежали в траве девушки, похожие на срезанные цветы. Служитель парка разжег какой-то невиданный костер, и воздух был полон запаха горячей травы и отдаленного шума уличного движения. Только пеликанам, деловито ковылявшим вокруг своего павильона на островке, было не лень двигаться. Только Алану Тернеру, тяжело ступавшему грубыми башмаками по хрустящему гравию, нужно было куда-то идти, сейчас даже девушки не могли его отвлечь.

Башмаки были из твердой сыромятной кожи со следами многочисленных починок.

Тернер - крупный светловолосый мужчина с походкой враскачку,

простоватым бледным лицом, квадратными плечами и крепкими пальцами альпиниста, в довольно грязном костюме из тропической ткани и с не менее грязной парусиновой сумкой в руке,- не спеша, с какой-то размеренной, но неуклонной неотвратимостью раздвигая воздух, как баржа воду, шел широким, напористым, намеренно тяжелым шагом полицейского. Возраст его определить было трудно. Студенты-выпускники сочли бы его старым, однако старым только для студента. На молодых производили впечатление его годы, на старых - его молодость. Сослуживцы давно перестали гадать, сколько ему лет. Было известно, что он пришел в управление уже немолодым, никогда не считался ценным приобретением, был в свое время стипендиатом колледжа Святого Антония в Оксфорде, куда принимают всех без разбора. Официальные справочники английского министерства иностранных дел проявляли в отношении него большую сдержанность. Безжалостно извлекая на свет божий родословные всех прочих Тернеров, они хранили молчание об Алане, словно, взвесив все факты, пришли к выводу, что в данном случае это самый милосердный выход из положения.

- Вас, значит, тоже вызвали,- заметил Лэмберт, нагоняя его.- Ну, уж на этот раз, скажем прямо, Карфельд сорвался с цепи.

- А мы-то зачем им понадобились? Сражаться на баррикадах? Вязать теплые одеяла для раненых?

Лэмберт, маленький, подвижный человек, любил, когда говорили, что он ни с кем не гнушается общаться. Он занимал высокий пост в Западном управлении и возглавлял команду игроков в крикет, куда допускались желающие независимо от ранга.

Они начали подниматься по ступеням к памятнику Клайву.

- Их не переделаешь - вот моя точка зрения,- сказал Лэмберт.- Нация психопатов. Все время им кажется, что кто-то ущемляет их права. Версаль, окружение, нож в спину - мания преследования, в этом их несчастье.

Он дал Тернеру время выразить согласие.

- Мы возем туда все управление, даже девушек.

- Бог мой, вот уж теперь они испугаются. Вводим, значит, в действие резервы.

- Все это, знаете ли, может сказаться в Брюсселе. Получим щелчок по носу. Если германское правительство опростоволосится у себя дома, все мы окажемся в препоганом положении.- Эта перспектива, видимо, была ему очень приятна.- И тогда придется искать другое решение.

- На мой взгляд, такого решения нет.

- Министр иностранных дел беседовал с их послом. Мне говорили, что они согласны компенсировать весь ущерб.

Тогда и беспокоиться не о чем, верно? Можно продолжать наш уик-энд. Залезть обратно под одеяло.

Они поднялись на верхнюю ступеньку. Покоритель Индии, небрежно поставив одну ногу на плиту из поверженной к его стопам бронзы, удовлетворенно взирал мимо них на лужайки парка.

- Смотрите-ка, дверь открыта,- в голосе Лэмберта прозвучало почтительное восхищение.- Работают, как в будний день. Да, этому действительно придают значение.-

Не дождавшись такого же энтузиазма от Алана, он сказал: - Что ж, займитесь своими делами, а я займусь своими. И имейте в виду,- добавил он рассудительно,- все это может принести нам большую пользу, объединить всю Европу вокруг нас против нацистской опасности. Ничто так не скрепляет политические союзы, как грохот солдатских сапог.

И с прощальным кивком, исполненным благожелательности, которую ничто не

в силах поколебать, он исчез в величественной темноте главного подъезда. Тернер постоял с минуту, глядя ему вслед, соразмеряя его тщедушную фигуру с тосканскими колоннами пышного портика, и в выражении его лица появилось даже что-то печальное, как если бы ему очень хотелось быть Лэмбертом - маленьким, аккуратным, преданным делу, не знающим тревог. Наконец, встряхнувшись, он пошел дальше, к менее внушительной двери в боковом крыле здания. Это была непрезентабельная, наполовину стеклянная дверь, забитая изнутри бурым картоном, с табличкой, запрещающей вход посторонним. Даже ему оказалось не так-то просто войти.

- Мистер Ламли интересовался вами,- сказал дежурный у входа,- Конечно, если у вас найдется для него минутка.

Дежурный был молод, женоподобен и предпочитал другое крыло здания.

- Он спрашивал очень настойчиво, по правде говоря. Сложили вещички, едете в Германию?

Все это время, не переставая, орал его транзистор. Кто-то вел прямой репортаж из Ганновера на фоне рева толпы, напоминавшего грохот морского прибоя.

- Судя по этим звукам, вас там ожидает хорошенький прием. Они уже покончили с библиотекой и теперь добираются до консульства.

- Они покончили с библиотекой еще днем. Передавали в последних известиях в час. Полиция оцепила консульство. Тройной кордон. Черт побери, их и близко не подпустят к зданию.

- С той поры положение ухудшилось! - крикнул дежурный ему вслед.- Они жгут книги на рыночной площади. Погодите, вы еще увидите.

- Обязательно увижу. Именно за этим я и еду, черт побери.- Голос у него был негромкий, но разносился далеко - голос йоркширца, беспородного, как дворняжка.

- Вам заказан билет в Германию. Спросите в транспортном отделе. Поезд, второй класс. А мистер Шоун ездит первым.

Распахнув дверь в свою комнату, он увидел Шоуна, развалившегося в кресле за его письменным столом; гвардейский мундир Шоуна висел на спинке стула Алана. Восемь пуговиц сияли в лучах солнца - тех, что, оказавшись посмелее, пробивались сквозь цветное стекло. Шоун говорил по телефону.

- Пусть сложат все в одно помещение,- говорил он тем примирительно-успокаивающим тоном, который способен довести до истерики самых уравновешенных людей. Он, очевидно, повторял это уже несколько раз - твердил одно и то же, стараясь растолковать непонятливым.- Надо же учитывать зажигательные бомбы и прочее. Это во-первых. Во-вторых, все вольнонаемные из числа местных жителей должны отправиться по домам и сидеть тихо: мы не в состоянии возмещать ущерб немецким гражданам, которые могут пострадать из-за нас. Сначала передайте им все это, потом снова позвоните мне... О господи! - завопил он, повесив трубку.- Вы когда-нибудь пробовали иметь дело с этим человеком? - С кем это?

- С этим лысым болваном из аварийного отдела. С тем, что заведует всякими там болтами и гайками.

- Его фамилия Кросс.- Алан швырнул свою сумку в угол.- И он вовсе не болван.

- Он - псих,- пробормотал Шоун, сразу сбавляя тон.- Ей-богу, он псих.

- Если так, молчите об этом, иначе его назначат в управление безопасности.

- Вас ищет Ламли.

- Я не поеду,- сказал Тернер.- К черту! Я не намерен зря тратить время.

Ганновер - пункт категории "Д". У них там ничего нет - ни кодов, ни шифровальной. Что я там должен делать, черт подери? Спасать сокровища короны?

- Зачем тогда вы захватили с собой свою сумку? Алан взял со стола пачку телеграмм.

- Они знали об этом митинге несколько месяцев назад. Знали все, начиная с Западного управления и кончая нами. Аппарат советников сообщил о нем еще в марте. Мы видели телеграмму. Почему они не эвакуировали сотрудников? Почему не отправили на родину детей? Наверно, нет денег. Или не достали билетов третьего класса. А ну их к чертям собачьим!

- Ламли сказал, чтобы вы пришли немедленно.

- И Ламли к черту! - ответил Тернер и сел за стол.- Не пойду, пока не прочитаю телеграммы.

- Это же сознательная политика - никого не вывозить на родину,- продолжал Шоун, развивая мысль Тернера, Шоун считал себя только прикомандированным к управлению безопасности, а вовсе не постоянным сотрудником, он рассматривал свое пребывание здесь как отдых между назначениями и никогда не упускал случая продемонстрировать свое близкое знакомство с миром большой политики.- Мы работаем, как обычно,- такова вывеска. Мы не можем допустить, чтобы нашей работе мешали какие-то сборища и беспорядки. В конце концов, Карфельдовское движение - не такая уж большая сила. Британский лев,- добавил он, делая слабую попытку пошутить,- не может быть выведен из равновесия булавочными уколами какой-то кучки хулиганов.

- О нет, не может, не может, куда им!

Тернер отложил одну телеграмму и стал читать следующую. Он читал быстро и легко, с уверенностью, какую дает опыт, раскладывая прочитанное по кучкам в соответствии с каким-то ему одному известным принципом.

- Что же все-таки происходит? Что они там могут потерять, кроме лица? - спросил он, продолжая читать.- Какого дьявола вызывают нас? Проблема компенсации - забота Западного управления, так? Эвакуация - дело аварийного отдела, правильно? Если их волнует сохранность зданий, пусть обращаются в министерство общественных работ. Так какого же черта они не хотят оставить нас в покое?

- Потому что это - в Германии,- несмело предположил Шоун.

- А, подите вы...

- Сожалею, если это нарушило ваши личные планы,- сказал Шоун с язвительной улыбкой, ибо подозревал, что в отношениях с женщинами Тернер гораздо удачливее его.

Первая осмысленная телеграмма была от Брэдфилда. Молния - отправлена в одиннадцать тридцать, передана дежурному в четырнадцать двадцать восемь. Генеральный консул в Ганновере Скардон собрал всех сотрудников с семьями в помещении консульства и уже неоднократно делал представления полиции. Вторая телеграмма, отправленная в одиннадцать пятьдесят три, содержала экстренное сообщение агентства Рейтер: демонстранты ворвались в Британскую библиотеку; полиция оказалась бессильна. Судьба библиотекаряши фрейлейн Эйк (Sic!) неизвестна.

Тотчас вслед за этим прибыла срочная телеграмма из Бонна: "Норддойчер рундфунк" сообщает, что Эйк - повторяем: Эйк-убита демонстрантами. Но это в свою очередь было немедленно опровергнуто, поскольку Брэдфилд благодаря любезному посредничеству герра Зибкрона из министерства внутренних дел ("с которым у меня хорошо налаженные отношения") сумел к тому времени установить непосредственную связь с ганноверской полицией. Согласно полученным от нее

последним сведениям, толпа выбросила библиотечные книги на улицу, где они были сожжены при большом скоплении народа. В толпе появились печатные транспаранты с антианглийскими лозунгами: "Крестьяне не станут оплачивать расходы вашей империи" и "Добывайте свой хлеб сами, не воруйте наш!". Фрейлейн Герду Эйк (Sic!), пятидесяти одного года, проживающую в доме четыре по Гогенцоллернвег, протасили по двум маршам каменной лестницы, пинали ногами, били по лицу, а потом заставили бросать в огонь библиотечные книги. Из соседних городов вызваны конные полицейские отряды с брандспойтами и специальным оборудованием для разгона толпы.

На полях была пометка Шоуна с краткими данными о несчастной фрейлейн Эйк, полученными из справочного отдела. Бывшая школьная учительница, она одно время работала в аппарате Британских оккупационных властей; затем была секретарем Ганноверского отделения Англогерманского общества; в 1962 году награждена английским орденом за заслуги в области укрепления международного взаимопонимания.

- Еще одна наша сторонница выведена из строя,- пробормотал Гернер.

Он взял длинный, видимо составленный наспех, обзор радиопередач и бюллетеней. И тоже внимательно принялся его изучать. Создавалось впечатление, что никто - во всяком случае никто из находившихся на месте - не мог объяснить, что послужило непосредственной причиной беспорядков и прежде всего что привлекло толпу к библиотеке. Хотя демонстрации стали уже обычным явлением в Германии, беспорядки такого масштаба выходили за пределы нормы - федеральные власти сами признались, что они "серьезно озабочены". Герр Людвиг Зибкрон из министерства внутренних дел, нарушив свое обычное молчание, заявил на пресс-конференции, что есть основания для "весьма серьезного беспокойства". Было срочно принято решение обеспечить усиленную охрану всех официальных и полуофициальных зданий и жилых домов, занимаемых англичанами на территории Федеративной республики. Британский посол после некоторого колебания согласился ввести для своего персонала добровольный комендантский час.

Сообщения о событиях, исходившие от полиции, прессы и даже самих работников посольства, безнадежно противоречили одно другому. Одни утверждали, что беспорядки возникли стихийно, как коллективный акт протеста против слова "Британская" на здании библиотеки. Естественно, говорили сторонники этой теории, чем ближе решающий день в Брюсселе, тем больше политика противодействия Общему рынку, провозглашенная Карфельдовским движением, должна приобретать антианглийскую окраску. Другие клятвенно заверяли, что видели, как кем-то был подан знак - в окне появился белый платок. А один очевидец даже показал, что над ратушей взлетела ракета, рассыпавшаяся золотыми и красными звездами. По мнению одних, толпа двигалась куда-то с определенной целью; другие говорили, что она просто "текла"; у третьих создалось впечатление, что она внезапно заколебалась.

"Демонстрантами руководили из гущи толпы,- сообщал один старший офицер полиции.- По краям толпа была неподвижна, а в центре началось движение".

"Те, кто стоял в центре,- передавало западногерманское радио,- сохраняли спокойствие. Беспорядки были спровоцированы несколькими хулиганами в передних рядах. Остальные стихийно последовали за ними". Все сообщения сходились только в одном: беспорядки начались в тот момент, когда музыка заиграла особенно громко. Одна женщина даже высказала предположение, что сама музыка и послужила сигналом, который привел в движение толпу.

С другой стороны, корреспондент "Шпигеля", выступавший по радио на севере страны с подробными комментариями, рассказал о том, как на сером

автобусе, заказанном неким таинственным герром Мейером из Люнебурга, в центр Ганновера за час до начала демонстрации была доставлена "охрана из тридцати отборных молодчиков", и эта охрана, состоявшая из студентов и молодых крестьян, образовала "защитное кольцо" вокруг трибуны. Именно эти "отборные молодчики" и начали беспорядки. Словом, получалось, что вся эта операция была подстроена самим Карфельдом. "Это открытая декларация того,- утверждал корреспондент,- что впредь Движение намерено шагать под собственную музыку".

- Эта Эйк,- спросил Тернер,- какие о ней последние сведения?

- Она чувствует себя соответственно своему состоянию.

- А в каком она состоянии?

- Больше ничего не сообщают.

- Понятно!

- К счастью, Англия не несет никакой ответственности ни за Эйк, ни за библиотеку. Библиотека была организована в период оккупации, но очень скоро ее передали в ведение немцев. Теперь она принадлежит местным властям, и они там распоряжаются. К нам она уже не имеет никакого отношения.

- Выходит, они жгли собственные книги? Шоун растерянно улыбнулся.

- Да, выходит,- согласился он.- Если вдуматься, так оно и есть. Это важное соображение; можно было бы, пожалуй, подсказать его отделу прессы.

Зазвонил телефон, Шоун снял трубку.

- Это Ламли,- сказал он, прикрывая микрофон рукой,- дежурный сказал ему, что вы уже здесь.

Но Тернер, казалось, не слышал его. Он читал очередную телеграмму - очень краткую, всего в два абзаца, не больше. Она была адресована "Ламли лично" и помечена "вручить немедленно". Для Тернера отложили второй экземпляр.

- Он хочет говорить с вами, Алан,- Шоун протягивал ему трубку.

Тернер прочел телеграмму до конца и тут же снова перечитал ее. Потом поднялся, подошел к стальному сейфу, вытащил небольшую черную записную книжку, совсем новую, и сунул ее куда-то в глубины своего тропического костюма.

- Слушайте, вы, придурок, когда вы научитесь читать телеграммы? - спросил он негромко, уже стоя в дверях.- Вы все время трепались насчет брандспойтов, а ведь оказалось, что речь идет о перебежчике.

Он протянул Шоуну листок розовой бумаги.

- Заранее запланированный побег, вот как они это называют. Пропало сорок три папки, притом ни одна не имеет грифа ниже "секретно". Одной зеленой, помеченной "совершенно секретно" и "выдается по списку", нет на месте с пятницы. Да уж, ничего не скажешь, заранее запланированный побег.

И, оставив Шоуна наедине с телефонной трубкой, которую тот все еще держал в руке, он тяжело зашагал по коридору по направлению к кабинету начальника. Глаза его были сейчас как у пловца, очень светлые, будто обесцвеченные морской водой.

Шоун, точно замороженный, смотрел ему вслед. Вот что происходит, подумал он, когда впускаешь в дом другие сословия. Они бросают своих жен и детей, изрыгают ругательства в общественных местах и плюют на общепризнанные нормы поведения. Со вздохом он положил трубку, снова снял ее и набрал номер управления информации. Говорит Шоун, сказал он, Ш-о-у-н. У него появилась, кажется, неплохая мысль насчет этих беспорядков в Ганновере, насчет того, как их можно обыграть на пресс-конференции: какое нам, мол, дело, если немцы решили жечь собственные книги... Он полагает, что это может произвести хорошее впечатление как образец хладнокровного английского юмора. Да, Шоун,

Ш-о-у-н. Не стоит благодарности. Может, как-нибудь выберем время и пообедаем вместе.

Перед Ламли лежала открытая папка, его старая рука покоилась на ней, похожая на клешню.

- Мы ничего о нем не знаем. Его даже нет в картотеке. С точки зрения нашего отдела он вообще не существует. Проверки он не проходил, не говоря уже об оформлении на допуск. Мне пришлось выпросить его личное дело у кадровиков.

- И что же?

- Есть какой-то душок, не более. Иностраный душок. Беженец - эмигрировал в тридцатые годы. Сельскохозяйственная школа, строительный батальон, служба обезвреживания бомб. Добрался до Германии в сорок пятом. Какое-то время был сержантом, потом сотрудником Контрольной комиссии - политический авантюрист, судя по всему. Профессиональный эмигрант. В те дни в оккупированной Германии можно было встретить такого почти в каждой солдатской столовой. Некоторые остались в армии, другие расплылись по консульствам. Очень многие осели в Германии на секретной работе или приняли немецкое гражданство. Кое-кто свихнулся. У большинства не было нормального детства, в этом вся беда. Извините,- Ламли смущенно замялся.

- А как насчет родственников?

- Ничего сверхобычного. Мы проверили ближайшую родню. Дядя - Отто Гартинг - жил в Хэмпстеде. Это его приемный отец. Никаких других родственников нет. У дяди - фармацевтическое дело. Насколько можно понять, больше алхимик, чем фармацевт. Патентованные средства или что-то в этом роде. Сейчас он уже мертв. Умер десять лет тому назад. С сорок первого по сорок пятый состоял членом хэмпстедской организации Коммунистической партии Великобритании.

- К чему он имел доступ?

- Неясно. Должность его обозначена "Претензии и консульские функции" - не знаю, что бы это могло означать. Он - в дипломатическом ранге. Второй секретарь. На основе специального соглашения - ни продвижения по службе, ни назначений, ни пенсии. Аппарат советников выделил для него место. Словом, он - не настоящий дипломат.

- Вот счастливчик.

Ламли оставил это замечание без ответа.

- Ассигнования на представительские расходы,- Ламли заглянул в дело,- сто четыре фунта в год; может пригласить пятьдесят человек на коктейль и тридцать четыре - на обед. Выдаются под отчет. Жалкая сумма. Зачислен в аппарат на месте. Разумеется, временно. В этом статусе находится уже двадцать лет.

Таким образом, у меня в запасе еще шестнадцать. - В пятьдесят шестом подал прошение разрешить ему вступить в брак с девицей Айкман, Маргарет Айкман. Он встретился с ней в армии. Судя по всему, ни разу не настаивал на своей просьбе. Был ли впоследствии женат - неизвестно.

- А что в пропавших делах? Ламли заколебался.

- Так, разные разности,- сказал он небрежно.- Разные бумаги общего характера. Брэдфилд как раз сейчас пытается составить список.

В коридоре у дежурного снова заорало радио. Тернер уловил тон собеседника и продолжал в том же духе:

- Какие же это разные разности?

- Политика. Совершенно не в вашей сфере.

- Другими словами, мне не следует знать?

- Вам незачем знать.- Он и это сказал небрежно: мир, к которому привык Ламли, умирал, и он не хотел, чтобы кто-то пострадал от этого.- Этот тип выбрал очень подходящий момент, должен сказать,- добавил он,- учитывая все эти события. По всей вероятности, схватил то, что было под рукой, и удрал.

- Взыскания?

- Ничего особенного. Ввязался в драку в КJльне пять лет назад. В ночном ресторане. Там сумели это дело замять.

- И его не выгнали?

Мы любим давать возможность исправиться,- сказал Ламли, все еще внимательно изучая бумаги, но не без подтекста.

Ламли был человек лет шестидесяти или немного старше, с резким голосом, весь какой-то серый - серое лицо, серая одежда,- серый, как филин, старик, сгорбленный и высохший. Очень давно он был послем в какой-то маленькой стране, но продержался там недолго.

- Вы должны ежедневно телеграфировать мне. Брэдфилд все это устроит. Но не звоните по телефону, понятно? Прямая связь опасна.- Он закрыл папку.- Брэдфилд согласовал все с послем. Они дадут вам возможность работать при одном условии.

- Очень мило с их стороны.

- Немцы ничего не должны знать. Ни в коем случае. Они не должны знать, что он сбежал, не должны знать, что мы его ищем, не должны знать, что произошла утечка информации.

- А что, если он разгласил секретные материалы НАТО? Это их касается не меньше, чем нас.

- Решения такого рода - не ваше дело. Вам приказано действовать осторожно. Не поступайте опрометчиво, ясно?

Тернер ничего не ответил.

- Вы не должны ничего нарушать, не должны никого раздражать или обижать. Они там ходят по острию ножа. Любой неверный шаг может нарушить равновесие - сегодня, завтра, каждую минуту. Есть даже опасность, что гунны вообразят, будто мы ведем против них двойную игру с русскими. Если эта идея получит распространение, там может выйти целая чехарда.

- Выходит, нам трудно дается даже та игра, которую мы ведем один на один с гуннами,- заметил Тернер, пользуясь языком Ламли.

- Посольские одержимы одной идеей. Их волнует не Гартинг, не Карфельд и уж меньше всего вы. Их волнует Брюссель. Помните об этом. Очень вам советую, помните, не то можете получить под зад коленом.

- Почему бы вам не послать Шоуна? Он тактичный. Очарует их там всех до единого.

Ламли пододвинул к нему через стол документ со сведениями о Гартинге.

- Потому что вы его найдете, а Шоун не найдет. Не думайте только, что это приводит меня в восторг. Вы способны повалить дубовую рощу, чтобы отыскать желудь. Что движет вами? Что вы ищете? Какую-то небывалую абсолютную истину! Если я кого и ненавижу, так это циников, стремящихся обрести бога. Может быть, вам полезно разок потерпеть неудачу.

- У меня их было сколько угодно.

- Жена вам не писала?

- Нет.

- Вы могли бы простить ее, знаете. Такое ведь уже случалось и раньше.

- Вы слишком много себе позволяете, черт подери,- еле сдерживаясь, ответил Тернер.- Что вы знаете о моем браке?

- Ничего не знаю. Именно поэтому я вправе давать советы. Я просто хочу,

чтобы вы перестали карать всех нас за то, что мы не во всем совершенны.

- Еще что-нибудь?

Ламли изучал его, как старый судья, у которого впереди уже не очень много дел.

- Боже мой, как легко вызвать ваше презрение,- сказал он наконец.- Вы пугаете меня, скажу вам это совершенно бесплатно. Вы должны как можно скорее научиться любить людей, или будет слишком поздно. Мы еще по надобимся вам в жизни, знаете ли. При всей нашей второсортности.- Он сунул папку в руки Тернеру.- Ну, поезжайте. Отыщите его. Но только помните, что вы на сворке. На вашем месте я бы уехал ночным поездом. Добрались бы туда к обеду.- Его желтые глаза под набрякшими веками на секунду глянули в окно, на залитый солнцем парк.- Бонн - препротивное туманное место.

- Я бы лучше полетел самолетом, если можно. Ламли медленно покачал головой.

- Не терпится? Руки чешутся схватить его? Господи, хотел бы я обладать вашим энтузиазмом.

- Вы обладали им когда-то.

- И потом, купите себе костюм, купите что-нибудь попримечнее.

Постарайтесь все-таки выглядеть, как один из нас.

Хоть я и не один из вас, верно?

- Ну ладно,- сказал Ламли, теряя терпение.- Носите матерчатую кепку. Господи,- добавил он,- мне казалось, что теперь ваше сословие страдает уже, наоборот, от чрез мерного признания.

- Кое-чего вы мне не сказали. Что им нужнее - папки или этот человек?

- Спросите Брэдфилда,- ответил Ламли, избегая его взгляда.

Тернер пошел в свою комнату и набрал номер телефона жены. Ответила ее сестра.

- Ее нет дома,- сказала она.

Ты хочешь сказать, что они еще в постели?

- Что тебе нужно?

- Скажи ей, что я уезжаю за границу.

Когда он повесил трубку, его снова отвлек грохот радио. Дежурный включил его на полную мощность и настроил на волну европейских передач. Какая-то дама с изысканным произношением читала обзор последних новостей. Следующий митинг Карфельдовского движения состоится в Бонне, сообщила она, в пятницу, через пять дней.

Тернер усмехнулся. Совсем как приглашение на чашку чая. Он подхватил свою сумку и направился в Фулхем, в район мебелированных комнат, где живут женатые мужчины, не ночующие дома из-за размолвки с женой.

<h2>4. В ТЕ ДЕКАБРИ ВОЗОБНОВЛЯЛСЯ ДОГОВОР</h2>

П о н е д е л ь н и к . У т р о

Де Лилл встретил его на аэродроме. Спортивная машина де Лилла, немного не соответствующая его возрасту, с грохотом и дребезжанием неслась по мокрому булыжнику деревенских мостовых. Хотя автомобиль был совсем новый, краска на кузове уже потеряла свой блеск от клейкого сока каштанов, росших вдоль улиц Годесберга. Было девять часов утра, но фонари еще горели. По обеим сторонам шоссе в обрывках тумана, точно старые корабли, выброшенные на сушу приливом, на плоской равнине лежали хутора и островки новых зданий.

Капли дождя стучали в узкое ветровое стекло.

- Мы заказали вам номер в отеле "Адлер". Думаю, там будет удобно. Мы не знали, сколько вам разрешается тратить на гостиницу.

- Что написано на этих транспарантах?

- А-а, мы уже перестали их замечать. Объединение... Союз с Москвой...

Против Америки... Против Англии...

- Приятно, что мы все еще в составе Большой тройки.

- Боюсь, что Бонн встречает вас типично боннской погодой. Иногда туман бывает несколько холоднее,- весело продолжал де Лилл,- тогда мы считаем, что настала зима. Иногда - чуточку теплее, и тогда это - лето. Знаете, что говорят про Бонн: здесь либо идет дождь, либо перекрыты мосты. На самом деле обычно происходит и то и другое одновременно. Остров, отрезанный от мира туманом, вот что мы такое. Это очень мистический уголок: фантазии здесь напрочь вытеснили действительность. Мы живем где-то между ближайшим будущим и не столь отдаленным прошлым. У большинства из нас такое чувство, точно мы провели здесь всю жизнь. Даже Карфельд не трогает нас. Не в личном плане, конечно, вы меня понимаете.

- И вас тут всегда сопровождают?

Черный "опель" держался ярдах в тридцати позади них. Он не отставал и не набирал скорости. Впереди сидели двое бледных мужчин; машина шла с включенными фарами.

- Они охраняют нас. Такова официальная точка зрения. Вы, может быть, слышали о нашем совещании у Зибкрона? - Они свернули направо, "опель" последовал за ни ми.- Посол буквально в ярости. А теперь они, конечно, могут говорить, что все это оправдано Ганновером: ни один англичанин якобы не может чувствовать себя в безопасности без охраны. Мы сами так вовсе не считаем. Однако после пятницы есть надежда избавиться от них. Как дела в Лондоне? Говорят, Сид-Эспри назначен в Лиму.

- Да. Мы все в восторге.

Появился желтый дорожный знак: до Бонна - шесть километров.

- Если не возражаете, мы объедем город по кольцевой дороге. Когда въезжаешь или выезжаешь, обычно возникают задержки из-за проверки пропусков и всяких формальностей.

- Я понял из ваших слов, что Карфельд не причиняет вам беспокойства.

- Мы все так говорим. Это один из обрядов здешней религии. Нас учат считать Карфельда чем-то вроде крапивницы, но вовсе не эпидемией. Вам придется к этому привыкнуть. Между прочим, у меня к вам поручение от Брэдфилда. Он просил передать, что, к сожалению, не имел возможности встретиться с вами сам, ему сейчас приходится нелегко.

- Больше он ничего не просил передать?

- Очень важно сразу установить, кто что знает. Брэдфилд полагает, что в этом вопросе у вас должна быть ясность. Крыша - так бы вы это назвали?

- Возможно.

- Об исчезновении нашего друга известно в общих чертах,- продолжал де Лилл тоном светской беседы.- Скрыть это было невозможно. К счастью, подвернулся Ганновер. И у нас возникла возможность кое-что подштопать на скорую руку. Официально Роули предоставил ему отпуск по семейным обстоятельствам. Никаких подробностей - только намек на какие-то личные неполадки, и все. Младший персонал может думать что угодно: нервный срыв, семейные неприятности, пусть сочиняют какие угодно слухи. Брэдфилд упомянул об этом на сегодняшнем совещании, мы все, конечно, поддерживаем эту версию. Что же до ваших функций...

- Да?

- Общая проверка соблюдения правил безопасности в нынешних чрезвычайных обстоятельствах. Как вам нравится такая версия? Нам она представляется убедительной.

- Вы его знали?

- Гартинга?

Ну да. Вы его знали?

- Мне кажется,- сказал де Лилл, останавливаясь у светофора,- что право надкусить пирог лучше предоставить Брэдфилду. Вы согласны? Ну, а какие новости о наших душах - лордах Йоркских?

- А кто они такие, черт бы их побрал?

- Ах, извините,- сказал де Лилл, искренне смутившись.- Мы здесь так называем кабинет министров. Прости те, как это глупо с моей стороны!

Они подъезжали к посольству. Когда они перестроились в левый ряд, чтобы пересечь осевую, черный "опель" медленно проскользнул мимо, как старая нянька, которая благополучно перевела своих питомцев через дорогу.

В холле посольства было тесно и шумно. Фельдъегери проталкивались сквозь толпу журналистов и полицейских. Железная решетка, выкрашенная в приметный оранжевый цвет, преграждала ход в подвал. Де Лилл быстро провел Тернера на первый этаж. Очевидно, кто-то уже позвонил с контрольного поста наверх, потому что Брэдфилд встретил их стоя.

- Роули, это Тернер,- представил его де Лилл таким тоном, словно хотел сказать, что он здесь ни при чем, и деликатно прикрыл за собой дверь.

Брэдфилд был хорошо сохранившийся мужчина, худощавый, узкокостный, спортивного сложения, и принадлежал к тому поколению, которое умеет обходиться очень малым количеством сна и целиком отдает себя делу. Однако напряжение последних дней проложило синие тени в уголках его век и окрасило кожу нездоровой бледностью. Он молча разглядывал Тернера: его парусиновую сумку, зажатую в тяжелом кулаке, выдавший виды коричневый костюм, упрямое лицо без определенной классовой принадлежности. С минуту казалось, что Брэдфилда захлестнула волна неосознанного гнева, грозившая смыть его обычное спокойствие; казалось, что его эстетическое чувство сейчас восстанет против этого вопиюще неуместного пришельца, навязанного ему в такое трудное время. Из коридора до Тернера доносился приглушенный гул голосов, шум шагов, быстрый перестук пишущих машинок, пульсация машин в шифровальной.

- Спасибо, что приехали в такое неудобное время. Позвольте мне взять это.- Он взял у Тернера сумку и положил за стулом.

- Ух, и жарко здесь у вас,- сказал Тернер. Подойдя к окну, он оперся локтями о подоконник и выглянул наружу. Справа вдали на горизонте, очерченные меловой каймой облаков, поднимались семь зубцов КJнигсвинтера, похожие на готические призраки на фоне бесцветного неба. У подножия их тускло поблескивала вода и виднелись силуэты неподвижных судов.

- Он жил вон там, верно? У КJнигсвинтера?

- Мы снимаем несколько помещений на том берегу. Они никогда не пользуются спросом. Паром - большое не удобство... Насколько я знаю, у вас существуют определенные методы в подобных случаях,- продолжал Брэдфилд, обращаясь к спине Тернера.- Скажите, что вам требуется, и мы сделаем все, что в наших силах.

- Понятно.

- У шифровальщиков есть комната отдыха, где вас не будут беспокоить. Им

дано указание передавать ваши телеграммы, минуя обычные инстанции. По моему распоряжению вам там поставили стол и телефон. Я также попросил канцелярию подготовить список пропавших дел. Если вам понадобится что-нибудь еще, де Лилл, конечно, все вам предоставит. Я думаю, что мы покончили с организационными вопросами.- Брэдфилд чутьчку помедлил.- А теперь позвольте пригласить вас поужинать у нас завтра вечером. Мы будем очень рады. Обычный боннский вечер. Де Лилл, несомненно, сможет одолжить вам смокинг.- При этом он покосился на парусиновую сумку Тернера.

- Что касается наших методов,- ответил наконец Тернер,- то у нас их много.- Он стоял теперь спиной к окну, опершись на радиатор и оглядывая комнату.- В такой стране, как эта, все должно быть дьявольски просто. Сообщить в полицию. Обзвонить больницы, санатории, тюрьмы, приюты Армии Спасения. Разослать его фотографии и словесный портрет и урегулировать дело с местной прессой. Потом я начну искать его сам.

- Искать его? Где?

- Через других людей. В его прошлом. Мотивы, политические связи, друзья, знакомые женщины, контакты. Кто еще был в этом замешан, кто знал, кто наполовину знал, кто знал на четверть, на кого он работал, с кем встречался, где и как поддерживал связь. Явки, явочные квартиры. Сколько времени это продолжалось. Возможно, кто-то потворствовал ему. Вот это я и называю - искать. Потом я напишу отчет: укажу виновных, наживу новых врагов.- Он продолжал рассматривать кабинет, и казалось, под его зорким, непроницаемым взглядом не остается ничего непричастного к преступлению - ни вещей, ни людей.- Это один из наших методов. Применим, конечно, только в дружественной стране.

- Большая часть того, что вы предлагаете, здесь совершенно неприемлема.

- Разумеется. Мне все это разъяснил Ламли.

- Быть может, перед тем как мы пойдем дальше, вам следует услышать это и от меня.

- Сделайте одолжение,- сказал Тернер таким тоном, будто намеренно стремился вывести собеседника из себя.

- Насколько я понимаю, в вашей среде секреты - величина абсолютная. Они значат больше, чем что-либо другое. Те, кто хранит их,- ваши союзники, за теми, кто их разглашает, вы охотитесь. Здесь же все обстоит по-иному. В нынешних условиях соображения, связанные с местной политической ситуацией, приобретают намного большее значение, чем соображения безопасности.

Тернер вдруг усмехнулся.

- А это всегда так. Просто поразительно!

- Здесь, в Бонне, в настоящий момент для нас самое главное - любой ценой сохранить доверие и благорасположение федерального правительства. Укрепить его решимость противостоять растущему недовольству избирателей. Здешняя коалиция больна, любой вирус может убить ее. Наше дело - потрафлять инвалиду. Утешать его, ободрять, иной раз припугнуть и молиться богу об его здравии - пусть он живет ровно столько, сколько нам нужно, чтобы с его помощью попасть в Общий рынок.

- Очаровательная картина! - Алан снова смотрел в окно.- Наш единственный союзник - и тот на костылях. Два европейских инвалида поддерживают друг друга.

- Нравится вам это или нет, таково положение вещей. Мы здесь вроде как играем в покер. Нам даже блефовать не с чем. Кредиты наши исчерпаны, ресурсы равны нулю. И все же в обмен на одну лишь улыбку наши партнеры готовы вести игру. Эта улыбка - все, что у нас есть. Вся система отношений между

правительством Ее Величества и федеральным правительством зиждется на этой улыбке. Видите, сколь деликатно наше положение здесь и сколь оно необычно. И неустойчиво. Все наше будущее в Европе может решиться через десять дней.- Он помолчал, очевидно ожидая реплики Тернера.- Не случайно Карфельд выбрал именно пятницу для своего сборища в Бонне. К пятнице наши друзья в федеральном правительстве вынуждены будут решить, поддадутся ли они французскому давлению или останутся верными своим обещаниям, данным нам и партнерам по Шестерке. Своим походом в Бонн и наращиванием темпов кампании Карфельд стремится усилить давление на коалиционное правительство в самый критический момент. Вам понятна моя мысль?

- Кое-как разбираюсь,- ответил Тернер.

Цветная фотография королевы висела прямо над головой Брэдфилда. Ее герб присутствовал всюду в этой комнате: на синих кожаных креслах, на серебряном портсигаре, даже на блокнотах, разложенных на длинном столе для заседаний. Казалось, королевская фамилия прилетала сюда с визитом первым классом и оставила всем бесплатные сувениры.

- Вот почему я прошу вас действовать со всей возможной осторожностью. Бонн - деревня,- продолжал Брэдфилд.- Здешние нравы, суждения и узорность кругозора присущи кумушкам, собравшимся посудачить у деревенского колодца, и все же это государство. И главное сейчас для нас - сохранить доверие местных властей. А уже есть данные, что мы чем-то обидели их. Не знаю, чем именно. Их отношение к нам даже за последние сутки стало заметно холоднее. Мы находимся под наблюдением, наши телефонные разговоры прерываются, мы испытываем серьезнейшие затруднения даже в повседневных деловых контактах с их министерствами.

- Ладно,- сказал Тернер. Он слышал достаточно.- До меня дошло. Мы стоим на зыбкой почве. Что дальше?

- Дальше вот что,- повысив голос, заявил Брэдфилд.- Мы оба знаем, кем был или кем мог быть Гартинг. Такие случаи уже известны. Чем больше масштабы его предательства, тем серьезнее возможные неприятности, тем больше будет поколеблено доверие немцев к нам. Предположим самое худшее. Если окажется - я не утверждаю, что это так, но для предположений данные имеются,- итак, если окажется, что в результате деятельности Гартинга в посольстве наши самые секретные сведения в течение многих лет передавались русским, сведения, во многом являющиеся и немецкими секретами, этот удар может оборвать последнюю нить, на которой держится здесь доверие к нам. Возможно, что в исторической перспективе все это покажется пустяком. Подождите.- Он сидел очень прямо за своим столом, по его красивому лицу видно было, что он еле сдерживает неприязнь.- Дослушайте меня. Здесь существует нечто, чего нет в Англии,- коалиция против Советского Союза. Немцы относятся к этому очень серьезно, а мы, пренебрегая опасностью, посмеиваемся над ней. И все же эта коалиция - наш пропуск в Брюссель. Более двадцати лет мы рядились в сверкающие доспехи защитников. Пусть мы обанкротились, пусть выпрашиваем займы, валю ту, торговые, договоры, пусть мы иногда... перетолковываем на свой лад обязательства перед НАТО; пусть, когда гремят пушки, мы прячем голову под крыло и нами руководят люди столь же бездарные, как и у них...

Что такое уловил вдруг Тернер в его тоне? Отвращение к себе? Беспощадное понимание близящегося конца того мира, к которому он принадлежал? Брэдфилд говорил как человек, испробовавший все лекарства и отвергающий теперь услуги врачей. На минуту пропасть между ними исчезла, и Тернер сквозь боннский туман услышал словно бы свой собственный голос:

- И все же, если учесть психологию здешних обывателей, у нас есть один

большой козырь, хотя о нем прямо не говорят: если угроза придет с Востока, немцы надеются на нас. Рейнская армия на Кентских холмах будет срочно призвана под ружье, и наши независимые оборонительные ядерные силы немедленно приведены в готовность. Теперь вы понимаете, что значил бы Гартинг в руках человека вроде Карфельда?

Тернер вынул черную записную книжку из внутреннего кармана. Она хрустнула, когда он раскрыл ее.

- Нет, еще не понимаю. Вы не хотите, чтобы он нашелся. Вы хотите, чтобы он исчез. Если бы вы могли поступить, как считаете нужным, вы бы не послали за мной.- Он с невольным восхищением покачал своей большой головой.- Что ж, надо отдать вам должное: никто еще не предупреждал меня о последствиях так заблаговременно. Господи, я ведь даже еще не присел. Я даже не знаю его имени, только фамилию. В Лондоне о нем ничего не известно, вы об этом слышали? Он ни к чему не имел доступа - по крайней мере согласно нашим бумагам,- даже к простым воинским уставам. Судя по нашим лондонским данным, его могли просто похитить, он мог удрать с женщиной, попасть под автобус, наконец. А вы? Боже правый! Вы тут все походили с ума! Послушать вас, он стоит всех международных шпионов, вместе взятых. Так что же именно он похитил? Что известно вам и неизвестно мне? - Брэдфилд попытался было его прервать, но Тернер неумолимо продолжал: - Или, быть может, я не должен спрашивать? Я ведь никого не хочу огорчать.

Они смотрели друг на друга через века взаимного недоверия: Тернер - умный, напористый и грубый, с твердым взглядом выскочки, и Брэдфилд - попавший в беду, но не сломленный, а лишь замкнувшийся, осторожно подбирающий слова, будто кто-то заготовил их для него.

- Исчезла наша самая секретная папка. Исчезла в тот же день, когда пропал Гартинг. В ней - полный набор бумаг, излагающий наши самые секретные, официальные и неофициальные беседы с немцами за последние полгода. По причинам, которые вас не должны касаться, опубликование этих документов погубит нас в Брюсселе.

Сперва ему показалось, будто в ушах у него вдруг раздался рев самолета, но нет, гул уличного движения в Бонне был так же однообразен, как туман. Он выглянул в окно и только тут понял, что отныне уже не сможет ни видеть, ни слышать с полной ясностью: липкий туман и бесплотные звуки обволокли и притупили все его чувства.

- Послушайте,- сказал он и указал на свою парусиновую сумку.- Я врач, специалист по абортam. Я вам неприятен, но очень нужен. Чистая работа без осложнений - вот за что вы мне платите. Ладно. Я сделаю все, что смогу. Но прежде, чем мы возьмемся за дело, давайте немного посчитаем на пальцах, ладно?

И он начал исповедовать Брэдфилда.

- Он не был женат?

- Нет.

- Никогда?

- Никогда.

- Жил один?

- Насколько мне известно.

- Когда его видели в последний раз?

- В пятницу утром на совещании моих сотрудников. В этой комнате.

- Это было в последний раз?

- Я случайно узнал, что кассир видел его и позже, но я не считаю возможным вести расспросы.

- Еще кто-нибудь исчез, помимо него?

- Нет, никто.

- Все на месте? Как насчет какой-нибудь длинноногой пичужки из канцелярии?

- Кто-нибудь всегда в отпуске, но отсутствующих по неизвестным причинам нет.

- Тогда почему Гартинг тоже не попросил отпуска? Обычно они так и делают. Уж если перебежать, то с удобствами, я бы так сказал.

- Понятия не имею.

- Вы не были с ним близки?

- Конечно, нет.

- Как насчет его друзей? Что говорят они?

- У него нет друзей, достойных упоминания.

- А не достойных упоминания?

- Насколько мне известно, у него не было близких друзей в нашей колонии. Мало у кого из нас такие друзья есть. Знакомые - да, но не друзья. Это естественно для работников посольства. Представительские обязанности приучают ценить уединение.

- Как насчет немцев?

- Не имею представления. Он был когда-то на короткой ноге с Гарри Прашко.

- Прашко?

- Здесь есть парламентская оппозиция - свободные демократы. Прашко - одна из самых ярких фигур в этой группе. За свою жизнь он переменял несколько политических направлений, был даже довольно видным попутчиком. В деле есть упоминание о том, что они когда-то дружили. По-видимому, познакомились во время оккупации. У нас есть картотека полезных контактов. Я даже спрашивал Гартинга однажды об этом Прашко, и Гартинг сказал, что они больше не встречаются. Вот все, что мне по этому поводу известно.

- Он был когда-то помолвлен с девушкой по имени Маргарет Аикман. Как военному служащему, Гартингу требовался поручитель. Он назвал Прашко, депутата бундестага.

- И что же?

- Вы никогда не слышали об этой Аикман?

- Боюсь, что эта фамилия не вызывает у меня никаких ассоциаций.

- Маргарет.

- Да, вы сказали. Я никогда не слышал об этой помолвке, никогда не слышал имени этой женщины.

- Его хобби? Фотография? Марки? Радио? Тернер все время писал. Точно заполнял анкету.

- Он любил музыку. Играл на органе в церкви. Кажется, собирал пластинки. Вы лучше поговорите с младшим персоналом: там он был больше в своей среде.

- Вы никогда не бывали у него дома?

- Один раз. Был приглашен на обед.

- А он у вас бывал?

Ритм их разговора внезапно нарушился: Брэдфилд задумался.

- Однажды.

- Вы приглашали его на обед?

- На коктейль. Гартинг не совсем подходящий объект для званых обедов. Извините, если я задеваю ваши сословные чувства.

- Их у меня нет.

Брэдфилд не выказал удивления.

- Но вы к нему все-таки пошли, верно? Другими слова ми, вы подали ему надежду.- Он встал и быстро перешел к окну, точно ночная бабочка, привлеченная светом.- У вас есть на него досье, верно? - Тон его был почти безразличным, будто он перенял у Брэдфилда протокольный стиль разговора.

- Только платежные листки, годовые отчеты, армейская характеристика. Обычные документы. Можете ознакомиться, если хотите.- Тернер не ответил, и он добавил: - Мы не заводим на служащих подробных досье: наши кадры так часто меняются. Гартинг - исключение.

- Он ведь работал здесь двадцать лет.

- Да. Как я уже сказал, он - исключение.

- И никогда не проходил проверки? Брэдфилд ничего не ответил.

- Двадцать лет в посольстве, преимущественно - в аппарате советников, и ни разу не проверялся. Даже не представлялся на проверку. Поразительно.- Казалось, он просто высказывает мнение по поводу чьих-то взглядов.

- Вероятно, мы все считали, что он уже прошел проверку. Ведь он попал к нам из Контрольной комиссии. Предполагается, что туда берут с определенным отбором.

- Это большая честь - быть представленным на проверку. Не каждый ее удостоивается.

По серой лужайке расхаживали два немецких полицейских, полы их мокрых кожаных пальто лениво хлопали по сапогам. Все это сон, думал Тернер. Шумный неотвязный сон. Он вновь услышал дружелюбный голос де Лилла: "Бонн - очень мистический уголок: фантазии здесь совсем вытеснили действительность".

- Хотите, я вам что-то скажу?

- Вряд ли я в состоянии помешать вам.

- Так вот. Вы меня предупредили о последствиях. Это - обычное дело. Но где же остальное?

- Понятия не имею, что вы хотите сказать.

- Я хочу сказать, что у вас нет никакой версии. С таким отношением я еще не встречался. Ни паники. Ни своей точки зрения. Почему же? Он работал у вас. Вы его знали. Вы говорите, что он - шпион. Он стащил ваши ценнейшие папки. Что, у вас здесь всегда так относятся к перебежчикам? Раны рубцуются так быстро? - Он помолчал, ожидая ответа.- Я помогу вам, отвечу за вас: "Он проработал здесь двадцать лет. Мы полностью доверяли ему. И все еще доверяем". Как вам нравится эта версия?

Брэдфилд молчал.

- Сделаем еще одну попытку: "Я всегда его подозревал с того самого вечера, когда мы говорили о Карле Марксе. Гартинг проглотил маслину и не выплюнул косточки". Это годится?

Брэдфилд и теперь не ответил.

- Поймите, это выходит за рамки обычного. Теперь вам ясно? Он человек незначительный. Вы не желали приглашать его к себе на обед. Вообще не желали иметь с ним дело. К тому же он дерьмо. Пошел на такое предательство.

Тернер не сводил глаз с Брэдфилда - светлых глаз охотника. Ждал жеста, малейшего движения. Он даже чуть наклонил голову, будто прислушиваясь, не донесет ли чего-нибудь ветер. Но напрасно.

Вы даже не даете себе труда разобраться в его по ступке не только ради меня, но ради себя самого. Ни малейшей мысли. Когда речь идет о нем, вас как бы нет. словно он уже умер. Ничего, что я перехожу на личности? Просто я понимаю, что вы не располагаете временем и как раз собирались мне это сказать.

- Я как-то не отдавал себе отчета,- сказал Брэдфилд ледяным тоном,- что должен буду выполнять вашу работу. А вы - мою.

- Капри. Как насчет Капри? В посольстве сейчас хаос. Он подхватил девчонку. Стянул несколько папок, продал их чехам и удрал со своей пичужкой.

- У него не было девушки.

- Айкман. Он ее раскопал. Удрал вместе с Прашко. Втроем - невеста, шафер и жених.

- Я уже сказал вам: у него не было девушки.

- А, значит, вам это известно? Значит, что-то вы все- таки знаете наверняка. Он предатель, и у него не было девушки.

- Насколько нам известно, у него не было женщины. Такой ответ вас удовлетворяет?

- Может быть, он гомосексуалист?

- Убежден, что этого не может быть.

- Он сорвался внезапно. Мы все немного психуем примерно в этом возрасте. Мужской климакс? Это подойдет?

- Нелепое предположение.

- Нелепое?

- Насколько я могу судить, безусловно.- Голос Брэдфилда дрожал от ярости, тогда как Тернер говорил почти шепотом.

- Мы всегда ничего не знаем до поры до времени, верно? Пока не станет поздно. В его распоряжении были казенные деньги?

- Да. Но они - на месте.

Тернер круто повернулся к Брэдфилду.

- Значит, вы все-таки проверяли! - Глаза его горели торжеством.- Значит, и у вас бывают грязные мысли... Может быть, он просто кинулся в реку,- предположил Тернер успокоительно, по-прежнему не сводя глаз с Брэдфилда.- Личной жизни у него не было. Жить нечем. Эта версия не устроит нас?

- Смехотворная мысль, если хотите знать мое мнение.

- Для такого малого, как Гартинг, секс должен много значить. Я вот что хочу сказать: если ты один - только секс и остается. По правде говоря, не понимаю, как некоторые из ребят устраиваются. Я бы не смог. Недельки две, больше мне не продержаться. Секс - единственное, что остается, если живешь один. Разумеется, кроме политики. По крайней мере я так считаю.

- Политика и Гартинг? Не думаю, чтобы он читал газеты чаще, чем раз в год. В этих вопросах он был сущим ребенком. Наивным младенцем.

Так часто бывает,- сказал Тернер.- Это и примечательно.- Он снова сел, заложил ногу за ногу и откинулся на спинку стула, как человек, приготовившийся предаться воспоминаниям.- Я знал одного парня, который продал свое первородство потому, что всегда должен был уступать место в метро. Мне кажется, из-за подобных вещей сбивается с пути куда больше людей, чем наставляется на путь истинный библией. Может быть, в этом все и дело? Его не приглашали на званые обеды, не доставали билетов в спальные вагоны. В конце концов, кем он был? Временным сотрудником?

Брэдфилд ничего не ответил.

- А в посольстве он проработал очень долго. Получается что-то вроде постоянного временного сотрудника. А такие вещи не приняты - особенно в посольстве. Люди ассимилируются, если слишком долго сидят на месте. Но ведь он и был из местных, верно? Наполовину. Наполовину гунн, как сказал бы де Лилл. Он говорил когда-нибудь о политике?

- Никогда.

- В нем не чувствовалось политической жилки?
- Нет.
- Никакой трещинки? Никакой нервозности?
- Нет.
- Что вы скажете об этой драке в КЛьне?
- Какой драке?
- Пять лет назад, в ночном ресторане. Кто-то там креп ко его отделал: он пролежал полтора месяца в больнице. Эту историю сумели замаять.
- Это было до меня.
- Он что, много пил?
- Мне об этом неизвестно.
- Говорил по-русски? Брал уроки?
- Нет.
- Как он проводил отпуск?
- Он редко брал отпуск. А когда брал, насколько я знаю, проводил его дома, в КНигсвинтере. Кажется, в свободное время занимался своим садом. Тернер долго, без стеснения изучал лицо Брэдфилда, ища в нем что-то, чего не мог найти.

- Он не психовал,- продолжал Тернер.- Не был гомосексуалистом. У него не было друзей, но и анахоретом его не назовешь. Он не проходил проверки, и у вас нет на него досье. Он был сущее дитя в политике, но ухитрился стащить именно ту папку, которая для вас важнее всего. Он никогда не крал денег, играл на органе в церкви, занимался в свободное время своим садом и любил ближнего как самого себя. Правильно я говорю? Он был ни то ни се, черт его подери, ни хороший, ни плохой. Что же он за человек, будь он проклят? Посольский евнух? Неужели вы не предложите никакой точки зрения,- продолжал он с похотью на издевку мольбой,- чтобы помочь несчастному одинокому сыщику в выполнении непосильной задачи?

Из жилетного кармана Брэдфилда тянулась золотая цепочка от часов. Не более чем золотая ниточка - миниатюрный знак принадлежности к упорядоченному обществу.

- Мне кажется, вы намеренно тратите время на вопросы, не имеющие отношения к делу. А у меня нет ни времени, ни желания играть в ваши замысловатые игры. Как ни мало значил Гартинг в посольстве, как ни загадочны были его побуждения, к сожалению, последние три месяца он имел довольно широкий доступ к секретным материалам. Он получил этот доступ обманным путем, и вместо того, чтобы гадать относительно его сексуальных наклонностей, вам следовало бы уделить некоторое внимание тому, что он украл.

- Украл? - повторил Тернер негромко.- Забавное слово.- И он написал его нарочито корявыми печатными буквами сверху, на одной из страниц своей книжечки. Боннский климат уже начал сказываться на нем: темные пятна пота появились на тонкой ткани его неприглядного костюма.- Ладно,- сказал он с внезапной злостью.- Я трачу ваше драгоценное время. Давайте тогда начнем с самого начала и выясним, почему вы так его обожаете.

Брэдфилд рассматривал свою авторучку. "Я мог бы предположить, что все это - извращенный секс,- говорило лицо Тернера,- если бы ты не ценил честь превыше всего".

- Объясните, пожалуйста, свою мысль на общепонятном языке.
- Расскажите мне о нем, как вы его себе представляете. О его работе, о нем самом.
- Его единственной обязанностью, когда я сюда приехал, был разбор

претензий немецких граждан в связи с действиями Рейнской армии. Потрава посевов танками, разрушения от случайных снарядов, коровы и овцы, убитые во время маневров. С конца войны все это стало в Германии настоящим промыслом. Когда меня поставили здесь во главе аппарата советников два с половиной года назад, у него все было на пять с плюсом.

- Вы хотите сказать, он стал знатоком своего дела?

- Если угодно.

- Вся беда в вашей эмоциональной окраске. Она сбивает меня с толку. Я не могу не симпатизировать ему, когда вы так о нем говорите.

- Так вот, эти претензии, если вам так больше нравится, стали его специальностью. Они и открыли ему доступ в посольство. Он знал это дело до тонкостей: занимался им многие годы на разных должностях. Сначала - в Контрольной комиссии, потом в армии.

- Что он делал до этого? Он появился в сорок пятом?

- Он пришел сюда, разумеется, в форме. В звании сержанта или вроде того. Затем его перевели на гражданскую должность. Не имею представления, какую работу ему поручили. Наверно, вам могут это сказать в военном министерстве.

- Не скажут. Я смотрел и архивы Контрольной комиссии. Они уложены на века в нафталин для будущих поколений. Понадобится несколько месяцев, чтобы раскопать его дело.

Так или иначе, он сделал правильный выбор. Пока английские войска находятся в Германии, будут проводиться маневры и немецкие граждане будут требовать возмещения убытков. Можно сказать так: его работа, хотя и носила специальный характер, была, во всяком случае, гарантирована присутствием наших войск в Европе.

- Ей-богу, мало кто дал бы вам в долг под такой залог,- сказал Тернер с внезапной заразительной улыбкой, однако на Брэдфилда она не произвела впечатления.

- Он справлялся с этой работой хорошо. Более чем хорошо. У него было кое-какое представление о юридической стороне вопроса, знание законов - и немецких, и военных. От природы он все легко схватывал.

- Воровские наклонности? - предположил Тернер, пристально наблюдая за Брэдфилдом.

- Если у него возникали затруднения, он мог обратиться к атташе, занимающемуся вопросами права. Не всякий справился бы с такой работой - быть посредником между здешними крестьянами и британской армией, сглаживать острые углы, сохранять инциденты в тайне от прессы. Для этого требовалась особая интуиция. Он ею обладал,- заключил Брэдфилд, снова с нескрываемым презрением.- На уровне своих возможностей он был компетентным работником.

- Но его уровень - это не ваш уровень? Так?

- Здесь нет других людей его уровня,- ответил Брэдфилд, намеренно игнорируя подтекст,- Он был единственным специалистом в своей области. Мои предшественники считали целесообразным не вмешиваться в его дела, и, приняв эту должность, я не видел причин менять сложившуюся практику. Он был приписан к аппарату советников, чтобы мы могли осуществлять известный административный контроль, не более. Он являлся на наши утренние совещания, был пунктуален, не причинял никаких неприятностей. Ему симпатизировали до известного предела, но, полагаю, не доверяли. Английским он никогда не владел в совершенстве. Я бы сказал, что он довольно энергично общался с другими дипломатами, главным образом в тех посольствах, где не слишком разборчивы. Говорят, он также хорошо ладил с южноамериканцами.

- Его работа требовала разъездов?
- Частых и на довольно большие расстояния. По всей Германии.
- Он ездил один? - Да.
- Что касается армии, он, очевидно, знал тут все вдоль и поперек: ему присылали отчеты о маневрах, он знал расположение войск, их численность - в общем, все. Так?
- Он знал гораздо больше. Он слушал разговоры в солдатских столовых по всей Германии: маневры ведь нередко проводились вместе с союзными войсками. На иных маневрах испытывалось новое оружие. Поскольку это наносило ущерб, он должен был знать о степени ущерба. Словом, в его распоряжении оказывались факты и данные, по существу нигде не учтенные.
- Материалы НАТО?
- Главным образом.
- Сколько лет он занимался этой работой?
- Очевидно, с сорок восьмого или с сорок девятого года. Не заглянув в дело, я не могу сказать точно, когда английская сторона впервые выплатила компенсацию.
- Скажем, двадцать один год с некоторым допуском в ту и другую сторону,
- Я тоже так считаю.
- Неплохо для временного работника.
- Могу я продолжать?
- Да, конечно, продолжайте,- самым добродушным тоном ответил Тернер и подумал: "На твоём месте я бы вышвырнул меня за дверь".
- Таково было положение, когда я принял дела. Он работал по договору, который ежегодно подлежал возобновлению. Каждый год в декабре договор представлялся на рассмотрение для продления, и каждый год в декабре поступала рекомендация продлить договор. Так обстояло дело еще полтора года назад.
- До вывода Рейнской армии?
- Мы здесь предпочитаем называть это присоединением Рейнской армии к нашим стратегическим резервам в Соединенном Королевстве. Не забывайте, что немцы все еще оплачивают содержание этой армии. - Не забуду.
- Так или иначе, в Германии остался только костяк армии. Вывод войск произошел совершенно внезапно: мы все были захвачены врасплох. Сначала возникли споры по поводу оплаты расходов на содержание армии, потом беспорядки в Миндене. Карфельдовское движение только набирало силу. Все больше и больше начинали шуметь студенты. Пребывание войск в Германии становилось поводом для провокаций. Решение было принято на высшем уровне, с послом даже не посоветовались. Пришел приказ, и Рейнская армия была эвакуирована в течение одного месяца. Нас заставили провести значительное сокращение расходов. В Лондоне просто помешались на этом: бросают деньги на ветер и называют это экономией.
- Тернер вновь ощутил горечь в тоне Брэдфилда: семейный позор, о котором не должен упоминать гость. - И Гартинг остался ни при чем?
- Он, конечно, уже какое-то время знал, к чему все идет. Но это не смягчило удара.
- Он все еще был временным работником?
- Разумеется. Более того, возможность перейти на постоянную работу, если она когда-либо для него и существовала, стала быстро исчезать. Как только выяснилось, что Рейнская армия уходит, это решило его судьбу. А мне дало достаточно оснований воздержаться от перевода его на постоянную работу.
- Так,- сказал Тернер,- понятно.

- Легко говорить, что с ним поступали несправедливо,- заметил Брэдфилд,- но можно с не меньшим основанием сказать, что он получал вполне достаточно, если учесть, чего он стоил.- Это признание проступило, как пятно на одежде, которое тщетно пытаются смыть.

- Вы говорили, что он имел доступ к казенным деньгам,- сказал Тернер, а сам подумал: "Врачи тоже так - прощупают, потом поставят диагноз".

- Время от времени он передавал чеки армейским властям. Был своего рода почтовым ящиком, не более. Посредником. Армия получала деньги. Гартинг их передавал, брал расписки. Я регулярно проверял его отчетность. Армейские ревизоры, как вы знаете, славятся своей придирчивостью. Ни разу никаких нарушений. При существовавшей системе это было невозможно.

- Даже для Гартинга?

- Я вовсе не это имел в виду. Кроме того, он всегда казался вполне обеспеченным человеком. Я не считаю его жадным, у меня не создалось такого впечатления.

- Он что, жил не по средствам?

- Откуда мне знать, каковы его средства? Если он жил на то, что зарабатывал здесь, то, наверно, тратил все подчистую. Дом в КJнигсвинтере он занимал довольно большой. Такой дом ему, конечно, не по рангу. Насколько я понимаю, он жил в общем-то на широкую ногу.

- Ясно.

- Вчера вечером я специально проверил, сколько он получил наличными за три месяца, предшествовавшие по бегу. В пятницу после совещания нашего аппарата он взял в кассе семьдесят один фунт и четыре пенса.

- Довольно-таки странная сумма.

- Напротив, все вполне логично. Пятница была десятым днем месяца. Он взял точно одну треть своего месячного заработка и денег на представительские расходы, за вычетом налогов, страховки, удержаний за поломку имущества и личные телефонные переговоры.- Брэдфилд помолчал.- Эту сторону его характера я, может быть, недостаточно подчеркнул - он был скрупулезно честен.

- Почему был?

- Я ни разу не поймал его на лжи. Решив уйти, он взял ровно столько, сколько ему полагалось, и ни пенни больше.

- Кое-кто назвал бы это благородным поступком.

- То, что он не крал? Я бы сказал, что это негативный подвиг. А кроме того, он, очевидно, знал, как человек, достаточно эрудированный в вопросах права, что кража могла бы послужить основанием для обращения в немецкую полицию.

- Господи,- сказал Тернер, посмотрев на Брэдфилда,- вы не хотите поставить ему хорошую отметку даже за оведение.

Мисс Пит, личный помощник Брэдфилда, внесла кофе. Это была средних лет женщина, употреблявшая совсем мало косметики, очень подтянутая и полная недоброжелательства. Она, по-видимому, уже знала, откуда приехал Тернер, ибо окинула его взглядом, исполненным величественного презрения. Ее гнев, как не без удовольствия отметил Тернер, вызвали прежде всего его башмаки, и он подумал: "Отлично, черт подери, для того они и нужны".

Брэдфилд продолжал:

- Рейнская армия ушла очень быстро, и он остался без работы. В этом вся суть.

- Он потерял доступ к материалам военной разведки НАТО. Это вы хотите сказать?

- Такова моя гипотеза.

- Ага,- пробормотал Тернер, изображая просветление, и старательно записал в своей книжке "гипотеза", будто самое это слово было ценным приобретением в его лексиконе.

- Как только Рейнская армия ушла, Гартинг в тот же день явился ко мне. Это было примерно полтора года назад.

Он замолчал, погружившись в воспоминания.

- Он был такой обыденный,- сказал Брэдфилд наконец с несвойственной ему мягкостью.- Такой, знаете ли, неприметный.- Казалось, Брэдфилд до сих пор продолжал этому удивляться.- Сейчас легко забыть об этом, но он был уж очень незначительный.

- Больше вам не придется говорить о его незначительности,- заметил Тернер небрежно,- советую привыкнуть к этому.

- Он вошел ко мне, он был бледен - и только. Никаких других перемен. Сел вон на тот стул. Это его подушечка, между прочим.- Он позволил себе улыбнуться сухой, не дружелюбной улыбкой.- Подушка эта - своего рода заявочный столб. Он единственный из всех имел здесь постоянное место.

- И единственный, кто мог его потерять. Кто вышивал эту подушечку?

- Не имею ни малейшего представления.

- Была у него экономка?

- Нет, насколько мне известно.

- Ладно.

- Он не сказал ни слова о переменах в своем положении. Помню, в канцелярии как раз слушали передачу по радио. Солдаты размещались по вагонам под звуки оркестра.

- Важная для него минута, верно?

- По-видимому. Я спросил его, чем могу быть полезен. Он ответил, что хотел бы найти себе применение. Все это говорилось на полутонах, полунемеками. Он знает, что Майлз Гевистон очень перегружен работой в связи с берлинскими осложнениями, выступлениями ганноверских студентов и другими трудностями. Не может ли он ему помочь? Я сказал, что вопросы такого рода - вне его компетенции: ими должны заниматься мои постоянные сотрудники. Нет, сказал он, речь идет совсем о другом. Он и не собирается предлагать свои услуги в решении коренных проблем. Он думал вот о чем: у Гевистона есть два или три мелких вопроса, не может ли он заняться ими? Скажем, деятельностью Англо-германского общества, которое в то время было очень малоактивно, но все же требовало какой-то переписки на низшем уровне. Потом дела по розыску пропавших без вести граждан. Нельзя ли ему взять на себя несколько обязанностей такого рода и разгрузить более занятых сотрудников? Я не мог не признать, что в этом был свой смысл.

- И вы сказали: ладно?

- Да, я согласился. Разумеется, как на временную меру. Временная договоренность. Я полагал тогда, что мы предупредим его об увольнении в декабре, когда истечет срок его договора, а до тех пор я разрешил ему выполнять любые мелкие поручения, какие подвернутся. С этого все и пошло. Я, разумеется, поступил глупо, поддавшись на его уговоры.

- Я этого не говорил.

- Вам незачем это говорить. Я протянул ему палец, он схватил всю руку. За один месяц он сосредоточил у себя все, что можно назвать отходами работы аппарата советников, весь поток всевозможной ерунды, которая обычно стекается в каждое большое посольство: дела о пропавших без вести гражданах, прошения на имя королевы, случайные посетители, официально запланированные

туристы, Англо-германское общество, письма, содержащие оскорбления и угрозы, и разные другие бумаги, которые вовсе не должны попадать в аппарат советников. Не менее активно проявлял он свои таланты и в общественной жизни посольства. В церкви он сопровождал хору, вошел в комиссию по бытовым вопросам, в спортивную комиссию. Он даже создал группу учредителей Национального фонда. Через какое-то время он попросил разрешения добавить к названию своей должности слова "консульские функции", и я пошел и на это. Вы, вероятно, знаете, что у нас здесь консульских функций нет, все подобные дела отправляются в КЛьн.- Он пожал плечами.- К декабрю он сумел сделаться незаменимым. Договор с ним был представлен на рассмотрение.- Брэдфилд взял авторучку и снова стал разглядывать ее кончик.- И я продлил его еще на год.

- Вы обошлись с ним по-хорошему,- сказал Тернер, не сводя глаз с Брэдфилда.- Сделали для него доброе дело.

- У него здесь не было никакого статуса, никаких гарантий на будущее. Он фактически стоял на пороге увольнения и знал это. Думаю, что это обстоятельство сыграло свою роль. Мы обычно больше дорожим людьми, от которых можем в любой момент избавиться.

- Вам было просто жаль его. Почему вы не хотите признать это? На мой взгляд, такая причина вполне убедительна.

- Да. Да, вероятно, мне было его жаль. В первый раз, когда он пришел, я пожалел его.- Брэдфилд теперь улыбался, но только собственной глупости.

- Он выполнял свою работу хорошо?

- Он действовал необычными методами, но довольно эффективно. Предпочитал телефон написанному слову; впрочем, это объяснимо: он никогда не учился составлять официальные бумаги. К тому же английский не был его родным языком.- Он пожал плечами и повторил: - Словом, я взял его еще на год.

- Который истек в декабре. Совсем как лицензия. Лицензия на право работать, быть одним из нас,- Он продолжал внимательно наблюдать за Брэдфилдом.- На право шпионить. И вы снова возобновили ее?

- Да.

- Почему?

Опять секундное колебание, быть может, попытка что-то скрыть.

- На этот раз вам ведь не было его жаль? Не так ли?

- Мои чувства не имеют отношения к делу.- Брэдфилд резко положил перо.-

Причины, по которым я оставил его, носили совершенно объективный характер.

- А я ничего не сказал, но вы могли бы ведь и пожалеть его при этом.

- У нас не хватало людей и было очень много работы. После приезда инспекторов из Лондона аппарат советников сократили на двух человек, несмотря на мое решительное сопротивление. Наполовину урезали ассигнования. Не только Европа пришла в движение. Стабильности не было нигде. Родезия, Гонконг, Кипр... Английские войска металась из края в край, пытаясь потушить лесной пожар. Мы оказались и не в Европе, и не вне ее. Поговаривали о федерации северных стран. Один бог знает, какой дурак породил эту идею! - презрительно заметил Брэдфилд.- Мы стали прощупывать почву в Варшаве, Копенгагене и Москве. Мы вступали в заговоры против французов и на другой день затевали козни вместе с ними. В разгар всего этого мы все же ухитрились отправить на слом три чет верти нашего военного флота и девять десятых вооружения. Это было самое страшное, самое унижительное для нас время. В довершение всего как раз в этот момент Карфельд возглавил движение.

- И тогда Гартинг снова разыграл у вас ту же сцену?

- Нет, не ту же.

- Какую же? Наступило молчание.

- Он был более целеустремлен, более настойчив. Я все это почувствовал, но никак не реагировал. И я виню себя. Я ощутил какой-то новый оттенок в его поведении, но не стал разбираться, в чем дело. В то время,- продолжал он,- я отнес это за счет общей атмосферы напряженности, в какой мы все жили. Теперь я понимаю, что тогда он пошел ва-банк.

- И что же?

- Он начал с того, что, мол, работал ниже своих возможностей. Год прошел неплохо, но он знает, что может сделать больше. Мы переживаем трудные дни, и он хотел бы чувствовать, что по-настоящему участвует в общем деле стабилизации обстановки. Я спросил его, что он имеет в виду: мне казалось, что он и так забрал в свои руки все доступные ему функции. Гартинг ответил, что ведь уже декабрь, впервые, хоть и туманно, намекнув на свой договор, и что его, естественно, беспокоит дальнейшая судьба досье "Сведения об отдельных лицах". - Сведения о чем?

- Биографические сведения о деятелях, играющих важную роль в жизни Германии. Наш собственный секретный справочник "Кто есть кто". Мы обновляем его каждый год. В этом участвуют все - каждый сообщает сведения о тех немецких деятелях, с которыми сталкивался. Те, кто занимается вопросами торговли, пишут о своих контактах среди коммерсантов, экономисты - об экономистах, атташе, отдел прессы и информации - все добавляют свои материалы. Большая часть этих сведений весьма нелестного характера, кое-что поступает из секретных источников.

- И аппарат советников все это обрабатывает?

- Да. И на этот раз тоже Гартинг рассчитал очень точно. Эта работа принадлежит к числу тех, что отвлекают моих сотрудников от их прямых обязанностей. К тому же прошли все сроки выпуска справочника. Де Лилл, который должен был этим заниматься, уехал в Берлин. Это дело висело у меня на шее.

- И вы поручили ему эту работу.

- Да, временно.

- Скажем, до следующего декабря?

- Скажем, так. Теперь легко объяснить, почему он добивался именно такого поручения. Составление этого справочника открывало ему доступ в любой отдел посольства. Справочник охватывает все отделы, все отрасли жизни Федеративной республики: промышленность, военные и административные круги. Получив подобное поручение, он мог приходить в любой отдел, не вызывая никаких вопросов, мог брать папки в любых канцеляриях - торговой миссии, экономической, военно-морской, военной. Все открыли ему двери.

- И вам никогда не приходило в голову, что надо послать его документы на проверку?

- Никогда,- ответил Брэдфилд с прежней ноткой самоукоризны.

- Что ж, со всяким случается,- сказал Тернер негромко.- Значит, таким путем он получил доступ к нужным ему материалам?

- Это еще не все.

- Не все? Разве этого не достаточно?

- У нас здесь есть не только архивы, существует еще система уничтожения устаревших дел. Такой порядок заведен очень давно. Цель его - освободить место в архиве для новых дел и избавиться от старых, которые больше не нужны. По виду работа эта чисто канцелярская, и во многих отношениях так оно и есть, и все же она очень важна. Существует определенный предел количества бумаг, которые архив в состоянии обработать, предел количества папок, которые он может вместить. Это похоже на проблему уличного движения: мы

пишем больше бумаг, чем можем переварить. Естественно, что эта работа тоже принадлежала к числу тех, за какие мы хватались, лишь когда позволяло время. Еще одно из проклятий аппарата советников. Потом мы о ней забывали до тех пор, пока из министерства не запрашивали последних данных на этот счет.- Он пожал плечами.- Я уже сказал: нельзя до бесконечности составлять больше бумаг, чем мы уничтожаем, даже в помещении таких размеров. Архив трещит по всем швам.

- И Гартинг предложил вам взять на себя это дело?

- Именно.

- И вы согласились?

- Как на временную меру. Я сказал, чтобы он попробовал и посмотрел, что у него получится. Он выполнял эту работу с перерывами в течение пяти месяцев. Я сказал ему также, что, если возникнут трудности, он может обратиться к де Лиллу. Он ни разу к нему не обратился.

- Где он делал эту работу? В своем кабинете? Брэдфилд поколебался лишь долю секунды.

- В архиве аппарата советников, где хранятся самые важные документы. Он имел также доступ в бронированную комнату. Он практически мог брать оттуда любые дела, не надо было только зарываться. Даже регистрации того, что он брал, не велось. В итоге не хватает еще и нескольких писем - завканц сообщит вам необходимые подробности.

Тернер медленно встал и потер руки, будто хотел стряхнуть с них песок.

- Из сорока с чем-то недостающих папок восемнадцать относятся к досье "Сведения об отдельных лицах" и содержат материалы самого деликатного свойства о высокопоставленных немецких политических деятелях. Внимательное их изучение даст, несомненно, точное представление о наших самых сокровенных источниках. Остальные папки с грифом "совершенно секретно" охватывают англо-германские соглашения по ряду вопросов и содержат секретные договоры и секретные дополнения к опубликованным договорам. Если он задался целью поставить нас в трудное положение, он не мог сделать лучшего выбора. Некоторые из папок содержат документы сорок восьмого и сорок девятого годов.

- А особая папка? "Беседы официальные и неофициальные*?"

- Мы называем ее "Зеленая". Она подлежит специальному хранению.

- Сколько таких "зеленых" в посольстве?

- Только эта одна. Она была на месте в бронированной комнате архива в четверг утром. Заведующий архивом заметил, что ее нет, в четверг вечером, и подумал, что она в работе. В субботу утром он был уже очень обеспокоен. В воскресенье доложил об этом мне.

- Скажите,- заговорил наконец Тернер,- что с ним произошло за последний год? Что случилось между двумя декабрами? Помимо Карфельда.

- Ничего особенного.

- Почему же вдруг вы прониклись к нему такой антипатией?

- Вовсе нет,- ответил Брэдфилд презрительно.- Поскольку я никогда не испытывал к нему никаких чувств - ни положительных, ни отрицательных,- этот вопрос не уместен. Просто за предшествующий год я узнал, какими методами он действует, как обрабатывает людей, как подлаживается к ним, чтобы добиться своего. Я стал видеть его насквозь, вот и все.

Тернер посмотрел на него в упор.

- И что же вы увидели?

Тон Брэдфилда был теперь четким, исключаящим иной смысл и не допускающим толкований, как математическая формула.

- Обман. Мне казалось, что вам это должно быть уже ясно.

Тернер встал.

- Я начну с его кабинета.

- Ключи у начальника охраны. Вас уже ждут. Спросите Макмаллена.

- Я хочу видеть его дом, друзей, соседей. Если понадобится, буду говорить с иностранцами, с которыми он встречался. Придется, может быть, наломать дров, но лишь настолько, насколько потребует дело. Если вас это не устраивает, сообщите послу. Кто здесь заведует архивом?

- Медоуз.

- Артур Медоуз?

- Он самый.

На этот раз заколебался Тернер - оттенок неуверенности, нечто похожее даже на робость прозвучало в его тоне, совсем ином, чем прежде:

- Медоуз был в Варшаве, верно?

- Да, был.

Теперь он спросил уже увереннее

- И список пропавших папок находится у Медоуза?

- И папок, и писем.

- Гартинг, разумеется, работал у него?

- Разумеется. Медоуз ждет вас.

- Сначала я осмотрю комнату Гартинга.- Это уже прозвучало как окончательное решение.

- Как хотите. Вы сказали еще, что собираетесь побывать в его доме...

- Ну и что же?

- Боюсь, что в настоящий момент это невозможно. Со вчерашнего дня он под охраной полиции.

- Это что - общее явление?

- Что именно?

- Полицейская охрана.

- Зибкрон на этом настаивает. Я не могу ссориться с ним сейчас,

- Это относится ко всем домам, арендуемым посольством?

- В основном к тем, где живут руководящие работники. Вероятно, они включили дом Гартинга из-за того, что он расположен далеко,

Не слышу уверенности в вашем голосе.

- Не вижу других причин.

- Как насчет посольств стран "железного занавеса"? Он что, околачивался там?

- Он иногда ходил к русским. Не могу сказать, как часто.

- Этот Прашко, его бывший друг, политический деятель. Вы сказали, он был когда-то попутчиком?

- Это было пятнадцать лет назад.

- А когда они перестали дружить?

- Сведения имеются в деле. Примерно лет пять на зад.

- Как раз тогда была драка в КJльне. Может быть, он дрался с Прашко?

- Все на свете возможно.

- Еще один вопрос.

- Пожалуйста.

- Договор с ним. Если бы он истекал... скажем, в прошлый четверг?..

- Ну и что?

- Вы бы его продлили еще раз?

- У нас очень много работы. Да, я бы его продлил.

- Вам, наверно, недостает этого Гартинга?

Дверь открылась, и вошел де Лилл. Его тонкое лицо было печально и

торжественно.

- Звонил Людвиг Зибкрон. Вы предупредили коммутатор, чтобы вас не соединяли, и я разговаривал с ним сам.

- И что же?

- По поводу этой библиотекарши Эйк, несчастной женщины, которую избili в Ганновере.

- Что с ней?

- К сожалению, она умерла час назад. Брэдфилд молча обдумывал это сообщение.

- Выясните, где состоятся похороны. Посол должен сделать какой-то жест: пожалуй, послать не цветы, а телеграмму родственникам. Ничего чрезмерного - просто выражение глубокого сочувствия. Поговорите в канцелярии посла - там знают, что нужно. И что-нибудь от Англо-германского общества. Этим лучше займитесь сами. Пошлите еще телеграмму Ассоциации библиотекарей - они запрашивали насчет нее. И пожалуйста, позвоните Хейзел и сообщите ей. Она специально просила, чтобы ее держали в курсе.

Он был спокоен и превосходно владел собой.

- Если вам что-нибудь потребуется,- добавил он, обращаясь к Тернеру,- скажите де Лиллу.

Тернер наблюдал за ним.

- Итак, мы ждем вас завтра вечером. Примерно с пяти до восьми. Немцы очень пунктуальны. У нас принято быть в сборе до того, как они придут. Если вы пойдете прямо в его кабинет, может быть, вы захватите эту подушечку? Не вижу смысла держать ее здесь.

Корк, склонившись над шифровальными машинами, стягивал ленты с валиков. Услышав какой-то стук, он резко повернулся. Его красные глаза альбиноса наткнулись на крупную фигуру в дверном проеме.

- Это моя сумка. Пусть лежит. Я приду попозже.

- Ладненько,- сказал Корк и подумал: легавый. Надо же! Мало того, что весь мир летит вверх тормашками. Джейнет может родить с минуты на минуту и эта бедняга в Ганновере сыграла в ящик, так еще к нему сажают в комнату легавого. Он был недоволен не только этим. Забастовка литейщиков быстро распространялась по Германии. Сообрази он это в пятницу, а не в субботу, "Шведская сталь" принесла бы ему за три дня чистой прибыли по три шиллинга на акцию. А пять процентов в день для Корка, безуспешно стремившегося пройти аттестацию, означали бы возможность приобрести виллу на Средиземном море. "Совершенно секретно,- прочитал он устало,- Брэдфилду. Расшифровать лично". Сколько это еще будет продолжаться? Капри... Крит... Специя... Эльба... "Подари мне остров,- запел он фальцетом, импровизируя эстрадную песенку,- мне одному". Корк мечтал еще, что когда-нибудь появятся пластинки с его записями: "Подари мне остров, мне одному, какой-нибудь остров, какой-нибудь остров, только не Бонн".

<h2>5. ДЖОН ГОНТ</h2>

П о н е д е л ь н и к . У т р о

Толпа в холле рассеялась.

Электрические часы над закрытым лифтом показывали десять тридцать: те,

кто не решился пойти в столовую, собрались у стола дежурного. Охранник аппарата советников заварил чай: прихлебывая из чашек, служащие беседовали вполголоса. В этот момент они и услышали его приближающиеся шаги. Каблуки на его башмаках были подбиты железными подковками, и каждый шаг отдавался в стенах из искусственного мрамора, точно эхо выстрелов в горной долине. Фельдъегери, обладающие свойственной солдатам способностью сразу распознавать начальство, осторожно поставили чашки и застегнули пуговицы на форменных куртках.

- Макмаллен?

Он стоял на нижней ступеньке, тяжело опираясь одной рукой на перила, сжимая в другой вышитую подушечку. По обе стороны от него коридоры с колоннами из хромированной стали и опущенными ввиду чрезвычайного положения решетками, уходили в темноту, точно в какие-то гетто, отделенные от городского великолепия. Тишина вдруг наполнилась значением, и все предшествующее показалось глупым и ненужным.

- Макмаллен сменился с дежурства, сэр.

- А вы кто?

- Гонт, сэр. Я остался за него.

- Моя фамилия Тернер, Я проверяю здесь соблюдение правил безопасности. Мне нужно посмотреть двадцать первую комнату.

Гонт был невысокий, богобоязненный валлиец, унаследовавший от отца долгую память о годах депрессии. Он приехал в Бонн из Кардиффа, где водил полицейские машины. В правой руке у него болталась связка ключей, походка его была твердой и несколько торжественной. Когда Гонт вошел впереди Тернера в черное устье коридора, он был похож на шахтера, направляющегося в забой.

- Просто безобразия, что они тут творят,- говорил нараспев Гонт в темноту коридора, и голос его эхом от давался позади.- Питер Эдлок - он высылает мне из дому струны, у него есть брат здесь, в Ганновере, пришел сюда с нашими войсками во время оккупации, женился на немке, открыл бакалейную торговлю. Так вот этот самый брат напуган до смерти: говорит, они все наверняка знают, что мой Джордж - англичанин. Что, мол, с ним будет? Хуже, чем в Конго. Привет, падре!

Капеллан сидел за пишущей машинкой в маленькой белой келье напротив коммутатора, над головой у него висел портрет жены, дверь была широко открыта для желающих исповедаться. За шнурок портрета был засунут камышовый крест.

- Доброе утро и тебе, Джон,- ответил он немного укоризненно, что должно было напомнить им обоим гранитное своевластие их валлийского бога.

Гонт снова повторил: "Привет!" - но не сбавил шага. Со всех сторон неслись звуки, указывавшие на то, что это учреждение, где говорят на разных языках: монотонно гудел голос старшего референта по печати, диктовавшего на немецком языке какой-то перевод; экспедитор пролаял что-то в телефонную трубку, издали доносилось насвистывание - мелодичное и вовсе не английское: оно тянулось отовсюду, из всех соседних коридоров. Тернер уловил запах салями и еще какой-то еды - видимо, пришло время ленча,- типографской краски и дезинфицирующих средств и подумал: все становится по-другому, когда добираться до Цюриха - там ты уже, безусловно, за границей.

- Тут главным образом вольнонаемные из местных,- объяснил Гонт, перекрывая шумовой фон.- Им не разрешается подниматься выше, поскольку они немцы.- Чувствовалось, что он симпатизирует немцам, но сдерживает свои чувства - так симпатизирует медицинская сестра в той мере, в какой допускает ее профессия.

Налево отворилась дверь - они внезапно оказались в яркой полосе света, выхватившего из темноты убожество оштукатуренных стен и пожухлую зелень доски для объявлений на двух языках. Две девушки, появившиеся на пороге архива, отступили назад, пропуская Гонта и Тернера. Окинув их взглядом, Тернер подумал: вот мир, в котором он жил,- второсортный и чужеземный. Одна из девушек держала термос, другая несла кипу папок. Позади них, за окном с поднятыми металлическими шторами, он увидел стоянку машин и слышал рев мотоцикла: выехал один из посыльных. Гонт нырнул вправо, в другой коридор, и остановился у какой-то двери. Пока он возился с замком, Тернер поверх его плеча прочитал табличку, висевшую в центре: "Гартинг, Лео. Претензии и консульские функции",- неожиданное свидетельство о живом или, может быть, неожиданная дань памяти мертвому.

Буквы первого слова, в добрых два дюйма высотой, закруглялись на конце и были заштрихованы красным и зеленым карандашом, а в словах "консульские функции", выписанных еще крупнее, буквы были обведены чернилами, чтобы придать им ту весомость, какой, по-видимому, требовал этот титул. Наклонившись, Тернер легонько провел пальцами по поверхности таблички: это была бумага, наклеенная на картон, и даже при слабом свете он мог различить тонкие карандашные линии, проведенные по линейке и ограничивавшие буквы сверху и снизу: или, может быть, они ограничивали рамки скромного существования, жизнь, оборванную обманом? "Обман. Мне казалось, что вам это должно быть уже ясно".

- Поторопитесь,- сказал он.

Гонт отпер замок. Тернер нажал на ручку, рывком распахнул дверь и снова услышал голос ее сестры, как тогда по телефону, и свой ответ, когда он швырнул трубку: "Скажи ей, что я уезжаю за границу". Окна были закрыты. От линолеума на них пахло жаром. В комнате стоял запах резины и воска. Одна занавеска была чуть отдернута. Гонт протянул руку и поправил ее.

- Не трогайте. Отойдите от окна. И стойте здесь. Если кто-нибудь зайдет, отправьте его отсюда.- Он швырнул вышитую подушечку на стул и обвел глазами комнату.

Стол был с хромированными ручками - лучше, чем у Брэдфилда. Календарь на стене рекламировал фирму голландских импортеров, обслуживающих дипломатов. Несмотря на свою комплектацию, Тернер двигался очень легко: он осматривал, но ничего не трогал. Старая военная карта, разбитая на прежние зоны оккупации, висела на стене. Британская зона была выкрашена в ярко-зеленый цвет - оазис плодородия среди иностранных пустынь. Точно в тюремной камере, подумал он, максимум безопасности. Может, это из-за решеток. Отсюда только и бежать - всякий бы убежал на его месте! В комнате стоял какой-то чужеземный запах, но он не мог определить, какой именно.

- Просто удивительно,- заговорил Гонт,- тут очень многого не хватает, должен сказать.

Тернер не смотрел на него.

- Чего, к примеру?

- Не знаю. Всяких штукovin. Машинок разных. Это - комната мистера Гартинга,- объяснил Гонт,- он, мистер Гартинг, очень любит разные приспособления.

- Какие именно?

- Ну, вот у него был такой чайник со свистком, знаете? Можно было приготовить отличный чай в этой штуке. Жаль, что ее нет, право, жаль.

- Еще чего не хватает?

- Электрокамина. Новой конструкции с двумя спиралями. И еще лампы. Была

настольная лампа, японская. Во все стороны поворачивалась. С переключателем, чтобы горела вполнакала. И энергии брала мало - он мне говорил. Но я такую не захотел себе купить: куда мне сейчас, когда сократили жалованье. Только я думаю,- продол жал он, словно желая успокоить Тернера,- что он увез ее домой, правда? Если, конечно, поехал домой.

- Да, да, я тоже так думаю.

На подоконнике стоял транзистор. Нагнувшись так, чтобы глаза оказались на уровне шкалы, Тернер включил его. Они сразу же услышали слащавый голос диктора Британских экспедиционных сил, читавшего комментарии о событиях в Ганновере и о возможных успехах англичан в Брюсселе. Тернер медленно поворачивал ручку и передвигал указатель по освещенной шкале, прислушиваясь к вавилонской смеси языков - французский, немецкий, голландский.

- Мне показалось, вы сказали: соблюдение правил безопасности.

- Да, говорил.

- Но вы даже не посмотрели на окна и на замки.

- Посмотрю, посмотрю.- Он поймал славянскую речь и теперь сосредоточенно слушал.- Вы его хорошо знали, да? Часто заглядывали сюда на чашечку чая?

- Заглядывал. Если выдавалась минутка. Выключив радио, Тернер встал.

- Подождите за дверью и дайте мне ключи.

- Что же он такое сделал? - спросил Гонт в нерешительности.- Что случилось?

- Сделал? Ничего он не сделал. Он - в отпуске по семейным обстоятельствам. Я хочу остаться один, вот и все.

- Говорят, у него неприятности.

- Кто говорит?

- Люди.

- Какие неприятности?

- Не знаю. Может быть, автомобильная катастрофа? Он не был на репетиции хора и потом в церкви.

- Он что, плохо водит машину?

- Не знаю, по правде говоря.

Отчасти из упрямства, отчасти из любопытства Гонт остался у двери и смотрел, как Тернер открывает деревянный шкаф и заглядывает внутрь. Три фена для сушки волос, еще в упаковке, лежали на дне шкафа рядом с парой галош.

- Вы ведь друзья, верно?

- Не совсем. Только по хору.

- С кем же он особенно дружит? Может, с кем-нибудь еще из хора? Может, с какой-нибудь женщиной? - спросил Тернер.

- Он ни с кем не дружит.

- Для кого же он покупал вот это?

Фены были разного качества и разной конструкции, Цена, указанная на коробках, колебалась от восьмидесяти до ста марок.

- Для кого? - повторил Тернер.

- Для всех. Аттестованный дипломат или не аттестованный, для него это не имеет значения. Он всех обслуживает: устраивает дипломатическую скидку. Лео, он всегда готов помочь. Что бы вам ни вздумалось купить - радио там, или посудомойку, или автомобиль, он устраивает не большую скидку, понятно?

- Знает ходы и выходы, так, что ли?

- Правильно.

- И небось берет комиссионные за труды,- почти вкрадчиво заметил Тернер.- Что ж, правильно делает.

- Я этого не говорил.

- И девушку вам устроит, если нужно? Мистер-Чего-Изволите, так?

- Вовсе нет! - ответил Гонт возмущенно.

- Какую же он получал выгоду?

- Никакой. Насколько мне известно.

- Просто он всеобщий друг, да? Хочет, чтоб его любили. Так?

- Мы все этого хотим, разве нет?

- Пофилософствовать любим?

- Всем готов помочь,- продолжал Гонт, не очень чувствуя перемену в тоне Тернера.- Вот спросите хотя бы Артура Медоуза. Как только Лео поступил в архив, ну, прямо на следующий же день он пришел сюда, вниз, за почтой. "Не беспокойтесь,- говорит он Артуру,- поберегите ноги, вы уже не так молоды, как прежде, у вас и без того хватает забот. Я принесу вам почту". Вот он какой, Лео. Услужливый. Святой человек, можно сказать, если учесть, какие трудности он пережил.

- Какую почту он приносил?

- Всякую. Открытую и закрытую, он с этим не считался. Спускался вниз, расписывался за нее и нес Артуру.

- Так, понятно,- очень спокойно сказал Тернер.- А иной раз он забежал по дороге к себе, верно? Посмотреть, что тут у него делается, выпить чашку чаю?

- Верно, верно,- подхватил Гонт.- Всегда готов был услужить.- Он отворил дверь.- Ну, я оставляю вас здесь.

- Нет, не уходите,- сказал Тернер, продолжая наблюдать за ним.- Вы мне не помешаете. Оставайтесь, Гонт, поговорим. Я люблю общество. Скажите, какие же у него были трудности?

Положив фены обратно в коробки, он вытащил полотняный пиджак, висевший на плечиках. Летний пиджак - вроде тех, что носят бармены. Из петлицы свешивалась засохшая роза.

- Какие же трудности? - повторил он, швырнув розу в мусорную корзину.- Можете мне довериться, Гонт.- Он снова почувствовал этот запах, запах гардероба, который заметил, но не мог сначала определить,- сладковатый, знакомый запах мужских лосьонов и сигар, какие в ходу на континенте.

- В детстве. Его воспитывал дядя.

Ощупав карманы пиджака, Тернер осторожно снял его с плечиков и приложил к своему мощному торсу.

- Невелик ростом?

- Модник,- сказал Гонт,- всегда одет с иголочки.

- Ростом с вас?

Тернер протянул ему пиджак, но Гонт брезгливо отступил.

- Меньше меня,- сказал он, не сводя, однако, глаз с пиджака.- Полегче на ногу. Мотылек. Двигался, будто танцевал.

- Педик?

- Конечно нет,- уже с возмущением ответил Гонт, краснея от одной мысли.

- Откуда вам знать?

- Оттуда, что он порядочный малый,- в ярости выпалил Гонт.- Даже если и сделал что не так.

- Набожный?

- Почитает религию. Очень. Никогда не позволит себе насмешки или хулы какой, хоть и иностранец.

Бросив пиджак на стул, Тернер протянул руку за ключами. Гонт нехотя отдал их.

- Кто это сказал, будто он сделал что-то дурное?

- Вы. Все чего-то вынюхиваете насчет него, примериваетесь. Мне это не нравится.

- Что же он такого мог натворить, хотелось бы мне знать? Почему мне приходится вот так вынюхивать?

- Один бог ведает.

- В мудрости своей.- Тернер открыл верхний ящик.- Есть у вас такая записная книжка?

На синем дерматиновом переплете записной книжки-календаря был вытиснен золотом королевский герб.

- Нет.

- Бедняга Гонт. Что, не по чину? - Он перелистывал страницы от конца к началу. На какой-то страничке задержался, нахмурился, еще раз приостановился, записал что-то в своей книжечке.

- Такая полагается только советникам и тем, кто повыше, вот и все,- отрезал Гонт.- Я бы ее и не взял.

- Но он вам предлагал, правда? Это наверняка тоже был один из его приемников. Как он действовал? Стащит в канцелярии целую пачку и раздает своим друзьям с нижнего этажа: "Берите, ребята, там наверху коридоры вымощены золотом. Берите на память от старого товарища". Так было, Гонт? И одна только христианская добродетель остановила вашу руку, да? - Закрыв книжку, он взялся за нижние ящики.

- А хотя бы и так. Вы все равно не имеете права шарить по его ящикам. Из-за такого пустяка. Подумаешь, стащил пачку записных книжек - не дом же он украл! - Его валлийский акцент, сломав все препоны, вырвался на конец на свободу.

- Вы верующий, христианин, Гонт, и лучше меня знаете о кознях дьявола. Мелкие проступки влекут за собой крупные. Сегодня вы украдете яблоко, завтра угоните грузовик. Вы-то знаете, как это бывает, Гонт. Что еще он рассказывал о себе? Может, были еще какие-нибудь воспоминания детства?

Он нашел нож для разрезания бумаги - тонкий серебряный нож с широкой плоской ручкой и при свете настольной лампы принялся разглядывать выгравированную надпись.

- "Л. Г. от Маргарет". Что это за Маргарет, хотелось бы мне знать?

- В первый раз про нее слышу.

- Он был когда-то помолвлен. Вы об этом знали?

- Нет, не знал.

- Мисс Аикман, Маргарет Аикман. Вам это что-нибудь говорит?

- Нет.

- А про свою службу в армии он что-нибудь рассказывал?

- Он очень любил армию. Говорил, что в Берлине частенько ходил смотреть, как кавалеристы берут препятствия. Очень это любил.

- Он ведь служил в пехоте, так?

- По правде говоря, не знаю.

Тернер положил нож рядом с синей книжкой-календарем, еще что-то отметил в своем блокноте и взял со стола небольшую жестянку с голландскими сигарами.

- Курил?

- Любил выкурить сигару, это верно. Ничего, кроме сигар, не признавал. И при этом, заметьте, всегда носил с собой сигареты. Но я-то видел: сам курил только сигары. Кое-кто жаловался, я слышал. Насчет сигар. Им не нравилось. Но Лео тоже с места не сдвинешь, если уж он чего захочет.

- Давно вы в посольстве, Гонт?

- Пять лет.

- Он с кем-то подрался в КJльне. Это уже на вашей памяти?

Гонт заколебался.

- Удивительно, скажу я вам, как тут умеют прятать концы в воду. Есть такие слова: "Должен знать". У вас тут их понимают по-особому. Знают все, кроме тех, кто должен знать. Так что же все-таки тогда произошло?

- Не знаю. Говорят, ему поделом досталось. Я слышал от моего предшественника. Однажды принесли Лео в та ком виде, что родная мать не узнала бы. Так ему и надо, сказали. Вот что рассказывали моему предшественнику. Учтите, Лео мог и на рожон полезть - что верно, то верно.

- Кто? Кто сказал это вашему предшественнику?

- Не знаю, не спрашивал. Не хотел совать нос в чужие дела.

- Он часто дрался?

- Нет.

- Может, там была замешана женщина? Скажем, Маргарет Айкман?

- Не знаю.

- Тогда почему вы говорите, что он мог полезть на рожон?

- Не знаю,- ответил Гонт, снова колеблясь между подозрительностью и врожденной тягой к общению.- Вот вы, например, почему лезете на рожон? - пробормотал он, переходя в нападение, но Тернер игнорировал это.

- Правильно. Никогда не суй нос в чужие дела. Ни когда не доноси на ближнего. Это неуютно богу. Я преклоняюсь перед людьми, которые не отступают от своих принципов.

- Мне все равно, что он сделал,- продолжал Гонт, постепенно обретая мужество.- Он - неплохой человек. Немного резковат, пожалуй, но так оно и должно быть - он ведь не англичанин, а с континента. И все же не настолько он плох.- Гонт указал рукой на стол и выдвинутые ящики.

- Так можно сказать о каждом. Понятно? Нет людей, которые были бы настолько плохи... Так чему же он выучился, когда был малышом? Скажите мне. Чему он научился, сидя на дядюшкиных коленях?

- Он говорит по-итальянски,- вдруг сказал Гонт, будто кинул козырную карту, которую все время придерживал.

- Правда?

- Да, научился в Англии. В сельской школе. Другие ребята с ним не разговаривали, потому что он немец, тогда он стал уезжать на велосипеде к военнопленным-итальянцам и разговаривать с ними. И с тех пор знает итальянский - выучил его навсегда. У него отличная память, скажу я вам. Он наверняка помнит каждое слово, которое хоть раз услышал.

- Здорово!

- Он мог стать настоящим ученым, имей он ваши возможности.

Тернер озадаченно посмотрел на него.

- Кто сказал вам, черт подери, что у меня были какие- то возможности?

Он выдвинул еще один ящик. Там лежал всевозможный хлам, какой неизбежно накапливается у каждого, в любом столе любого учреждения: машинка для сшивания бумаг, карандаши, клейкие ленты, иностранные монетки, использованные железнодорожные билеты.

- Как часто собирался хор, Гонт? Раз в неделю, кажется? Сначала миленькая такая репетиция, потом молитва, а после нее вы вместе забежали в придорожный бар вы пить стаканчик пива, и он вам рассказывал о себе. Потом, наверно, устраивались поездки за город. Для спевков. Мы все это любим, верно? Что-нибудь такое коллективное и в то же время духовное - спевки, всякие там комиссии, хоры. И Лео в этом участвовал, верно? Знал всех и каждого, всем

сочувствовал в их маленьких огорчениях, подбадривал, держал за ручку. Словом, как говорится, настоящая душа общества.

Все время, пока длилась беседа, Тернер записывал в свою книжку перечень найденных вещей: швейные принадлежности, пачка иголок, пилюли разного вида и сорта. Точно зачарованный, Гонт незаметно для себя подошел ближе. - Не только. Я живу на верхнем этаже - там есть квартира. Она была для Макмаллена, но он не мог туда въехать с такой кучей детей. Представляете, что было бы, если б они носились там наверху сломя голову. Спевки хора происходили в зале заседаний, по пятницам. Это по другую сторону холла, рядом с кассой. После спевки он обычно поднимался к нам на чашку чая. Я-то ведь частенько забегал сюда попить чайку. Ну, и мы, конечно, были рады отблагодарить его за все, что он для нас делал: вещи разные доставал и всякое такое. Он любил посидеть с нами за чаем,- добавил Гонт просто.- Любил камин. Мне всегда казалось, что ему нравится семейный уют, поскольку он сам несемейный.

- Он это вам говорил? Говорил, что у него нет семьи?

- Нет, не говорил.

- Откуда же вы знаете?

- Это и так ясно, тут и говорить незачем. Вот и образования он тоже не получил - можно сказать, сам выбился в люди.

Тернер нашел бутылочку с длинными желтыми пилюлями и, вытряхнув несколько штук на ладонь, осторожно понюхал их.

- И все это продолжалось много лет? Верно? Эти домашние беседы после репетиций?

- Нет, что вы. Он совсем не замечал меня еще несколько месяцев назад, и я вовсе не хотел навязываться - ведь он же дипломат. Только недавно он стал интересоваться мной. И этими иностранцами.

- Какими иностранцами?

Это Автомобильный клуб такой - для иностранцев.

- Поточнее - когда это было? Когда он заинтересовался вами?

- В январе,- сказал Гонт, теперь и сам озадаченный.- Да, я бы сказал, с января. Он как-то переменялся с января.

- С января этого года?

- Да, да, именно,- ответил Гонт таким тоном, будто это впервые дошло до его сознания.- Точнее, когда он начал работать у Артура, Артур очень повлиял на Лео. Он стал как-то задумчивее, что ли. Изменился к лучшему. Знаете, и моя жена тоже так считает.

- Ясно. В чем еще он изменился?

- Да вот в этом только. Задумчивее стал,

- Значит, с января, когда он заинтересовался вами. Бах! Наступает Новый год, и Лео делается задумчивым.

- В общем, он стал поспокойнее. Будто заболел. Мы прямо удивлялись. Я сказал жене...- Гонт почтительно понизил голос при одном упоминании о своей половине: - Не удивлюсь, если врач уже сделал ему предупреждение.

Тернер теперь снова смотрел на карту, сначала прямо, потом сбоку - так виднее были дырочки от булавок там, где стояли раньше войска союзников. В старом книжном шкафу лежала груда отчетов об опросах общественного мнения, газетные вырезки и журналы. Опустившись на колени, он принялся разбирать их.

- О чем еще вы говорили?

- Ни о чем серьезном.

- Просто о политике?

- Я люблю поговорить на серьезные темы,- сказал Гонт.- Но с ним как-то

не хотелось разговаривать: не знаешь, куда это тебя заведет.

- Он выходил из себя, что ли?

Вырезки касались Карфельдовского движения. Статистические отчеты показывали рост числа сторонников Карфельда.

- Нет, он был чересчур чувствительный. Как женщина: его очень легко было расстроить, ну прямо одним каким-нибудь словом. Очень чувствительный! И тихий. Вот почему я никак не мог поверить насчет КЛьна. Я говорил жене: прямо не понимаю, как это Лео затеял драку, в него, верно, дьявол вселился. Но повидал он за свой век много. Это уж точно.

Тернер наткнулся на фотоснимок студенческих беспорядков в Берлине. Двое парней держали за руки старика, а третий бил его по лицу тыльной стороной ладони. Пальцы у старика торчали вверх, и в ярком свете прожектора костяшки белели, как на гипсовой скульптуре. Фотоснимок был обведен красной шариковой ручкой.

- Я что хочу сказать: с ним никогда не знаешь, не обидел ли его,- продолжал Гонт,- не задел ли больное место. Иногда я думаю, говорил я жене... по правде сказать, ей самой было с ним не просто... так вот, я ей говорил, что не хотелось бы мне видеть его сны.

Тернер встал. - Какие сны?

- Вообще сны. То, что он повидал в жизни, это же, наверно, снится ему. А видел он, говорят, многое. Все эти зверства.

- Кто говорит?

- Люди. Один из шоферов, например, Маркус. Он теперь от нас ушел. Он служил с ним вместе в Гамбурге в сорок шестом или вроде того. Страсть.

Тернер открыл старый номер "Штерна", лежавший на шкафу. Весь разворот был занят снимками беспорядков в Бремене. На одном фото Карфельд произносил речь с высокой деревянной трибуны, вокруг - вопящая в экстазе молодежь.

- По-моему, его это очень волновало,- продолжал Гонт, заглядывая Тернеру через плечо,- Он частенько заводил речь о фашизме.

- Вот как? - негромко проговорил Тернер.- Расскажите об этом, Гонт, меня интересуют такие темы.

- Что сказать? Иной раз,- Гонт явно начал нервничать,- он очень распалялся. Все это снова может случиться, говорил он, а Запад будет стоять в стороне. Банкиры вносят в это свою долю - вот все и начнется сначала. Еще он говорил, что социалисты там или консерваторы - это теперь ничего не значит, раз решения принимаются в Цюрихе или в Вашингтоне. Это видно, он говорил, из последних событий. Что ж, все ведь правильно, и спорить не о чем.

На какое-то мгновение - будто выключилась звуковая дорожка - исчез шум уличного движения, машинок, голосов, и Тернер уже не слышал ничего, кроме биения собственного сердца.

- Какое же он предлагал лекарство? - спросил он тихо.

- Он его не знал.

- Скажем: никто не имеет права бездействовать.

- Он этого не говорил. - Упавал на бога?

- Нет, он не из верующих. Истинно верующих в душе.

- На совесть?

- Я сказал вам. Он сам не знал.

- Он никогда не говорил, что вы можете восстановить равновесие? Вы с ним вдвоем?

- Он совсем не такой,- ответил Гонт нетерпеливо.- Он не любит компаний. По крайней мере когда речь идет... ну, о том, что лично для него важно.

- Почему он не нравится вашей жене? Гонт заколебался.

- Она старалась быть поближе ко мне, когда он при ходил к нам, вот и все. Не из-за того, что он что-нибудь делал или говорил, просто ей хотелось быть ко мне поближе.- Он снисходительно улыбнулся.- У женщин бывает такое, вы понимаете. Это естественно.

- Подолгу он задерживался у вас? Случалось так, чтобы сидел часами? Болтал? Пялил глаза на вашу жену?

- Не смейте так говорить,- оборвал его Гонт. Тернер отошел от стола и, снова подойдя к шкафу, стал разглядывать цифры на подошве галош.

- А потом, он никогда долго не сидел у нас. Он уходил и работал по вечерам, вот что он делал. В последнее время. В архиве и в канцелярии. Он говорил мне: "Джон, я тоже хочу внести свой вклад". И право же, он вносил свой вклад. Он гордился тем, что сумел сделать за последние месяцы. Даже смотреть было приятно, так здорово он работал. Иногда засиживался за полночь, а иной раз и до утра.

Светлые, почти бесцветные глаза Тернера были прикованы к темному лицу Гонта.

- Вот как?

Он бросил галоши обратно в шкаф, они плюхнулись туда со стуком, странно прозвучавшим в наступившей тишине.

- У него, знаете ли, была уйма работы. Куча работы. Слишком он хороший работник для этого этажа, вот что я скажу.

- И так повторялось каждую пятницу, начиная с января. После спевки он поднимался к вам, выпивал в уюте чашечку-другую чаю и сидел у вас, пока все здесь не успокоится, а тогда спускался вниз и работал в архиве?

- Как часы. Он и приходил-то уже готовый к работе. Сначала на репетицию хора, потом к нам на чашку чаю, пока остальные не очистят помещение, потом вниз, в архив. "Джон,- говорил он мне,- я не могу работать в суматохе: не переношу суеты. По правде говоря, я люблю тишину и покой. Уже годы не те, никуда от этого не уйдешь". Всегда у него был при себе портфель. Термос, возможно, пара сэндвичей. Очень толковый человек, все умел.

- Конечно, расписывался в книге ночного дежурного? Гонт заколебался, только теперь осмыслив до конца,

какую угрозу таит в себе этот спокойный, не допускающий недомолвок тон. Тернер захлопнул деревянные дверцы шкафа.

- Или вы, черт бы вас побрал, не утруждали этим себя? Конечно, неудобно все время соблюдать формальности, когда речь идет о госте. Притом о госте-дипломате, который удостоил вас визитом. Пусть себе приходит и уходит среди ночи, если ему вздумается, черт подери, вам-то что? Конечно, невежливо что-нибудь проверять, правда? Он ведь вроде как член семьи. Обидно нарушать согласие какими-то формальностями. И к тому же не по-христиански, вовсе не по-христиански. Вы, наверно, понятия не имеете, когда он уходил из посольства? В два? В четыре?

Гонт даже затаил дыхание, чтобы расслышать это,- так тихо говорил Тернер.

- В этом нет ничего плохого, я думаю? - спросил Гонт.

- И потом этот его портфель,- продолжал Тернер так же тихо.- Конечно, нехорошо разглядывать, что в нем лежит. Открыть термос, к примеру? Не по-божески. Не беспокойтесь, Гонт, тут нет ничего плохого. Ничего такого, чего нельзя было бы искупить молитвой и вылечить чаш кой хорошего чая.- Тернер стоял теперь у двери, и Гонт вынужден был повернуться к нему.- Вы просто играли в счастливую семью, вам нужно было, чтобы он приласкал вас, и

тогда вы чувствовали себя хорошо.- В голосе его появился валлийский акцент - жестокая пародия на Гонта: - Смотрите, как мы благородны... как любим друг друга... Смотрите, как шикарно мы живем - принимаем у себя настоящего дипломата... Поистине мы - соль земли... У нас всегда найдется что пожевать... Сожалею, что вы не можете попользоваться и женой, но это уж моя привилегия... Что ж, Гонт, вы проглотили всю приманку целиком. Называетесь охранником, а дали соблазнить себя и положить в постель за полкроны.- Он толчком распахнул дверь.- Гартинг в отпуске по семейным обстоятельствам, не забывайте этого, если не хотите напортить себе еще больше.

- Может, так ведется там, откуда явились вы,- вдруг сказал Гонт, будто внезапно прозрев,- но я живу в другом мире, мистер Тернер, и не пытайтесь отнять его у меня. Я делал для Лео все, что мог, и буду делать для него, что смогу. Не знаю, почему вы все перевернули по-своему. Все вы изгадили, все.

- Убирайтесь к черту! - Тернер сунул ему ключи, но Гонт не взял их, и они упали к его ногам.- Если вы что-нибудь еще знаете про него, еще какую-нибудь интересную сплетню, лучше скажите мне сейчас. Быстро. Ну?

Гонт покачал головой.

- Уходите,- сказал он.

- Что еще говорят люди? Что-нибудь ведь болтали в хоре, верно, Гонт? Можете мне сказать, я вас не съем,

- Ничего я не слышал.

- Что думает о нем Брэдфилд?

- Откуда мне знать? Спросите у Брэдфилда.

- Он ему симпатизировал?

Лицо Гонта потемнело от негодования.

- Не считаю нужным говорить об этом,- ответил он резко,- не имею привычки сплетничать о своих начальниках.

- Кто такой Прашко? Говорит вам что-нибудь эта фамилия?

- Мне нечего больше сказать. Я ничего не знаю. Тернер показал на небольшую кучку вещей на столе.

- Отнесите это в шифровальную. Они мне понадобятся позже. И вырезки тоже. Передайте их тамошнему сотруднику, и пусть распишется за них, ясно? Как бы он ни был вам разлюбезен. И составьте еще список всего, что пропало. Всего, что Гартинг взял с собой.

Он не пошел к Медоузу сразу, а вышел из здания и постоял немного на полоске травы за автомобильной стоянкой. Дымка тумана висела над пустырем, и шум уличного движения накатывался, как грохот морского прибоя. Темная решетка строительных лесов закрывала здание Красного Креста, сверху над ним нависал оранжевый кран, и здание было похоже на нефтеналивную баржу, бросившую якорь на мостовой. Полицейские смотрели на Тернера с любопытством - он стоял неподвижно и не сводил глаз с горизонта, хотя весь горизонт заволочло тучами. Наконец - точно по команде, которой они не слышали,- он повернулся и медленно пошел назад, к главному входу.

- Вам нужно выправить постоянный пропуск,- сказал охранник с лицом хоряка.- Ходите весь день туда-сюда.

В архиве стоял запах пыли, сургуча и типографской краски. Медоуз ждал его. Он казался изможденным и очень усталым. Он даже не шелохнулся, когда Тернер направился к нему, пробираясь между столами и папками,-просто смотрел на него, отчужденно и презрительно.

- Почему им понадобилось прислать именно вас? - спросил он.- Что,

никого другого нет? Кого вы на этот раз намерены погубить?

6. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВСЕ ПОМНИТ

П о н е д е л ь н и к . У т р о

Они стояли в небольшом святилище, в сейфе, облицованном изнутри стальными плитами, который служил и бронированной комнатой, и кабинетом. Окна были забраны двойными решетками - тонкой проволочной сеткой и тяжелыми стальными прутьями. Из соседней комнаты непрерывно доносились шаги и шелест бумаги. Медоуз был в черном костюме, со множеством булавок, вколотых в лацканы его пиджака. Стальные шкафы, как часовые, выстроились вдоль стен. У каждого - номер на дверце и секретный замок с шифром.

- Из всех людей, которых я поклялся больше никогда не видеть...

- ...Тернер стоит на первом месте. Ладно, ладно. Не у вас одного.

Давайте не будем говорить об этом.

Он сели.

- Она не знает, что вы здесь,- сказал Медоуз.- Я не скажу ей, что вы здесь.

- Ладно.

- Он встречался с ней всего несколько раз. Между ними ничего не было.

- Я не буду попадаться ей на глаза.

- Да,- сказал он, глядя не на Тернера, а мимо него, на шкафы,- да, вы не должны ей попадаться.

- Постарайтесь забыть, что это я,- сказал Тернер.- Я вас не тороплю.

На мгновение лицо Тернера словно утратило свое жесткое выражение - на грубые черты его легли тени, и оно стало почти таким же старым, как у Медоуза, и таким же усталым.

- Я все расскажу вам сразу,- сказал Медоуз.- И - конец. Я расскажу вам все, что знаю, и вы уберетесь отсюда.

Тернер кивнул.

- Все началось с Автоклуба для иностранцев,- сказал Медоуз.- Там я, в сущности, и познакомился с ним. Я люблю машины, всегда их любил. Специально перед выходом на пенсию купил себе "ровер", с цилиндром на три литра...

- Давно вы здесь?

- Год. Да, уже год.

- Приехали прямо из Варшавы?

- Нет, некоторое время мы пробыли в Лондоне. Потом меня послали сюда.

Мне было пятьдесят восемь, оставалось дослужить два года. После Варшавы я решил, что буду относиться к вещам поспокойнее. Хотелось позаботиться о ней, помочь ей оправиться...

- Ладно, ладно.

- Я, как правило, мало куда хожу, но в этот клуб вступил. Там народ главным образом из Англии и из стран Содружества, но приличные люди. Я считал, что это нам вполне подойдет - встречи раз в неделю, летом на воздухе, зимой - за столом. Понимаете, я мог брать туда Майру, вернуть ее к привычной жизни, приглядывать за ней... И по том, она сама этого хотела. Была растеряна, искала общества. Кроме меня, у нее ведь никого нет.

- Ладно, ладно,- сказал Тернер.

- Там собрался хороший народ к тому времени, когда мы вступили в этот клуб; впрочем, как во всяком клубе, и в нашем были свои взлеты и падения -

ведь все дело в том, кто в правлении. Выберешь порядочных людей - и все получается очень хорошо и интересно, выберешь плохих - и начинаются склоки и всякое такое,

- Гартинг там был, конечно, на главных ролях?

- Не торопите меня, ладно? Дайте говорить, как я хочу.- Медоуз сказал это твердо и неодобрительно. Так отец делает замечание сыну.- Нет, он не был там на главных ролях, во всяком случае, в то время. Он был рядовым членом клуба, вот и все, обычным рядовым членом. Мне кажется, и ходил он туда редко, может, на одно из шести собраний. Вообще-то он не считался там своим. Он ведь имел дипломатический ранг, а это клуб не для дипломатов. В середине ноября у нас там было годовичное собрание. Неужели на этот раз у вас нет при себе вашей черной книжицы?

- В ноябре,- сказал Тернер, никак не реагируя,- пять месяцев назад. Годичное собрание.

- Странное было собрание, я бы сказал. Своеобразная атмосфера. Карфельд уже полтора месяца как начал действовать, и мы все ждали, что будет дальше. Председательствовал Фрэдди Лакстон - он в то время уже знал о своем назначении в Найроби; Билл Эйнтри был секретарем по культурно-массовым делам - он получил как раз уведомление о переводе в Корею. Все мы нервничали: надо было выбрать новое правление, рассмотреть все вопросы, стоявшие на повестке дня, и договориться о зимнем пикнике за город. Тут-то вдруг и выскочил Лео, и в известном смысле именно тогда он и сделал первый заход в мой архив.

Медоуз умолк.

- Понять не могу, как это я так оплошал, ну прямо понять не могу,- сказал он.

Тернер ждал.

- Говорю вам, мы никогда и не слышали о нем ничего, не знали, что его интересуется наш клуб. И потом, у него была такая репутация...

- Какая репутация?

- Ну, говорили, что он человек несолидный. Без роду и племени. Пустой человек. Ходили какие-то слухи насчет КЛльна. Мне, честно говоря, не нравилось то, что я о нем слышал, и мне не хотелось, чтобы он встречался с Майрой.

- Какие слухи насчет КЛльна?

- Сплетни, ничего больше. Он там подрался. Ввязался в драку в ночном ресторане.

- Подробности неизвестны?

- Неизвестны.

- Кто еще был там?

- Понятия не имею. О чем я говорил?

- О клубе. О годовичном собрании клуба.

- Да, поездка за город. "Так какие будут предложения?" - спросил Билл Эйнтри. И Лео тут же вскочил. Он сидел примерно на три ряда позади меня. "Смотри-ка,- говорю я Майре,- что это он вдруг?" Лео сказал, что у него есть предложение. По поводу зимней поездки за город. Он знает одного старика в КЛнигсвинтере, у которого есть несколько двухпалубных прогулочных барж. Старик этот очень богат и очень любит англичан, занимает высокое положение в Англо-германском обществе. И этот старый господин согласился предоставить нам две баржи и команду, чтобы прокатить весь клуб до Кобленца и обратно. В виде благодарности за какую-то услугу, оказанную ему англичанами во времена оккупации. У Лео всегда были знакомства с такими людьми,- сказал Медоуз, и улыбка ненадолго озарила его грустное лицо.- Надо будет оплатить проезд, ром

и кофе в пути и большой обед в Кобленце. Лео уже все рассчитал. Он думает, что вместе с подарком его другу это обойдется в двадцать одну марку восемьдесят на каждого,- Медоуз остановился.- Я не могу говорить быстрее, не привык.

- Я ведь ничего не сказал.

- Вы все время торопите меня, я это чувствую,- раздраженно ответил Медоуз и вздохнул.- Они попались на эту удочку, все мы попались - и члены правления, и остальные. Не мне вам объяснять, каковы люди. Если человек твердо знает, чего он хочет...

- А он знал, чего хочет.

- Может, кое-кто и подумал, что он выслуживается, но всем было безразлично. Некоторые из нас считали, честно говоря, что он возьмет себе коммиссионные, но, пожалуй, он их и заработал. В любом случае плата была довольно умеренная. Билл Эйнтри собирался уезжать, ему было все равно, он поставил предложение на голосование. Фрэдди Лакстон уже сидел на чемоданах, ему тоже ни до чего не было дела. Он поддержал предложение. Оно было принято, и решение занесено в протокол, никто не сказал ни звука против. Как только собрание закончилось, Лео подошел к нам с Майрой, улыбаясь во весь рот. "Ей очень понравится,- сказал он,- уверен, что Майре понравится. Очень приятная поездка по реке. Она будет в восторге". Будто все это он устроил специально для Майры. Я сказал: "Да, конечно",- и предложил ему выпить стаканчик. Мне показалось, что получается нехорошо, что бы там про него ни говорили, но он так старался, и никто не обратил на это ровно никакого внимания. Мне стало жаль его. И потом, я был ему благодарен,- сказал Медоуз просто,- да и сей час еще благодарен - это была чудесная поездка.

Он снова замолчал, и снова Тернер ждал, пока его собеседник справится со своим волнением и своими затаенными чувствами. Через зарешеченное окно в комнату доносилось неустанное биение железного сердца Бонна: далекий грохот кранов и буров, стенания ошалело мчащихся куда-то автомобилей.

- Честно говоря, я думал, что все это - подходы к Майре,- сказал наконец Медоуз.- Признаюсь, я следил за ним. Но ничего не было, даже намек, ни с той, ни с другой стороны. Уж по этой-то части я теперь достаточно наблюдателен. После Варшавы.

- Я вам верю.

- Мне все равно, верите вы мне или нет. Это чистая правда.

- И на этот счет у него тоже была неважная репутация?

- В какой-то мере.

- С кем же у него был роман?

- Я продолжу свой рассказ, если не возражаете,- сказал Медоуз, разглядывая свои руки.- Не собираюсь распространять эти грязные сплетни. А уж меньше всего - сообщать вам. Здесь болтают много чепухи, слушать тошно.

- Я выясню,- сказал Тернер, и лицо его окаменело, как у мертвеца.- Придется потратить больше времени, но пусть это вас не беспокоит.

- Было ужасно холодно - куски льда плыли по воде,- продолжал Медоуз,- и очень красиво, если вы способны это понять. Все было так, как обещал Лео: ром и кофе для взрослых, какао для детишек. Все были довольны и трещали, как сверчки. Мы выехали из КНигсвинтера и, прежде чем подняться на борт, выпили по стаканчику у него дома. И с той минуты Лео уже не отходил от нас. От меня и от Майры. Он относился к нам по-особому, иначе не скажешь. Словно кроме нас никто больше для него не существовал. Майра была в восторге. Он укутал ее шалью, рассказывал забавные истории... Я не слышал, чтобы она когда-нибудь так смеялась со времен Варшавы. Она все повторяла: "Уже давно

мне не было так хорошо".

- Какие же это забавные истории?

- Все больше о себе самом. Одна, помню, была о том, как он в Берлине вез тачку с папками через площадь во время учебных занятий кавалерии. Старшина на коне, а он, Лео, внизу со своей тачкой... Он умел подражать разным людям - то он кавалерист на лошади, то - гвардейский капрал. Он даже умел изображать звук трубы и разное другое. Просто поразительно. Поразительная способность. Очень занятный человек Лео. Очень,- Он посмотрел на собеседника, точно ожидая возражений, но лицо Тернера оставалось бесстрастным.- Когда мы ехали назад, он отвел меня в сторонку: "Артур, два слова на ушко". Типично для него это "на ушко". Вы ведь знаете, как он разговаривает.

- Нет, не знаю.

- Доверительно. Будто с вами одним. "Артур, - сказал он,- Роули Брэдфилд вызывал меня. Они хотят, чтобы я перешел в архив и помог вам, но, прежде чем сказать ему "да" или "нет", я хочу знать, что думаете об этом вы". Предоставил решать мне, понимаете. Если этот план мне не по нутру, он откажется - вот на что он намекал. Ну, признаться, это было для меня полнейшей неожиданностью, я не знал, что и подумать: как-никак он второй секретарь... что-то тут неладно - такова была моя первая реакция. И честно говоря, я не до конца поверил ему. Поэтому я спросил: "Есть у вас опыт работы в архиве?" Он ответил, что кое-какой опыт есть, но работал он там очень давно, хотя всегда подумывал о том, чтобы вернуться в архив.

- Когда же это было?

- Что когда было?

- Когда прежде он работал в архивах?

- Кажется, в Берлине. Знаете, как-то неудобно спрашивать Лео о его прошлом. Никогда не знаешь, что можешь услышать в ответ.- Медоуз покачал головой.- И вот он задает такой вопрос. Мне сразу показалось, что тут что-то не так, но что я мог ему сказать? "Это должен решать Брэдфилд,- ответил я.- Если он вас ко мне посылает и вы согласны перейти в архив, работы у нас хватит". Честно сказать, какое-то время это меня тревожило, я даже собирался переговорить с Брэдфилдом, но все откладывал. Лучше всего, подумал я, не торопить события. Может, об этом и не будет больше речи. Сначала так оно и вышло. В мире положение снова осложнилось. В Англии начался правительственный кризис, в Брюсселе - золотая лихорадка. А тут Карфельд стал действовать очень бурно и активно по всей стране. Из Англии приезжали делегации, профсоюзы выступали с протестами, ветераны устраивали встречи старых боевых товарищей - словом, происходило бог знает что. Архив и канцелярия гудели как улей, и Гартинг совершенно вылетел у меня из головы. К тому времени он уже был в клубе секретарем по культурно-массовым делам, но вне клуба я почти не встречался с ним. Короче, было не до него. Слишком много других забот.

- Понятно.

- И вдруг Брэдфилд посылает за мной. Как раз перед праздниками - двадцатого декабря. Сначала спрашивает, как я справляюсь с уничтожением устаревших дел. Я был несколько смущен, по правде говоря, у нас и без того хватало работы последние месяцы. Об этих самых устаревших делах мы и думать позабыли.

- Прошу вас, ничего теперь не опускайте: мне нужны все подробности.

- Я ответил, что дело идет очень медленно. Тогда, спросил он, что я скажу, если он пришлет мне кого-нибудь в помощь, кого-нибудь, кто доделает

эту работу. Есть предложение, продолжал он, пока еще только предложение, он хотел сначала поговорить со мной,- так вот, есть предложение послать ко мне в помощь Гартинга.

- Чье предложение?

- Он не сказал.

Они оба вдруг осознали весь смысл сказанного, и каждый по-своему был озадачен.

- Кто бы ни подал такую мысль Брэдфилду,- сказал Медоуз,- все равно это была нелепица.

- Вот и я так подумал,- признался Тернер, и они снова помолчали.- Словом, вы ответили, что согласны взять его?

- Нет, я сказал правду. Сказал, что Гартинг мне не нужен.

- Не нужен? Вы сказали это Брэдфилду?

- Не нажимайте на меня. Брэдфилд прекрасно знал, что мне никто не нужен. Во всяком случае, для уничтожения устаревших дел. Я зашел в министерский архив, когда был в Лондоне, и поговорил там. Это было в ноябре прошлого года, когда началась вся эта чехарда с Карфельдом. Я сказал, что меня беспокоит задержка с уничтожением устаревших дел, и спросил, можно ли это отложить, пока обстановка не разрядится. Они ответили, чтобы я не ломал над этим голову.

Тернер не сводил с него глаз.

- И Брэдфилд знал об этом? Вы уверены, что Брэдфилд знал об этом?

- Я направил ему запись этой беседы. Но он даже не упомянул о ней. Я после спрашивал его помощницу, и она сказала, что точно помнит, как передала ему запись беседы.

- Где же эта запись? Где она теперь?

- Пропала. Это была запись на отдельных листках, и Брэдфилду надлежало решить, сохранить ее или уничтожить. Но в архиве-то об этом прекрасно помнят: они очень удивились, когда узнали потом, что мы все-таки занялись этой работой.

- С кем вы разговаривали в архиве?

- Один раз - с Максвеллом, другой раз - с Каудри.

- Вы напоминали об этом Брэдфилду?

- Я начал было говорить, но он сразу прервал меня. Не дал слова сказать. "Все решено,- заявил он.- Гартинг придет к вам в середине января и займется сведениями об отдельных лицах и уничтожением устаревших дел". Другими словами: ешь, что дают. "Можете забыть, что он - дипломат,- сказал Брэдфилд,- относитесь к нему как к подчиненному. Относитесь к нему как хотите. Но он приходит к вам в середине января, и это - дело решенное". А Брэдфилд ведь, знаете, не церемонится с людьми. В особенности с такими, как Гартинг.

Тернер писал что-то в своей книжечке, но Медоуз не обращал на это внимания.

- Так он попал ко мне. Все это - правда. Я не хотел его, я не доверял ему, во всяком случае, не во всем и не сразу. По-моему, я дал ему это понять. У нас и без того было слишком много хлопот, я просто не хотел тратить время на обучение такого человека, как Лео. Что мне было делать с ним?

Девушка внесла чай. Коричневый мохнатый шерстяной колпак прикрывал чайник, каждый кубик сахара был упакован в отдельную бумажку с этикеткой "Наафи". Тернер улыбнулся девушке, но она даже бровью не повела. Стало слышно, как кто-то кричит, повторяя слово "Ганновер".

- Говорят, и в Англии дела неважные,- сказал Медоуз.- Беспорядки, демонстрации, всякие протесты. Что это вселилось в ваше поколение? Ч т о мы вам сделали? Вот чего я никак не могу понять.

- Мы начнем с его прихода,- сказал Тернер. "Вот каково это - иметь отца, с которым хочешь поделиться,- вера в ценности ради них самих и пропасть шириной с Атлантику, разделяющая поколения".

- Я сказал Гартингу, когда он пришел: "Лео, держитесь в стороне, не вертитесь под ногами и не мешайте другим сотрудникам". Он повел себя кротко, как ягненок: "Очень хорошо, Артур, как вы сказали, так и будет". Я спросил, есть ли у него работа для начала. Он ответил, что да, на некоторое время ему хватит работы с досье "Сведения об отдельных лицах".

- Все это похоже на сон,- сказал наконец Тернер негромко, отрываясь от своей книжечки.- Волшебный сон. Сначала он забирает в свои руки клуб. Единоличный захват власти. Настоящая партийная тактика. Беру на себя всю грязную работу, а вы все спите спокойно. Потом обводит вокруг пальца вас, потом Брэдфилда, и через два месяца в его распоряжении оказывается весь архив. Как он вел себя? Заносчиво? Вероятно, помирал со смеху.

- Вел он себя очень робко, вовсе не заносчиво. Я бы даже сказал, приниженно. Совсем не похоже на то, что мне о нем говорили.

- Кто говорил?

- Ну... не знаю. Очень многие не любили его. А еще больше таких, кто ему завидовал.

- Завидовал?

- Он ведь аттестованный, у него дипломатический ранг. Хоть он и временный. Говорили, что за две недели он возьмет в свои руки весь наш отдел и будет получать десятипроцентную надбавку за папки. Знаете, как люди говорят в таких случаях. Но он переменялся. Все признали это, даже Корк и Джонни Слинго. Они говорили, что это произошло, когда обострилась обстановка. Это его отрезвило.- Медоуз покачал головой, словно ему было неприятно думать о том, что вот, мол, хороший человек свернул на дурной путь.- И он оказался полезен.

- Ну, еще бы. Он взял вас штурмом.

- Не знаю, как он это сумел. Он ничего не знал об архивах, по крайней мере таких, как у нас. И хоть убейте меня, не пойму, как он сумел так сблизиться с сотрудниками, что они отвечали ему, когда он спрашивал. Так или иначе, а к середине февраля досье "Сведения об отдельных лицах" было составлено, подписано и передано куда нужно, и работу с уничтожением устаревших дел он тоже подогнал. А каждый из нас был занят своим: Карфельд, Брюссель, кризис коалиционного правительства и все прочее. И среди всего этого хаоса - Лео, непоколебимый как скала, трудился над своими многочисленными мелкими поручениями. Ему ничего не приходилось повторять дважды. В этом, мне кажется, половина его успеха. Он собирал обрывки информации, копил и потом сообщал вам же через несколько недель, когда вы об этом и думать забыли. По-моему, он запоминал каждое сказанное ему слово. Он умел слушать даже глазами - вот что такое Лео.- Медоуз покачал головой, вспоминая.- "Человек, который все помнит" - так прозвал его Джонни Слинго.

- Полезное качество. Для сотрудника архива, разумеется,

- Вы видите все это в ином свете,- сказал наконец Медоуз.- Вы не в состоянии отличить хорошее от дурного.

- Скажите мне, когда я пойду по неверному пути,- попросил Тернер, продолжая писать.- Я буду вам благо дарен, очень благодарен.

- Уничтожение старых дел - довольно сложная штука,- продолжал Медоуз,

словно размышляя над тайнами своего ремесла.- Сначала вы думаете, что это очень просто. Вы выбираете дело побольше, скажем из двадцати пяти томов. Ну, к примеру, "Разоружение". Это целый мешок, тяжелый как камень. Сперва вы заглядываете в последние папки, чтобы выяснить, какой там материал и к какому времени он относится. Так. Что же вы находите? Демонтаж оборудования в Руре, 1946 год. Политика Контрольной комиссии по выдаче лицензии на стрелковое оружие, 1949 год. Восстановление немецкого военного потенциала, 1950 год. Некоторые из этих бумаг так устарели, что вызывают смех. Вы смотрите в текущие документы для сравнения, и что вы там находите? Боеголовки для бундесвера. Одно от другого отделяют миллионы миль. Ладно, говорите вы, будем жечь старые бумаги, они больше не нужны. По крайней мере пятнадцать папок можно выбросить. Кому у нас поручено заниматься разоружением? Питеру де Лиллу. Надо его спросить; "Скажите, пожалуйста, можно нам уничтожить папки по шестьдесят шестой год?" "Не возражаю", - говорит он, и все в порядке.- Медоуз покачал головой.- Только на самом деле ничего не в порядке. Даже наполовину не в порядке. Нельзя просто выдрать бумаги из десяти папок и бросить их в огонь. Во-первых, существует регистрационная книга - кто-то должен аннулировать в ней все записи! Кроме того, имеется картотека - из нее нужно вынуть соответствующие карточки. Есть в этих папках договоры? Есть - значит, согласуйте с правовым отделом. Заинтересованы в этих бумагах военные? Согласуйте с военным атташе. Имеются копии в Лондоне? Нет. Мы сидим и ждем два месяца: ни один оригинал, не имеющий копии, не может быть уничтожен без письменного разрешения архива министерства. Теперь вам понятно?

- Суть дела ясна,- ответил Тернер, ожидая дальнейшего.

- Потом еще перекрестные ссылки, другие папки из той же серии. Как уничтожение скажется на них? Нужно ли их тоже уничтожить? Или для верности следует кое-что из дела сохранить? Прежде чем ты окончательно разберешься, надо порыскать по всему архиву и заглянуть в каждую щель. Не остается ничего сокрытого. Работе этой конца нет, если ты за нее взялся.

- Как я понимаю, это устраивало его на все сто процентов?

- Никаких ограничений,- заметил Медоуз просто, будто отвечая на вопрос.- Вас это может возмутить, но я считаю, что это - единственно возможная система. Каждый может брать любую бумагу - вот мое правило. Каждый, кого ко мне присылают. Я доверяю им. Иначе в нашем отделе работать невозможно. Я не в состоянии ходить и вынюхивать, кто что читает и зачем. Правильно? - спросил он, не обращая внимания на удивленный взгляд Тернера.- Лео чувствовал себя как рыба в воде. Просто удивительно. Он был счастлив. Ему нравилось работать здесь, и скоро я тоже был рад, что он пришел к нам. Ему нравились сотрудники.- Медоуз помолчал.- Единственное, против чего мы возражали,- продолжал он с неожиданной улыбкой,- это невообразимые сигары, которые он курит. По-моему, они голландские, с Явы. Зловоние от них - на все помещение. Мы поддразнивали его, но он продолжал свое. А теперь вот мне их словно не хватает,- продолжал Медоуз негромко.- Он был не в своей среде в аппарате советников, и первый этаж, на мой взгляд, тоже не подходил ему, а у нас здесь как раз то, что ему нужно.- Он кивнул в сторону закрытой двери.- У нас тут иногда как в магазине: приходят клиенты, ну, и наши люди - Джонни Слинго, Валери... они его тоже полюбили. Ничего другого не скажешь. Все были настроены против него, когда он пришел, и за одну неделю привязались к нему. Так обстояло дело. У него был под ход к людям. Я знаю, что вы думаете: мол, сумел подольститься ко мне, так вы скажете. Что ж, пусть так. Всякому хочется, чтобы его любили, а он любил нас. Что ж, я одинок. Майра причиняет

мне немало хлопот, я оказался плохим отцом и никогда не имел сына. Наверно, и это все сыграло какую-то роль, хотя он только на десять лет моложе меня. Может быть, разница кажется больше оттого, что он маленького роста.

- Любит он поухаживать за женщинами? - спросил Тернер скорее для того, чтобы прервать неловкое молчание, а не потому, что заранее обдумал свой вопрос.

- Да нет, так только - поддразнивает их.

- Слышали вы когда-нибудь о женщине по фамилии Аикман?

- Нет.

- Маргарет Аикман. Они были помолвлены, она и Лео.

- Нет, не слыхал.

Они все еще не смотрели друг на друга.

- И работа ему нравилась,- продолжал Медоуз.- В эти первые недели. Он, по-моему, раньше не понимал, как много знает по сравнению со всеми нами. Знает Германию, я хочу сказать. Ее корни, почву.

Он замолчал, вспоминая, может быть, то, что было пятьдесят лет назад.

- И этот мир он тоже знает,- добавил Медоуз,- знает до тонкостей.

- Какой мир?

- Послевоенную Германию. Оккупацию, те годы, о которых больше не желают помнить. Знает как собственную ладонь. "Артур,- говорил он мне,- я видел эти города, когда они были всего лишь стоянками для машин, я слышал, как разговаривали эти люди, когда даже язык их был под запретом". Иногда это уводило его в сторону. Иной раз я видел, что он сидит тихо как мышь, будто зачарованный папкой, которую читает. Случалось, он поднимет голову и смотрит вокруг: нет ли кого-нибудь, кто может на минутку оторваться и послушать, на что он наткнулся. "Вот,- скажет,- видели? Мы раскассировали эту фирму в сорок седьмом, посмотрите на нее теперь". А то вдруг погрузится в оцепенение и уйдет в себя - там уж он один на один с собой. Мне кажется, ему бывало иной раз тяжело оттого, что он столько знал. Странно, но порой он, по-моему, чувствовал себя виноватым. Он много говорил нам о своей памяти. "Вы заставляете меня уничтожить мое детство,- сказал он однажды. Мы рвали какие-то папки для уничтожения.- Вы делаете из меня старика". Я тогда ответил: "Если я делаю это, то превращаю вас в счастливейшего человека на земле". И мы вместе хорошо тогда посмеялись.

- Говорил он когда-нибудь о политике?

- Нет.

- Что он говорил о Карфельде?

- Он был озабочен. Это естественно. Именно из-за Карфельда он и радовался, что помогает нам,

- Ну да, конечно.

- Людям надо доверять,- сказал Медоуз непримиримо.- Вы этого не поймете. И он правильно говорил: мы старались избавиться от старья, а в нем было его детство. Именно это старье больше всего значило для него.

- Ну, ладно.

- Послушайте. Я не выступаю его адвокатом. Насколько я понимаю, он погубил мою карьеру или то, что еще осталось от нее после вашего вмешательства. Но я повторяю: вы должны видеть в нем и хорошее тоже.

- Я с вами не спорю.

- Они б е с п о к о и л и его, эти воспоминания. Помню, раз это проявилось в связи с музыкой: он поставил мне послушать пластинки. Главным образом чтобы продать их мне, так я думаю: он заключил какое-то соглашение, которым очень гордился, с одним из магазинов в городе. Я сказал: "Знаете,

Лео, так не годится. Вы зря тратите время. Я прослушиваю одну пластинку, и вы тут же ставите другую. К этому времени я забываю первую". Он сразу же оборвал меня: "Тогда вам нужно стать политическим деятелем, Артур. Именно так они и поступают". И он говорил совершенно серьезно, поверьте.

Тернер вдруг усмехнулся.

- Это очень забавно.

- Было бы забавно, если бы он при этом так не разозлился. В другой раз мы разговаривали о Берлине, о чем-то в связи с кризисом, и он сказал: "Ладно, все это неважно, никто больше не думает о Берлине", что, правду сказать, совершенно справедливо. Я имею в виду папки. Никто больше не берет эти папки и не интересуется тамошними обстоятельствами. Во всяком случае, не так, как раньше. Словом, в политическом отношении это теперь прошлогодний снег, "Нет,- говорил он,- бывает малая память и большая память. Малая память существует для того, чтобы помнить малые дела, а большая - чтобы забывать большие". Вот что он сказал. Это как-то задело меня. Я хочу сказать, что многие из нас сейчас так думают, в наши дни трудно думать по-другому.

- Он иногда забегал к вам домой? Коротали вместе вечеров?

- Случалось. Когда Майра куда-нибудь уходила. А иногда я забегал к нему.

- Почему когда Майра уходила? - Тернер особенно подчеркнул свой вопрос,- Вы все еще не доверяли ему?

- Разные ходили слухи,- ответил Медоуз ровным голосом.- Толковали о нем всякое, я не хотел, чтобы это как-то коснулось Майры.

- О нем и о ком еще?

- О девушках. Просто о девушках. Он был холост и любил поразвлечься.

- О ком именно? Медоуз покачал головой.

- У вас создалось неверное впечатление,- сказал он, играя скрепками и стараясь соединить их в цепочку.

- Говорил он с вами когда-нибудь об Англии военного времени? О своем дяде из Хэмпстеда?

- Рассказывал, что приехал в Дувр с биркой на шее. Но это было необычно.

- Что было необычно?

- Что он рассказывал о себе. Джонни Слинг говорил, что знал его четыре года до того, как он пришел в архив, и ни разу не вытянул из него ни слова. А тут он вдруг весь открылся, как говорил Джонни. Может быть, почувствовал приближение старости.

- Что же дальше?

- Это единственное, что у него было,- только эта бирка с надписью: "Гартинг, Лео". Ему обрили голову, послали на санитарную обработку, потом отправили в сельскую школу. Там, по-видимому, дали возможность выбрать между домоводством и сельским хозяйством. Он выбрал сельское хозяйство, потому что хотел иметь свой клочок земли. Мне это показалось нелепым: Лео хотел стать фермером. Но факт остается фактом.

- Он ничего не говорил о коммунистах? Или о левой юношеской группе в Хэмпстеде? Что-нибудь на эту тему?

- Ничего.

- А вы бы мне рассказали, если бы говорил?

- Сомневаюсь.

- Упоминал он когда-нибудь о человеке по имени Прашко? Депутате бундестага?

Медоуз заколебался.

- Он сказал однажды, что Прашко его продал.
- Каким образом? Как продал?
- Он не сказал. Говорил только, что они вместе эмигрировали в Англию и вместе вернулись сюда после войны. Прашко выбрал одну дорогу, Лео - другую.- Медоуз пожал плечами.- Я не уточнял. К чему? После он ни разу больше не упоминал о нем.

- Вот все говорят о его памяти. Как вы считаете, что он пытался запомнить?

- Мне кажется, что-то по части истории. Лео очень интересовался историей. Учтите, все это было уже месяца два назад.

- Какое это имеет значение?

- Это было до того, как он пошел по следу.

- Пошел по следу?

- Он шел по следу,- повторил Медоуз просто.- Я все время пытаюсь вам это втолковать.

- Расскажите мне о пропавших папках,- сказал Тернер.- Я хочу проверить регистрационные книги и почту.

- Вам придется подождать. Есть вещи, которые не сводятся просто к фактам, и, если вы дадите себе труд быть повнимательней, возможно, вы услышите о них. Вы сами вроде Лео: не успели задать вопрос, а уже хотите получить ответ. А я вот что пытаюсь вам объяснить: с самого первого дня его прихода к нам я знал, что он что-то ищет. Все мы это знали. У Лео все ведь на виду. И было ясно, что он хочет что-то найти. Каждый из нас по-своему что-то ищет, но Лео искал что-то совершенно конкретное, что-то почти ощути мое. И для него это "что-то" имело очень большое значение. А у нас здесь такое отношение к делу встречается крайне редко, поверьте.

Казалось, Медоуз рассказывает, опираясь на опыт целой жизни.

- Архивариус подобен историку. У него есть любимые эпохи, любимые места, короли и королевы. Все досе здесь связаны между собой, иначе и быть не может. Дайте мне любую папку из соседней комнаты, какую хотите папку, и я проложу вам тропинку через весь архив от морского торгового права в Исландии до последних данных о ценах на золото. В этом вся колдовская сила архивных дел: они не имеют конца.

- Так по какому же следу шел Лео?

- Подождите, я о важных вещах говорю. Я очень много думал об этом последние двадцать четыре часа, и вам придется выслушать меня до конца, хотите вы этого или нет. Архивные дела захватывают тебя, и ты ничего с этим не можешь поделать. Они способны изменить ход твоей жизни, если ты этому поддашься. Некоторым они заменяют жену и детей. Я видел таких людей. А порой они просто ведут тебя за собой, ты идешь по следу и не в силах свернуть с пути. Одержимость - вот что это такое... Путешествие без спутников. Это случается с каждым, так создан человек.

- И это случилось с Лео?

- Да. Да, это случилось и с Лео. Только еще одно: с первого дня его прихода к нам я почувствовал, что он... чего-то ждет, что ли. Такой у него был вид, так он просматривал бумаги. Будто вглядывался. Иной раз оторвусь отдела, посмотрю на него - и вижу эти небольшие карие глаза, которые пристально так вглядываются. Я знаю, вы скажете, что это плод воображения. Мне все равно. Я не делал никаких особых выводов. Мне было ни к чему. У каждого из нас свои заботы, и потом, тогда здесь у нас работали, как на конвейере. Позже я обдумал все это и решил: так оно и есть. Сначала - ничего особенного, я это видел. По том мало-помалу его потянуло по следу.

Внезапно зазвенел звонок. Долгий, властный звон заполнил все коридоры. Они услышали хлопанье дверей и топот бегущих ног, звонкий женский голос прокричал: "Валери, Валери, где же Валери?"

- Учебная пожарная тревога,- сказал Медоуз.- Сейчас у нас их по две-три на неделе. Не беспокойтесь, архива это не касается.

Тернер сел. Он казался еще бледнее, чем прежде. Широкой ладонью он пригладил свои светлые вихры.

- Я слушаю,- сказал он.

- Начиная с марта он все время работал над большим делом, над всеми материалами, относящимися к досье семьсот семь. Это законодательные акты. Их штук двести или даже больше, и касаются они главным образом передачи имущества в связи с окончанием оккупации. Условия нашего ухода, сохраняемые права, право отзыва, условия и стадии предоставления автономии и еще бог знает что. Все это - материалы с сорок девятого по пятьдесят пятый год, здесь сейчас совершенно ненужные. Он мог начать списывать для уничтожения двадцать различных дел, но как только напал на семьсот седьмое, больше ни на что не стал смотреть. "Вот это,- сказал он,- как раз мне подходит, Артур. Самое лучшее для начала, пока у меня режутся молочные зубы: я знаю, о чем здесь говорится, все это знакомая материя". Не думаю, чтобы кто-нибудь брал эти папки в руки последние пятнадцать лет. Но дело это было не простое, хотя и старое. Масса специальных терминов. Поразительно, как много Лео знал. Все эти термины - и немецкие, и английские,- всю юридическую фразеологию.- Медоуз покачал головой, выражая восхищение.- Я видел бумагу, составленную им для атташе правового отдела - резюме содержания одной из папок. Уверен, что мне такое не написать, не думаю, чтобы вообще кто-нибудь в аппарате советников справился с этим. По поводу Прусского уголовного кодекса и независимой юрисдикции региональных органов правосудия.

- Он знал больше, чем хотел показать,- это вы имеете в виду?

- Ничего похожего,- сказал Медоуз.- И не старайтесь вкладывать свои мысли в мои слова. Он приносил здесь пользу, вот что я имею в виду. Он обладал широкими познаниями, которые в течение долгого времени никак не использовались. И вдруг он получил возможность применить их при разборе досье семьсот семь. Речь, конечно, не шла об уничтожении, скорее об отправке дела в Лондон, чтобы оно хранилось там и не занимало у нас места. Но его нужно было прочесть целиком и оформить, как и все остальные досье. Лео занимался этим очень детально последние несколько недель. Я уже говорил вам: он работал не отвлекаясь, тихо как мышь. А с той минуты, как он погрузился в законодательные акты, он стал еще тише. Он пошел по следу.

- Когда это было?

В конце черной книжечки Тернера имелся календарь. Он открыл его.

- Три недели назад. Он углублялся в эти дебри все дальше и дальше. Был все так же обходителен: вскакивал, чтобы подать кому-нибудь из девушек стул или поднести пакет. Но что-то им уже завладело, и это "что-то" было очень важно для него. Правда, он отличался тем же любопытством - от этого его ничто не излечит: непременно хотел знать, чем живет каждый из нас. И все же он был как-то подавлен. С каждым днем это делалось все очевиднее. Он стал задумчивее, серьезнее. И вдруг в понедельник, в прошлый понедельник, все опять переменялось.

- Ровно неделю назад. Пятого числа.

- Семь дней. Всего-навсего? Боже милостивый! - Вдруг из соседней комнаты потянуло запахом горячего сургуча и раздался глухой стук большой печати, с силой опущенной на пакет.- Это они готовят двухчасовую почту"-

пробормотал Медоуз без всякой связи с предыдущим и посмотрел на свои серебряные карманные часы.- Ее надо сдать вниз к двенадцати тридцати.

- Я приду после обеда, если хотите.

- Нет, предпочитаю закончить с вами до обеда,- ответил Медоуз,- если не возражаете.- Он спрятал часы в карман.- Где же он? Вы-то знаете? Что с ним произошло? Он сбежал в Россию, да?

- Вы так думаете?

- Он мог сбежать куда угодно, тут ничего нельзя предположить. Он не был таким, как мы. Старался быть, но не был. Скорее он чем-то походил на вас, так мне кажется. Упорный. Всегда был занят делом, но делал его как-то задом наперед. Никогда не смотрел на вещи просто, в этом, на мой взгляд, его беда. Слишком много было у него всего в детстве, а вернее, детства-то не было. Это ведь, в конце концов, одно и то же. Я считаю, что люди должны расти медленно.

- Расскажите мне о прошлом понедельнике. Он переменялся. В чем?

- Переменялся к лучшему. Страхнул с себя что-то, не знаю, что именно. Сошел со следа. Когда я утром открыл дверь, он улыбнулся такой счастливой улыбкой. Джонни Слинго и Валери тоже заметили это. Мы, разумеется, работали на всех парах. Я был здесь большую часть субботы и все воскресенье. И остальные тоже приходили

в эти дни.

- А Лео?

- Он тоже работал, тут нет никаких сомнений, но мы мало видели его. Часок поработает здесь, наверху, потом часа три внизу...

- Внизу?

- В своей комнате. Он и раньше так делал: возьмет с собой несколько папок и работает у себя внизу. Там потише. "Я хочу, чтобы там был жилой дух, Артур,- говорил он мне,- это моя прежняя комната, и мне будет неприятно, если она придет в запустение".

- И он брал с собой папки туда, вниз? - спросил Тернер совсем тихо.

- Потом у него была еще церковь. На это уходила часть воскресенья. Он играл на органе.

- Между прочим, давно он стал играть в церкви?

- Много лет назад. Это была своего рода двойная страховка,- сказал Медоуз с коротким смешком.- Он хотел стать необходимым.

- Итак, в понедельник он выглядел счастливым.

- Безмятежным. Не подберу другого слова. "Мне нравится здесь у вас, Артур,- сказал он,- и я хочу, чтобы вы об этом знали". Потом сел и снова занялся работой.

- И таким он оставался до самого своего исчезновения?

- Более или менее.

- Что значит - более или менее?

- Видите ли, мы немного повздорили. Это случилось в среду. Во вторник все шло хорошо, он был счастлив как ребенок, и вдруг в среду я застал его в тот момент...- Медоуз сидел понуро, уронив руки на колени, и смотрел на них, склонив голову,-...в тот момент, когда он пытался достать Зеленую папку с грифом "выдается по списку".- Медоуз нервным жестом провел рукой по волосам.- Я говорил вам: он всегда отличался любопытством. Есть такие люди - они ничего не могут с собой поделаться, лишь бы разузнать - безразлично, что именно. Оставьте я, скажем, на столе письмо от своей матери, уверен, что Лео при малейшей возможности прочитал бы его. Ему всегда казалось, что против него что-то замышляют. Сначала это приводило всех нас в бешенство: всюду он

заглядывал - в папки, в ящик", всюду. Еще не пробыв у нас и недели, он стал расписываться за почту. Получал ее внизу - она туда при бывает. Сначала мне это не понравилось, но, когда я сказал, чтобы он не брал почту, он так разобиделся, что я в конце концов оставил все как было.- Медоуз развел руками, будто ища ответа.- Потом, в марте, мы получили из Лондона коммерческие документы особого назначения - специальные указания для торговой миссии о новых связях и перспективном планировании. Я застал его за чтением этой папки. "Вы что же,- спросил я,- читать не умеете? Они только для тех, кому размечены, а вовсе не для вас". Он и ухом не повел, даже разозлился: "Я полагал, что могу читать здесь все". Я думал, он ударит меня. "Вы неправильно полагали",- сказал я. Это было в марте. Нам обоим понадобилось два дня, чтобы остыть.

- Господи, спаси нас,- пробормотал Тернер. - А потом я застал его с Зеленой. Это особая папка. Я сам не знаю, что в ней. И Джонни не знает, и Валери. Она хранится в спецсумке. Один ключ от нее у его превосходительства, второй - у Брэдфилда. Им пользуется также де Лилл. Сумку каждый вечер следует возвращать в бронированную комнату. Она выдается и принимается под расписку, и только лично мной. И вдруг в среду в обеденный перерыв - этот случай. Лео был здесь один. Мы с Джонни ушли вниз, в столовую.

- Он ведь часто оставался в архиве на обеденный перерыв?

- Да, он любил оставаться здесь. Любил тишину.

- Ну, ладно.

- В столовой была большая очередь, а я не переношу очередей. Я сказал Джонни: "Вы стойте, а я поднимусь и немного поработаю. Приду через полчаса". Вот по чему я вернулся неожиданно. Вошел, и все. Лео тут не было, а бронированная комната оказалась открытой. Там он и стоял с сумкой для Зеленой.

- Что значит "с сумкой"?

- Он держал эту сумку в руках. Рассматривал замок, насколько я мог заметить - из любопытства. Увидев меня, он улыбнулся, но ничуть не потерял самообладания. Он умен, я ведь говорил вам. "Артур,- сказал он,- вы поймали меня на месте преступления, проникли в мою тайну". Я сказал: "Какого черта вы здесь делаете? Поглядите, что у вас в руках!" "Вы ведь меня знаете,- ответил он обезоруживающе,- я просто не в силах удержаться,- Он поставил сумку на место.- Я пришел сюда за папками семидесяти седьмого, вы их, кстати, не видели? За март и февраль пятьдесят восьмого года?" Что-то вроде этого он мне сказал.

- И что же потом?

- Я зачитал ему соответствующую статью Положения. Что еще я мог предпринять? Еще я сказал, что доложу Брэдфилду. Я был в ярости.

- Но вы не доложили?

- Нет.

- Почему?

- Вы не поймете,- сказал, помолчав, Медоуз.- Я знаю, вы считаете, что я просто тронутый. Это был как раз день рождения Майры: в клубе устраивали специальный прием. А Лео должен был идти на репетицию хора и на званый обед.

- На званый обед? Куда?

- Он не сказал.

- У него на календаре ничего не записано.

- Это меня не касается.

- Продолжайте.

- Он обещал забежать к нам в течение вечера и занести ей подарок. Фен

для сушки волос. Мы вместе его выбирали.- Медоуз снова покачал головой.- Как мне все это вам объяснить? Я уже говорил, что чувствовал себя ответственным за него. Он вызывал такое чувство. Мы с вами при желании могли бы сбить его с ног одним плевком.

Тернер недоверчиво поглядел на него.

- Наверно, было у меня еще одно соображение.- Он посмотрел Тернеру прямо в лицо.- Если бы я сказал Брэдфилду, это был бы конец. Для Лео все было бы кончено. А ему же куда деваться, понимаете. Вот, скажем, теперь. Я надеюсь, что он в самом деле сбежал в Москву, больше его нигде не примут.

- Вы хотите сказать, что подозревали его?

- Да, вероятно, так. Должно быть, в глубине души я его подозревал. Этому меня научила Варшава. Я очень хотел, чтобы Майра устроила там свою жизнь, с этим студентом. Ладно, пускай его подослали, поручили ему соблазнить ее. Но он ведь сказал, что женится на ней. Из-за ребенка. Я полюбил этого будущего ребенка больше всего на свете. И вы у меня его отняли. И у Майры. Вот ведь что. Поймите, вы не должны были этого делать.

Сейчас Тернер благодарил судьбу за то, что сюда доносится шум уличного движения, был рад любому шуму, который заполнил бы эту проклятую стальную коробку и заглушил бесцветный голос Медоуза, голос обвинителя.

- И в четверг сумка исчезла? Медоуз пожал плечами.

- Канцелярия посла вернула ее днем в четверг. Я сам принял ее, расписался и запер в бронированную комнату. В пятницу сумки не было. Вот и все.

Он помолчал.

- Я должен был сообщить об этом сразу. Я должен был побежать к Брэдфилду в пятницу днем, когда обнаружил, что сумки нет. Я этого не сделал. Это мучило меня ночью. Я думал об этом всю субботу, совсем загрыз Корка, привязывался к Джонни Слинго - словом, извел их обоих. Я просто сходил с ума. Я боялся поднимать шум. За время последних событий у нас пропало множество разных вещей. Словно все кругом заболели kleптоманией. Кто-то стащил нашу тележку, не знаю кто, мне кажется - служащий из аппарата военного атташе. Кто-то еще унес у нас вращающийся табурет. Из машбюро исчезла машинка с большой кареткой, пропали различные книжки-календари, даже чашки с маркой фирмы "Наафи". Во всяком случае, я искал в этом объяснения. Может быть, думал я, она у кого-нибудь из тех, кто к ней допущен: у де Лилла или в канцелярии посла...

- А у Лео вы спросили?

- Ведь его уже не было.

И снова Тернер перешел к обычному допросу:

- У него был, я полагаю, портфель?

- Да.

- Он имел разрешение вносить его сюда?

- Он приносил с собой сэндвичи и термос.

- Значит, он имел разрешение?

- Да.

- Был у него с собой портфель в четверг?

- Кажется, был. Да, наверняка был.

- Большой это портфель? Могла в нем поместиться сумка с папкой?

- Могла.

- Где он обедал в четверг? Здесь?

- Он ушел отсюда около двенадцати.

- И вернулся?

- Я уже говорил вам: четверг у него - особый день, день совещаний. Это осталось от его прежней работы. По четвергам он уезжал в какое-то министерство в Бад- Годесберге. Какие-то дела по особо важным претензиям. В тот четверг он, по-моему, условился с кем-то обедать. А потом поехал на это совещание.

- Он что, всегда ездил на совещания? Каждый четверг?

- Всегда, с первого дня, как пришел в аппарат советников.

- У него был свой ключ?

- Какой ключ? От чего? Тернер стоял на зыбкой почве.

- Для входа в архив. Или он знал шифр? Медоуз просто рассмеялся.

Только я и старший советник Брэдфилд знаем, как войти сюда и как выйти, и больше никто. Тут три шифра, с полдюжины установок скрытой сигнализации на случай взлома и еще бронированная комната. Ни Слинго, ни де Лилл - словом, никто не знает. Только мы двое. Тернер быстро писал в книжечке.

- Скажите мне, чего еще недостает,- сказал он на конец.

Медоуз отпер ящик своего стола и достал список. Движения его стали быстрыми и неожиданно уверенными.

- Брэдфилд не сказал вам?

- Нет.

Медоуз передал ему список.

- Можете оставить его себе. Сорок три папки. Все они хранятся в спецсумках и все отсутствуют с марта.

- С того времени, как он пошел по следу?

- Секретность их различная, начиная с "конфиденциальных" и кончая "совершенно секретными". Но на большинстве стоит гриф "секретно". Это дела организаций, документы конференций, папки с биографическими сведениями о различных деятелях и два дела с договорами. Их материалы охватывают довольно широкий круг вопросов - от демонтажа химических предприятий в Руре в сорок седьмом году до протоколов неофициальных англоамериканских переговоров за последние три года. Кроме того, Зеленая, то есть "Беседы официальные и неофициальные"...

- Брэдфилд говорил мне.

- Все это вроде кубиков, поверьте, вроде кубиков, из которых складывают картинку... так я подумал сначала. Я часами переворачивал их так и эдак в голове. Я не мог спать. Иногда,- голос его прервался,- иногда мне казалось, у меня мелькает какая-то мысль, возникает картина, вернее, часть картины... И все же,- закончил он упрямо,- в том, что пропали именно эти папки, нет никакой системы, никакого внутреннего смысла. Некоторые расписаны самим Лео разным людям, некоторые помечены: "утверждена для уничтожения", но большинство просто отсутствует. Сразу не скажешь, понимаете. Нельзя же ввести такой порядок, чтоб за них расписывались даже сотрудники архива, это просто немыслимо. Пока кто-нибудь не запросит дело, вы не знаете, что его у вас нет.

- Дела в спецсумках?

- Я же вам сказал. Все сорок три. Вместе они весят, верно, больше ста килограммов.

- И еще письма? Письма ведь тоже пропали.

- Да,- нехотя подтвердил Медоуз,- не хватает тридцати трех входящих.

- Их никогда не регистрировали при выдаче, верно? Просто клали куда-то, и каждый мог их взять. О чем они? Вы тут не указали.

- Мы не знаем. Вот вам вся правда. Это письма от немецких учреждений. Мы знаем, откуда они, потому что экспедиция зарегистрировала их у себя. Они

так и не добрались до нашей канцелярии.

- Но вы все же проверили, откуда они? Очень сухо Медоуз ответил:

- Отсутствующие письма относятся к пропавшим делам. Получены из тех же ведомств. Вот все, что мы можем сказать. Поскольку это письма из немецких учреждений, Брэдфилд распорядился не запрашивать копий, пока все не будет решено в Брюсселе, чтобы наше любопытство не вызвало у немцев подозрений в отношении Гартинга.

Тернер положил свою черную книжечку в карман и подошел к зарешеченному окну. Он попробовал запоры, проверил прочность проволочной сетки.

- В нем что-то было. Какой-то он был особенный, что-то заставляло вас приглядываться к нему.

С улицы до них донесся тревожный сигнал сирены -он приблизился, пролетел мимо и замер вдали.

- Он был особенный,- повторил Тернер.- Все время, пока вы рассказывали, я только и слышал: Лео то, Лео другое. Вы следили за ним. Вы прощупывали его, я вижу. Почему?

- Ничего подобного.

- Что это были за слухи? Что о нем говорили? Что вас испугало? Может быть, он был чьим-то любимчиком, Артур? Утехой для Джонни Слинго в его преклонном возрасте? Или он держал в руках концы от веревочки, которой связана целая шайка таких типов? Может быть, это и вгоняет всех вас в краску?

Медоуз покачал головой.

- У вас нет больше жала. Вам теперь меня не запугать: я вас знаю. Я знаю о вас самое худшее. Все это не имеет ничего общего с Варшавой. Лео совсем другой. И я не ребенок, и Джонни - не гомосексуалист.

Тернер продолжал смотреть на него в упор.

- Что-то вы слышали, что-то вам было известно. Вы следили за ним, я это знаю. Вы следили за тем, как он идет по комнате, как стоит, как достает папку. Он занимался самой дурацкой работой в вашем архиве, а вы говорите о нем так, будто он по меньшей мере посол. Здесь у вас был хаос, вы это сами сказали. Все, кроме Лео, работали как бешеные, заполняли пробелы, регистрировали, составляли сводки, все лезли из кожи вон, чтобы машина не застопорилась в это трудное время. А что делал Лео? Лео занимался уничтожением старых дел! С такой же пользой он мог вышивать гладью. Это говорили вы сами, не я.

Так в чем же дело? Почему вы следили за ним?

- Вы бредите. У вас мозги набекрень, и вы не в состоянии смотреть на вещи прямо. Но если бы вы и были в чем-то правы, я ничего не сказал бы вам, даже на смертном одре.

Записка на дверях шифровальной сообщала: "Буду в 2.15. В экстренных случаях звонить по 333". Он с силой постучал в дверь Брэдфилда и нажал ручку. Дверь оказалась запертой. Он подошел к перилам и сердито заглянул вниз, в холл. За столом дежурного молодой охранник аппарата советников читал какой-то учебник по технике. Тернеру видны были диаграммы на правой странице. В приемной с застекленной стеной поверенный в делах Ганы в пальто с бархатным воротником задумчиво разглядывал фотографию долины Клайда, снятую откуда-то с большой высоты.

- Все обедают, старина,- прошептал голос за его спиной.- Ни один гунн не пошевелится до трех. Дневное перемирие. Представление продолжается.

Человек с разболтанными движениями и хитроватым лицом стоял среди огнетушителей.

- Краб,- пояснил он,- я - Микки Краб,- таким тоном, будто это имя могло служить оправданием его появлению.- Питер де Лилл, с вашего позволения, только что вернулся. Был в министерстве внутренних дел. Спасал женщин и детей. Роули послал его накормить вас.

- Я хочу отправить телеграмму. Где комната триста тридцать три?

- Это комната отдыха здешних работяг, старина. Они там немного приходят в себя после всего этого бедлама. Беспокойное время. Сделайте передышку,- посоветовал Краб.- Если дело неотложное, оно и останется неотложным даже после того, как вы его на время отложите. Если просто важное, все равно уже поздно им заниматься - вот мой принцип.- С этими словами Краб повел его по погруженному в молчание коридору, словно дряхлый придворный, со свечой в руках указывающий путь в спальню.

Проходя мимо лифта, Тернер остановился и еще раз бросил на него взгляд. На лифте висел тяжелый замок. Надпись гласила: "Не работает".

"У каждой работы свои особенности,- думал он.- Зачем, черт подери, волноваться? Бонн - это не Варшава. Варшава была сто лет назад. Бонн - сегодня. Мы делаем, что нам положено, и идем дальше". Перед его глазами снова возникла Варшава, комната в стиле рококо в посольстве, канделябры, черные от пыли, и Майра Медоуз - одна на этой дурацкой кушетке. "В следующий раз, когда вас пошлют за "железный занавес", черт вас возьми,- орал он,- выбирайте себе любовников поосторожнее!"

"Скажи ей, что я уезжаю за границу,- думал он.- Уезжаю искать предателя - законченного, многоопытного, бесстыжого, хорошо оплаченного предателя. Я знаю, чего я ищу,- думал он.- Я вижу весь путь до конца".

"Давай, давай, Лео, мы с тобой одной крови - мастера темных дел, вот кто мы. Я буду гнаться за тобой по канализационным трубам, Лео, вот почему от меня так славно пахнет. На нас вся грязь земли, Лео,- на мне и на тебе. Я буду охотиться за тобой, ты будешь охотиться за мной, и каждый из нас будет охотиться за самим собой".

<h2>7. ДЕ ЛИЛЛ</h2>

П о н е д е л ь н и к . П о с л е п о л у д н я

У Американского клуба не было такой сильной охраны, как у посольства.

- Мечты гастрономов не нашли здесь своего воплощения,- заметил де Лилл, показывая документы американскому солдату у входа,- зато у них роскошный плавательный бассейн.

Он заказал столик у окна, выходящего на Рейн... Поплавав и освежившись, де Лилл с Тернером сидели, пили мартини и наблюдали за тем, как гигантские бурые вертолеты проносились мимо и снижались где-то выше по течению реки. На иных были красные кресты, на других - ничего. Время от времени в тумане скользили белые пассажирские суда с туристами, направлявшимися в страну Нибелунгов,- радио на борту оглушило их раскатами грома. Мимо прошла стайка школьников - донеслись звуки "Лорелей", лихо исполняемой на аккордеоне в сопровождении хора ангельских, хотя и не очень стройных голосов. Размытые туманом контуры семи зубцов КJнигсвинтера, казалось, были совсем рядом.

С подчеркнутой почтительностью де Лилл указал на Петербург - лесистый

конус, увенчанный квадратным зданием отеля.

- В тридцатые годы здесь останавливался Невилл Чемберлен,- пояснил он,- после того, конечно, как мы отдали Чехословакию... По окончании войны здесь помещалась Верховная союзническая комиссия, а позже это была резиденция королевы, когда она приезжала в Германию с официальным визитом. Правее - Драхенфельс, где, по преданию, Зигфрид убил дракона, а потом купался в его крови.

- А где дом Гартинга?

- Отсюда не видно,- спокойно сказал де Лилл, сразу оставив тон любезного гида.- Он у подножия Петербурга. Гартинг поселился, образно говоря, под крылышком Чемберлена.- И он перевел разговор на более близкие им темы: - А плохо, наверно, быть таким вот пожарником: примчитесь на пожар, а огня уже и нет, правда?

- А здесь он часто бывал?

- Мелкие посольства устраивали тут приемы - те, что не располагают большими гостиницами. Это было по его части.

Де Лилл понизил голос, хотя в столовой никого не было. Только в углу у входа, возле бара, за стеклянной перегородкой сидели извечные иностранные корреспонденты, они жестикулировали, пили и жевали, точно моржи.

- Неужели вся Америка такая? - заметил де Лилл.- Или, может быть, еще хуже? - Он медленно обвел взглядом комнату.- Впрочем, это, конечно, создает впечатление масштабности и рождает оптимизм. Но в этом, пожалуй, и главная беда американцев, не правда ли? Эта устремленность в будущее. Очень опасная штука. Они не замечают настоящего и уничтожают его. Я всегда считал, что куда лучше оглядываться назад. Я не питаю надежд на будущее и оттого чувствую себя намного свободнее. И заинтересованнее в сегодняшнем дне. Люди лучше друг к другу относятся, когда сидят в камере, из которой нет выхода, правда? Впрочем, не принимайте меня слишком уж всерьез, хорошо?

- Если бы вам поздно ночью понадобились кое-какие папки с документами аппарата советников, что бы вы сделали?

- Разыскал бы Медоуза.

- Или Брэдфилда?

- Ну, это уж слишком. Роули, конечно, знает комбинации бронированной комнаты, но пользуется этим лишь в крайнем случае. Скажем, если Медоуз попадет под автобус, Роули сумеет добраться до бумаг. А вы, я смотрю, хорошо поработали утром,- сочувственно заметил он.- И до сих пор еще не пришли в себя.

- Так что же вы все-таки сделали бы?

- О, я бы взял папки во второй половине дня.

- Позвольте, а если вдруг понадобилось бы работать ночью?

- Если архив работает сверхурочно, тогда все просто. А если он закрыт, ну что же, у нас почти у всех есть сейфы и металлические ящики для хранения секретных документов, и мы имеем право держать там бумаги до утра.

- А у Гартинга ничего такого не было.

- Может быть, мы отныне будем называть его про сто ом?

- Хорошо, так куда же он пошел бы работать? Если бы он взял папки вечером - секретные папки - и решил работать допоздна, как бы он это проделал?

- Наверно, отнес бы их к себе в комнату, а уходя, отдал бы охраннику, который дежурит в коридоре. Если бы, конечно, он не остался работать в архиве. У охранника есть сейф.

- И охранник расписался бы в получении этих документов?

- О господи, конечно. Не настолько уж мы безответственны.

- Значит, я мог бы увидеть эту расписку в книге ночного дежурного?

- Могли бы.

- А он ушел, не попрощавшись с охранником.

- О господи! - Де Лилл был явно озадачен этим сообщением.- Вы хотите сказать, что он отнес эти папки домой?

- Какая у него была машина?

- Небольшой пикап. С минуту оба молчали.

- А он больше нигде не мог работать? На первом этаже нет никакой специальной комнаты для чтения документов, секретного помещения?

- Нет,- коротко ответил де Лилл.- Послушайте, мне кажется, нам надо выпить еще чего-нибудь и немножко освежить мозги.

Он подозвал официанта.

- Знаете, я сегодня провел совершенно кошмарный час в министерстве внутренних дел с этими унылыми типами, что работают у Людвига Зибкрона.

- Чем же вы там занимались?

- О, оплакивал бедняжку мисс Эйк. Очень было мерзко. И весьма любопытно,- признался он.- Очень даже любопытно...- И тут же перескочил на другое: - Вы знаете, что кровяную плазму хранят в консервных банках? Так вот, министерство пожелало дать несколько таких банок посольству - на всякий случай. Прямо как в романах Оруэлла. Воображаю, то-то взбесится Роули. Он и так уже считает, что они слишком далеко зашли. Очевидно, там думают, что у нас у всех одна группа крови - единокровие какое-то. Так здесь, видимо, понимают равенство.- И добавил: - Зибкрон начинает изрядно злить Роули.

- Почему?

- Да все из-за этой его чрезмерной заботы о бедных англичанах.

Допустим, Карфельд в самом деле настроен резко против англичан и против Общего рынка. И в Брюсселе решаются судьбы очень многого, а вступление англичан в Общий рынок затрагивает националистические чувства сторонников Карфельдовского движения и бесит их; к тому же в пятницу состоится весьма опасное собрание, и все чрезвычайно обеспокоены этим обстоятельством. Да еще пре неприятные события произошли в Ганновере. Все это, конечно, так. И тем не менее мы не заслуживаем такого внимания, никак не заслуживаем. Сначала - комендантский час, затем - охрана, а теперь еще и эти тени на мотоциклах. У нас такое впечатление, что Зибкрон с какой-то целью делает все это.- И протянув свою тонкую женственную руку за спину Тернера, де Лилл взял огромное меню.- Как насчет устриц? Гурманы, кажется, именно это едят? Здесь у них есть устрицы в любое время года. Они получают их, по-моему, из Португалии, а может быть, откуда-то еще.

- Никогда не ел устриц,- несколько агрессивно заявил Тернер.

- В таком случае вы должны взять дюжину, чтобы на верстать упущенное,- весело заметил де Лилл и отхлебнул немного мартини.- Так приятно встретить человека со стороны. Вам, наверно, этого не понять.

Наступило молчание. Вверх по реке, преодолевая течение, ползли цепочкой баржи.

- Больше всего раздражает нас, по-моему, отсутствие уверенности в том, что все эти охранительные меры принимаются действительно для нашего блага. Немцы внезапно спрятались, как улитка в раковину, точно мы их чем-то спровоцировали, точно это мы устраивали демонстрации. Они с нами почти не разговаривают. Полнейший лед. Да. Вот так-то.- И он добавил: - Они стали относиться к нам как к врагам. А это вдвойне неприятно, если учесть, что мы-то добиваемся как раз хороших отношений.

- Он обедал с кем-то в пятницу вечером,- вне всякой связи с предыдущим произнес Тернер.

- В самом деле?

- Но в дневнике его никаких записей об этом нет.

- Вот неразумный человек! - Де Лилл обернулся, но никого не обнаружил.- Куда запропастился этот чертов малый?

- Послушайте, а где был Брэдфилд в пятницу вечером?

- Перестаньте,- сухо оборвал его де Лилл.- Я не люблю такого рода расспросов.- И тут же продолжал как ни в чем не бывало: - Взять хотя бы самого Зибкрона... Да, все мы знаем, что он человек ненадежный, все мы знаем, что он заигрывает с коалицией, и все мы знаем, что он жаждет политической карьеры. Мы знаем также, что ему очень нелегко будет поддерживать порядок в будущую пятницу и что у него куча врагов, которые только и ждут возможности сказать, что он плохо справился со своей задачей. Прекрасно,- он посмотрел на реку, словно она могла каким-то образом разрешить его недоумение,- но почему, скажите на милость, ему надо было сидеть шесть часов у постели умирающей фрейлейн Эйк? Неужели так интересно было наблюдать ее кончину? И зачем ему понадобилось выставлять охрану возле каждого английского владения, каким бы крошечным оно ни было,- это же нелепость! Клянусь, у него какая-то навязчивая идея в отношении нас, он хуже Карфельда.

- А кто такой Зибкрон? Чем он занимается?

- О, ловит рыбу в мутной воде. В какой-то мере из одного с вами мира.

Ох, извините, пожалуйста.- И он вспыхнул, явно огорченный своим промахом. Вовремя появившийся официант - совсем молоденький мальчик - вывел его из неловкого положения. Де Лилл был с ним необыкновенно вежлив, просил у него совета в выборе мозельского вина - что было явно выше разума этого юнца - и долго расспрашивал о качестве мяса.- В Бонне говорят,- продолжал он, когда они снова остались одни,- что, если у тебя есть такой друг, как Людвиг Зибкрон, тебе уже не нужен враг. Людвиг - существо здешней породы. Он - та левая рука, о существовании которой не хочет знать правая. Без конца твердит о том, что не может допустить, чтобы кто-нибудь из нас погиб. Вот почему он нагоняет такой страх. Он делает эту возможность слишком осязаемой. Не следует забывать,- мягко добавил он,- что хотя Бонн и демократия, но демократов здесь до ужаса мало.- Он помолчал.- Скверная штука даты,- задумчиво продолжал он,- вся беда в том, что они делят время на отрезки. С тридцать девятого по сорок пятый. С сорок пятого по пятидесятый. Но к Бонну неприменим термин "довоенный*", или "военный", или "послевоенный". Это просто маленький немецкий городок. И расцезь его на периоды нельзя, как нельзя расцезь Рейн. Он себе живет и живет - или как там еще поется в песне. А туман сглаживает краски и очертания.

Де Лилл вдруг покраснел и, отвинтив крышку с бутылочки, стал осторожно капать острую приправу на устрицы - по одной капле на каждую. Это занятие всецело поглотило его.

- Мы вечно извиняемся за Бонн. Это отличительная черта местных жителей. Как жаль, что я не коллекционирую модели поездов,- без всякого перехода продолжал он.- Мне бы хотелось уделять много больше внимания мелочам. А вы занимаетесь чем-нибудь таким - я хочу сказать, у вас есть хобби?

- У меня нет на это времени,- ответил Тернер.

- Так вот, номинально он возглавляет комиссию по связям министерства внутренних дел - насколько я понимаю, название это придумал он сам. Я как-то спросил его: по связям с кем, Людвиг? Он решил, что это очень удачная шутка.

Он, конечно, человек нашего возраста - фронтовое поколение минус пять лет. Как мне кажется, он немного досадует на то, что упустил войну, и ему не терпится поскорее стать старше. Заигрывает с ЦРУ, но это ему по статусу положено. Главное его занятие - знать все, что связано с Карфельдом. Стоит кому-нибудь вступить в сговор с этим движением, и Людвиг Зибкрон тут как тут. Странная у него жизнь,- поспешил он добавить, заметив выражение лица Тернера.- Но Людвиг обожает ее. Невидимое правительство - это ему по душе. Четвертое сословие. Он был бы очень на месте в Веймаре. Кстати, имейте в виду, что в здешнем правительстве все деления чрезвычайно искусственны.

Иностранцы корреспонденты, словно подчиняясь единому порыву, вдруг покинули бар и теперь длинным косяком потянулись к накрытому для них столу в центре комнаты. Очень крупный мужчина с усами, заметив де Лилла, смахнул длинную прядь черных волос на правый глаз и выбросил руку в нацистском приветствии. Де Лилл в ответ поднял бокал.

- Это Сэм Аллертон,- пояснил он,- в общем, порядочная скотина. О чем это я говорил? Ах, да, об искусственном делении. Они здесь ставят нас в тупик. Вечно одно и то же: мы точно безумные шарим в тумане, пытаюсь нащупать абсолюты. Антифранцузская ориентация, профранцузская ориентация, коммунисты, антикоммунисты. Все это чистейшая глупость, и тем не менее мы вечно этим занимаемся. Вот почему мы не правы относительно Карфельда. Отчаянно не правы. Мы спорим об определениях, о ярлыках, тогда как должны были бы спорить о фронтах. Боннские правители пойдут на виселицу, но все будут спорить, какой толщины должна быть веревка, на которой надо повесить нас. Право, не знаю, как определить Карфельда,- да и кто знает? Немецкий Пужад? Лидер восстания средних слоев? Если это так, то мы гибнем, потому что вся Германия - средние слои. Как и Америка. Вопреки своему желанию и воле они одинаковы. А они не хотят быть одинаковыми, да и кому этого хочется? Но так оно есть. Единокрое.

Официант принес вино, и де Лилл предложил Тернеру попробовать:

- Я уверен, что вкус у вас еще не притупился, как у меня.

Тернер отклонил предложение, и тогда он попробовал сам, не торопясь, старательно причмокивая.

- Вполне разумный выбор,- оценив по достоинству вино, сказал он официанту,- очень хорошо. Так вот,- немного помолчав, продолжал он.- Все модные термины без исключения применимы к Карфельду - они вообще применимы к кому угодно. Как в психиатрии: опишите симптомы, и вы всегда сможете назвать болезнь. Он - изоляционист, шовинист, пацифист, реваншист. А помимо этого, он стоит за торговый договор с Россией. Он человек прогрессивных взглядов, что очень устраивает немецких стариков; он - реакционер, что очень устраивает немецкую молодежь. А молодежь здесь весьма пуританская. Они хотят очиститься от скверны процветания: им нужны луки и стрелы и походы Барбароссы.- Усталым жестом он указал на семь зубцов КНигсвинтера.- Они хотят возвращения всего этого, но в современном обличье. Неудивительно поэтому, что старики - гедонисты. А вот молодежь...- он помолчал,- молодежь,- повторил он с глубочайшим отвращением,- пришла к самой жестокой из всех правд: она поняла, что наиболее действенный способ наказать родителей - это им подражать. Карфельд - человек старшего поколения, которого приемлют студенты... Извините, пожалуйста. Я сел на своего конька. Вы мне скажите, когда вам надоест.

Тернер, казалось, не слышал его. Он смотрел на полицейских, стоявших вдоль дорожки на равном расстоянии друг от друга. Один из них обнаружил лодку, пришвартованную к берегу, и поигрывал со шкотом, крутя его, как

веревку, через которую прыгают дети.

- В Лондоне нас все время спрашивают: кто его поддерживает? Откуда он получает деньги? Дайте определение, дайте характеристику. Ну, что я могу им сказать? "Человек улицы,- написал я однажды,- в классовом отношении труднее всего поддающийся определению". Они обожают такие ответы, и все обстоит хорошо, пока дело не доходит до Управления по исследованию международных проблем. "Он - из разочарованных,- сказал я как-то,- из сирот, оставшихся после покойной демократии, жертва, не нашедшая себе применения при коалиционном правительстве. Социалисты, считающие, что их продали красным; люди, считающие ниже своего достоинства голосовать,- все это Карфельд". Как охарактеризовать умонастроение? До чего ж они у нас там, в Англии, тупы! Мы теперь больше не получаем инструкций - одни вопросы. Я как-то сказал им: "Ну, конечно, у нас в Англии есть такое же явление. Это сейчас всеобщее поветрие". Никто не считает, что в Париже готовится заговор против всего мира. Почему же мы ищем его здесь? Умонастроения... невежество... скука.- Он облокотился на стул,- Вы когда-нибудь голосовали? Уверен, что да. Ну и что? Вы почувствовали в себе перемену? Будто прослушали мессу? Или ушли с избирательного участка, чужой всем и всему? - Де Лилл проглотил устрицу.- У меня такое ощущение, будто Лондон разбомбили и его больше нет. Может быть, этим все объясняется? А вы - ширма, скрывающая от нас действительность и тем вселяющая в нас бодрость. Возможно, на свете и остался-то всего один лишь Бонн. Страшная мысль. Мир в изгнании! Однако именно такова наша участь. Изгнанники, окруженные изгнанниками.

- Почему Карфельд так ненавидит англичан? - спросил Тернер, хотя мысли его были далеко.

- Это, признаюсь, одна из нераскрытых тайн мироздания. Все мы, в аппарате советников, пытались ее разгадать. Мы говорили об этом, читали, спорили. Ответа не дал никто.- Он передернул плечами.- Ну, кто теперь верит в какие-то побудительные причины, тем более когда речь идет о политическом деятеле? И все-таки мы пытались что-то установить. Возможно, мы где-то чем-то ему насолили. Возможно, он где-то чем-то насолил нам. Говорят, дольше всего в человеке живут впечатления детства. Кстати, вы женаты?

- А какое это имеет отношение к делу?

- Ого! - не без одобрения воскликнул де Лилл.- А вы колючий.

- На что он живет?

- Занимается промышленной химией. Имеет большой завод возле Эссена. Поговаривают, будто англичане немало попортили ему крови во время оккупации: демонтировали его предприятие, разорили его. Не знаю, верно ли это. Мы предприняли попытки кое-что выяснить, но не от чего оттолкнуться, а Роули совершенно справедливо запретил нам открыто наводить справки. Одному богу известно,- сказал он и слегка поежился,- что подумал бы о нас Зибкрон, если бы мы повели такую игру. Пресса утверждает, что он нас терпеть не может - просто так, без всяких объяснений. Вполне возможно, что она права.

- А какая у него биография?

- Ничего особенного. Перед войной окончил институт, попал в инженерные войска; воевал на Русском фронте в качестве специалиста-подрывника; был ранен под Сталинградом, но сумел выбраться оттуда. Разочарован в послевоенном мире. Много усилий - мало достижений. Все это очень романтично. Смерть духа - и постепенное возрождение. Как водится, говорят, будто он родственник Гиммлера, и прочие глупости. На это никто не обращает внимания: нынче стоит человеку прибыть в Бонн, как восточные немцы непременно придумывают про него какую-нибудь небывлицу.

- И это все небылицы?

- В таких слухах всегда есть доля правды, но всегда только доля. Во всяком случае, всем на это наплевать, кроме нас,- почему же мы должны так уж беспокоиться? К политике, как утверждает Карфельд, он пришел постепенно: любит говорить о долгих годах, которые провел в спячке, и о своем пробуждении. Говорит он так, будто вещает мессия - во всяком случае, когда говорит о себе.

- Вы с ним когда-нибудь встречались?

- Упаси боже, конечно, нет. Только читал о нем. Слышал его по радио. Но в известном смысле он всегда присутствует в нашей жизни.

Взгляд светлых глаз Тернера снова был прикован к Петербургу, солнце сквозь щель в холмах било прямо в окна серого отеля. Один из холмов был весь изрыт каменоломнями, какие-то маленькие машины, белые от пыли, копошились у его подножия.

- Надо отдать ему должное: за полгода он перестроил все на этой галерее. Кадры, организацию, термины. До появления Карфельда это были слабоумные маньяки - неприкаянные, вроде цыган, бродячие проповедники, гитлеровские выкормыши. Сейчас это вполне оформленная группа интеллектуалов-патрициев. Никаких орд в рубашках с закатанными рукавами, никаких глупостей, присущих социалистам,- если не считать, конечно, студентов, а он до статочно умен, чтобы терпеть их. Он знает, какая тонкая грань отделяет пацифиста, набрасывающегося на полицейского, от полицейского, набрасывающегося на пацифиста. Словом, мы имеем дело с Барбароссой, который ходит в чистой рубашке и имеет диплом доктора промышленной химии. Герр доктор Барбаросса - таков он сегодня. И с ним - экономисты, историки, статистики, ну и, конечно, юристы. Юристы - это великие гуру германского народа, всегда так было. А вы знаете, сколь нелогичны могут быть юристы. При этом - никаких политиков: политиков не уважают. К тому же, в понимании Карфельда, они всегда играют представительскую роль. А Карфельд не нуждается ни в каком представительстве, отнюдь. Его лозунг: иметь власть, но не править. Все знать лучше всех - ни за что не отвечать. Это, как вы понимаете, конец, а не начало,- сказал он с глубоким убеждением, так не вязавшимся с его апатичностью.- И мы, и немцы прошли через демократию, и никто не сказал нам за это спасибо. Все равно как человеку, сбритшему щетину. Никто не поблагодарит вас за то, что вы побрились, никто не благодарит вас за демократию. Теперь мы подошли к другому ее концу. Демократия возможна только при наличии строго регламентированной классовой системы; это игрушка, которую снисходительно бросают массам. Больше мы не можем этим заниматься. Это была вспышка света между феодализмом и веком автоматике, ныне угасшая. С чем же мы остались? Избиратели отрезаны от парламента, парламент отрезан от правительства, правительство отрезано от всех. Отсюда лозунг: правительство правит молча. Правительство правит в отчуждении. Впрочем, мне нет нужды говорить вам об этом - это ведь явление чисто английское.

Он умолк, ожидая, что скажет Тернер. Но Тернер глубоко задумался и молчал. За длинным столом в центре спорили журналисты. Кто-то пригрозил переломать кому-то кости, кто-то третий заявил, что тут же размозжит им

головы.

- Я не знаю, что я защищаю или что представляю. Да и кто знает? В Лондоне вам говорят, подмигнув, что вы - джентльмен, который врет направо и налево на благо своей страны. Причем учтите: добровольно. Но сначала

скажите, какую правду я должен скрывать. Никто об этом понятия не имеет. За стенами министерства несчастные люди думают, будто у нас есть книга в золотом переплете, на обложке которой написано: П о л и т и к а . . .

Господи, если бы они знали...- Он допил вино.- Может, вы знаете?

Предполагается, что мы должны добиваться максимума благ при минимуме трений.

Ну а что подразумевается под благами? Власть? Сомневаюсь, чтобы власть была нам ко благу. Может, нам полезнее упадок? Может, нам нужен Карфельд? Новый Освальд Мосли? Боюсь, мы даже не заметили бы его появления.

Противоположность любви - апатия, а не ненависть. Вот в состоянии апатии мы здесь и живем. В состоянии истерической апатии. Выпейте еще мозельского.

- Как вы считаете,- спросил Тернер, по-прежнему не отрывая взгляда от холмов,- может Зибкрон уже знать насчет Гартинга и, если да, может ли это ожесточить их? Может это быть причиной такого чрезмерного внимания к нам?

- Обсудим это потом,- спокойно сказал де Лилл.- Не при детях, если не возражаете.

Солнце опустилось на реку и осветило ее; оно казалось большой золотой птицей, которая, распустив крылья, слегка коснулась ими поверхности воды, и все сразу ожило, точно веселым весенним днем. Приказав юному официанту отнести две рюмки лучшего коньяку на улицу к теннисным кортам, де Лилл изящно продефилировал между пустыми столиками к боковой двери. Журналисты, сидевшие в центре комнаты, умолкли; они накачались вином и угрюмо осели в своих кожаных креслах, тупо ожидая какой-нибудь новой политической катастрофы, которая возродила бы их к жизни.

- Бедняга вы, бедняга,- заметил де Лилл, когда они вышли на свежий воздух.- Я вам, наверно, ужасно надоел. Вам всегда так везет? Но, видно, всем нам хочется излить душу стороннему человеку, правда? Неужели все мы кончаем тем, что становимся маленькими Карфельдами? И только-то? Анархистами-патриотами из средних слоев населения? Вот какая перспектива должна казаться особенно унылой.

- Я должен посмотреть его дом,- сказал Тернер.- Мне надо кое-что выяснить.

- Ничего не выйдет,- все тем же ровным тоном заметил де Лилл.- Людвиг Зибкрон поставил вокруг его дома охрану.

Было три часа. Они сидели в саду под парусиновым зонтом, потягивая коньяк, и наблюдали за тем, как дочери дипломатов весело играют в мяч на мокрых кирпично-красных площадках кортов.

- Я подозреваю, что Прашко - мошенник,- заявил де Лилл.- Он давно числился в нашем активе, но потом повернул против нас.- Он зевнул.- В свое время это был человек весьма опасный - настоящий политический пират. Ни один заговор не обходился без него. Я видел его не сколько раз: мы, англичане, до сих пор время от времени беспокоим его. Как всех отступников, его тянет к утраченной вере. Сейчас он свободный демократ. Может быть, Роули уже говорил вам? Сейчас это прибежище для всех потерпевших крушение; у них там есть весьма странные личности.

- Но он же был нашим другом!

- До чего вы наивны,- вяло проронил де Лилл.- Совсем как Лео. Можно знать человека всю жизнь и не быть его другом. Неужели Прашко так для вас важен?

- Он мой единственный ключ,- сказал Тернер.- Единственный, за кого

можно ухватиться для начала. Только он общался с Гартигом вне посольства. Ему была отведена роль шафера на будущей свадьбе.

- На свадьбе? У Лео? - Де Лилл резко выпрямился, сразу утратив всю свою невозмутимость.

- Гартиг был давно уже помолвлен с некой девицей по имени Маргарет Айкман. Они знали друг друга еще до того, как Лео стал работать в посольстве.

Де Лилл с явным облегчением снова откинулся на спинку кресла.

- Если вы собираетесь говорить с Прашко...- сказал

он.

- Не собираюсь, не волнуйтесь - это мне разъяснили.- Тернер отхлебнул немного вина.- Но кто-то предупредил Лео. Кто-то это сделал. И он потерял голову. Он узнал, что время у него ограничено, что он живет в долг,- и тотчас прихватил все, что мог. Все. Письма, документы... И бежал, даже не позаботившись закамуфлировать свой побег отпуском.

- Роули никогда бы не дал ему отпуска - в нынешней ситуации.

- Отпуск по семейным обстоятельствам он бы получил. Брэдфилд, например, сразу об этом подумал.

- А тележку тоже он украл? Тернер молчал.

- Наверно, и мой новый электрический вентилятор тоже. Это, несомненно, пригодится ему в Москве.

Де Лилл удобнее откинулся в кресле. Небо было голубое-голубое, яркое солнце так сильно припекало, точно светило сквозь увеличительное стекло.

- Если дело затянется, придется мне покупать новый вентилятор.

- Кто-то его предупредил,- повторил Тернер.- Это единственное объяснение. Он сдрейфил. Потому-то я и подумал о Прашко: он ведь в прошлом принадлежал к левым. Был попутчиком, следуя терминологии Роули. Они давние друзья с Лео - вместе пробыли в Англии всю войну.

Он посмотрел на небо.

- Сейчас вы выдвинете теорию,- пробормотал де Лилл.- Я уже вижу, как она рождается.

- Оба они вернулись в Германию в сорок пятом, послужили в армии, потом расстались. Пути их разошлись: Лео остается британским подданным и этим прикрывается, а Прашко натурализуется и начинает заниматься политикой в Германии. Должен сказать, эти двое могли бы быть весьма полезной парой в качестве долгосрочных резидентов. Возможно, оба они были втянуты в одну и ту же игру - завербованы кем-то еще в Англии, когда Россия была нашим союзником. И дружбе их пришел конец. Так обычно бывает. Стало небезопасно даже поддерживать отношения: дескать, наши имена не должны быть связаны. Но они продолжали эти отношения поддерживать тайно. И вот однажды Прашко что-то узнает. Всего несколько недель назад. Возможно, совершенно неожиданно. Представим себе, что он это узнает по секретным боннским каналам, о которых вы такого высокого мнения, слышит, что Зибкрон напал на след. Всплыла какая-то старая история; кто-то проболтался: мы преданы. А возможно, под подозрение попал один Лео. И вот Прашко говорит: укладывай чемоданы. Забирай с собой все, что можешь, и беги.

- Какой страшный у вас ум,- с искренним восторгом заметил де Лилл.- Какая жуткая, изощренная фантазия.

- Беда в том, что на этот раз она работает вхолостую.

- В самом деле? В жизни так не случается? Я рад, что вы это сознаете.

Так вот: Лео никогда не сдрейфил бы - это не в его натуре. Слишком он держит себя в руках. И как это ни глупо звучит, но он к нам очень привязан. Без

лишней скромности говорю: очень. Это наш по складу человек, Алан. Не их. Ему невероятно мало нужно от жизни. Шах терская лошадка - таким почему-то представлялся он мне в нашей проклятой конюшне на первом этаже. Даже когда он поднялся выше, перешел на другой этаж, он словно принес с собой что-то снизу, какую-то атмосферу таинственности. Все считали его славным малым. Славным и несколько излишне любопытным...

- Ни один из тех, с кем я говорил, не называл его таким уж славным.

Де Лилл повернул голову и с нескрываемым интересом посмотрел на Тернера.

- В самом деле? Как страшно! Значит, каждый из нас считал, что собеседник шутит. Точно клоуны в трагедии. Это очень гадко,- заметил он.

- Ну, хорошо,- сказал Тернер.- Он не был привержен никакой догме. Но мог быть привержен в юности, не так ли?

- Мог.

- В таком случае он мог преспокойно спать - я имею в виду, его политическое сознание могло спать...

- А...

- ...пока Карфельд не заставил его проснуться, пока новый национализм - этот старый враг - внезапно не разбудил его. "Эге, что же это происходит?" Он увидел, что все начинается сначала, и сказал об этом людям: история, мол, повторяется.

- Кажется, Маркс сказал: история повторяется, но в первый раз как трагедия, а второй раз - как фарс. Весьма остроумно для немца. Хотя должен признаться, что в сравнении с Карфельдом и его движением коммунизм кажется иногда необычайно привлекательным.

- Каким он все-таки был? - упорно добивался своего Тернер.- Каким он был на самом деле?

- Лео? Господи, а какие все мы?

- Вы-то знали его, а я - нет.

- Вы что, собираетесь меня допрашивать? - спросил де Лилл, и вопрос прозвучал совсем не шутливо.- Черта с два стану я платить за наш ленч, если вы намереваетесь сорвать с меня маску.

- Брэдфилд любил его?

- А кого Брэдфилд любит?

- Он присматривал за ним?

- На работе - безусловно, там это необходимо: Роули знает свое дело.

- Он ведь, кажется, католик, не так ли?

- О боже милостивый,- вздохнул де Лилл с неожиданно прорвавшимся чувством.- Какие чудовищные вещи вы говорите! Нельзя так делить людей - из этого ничего хорошего не получится. Жизнь ведь не меряют тем, сколько на свете ковбоев и сколько индейцев. Тем более жизнь дипломатов. Если вы в самом деле так понимаете жизнь, лучше подавайте в отставку.- Произнеся эти слова, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, давая теплым лучам солнца немного восстановить его душевное равновесие.- А именно это и тревожит вас в Лео, верно? - добавил он прежним, утраченным было, безразличным тоном.- Вот он взял и исчез, следуя какой-то глупой вере. А ведь бог мертв. Нельзя же поклоняться одному и сжигать другое - это уже отдавало бы средневековьем.- И, окончательно примирившись с собой, он снова умолк.- Мне вспоминается один случай с Лео,- после паузы снова заговорил он.- Это может пригодиться для записи в вашей маленькой книжечке. Интересно, как вы это истолкуете. Однажды роскошным зимним днем я возвращался со скучнейшей конференции, которую проводили немцы; время около половины

пятого, делать особенно нечего, съезжу-ка в горы за Годесберг, решил я. Солнце, мороз, снег, ветерок - именно в такой день, надеюсь, моя душа отлетит когда-нибудь в рай. И вдруг я увидел Лео. Это был - бесспорно, безусловно, вне всяких сомнений - он, Лео. В этаким фантастическом черном тулупе с поднятым воротником и в отвратительной фетровой шляпе, какие носят карфельдовские сподвижники. Он стоял у края футбольного поля, наблюдая, как гоняют мяч какие-то юнцы, и курил одну из своих тонких сигар, на которые все всегда жаловались.

- Один?

- Совершенно один. Я хотел было остановиться, но передумал. Он был без машины - во всяком случае, поблизости не видно было ни одной - и за много миль от обжитых мест. И все же я не остановился, потому что подумал: не надо, не мешай, он молится. Он видит перед собой детство, которого никогда не знал.

- Вы испытывали к нему теплые чувства, да?

Де Лилл, наверное, ответил бы - вопрос явно не смутил его,- но их беседу неожиданно прервали.

- Привет! Завели себе новую тень? - заплетающимся языком пробубнил кто-то рядом с ними.

Человек стоял против солнца, и Тернер прищурился, чтобы его разглядеть. Понемногу в покачивающейся фигуре с копной черных косматых волос он признал английского журналиста, который здоровался с ними во время ленча. Журналист тыкал пальцем в Тернера, но наклоном головы явно адресовал свой вопрос де Лиллу:

- Он кто - сутенер или шпион?

- Кем вы предпочитаете оказаться, Алан? - весело спросил де Лилл и, не получив ответа от Тернера, нимало не смущаясь, продолжал: - Алан Тернер - Сэм Аллертон. Сэм представляет тут целую кучу газет, верно, Сэм? Это необычайно могучий человек, хотя он не ценит своего могущества. Журналисты вообще его не ценят.

Аллертон продолжал глядеть на Тернера.

- Ну, хоть откуда он взялся?

- Из города под названием Лондон,- ответил де Лилл.

- А из какой части города Лондона?

- Из министерства сельского и рыбного хозяйства.

- Врете вы все.

- Ну, в таком случае из министерства иностранных дел. Неужели трудно догадаться?

- Надолго он тут?

- Проездом.

- А надолго проездом?

- Ну, вы же знаете, что такое визиты.

- Я знаю, что такое его визиты,- сказал Аллертон.- Он ищейка.- Его тусклые желтые глаза медленно оглядели Тернера и отметили ботинки на толстой подошве, костюм из легкой тропической ткани, бесстрастное лицо и светлые, смотрящие в упор, не мигая, глаза.- Белград,- сказал он наконец.- Вот где я вас видел. Какой-то посольский парень залез в постель к одной шпионке, и их сфотографировали. Нам пришлось про это дело промолчать, не то посол всех нас вышвырнул бы оттуда. Сотрудник безопасности - вот что вы такое, Тернер, выкормыш Бевина. Вы подвизались и в Варшаве, верно? Это я тоже помню. И там был переполох, верно? Какая-то девица пыталась покончить с собой. Девица, которую вы чересчур прижали. И этот материальчик нам тоже пришлось сунуть в

мусорную корзину.

- Проваливайте-ка отсюда, Сэм,- сказал де Лилл.

Аллертон расхохотался. Смех у него был какой-то жуткий, безрадостный, больной, к тому же он и в самом деле, видимо, вызвал у него боль, потому что Аллертон вдруг опустился на стул и длинно выругался. Черные жирные волосы его подпрыгивали, разметавшись, как плохо причесанный парик, огромный живот подрагивал, свисая над перетягивавшим его ремнем.

- Ну, Питер, как же поживает наш друг Людвиг Зибкрон? Следит за тем, чтобы мы остались целы и невредимы? Спасает империю?

Не произнеся ни слова, Тернер и де Лилл поднялись и направились через лужайку к стоянке машин.

- Эй, кстати, а вы слышали новости? - крикнул им вслед Аллертон.

- Какие новости?

- Эх, ребята, ни черта вы не знаете! Федеральный министр иностранных дел только что вылетел в Москву. Переговоры на высшем уровне для заключения советско-германского торгового соглашения. Немцы вступают в СЭВ и подписывают Варшавский договор. Все, чтобы угодить Карфельду и спутать карты в Брюсселе. Британию - вон, Россию - милости просим, Раппальский договор - только на этот раз о ненападении. Что скажете на это?

- Скажем, что вы врун, каких мало,- заявил де Лилл.

- Приятно чувствовать, что ты нравишься,- намеренно сюсюкая, как гомосексуалист, отпарировал Аллертон.- Только не говори мне, радость моя, что этого никогда не будет, потому что в один прекрасный день это произойдет. В один прекрасный день они на это пойдут. Вынуждены будут. Врежут мамочке по шее и найдут себе нового папочку для своего фатерланда. Но это будет, уж конечно, не Запад. Верно? Так кто же это будет? - И, повысив голос, поскольку они уже отошли от него, он заорал: - Вот чего вы, дурачье, не понимаете! Карфельд - единственный человек в Германии, который говорит правду: "холодная война" окончена. Всем это ясно, кроме вонючих дипломатов! - Последний его залп настиг их, когда они уже закрывали дверцы машины: - А впрочем, все это не страшно, дорогулечки,- донеслось до них.- Теперь мы можем спать спокойно, раз Тернер с нами!

Маленькая спортивная машина медленно продвигалась мимо стерильно чистых аркад американской колонии. Церковный колокол, усиленный динамиком, гудел, славя солнце. На ступеньках типично американской часовни жених и невеста позировали фотографам - то и дело вспыхивали блицы. Машина свернула на Кобленцштрассе, и гул толпы захлестнул их волной. Наверху мигали электронные индикаторы, указывая скорости машин. Портретов Карфельда стало много больше. Мимо промчались два "мерседеса" с арабскими буквами на номерных знаках, обогнали их, врезались в один с ними поток, снова из него вышли и исчезли.

- Этот лифт...- сказал вдруг Тернер,-...в посольстве... Он давно вышел из строя?

- Бог ты мой, кто помнит, когда что случилось? Где-то в середине апреля, должно быть.

- Вы уверены?

- Вы все думаете насчет тележки? Она ведь тоже исчезла в середине апреля!

- А вы догадливы,- заметил Тернер.- Даже очень.

- А вы допускаете непоправимую ошибку, если считаете себя великим

специалистом,- парировал де Лилл с неожиданной силой, которую Тернер однажды уже подметил в нем.- И не воображайте себя человеком в белом халате, а всех нас - подопытными кроликами.- Он резко свернул в сторону, чтобы не столкнуться с грузовиком, и за их спиной тотчас яростно завизжали тормоза.- Я спасаю вашу шкуру, хотя вы, возможно, этого и не замечаете.- Он улыбнулся.- Не сердитесь. Просто Зибкрон действует мне на нервы - вот и все.

- У него в дневнике стоит буква "П",- неожиданно сказал Тернер.- Запись сделана после рождества: "Встретиться с П. Пригласить П. на обед". И больше никаких упоминаний об этом П. Ведь это мог быть Прашко.

- Мог.

- Какие министерства расположены в Бад-Годесберге?

- Строительства, науки, здравоохранения. Насколько мне известно, только эти три.

- Он ездил туда на совещание каждый четверг во второй половине дня. В какое из этих министерств он мог ездить?

Де Лилл остановил машину у светофора. Сверху на них хмуро смотрел Карфельд, похожий на циклопа: один глаз у него был содран чьей-то возмущенной рукой.

- Не думаю, чтобы он ездил на какие-либо совещания,- осторожно предположил де Лилл.- Во всяком случае, в последнее время.

- Что вы хотите этим сказать?

- Только то, что сказал.

- Послушайте...

- А кто вам говорил, что он ездит на совещания?

- Медоуз. Причем Медоуз слышал это от самого Лео. Лео сказал ему, что он ездит каждую неделю на совещания по договоренности с Брэдфилдом. Это как-то связано с финансовыми претензиями немецких граждан.

- О господи,- еле слышно пробормотал де Лилл. Он вывернул машину влево, пропуская вперед сигналивший ему белый "порш".

- Что значит "о господи"?

- Сам не знаю. Но, наверно, не то, что вы думаете. Никаких совещаний не было. Во всяком случае, таких, на которых должен был присутствовать Лео. Ни в Бад-Годесберге, ни где-либо еще, ни по четвергам, ни по каким-либо другим дням. До приезда Роули он, правда, бывал на совещаниях низшего звена в министерстве строительства. Там обсуждались частные контракты на восстановление домов, поврежденных во время маневров союзных войск. И Лео утверждал их.

- До тех пор, пока не приехал Брэдфилд?

- Да.

- А что произошло потом? Эти совещания окончились, что ли? Так же как и вся его работа.

- Более или менее.

Вместо того чтобы свернуть направо к воротам посольства, де Лилл повернул влево, решив сделать еще один круг.

- Что значит "более или менее"?

- Роули положил этому конец.

- Совещаниям?

- Я же сказал вам. Гартинг выполнял там чисто механические функции. Разрешение можно было давать и письменно.

Тернер чувствовал, что близок к отчаянию.

- Ну чего вы крутите? В чем дело? Прекратил Брэдфилд поездки на совещания или нет? Какую роль он в этом играл?

- Спокойнее,- предостерег его де Лилл, приподняв руку, лежавшую на руле.- Не спешите. Роули стал посылать меня вместо него. Ему не нравилось, что такой человек, как Лео, представляет посольство.

- Такой человек, как...

- Я имею в виду, человек временный. Только и всего! Временный сотрудник, не имеющий постоянного дипломатического статуса. Роули считал, что это неправильно, и передал эти функции мне. После этого Лео перестал со мной разговаривать. Он решил, что я интриговал против него. А теперь хватит. Не спрашивайте меня больше ни о чем.- Они снова проезжали мимо гаража "Арал", только на этот раз в северном направлении. Служитель, заливающий бензин, узнал машину и весело помахал де Лиллу.- У вас свои мерилы и правила, у меня свои. Я не стану обсуждать с вами Брэдфилда, даже если вы будете орать на меня, пока не посинеете. Он мой коллега, мой начальник и...

- И ваш друг! Кого вы, черт возьми, здесь представляете? Самих себя или несчастных маленьких налогоплательщиков? Хотите, я скажу вам кого: клуб. Ваш клуб. Этот чертов Форин офис. И если вы увидите, что Роули Брэдфилд стоит на Вестминстерском мосту и торгует вразнос архивами, чтобы немного подработать к основному окладу, вы отвернетесь, черт побери, и сделаете вид, будто ничего не заметили.

Тернер не кричал. Но он произносил каждое слово отдельно и так весомо, что это придавало его речи необычайную силу.

- Так бы и наклеил на вас на всех. На весь ваш паскудный, насквозь прогнивший балаган. Пока Лео был с вами, вы и двух пенни не дали бы за него, ни один из вас. Ну, что он был такое - ничтожество, мразь! Ни именитых родителей, ни привилегированной школы в детстве - ничего. Загнать его на другой берег, где никто не станет обращать на него внимания! Упрятать в посольские катакомбы вместе со служащими-немцами. Угостить такого стаканом вина можно, а обедом - уже нельзя. Ну, и к чему это привело? Что он дал деру, утащив с собой половину ваших секретов. И тут вы вдруг почувствовали свою вину и застыдились, как девственница,- придерживаете рукой передничек и рта не смеете раскрыть перед чужим мужчиной! Все - и вы, и Медоуз, и Брэдфилд. Вы знаете, как он сюда проник, как всех облапошил, всех провел за нос и бежал с украденным. Вы знаете и еще кое-что: знаете о существовании в его жизни дружбы, любви - это-то и выделяло его среди вас, делало интересным. Он жил в своем особом мире, и ни один из вас не хочет этот мир назвать. Что это был за мир? Кто был этим миром? Куда, черт побери, он ездил по четвергам во второй половине дня, если не в министерство? Кто направлял его действия? Кто ему покровительствовал? Кто давал ему задания и деньги и кто получал от него информацию? Кому на руку он играл? Ведь он же шпион, черт побери! Он же залез к вам в карман! И вот как только вы это обнаружили, вы стали на его защиту!

- Нет,- сказал де Лилл. Они остановились у ворот посольства, машину окружили полицейские, в окно застучали. Но он не спешил опускать стекло.- Нет, все это не правда. Вы с Лео - одного поля ягода. Вы оба - по ту сторону барьера. И тот, и другой. Понять и найти Лео - ваше дело. Несмотря на все объяснения и все ярлыки. По тому-то вы так и взбиваете пену.

Они подъехали к стоянке для машин, и де Лилл свернул к столовой, где утром, глядя вдаль, стоял Тернер.

- Мне нужно осмотреть его дом,- сказал Тернер.- Нужно.- Оба помолчали, уставившись прямо перед собой в ветровое стекло.

- Я так и думал, что вы меня об этом попросите.

- В таком случае забудьте об этой просьбе.

- Почему? Я не сомневаюсь, что вы все равно попыгаете туда пробраться.
Рано или поздно.

Они вылезли из машины и медленно пошли по асфальту. Фельдгегери лежали на лужайке неподалеку от своих мотоциклов, стоявших возле флагштока. Под солнцем пламенели герани, выстроившиеся в ряд, точно крошечные солдаты на военном параде.

- Он любил армию,- произнес де Лилл, когда они уже поднимались по ступенькам особняка.- Действительно любил.

Оба остановились, чтобы показать пропуска сержанту с лицом хорька, и Тернер оглянулся на аллею, по которой они только что проехали.

- Смотрите-ка! - воскликнул он,- Та самая пара, что прицепилась к нам в аэропорту.

Черный "опель", покачиваясь, подъехал к проходной. На переднем сиденье - двое. Отсюда, со ступенек, Тернеру хорошо видны были блики солнца, отражавшиеся от длинного смотрового зеркала.

- Ну что ж, Людвиг Зибкрон проводил нас на ленч,- с сухой усмешкой заметил де Лилл,- а теперь привел домой. Я ведь говорил вам: не считайте себя великим специалистом.

- В таком случае где вы были в пятницу вечером?

- В сарае,- рявкнул де Лилл,- поджидал леди Анну, чтобы убить ее и завладеть прославленными бриллиантами.

Шифровальная была снова открыта. Корк прилег на раскладную кровать на колесиках, возле него на полу валялся проспект с виллами Карибского побережья. На столе в рабочей комнате лежал голубой конверт со штампом посольства, адресованный Алану Тернеру, эсквайру. Имя и фамилия были напечатаны на машинке, стиль письма сухой, довольно неуклюжий. Автор доводил до сведения мистера Тернера, что ему известен целый ряд вещей, связанных с проблемой, приведшей мистера Тернера в Бонн. Если мистер Тернер не возражает, продолжал автор письма, он готов встретиться с ним за бокалом вина по указанному выше адресу в половине седьмого. Место встречи в Бад-Годесберге, а автором письма была мисс Дженни Парджитер из отдела прессы и информации, прикомандированная в данное время к аппарату советников. Подписавшись, она - для ясности - напечатала ниже свое имя и фамилию на машинке. Крупная буква "П" бросилась Тернеру в глаза, и, открыв книжку-календарь в синей дерматиновой обложке, он позволил себе многозначительно улыбнуться. "П" могло означать Прашко, "П" могло означать и Парджитер. А именно " П " стояло в записной книжке. А н у - к а , Л е о , з а г л я н е м в т в о ю т а й н у .

<h2>8. ДЖЕННИ ПАРДЖИТЕР</h2>

П о н е д е л ь н и к . В е ч е р

- Насколько я понимаю,- начала беседу с заранее подготовленной фразы Дженни Парджитер,- разговор конфиденциального характера не может явиться для вас неожиданностью.

На низеньком стеклянном столике перед диваном стояла бутылка шерри. Квартира была темная, неприглядная: викторианские плетеные стулья, немецкие тяжелые гардины. В нише над обеденным столом - репродукции Констэбля.

- У вас своя профессиональная этика - как у врача.

- О, будьте спокойны,- сказал Тернер.

- Сегодня на утреннем совещании у нас в аппарате советников говорилось о том, что вы ведете расследование по делу Лео Гартинга. И нам было предложено не подвергать этот вопрос обсуждению, даже между собой.

- Со мной вам его обсуждать можно,- сказал Тернер.

- Без сомнения. Но я, естественно, хочу знать, на сколько может простираться доверительность нашей беседы. В частности, например, каков ваш статус применительно к Управлению кадров?

- Это зависит от характера полученной мной информации.

Она подняла бокал с шерри и держала его на уровне глаз, словно прикидывая, сколько в нем налито. По всей видимости, это была попытка продемонстрировать присутствие духа, придать беседе непринужденно-светский характер.

- Предположим, кто-то в чем-то слегка перешел границы... предположим, я. В чисто личных делах.

- Все будет зависеть от того, с кем вы перешли границы,- ответил Тернер, и Дженни Парджитер внезапно залилась краской.

- Я вовсе не это имела в виду.

- Вот слушайте,- сказал Тернер, пристально наблюдая за ней.- Если вы придете и признаетесь мне по секрету, что забыли в автобусе папку с документами, я обязан буду доложить об этом Управлению кадров. А если вы сообщите мне, что время от времени встречаетесь где-нибудь с каким-то вашим приятелем, я не упаду от этого в обморок. Как правило,- сказал он, пододвигая к ней свой бокал, чтобы она налила ему еще шерри,- Управление кадров предпочитает не знать о моем существовании.- Он сидел, свободно развалившись в кресле, и произнес это очень небрежно, словно разговор мало его интересовал.

- А если вопрос касается третьих лиц, о которых надо позаботиться, так как они не могут сделать этого сами?

- Значит, это опять-таки вопрос безопасности,- сказал Тернер.- И если бы вы не считали дело серьезным, вы бы вообще не обратились ко мне. Так что решайте сами. Я не могу дать вам никаких гарантий.

Резким, немного угловатым движением она взяла сигарету, закурила. Она была не лишена привлекательности, но одета как-то не по летам - то ли слишком молодо, то ли наоборот,- и, может быть, поэтому она показалась Тернеру человеком другого поколения,

- Пусть будет так,- сказала она и с минуту хмуро-сосредоточенно смотрела на Тернера, словно стараясь определить, в какой мере можно ему довериться.- Тем не менее вы неправильно поняли, почему я пригласила вас сюда. Дело вот в чем. Поскольку до вас, несомненно, дойдут всевозможные сплетни относительно Лео Гартинга и меня, я предпочитаю, чтобы вы услышали правду из моих уст.

Тернер поставил на стол бокал и открыл записную книжку.

- Я приехала сюда в самый канун рождества,- начала Дженни Парджитер.- Из Лондона. А перед этим я была в Джакарте. В Лондон я возвратилась, чтобы обвенчаться. Быть может, вы видели в газетах объявление о моей помолвке?

- Боюсь, что это как-то прошло мимо меня,- сказал Тернер.

- Человек, с которым я была обручена, решил в последнюю минуту, что мы не созданы друг для друга. Это было очень мужественное решение. Тогда я добилась назначения в Бонн. Мы знали друг друга много-много лет, учились вместе в университете, и я всегда считала, что у нас с ним много общего. Но он взглянул на вещи по-другому. На то и существуют помолвки. Я ни в какой мере не чувствую себя обиженной. И не вижу никаких оснований выражать мне

сочувствие.

- Итак, вы приехали сюда на рождество?

- Я специально просила о том, чтобы мне дали возможность провести праздники здесь. Все прошлые годы мы обычно проводили рождество вместе. За исключением, конечно, тех лет, когда я была в Джакарте. Оказаться в эти дни... врозь было, как вы понимаете, мучительно для меня. Я очень рассчитывала на то, что новая обстановка поможет мне забыть.

- Ясно.

- Одинокой женщине в посольстве на рождество отбою нет от приглашений. Почти все сотрудники аппарата советников приглашали меня провести праздники в их семье. Брэдфилды, Крабы, Джексоны, Гевистоны - все звали меня к себе. Пригласили меня и Медоузы. Вы, конечно, уже познакомились с Артуром Медоузом?

- Познакомился.

- Он вдовец, живет со своей дочерью Майрой. В сущности-то, он - "Б-3", хотя официально эти ранги теперь уже у нас не в ходу. Я была очень тронута, получив приглашение от сотрудника ниже меня по положению.

Ее произношение временами выдавало провинциалку, хотя она и очень старалась это скрыть.

- В Джакарте мы всегда придерживались таких традиций. Общались шире. А в таком большом посольстве, как здесь, в Бонне, все склонны скорее замыкаться в своем более узком кругу. Я не хочу сказать, что не должно существовать никаких перегородок: это, по-моему, тоже не годится. У сотрудников категории "А", например, другие интеллектуальные интересы, другие запросы и вкусы, чем у сотрудников категории "Б". Но я нахожу, что в Бонне эта обособленность слишком уж резко бросается в глаза и разграничения слишком строги. "А" - только с "А", "Б" - только с "Б", даже если они работают в разных местах - в торговой миссии, в атташатах, в аппарате советников, - все держатся в рамках своих крошечных каст. Мне кажется, что это неправильно. Хотите еще шерри?

- Спасибо.

- Словом, я приняла приглашение Медоуза. Кроме меня, он пригласил еще и Гартинга. Мы очень приятно провели у них целый день. Вечером Майра Медоуз была куда-то приглашена... Она ведь перенесла очень тяжелую душевную травму: в Варшаве у нее был, как я поняла, роман с каким-то подозрительным типом из местных, и все это едва не кончилось трагедией. Я лично против предрасположенных браков. Ну, словом, Майра отправлялась куда-то, где собиралась молодежь, сам Медоуз был приглашен к Коркам, и нам

с Гартингом оставалось только откланяться. Когда мы уходили, он предложил немного прокатиться. Тут неподалеку есть славное местечко, сказал он, и было бы неплохо подышать свежим воздухом после всех этих яств и возлияний. Я обожаю ходить пешком. Мы немного погуляли, и потом он стал уговаривать меня поехать к нему поужинать. Он был очень настойчив.

Она больше не глядела на Тернера. Она сложила руки на коленях, соединив кончики пальцев.

- Я почувствовала, что отказаться неудобно. В таких ситуациях женщине всегда бывает очень трудно. Я бы с удовольствием вернулась пораньше домой, но мне не хотелось его обидеть. В конце концов, это же был сочельник. Гартинг во все время прогулки вел себя безупречно. Но с другой стороны, мы ведь были почти незнакомы до этого дня. Все же я согласилась, предупредив его, однако, что не хочу поздно возвращаться домой. Он принял это условие, и я в своей машине поехала следом за ним в КJнигсвинтер. К моему изумлению,

оказалось, что дома у него все уже было приготовлено заранее. Стол был накрыт на двоих. Он даже упросил истопника прийти и разжечь камин. После ужина он объяснился мне в любви.- Она снова взяла сигарету, глубоко затянулась. Ее голос звучал все более сухо-деловито - хочешь не хочешь, придется все рассказать.- Он сказал, что никогда в жизни не испытывал подобного чувства. Сказал, что потерял голову с первой секунды, когда увидел меня на совещании. "Все ночи напролет я простаиваю у окна своей спальни, глядя, как они поднимаются вверх по реке,- сказал он, указывая на цепочку огней: по реке плыли баржи.- Каждое утро я встречаю здесь восход солнца". Это было наваждение, и виной всему была я. Его признание ошеломило меня.

- Что вы ответили ему?

- Он, в сущности, не дал мне произнести ни слова. Заявил, что хочет сделать мне подарок. Даже если ему не суждено никогда больше увидеть меня, он все равно хочет, чтобы я приняла от него рождественский подарок - знак его любви ко мне. Он исчез за дверью своего кабинета и тот час возвратился с каким-то свертком в руках, к которому уже была прикреплена карточка с надписью: "Моей любви мой". Как вы легко можете себе представить, я совершенно растерялась. "Я не могу этого принять,- сказала я.- Я отказываюсь. Я не могу допустить, чтобы вы делали мне подарки. Это ставит меня в ложное положение". Я попыталась объяснить ему, что хотя он ведет себя во многих отношениях как прирожденный англичанин, однако в этом случае он делает то, что у англичан не принято. Это на континенте вошло в обычай брать женщин штурмом, а в Англии за женщиной ухаживают долго и тактично, окружают ее вниманием. Мы сначала должны получше узнать друг друга - образ мыслей, взгляды. А потом, у нас разница в возрасте; я не должна забывать о своей карьере. Признаюсь, я просто не знала, что делать.- Сухая деловитость исчезла из ее голоса, он звучал беспомощно и немного жалобно.- Но он продолжал твердить: это же рождество! Я должна рассматривать это просто как рождественский подарок.

- Что было в свертке?

- Фен для сушки волос. Он сказал, что особенно восхищается моими волосами. Он все любит, как солнце играет в них по утрам. Во время наших утренних совещаний, понимаете? Он, по-видимому, выражался фигурально, потому что погода была в ту зиму премерзкая.- Она вздохнула.- Вероятно, этот фен стоил не меньше двадцати фунтов. Еще никто не делал мне таких дорогих подарков - даже мой бывший жених в период нашей самой большой близости.

Теперь она проделала некий ритуал с пачкой сигарет: протянула было руку, затем рука повисла в воздухе, словно выбирая, какую бы сигарету взять - эту, нет, лучше ту, точно это были шоколадные конфеты... Наконец она закурила, хмуро сдвинув брови.

- Мы посидели, поставили пластинки. Я не слишком музыкальна, но мне казалось, что музыка может его развлечь. Мне было мучительно жаль его и очень не хотелось оставлять одного в таком состоянии. Он сидел и молча смотрел на меня. Я не знала, куда девать глаза. Потом он подошел и сделал попытку меня обнять, но я сказала, что мне пора домой. Он проводил меня до машины. Держался очень корректно. По счастью, впереди было еще два дня праздников, и я имела возможность решить, что делать. Он дважды звонил мне, приглашал поужинать, я отказалась. В последний день праздников решение мое было принято. Я написала ему письмо и возвратила подарок. Я чувствовала, что не могу поступить иначе. Я приехала в посольство пораньше и оставила сверток у дежурного аппарата советников. Я много думала над его словами, написала я в письме, и пришла к убеждению, что никогда не смогу ответить ему таким же

чувством. А значит, я не должна поощрять его, и, поскольку мы с ним коллеги и нам предстоит постоянно встречаться друг с другом, простая порядочность требует, чтобы я сразу же, не откладывая, откровенно объяснилась с ним, прежде чем...

- Прежде чем - что?

- Прежде чем пойдут сплетни,- сказала она с внезапной горячностью.- В жизни не видала таких сплетников, как здесь. Шагу нельзя ступить, чтобы про тебя не наплели каких-нибудь мерзких небылиц.

- Что же они про вас наплели?

- А бог их знает,- сказала она беспомощно.- Бог их знает.

- Кому из дежурных передали вы этот сверток? - Уолту-младшему. Сыну.

- Он рассказал об этом кому-нибудь?

- Я специально предупредила его, чтобы он не болтал.

- Это, несомненно, должно было произвести на него впечатление,- сказал Тернер.

Она сердито уставилась на него, щеки ее пылали от смущения.

- Ладно. Значит, вы возвратили ему эту штуку. Что он по этому поводу сделал?

- В тот же день мы встретились с ним, как обычно, на совещании, и он поздоровался со мной так, словно ничего не произошло. Я улыбнулась ему, и только. Он был бледен, но спокоен - хоть и грустен, но вполне владел собой. Я поняла, что самое неприятное позади... К тому же как раз тогда ему поручили новую работу в архиве, и я надеялась, что это отвлечет его. Недели две мне почти не пришлось с ним разговаривать. Время от времени мы встречались в посольстве или на каких-нибудь приемах, и он выглядел вполне счастливым. Ни разу ни словом не обмолвился про тот рождественский вечер или про подарок. Иногда на коктейлях он вдруг подходил и останавливался возле меня, и я понимала, что он... хочет ощутить мою близость. Я постоянно чувствовала на себе его взгляд. От женского чутья такие вещи не могут укрыться: я понимала, что он еще надеется. Порой он так на меня глядел... этот взгляд не оставлял сомнений. Я до сих пор не понимаю, как я могла не замечать этого прежде. Тем не менее я ни в чем не поощряла его. Мое решение было принято, и какие бы ни возникали у меня соблазны, как бы мне ни хотелось утешить его, я понимала, что в конечном счете это ни к чему... нет смысла поощрять его. К тому же все произошло так внезапно, так... иррационально, что мне казалось, так же быстро должно и пройти.

- И прошло?

Так продолжалось еще недели две и мало-помалу стало действовать мне на нервы. Я не могла никуда пойти, не могла принять ни одного приглашения - всюду я встречала его. И он даже не пытался больше завязывать со мной беседу. Просто глядел на меня. У него темные глаза, и взгляд проникает в самую душу. Темно-карие глаза, и какие-то поразительно преданные. В конце концов я уже просто боялась появляться где-нибудь. Стыдно сказать, но в те дни у меня даже мелькала одна недостойная мысль. Я подумала, не читает ли он мою корреспонденцию.

Теперь вы отказались от этой мысли?

- У каждого из нас есть свой почтовый ящик в канцелярии. Для писем и телеграмм, И все мы помогаем сортировать почту. А приглашения здесь, как и в Англии, принято, разумеется, посылать в незапечатанных конвертах. Ему ничего не стоило заглянуть в мои конверты.

- Почему же вы считаете свою мысль недостойной?

- Потому что это неправда, вот почему! - вспыхнула она.- Я высказала

ему свои подозрения, и он заверил меня, что я абсолютно не права.

- Понятно.

Она заговорила еще более категорично и наставительно, отмечая всякие возражения; в голосе ее зазвучали резкие нотки.

- Он никогда бы себе этого не позволил. Это совершенно не в его характере. Ему такая вещь и в голову не могла бы прийти. Он самым решительным образом заверил меня, что ни одной минуты не намеревался... "меня преследовать". Он сказал, что если это меня хоть сколько-нибудь раздражает, то он готов в дальнейшем отклонять все приглашения до тех пор, пока я не сниму свой запрет. Меньше всего на свете хотел бы он обременять меня своим присутствием.

- И после этого вы снова стали друзьями, так, что ли? Он видел, как она подыскивает лживые слова, чтобы не

сказать правды, видел, как она колеблется на грани признания и неуклюже отступает.

- После двадцать третьего января он не перекинулся со мной ни словом, - пробормотала она. Даже при этом тусклом освещении Тернер не мог не увидеть, как слезы покатались по ее побледневшим щекам, хотя она быстро наклонила голову и закрыла лицо руками. - Я ничего не могу поделать с собой. Я думаю о нем беспрестанно, день и ночь.

Тернер встал, распахнул дверцу кабинетного бара и налил полстакана виски.

- Ну-ка,- сказал он мягко,- вы же предпочитаете это. Бросьте прикидываться и выпейте.

- Это от переутомления.- Она взяла стакан.- Брэдфилд не дает ни минуты покоя. Он не любит женщин. Ненавидит их. Он с радостью загнал бы нас всех в гроб.

- А теперь расскажите мне, что произошло двадцать третьего января.

Она съезжилась в кресле, повернувшись к Тернеру спиной; голос ее временами помимо воли начинал звенеть.

- Он перестал меня замечать. Делал вид, будто поглощен работой. Я заходила в архив за бумагами, а он даже не поднимал глаз. Не глядел в мою сторону. Никогда. Всех других он замечал, но только не меня. О нет! Прежде он не проявлял особого интереса к работе - достаточно было понаблюдать за ним во время наших совещаний: это сразу бросалось в глаза. В глубине души он был совершенно равнодушен. Не честолюбив. Но стоило мне появиться, он делал вид, будто с головой ушел в работу. Даже когда я здоровалась с ним, он смотрел на меня так, словно перед ним неодушевленный предмет. Даже когда я лицом к лицу сталкивалась с ним в коридоре, он не замечал меня. Я для него больше не существовала. Мне казалось, что я сойду с ума. Такому поведению нет названия. В конце концов, он, как вам известно, всего-навсего сотрудник категории "Б", и к тому же временный; он, в сущности, никто. У него же нет никакого веса - вы бы только послушали, как они все говорят о нем. Вот что он такое в их глазах: сметливый малый, но полагаться на него нельзя.- На какую-то минуту она явно почувствовала свое превосходство над ним.- Я писала ему письмо. Я звонила ему по телефону в КJнигсвинтер.

- И все замечали, что с вами творится? Вы не сумели скрыть свои чувства?

- Да ведь это он сначала преследовал меня!

Она совсем скорчилась в кресле, уронив голову на согнутый локоть, и тихонько всхлипывала: плечи ее вздрагивали.

- Вы должны все рассказать мне.- Тернер подошел к ней, тронул ее за

руку.- Слышите? Вы должны рассказать мне, что произошло в конце января. Произошло что-то важное, не так ли? Он попросил вас что-то для него сделать. Что-то имеющее политическую подкладку. Что-то такое, из-за чего вы теперь очень напуганы. Сначала он обхаживал вас, задурил вам голову. Затем получил то, что ему было нужно. Что-нибудь совсем простое, но чего он не мог добыть сам. А когда получил, вы ему стали не нужны. Всклипывания утихли.

- Вы сообщили ему то, что ему надо было выведать. Вы оказали ему услугу и тем облегчили его задачу. Ну что ж, это не такая уж редкость. Немало людей делают то же самое в различных обстоятельствах. Так что же это было? - Тернер опустил на колени возле ее кресла.- В чем вы перешли границу? И почему вы говорили про третьих лиц? Как они здесь замешаны? Расскажите мне! Вы чем-то смертельно напуганы. Расскажите мне, в чем дело!

- О господи! - пробормотала она.- Я дала ему ключи! Дала ключи...

- Дальше.

- Ключи дежурного. Всю связку. Он пришел и попросил меня... Нет. Он даже не просил, нет.

Она выпрямилась в кресле, лицо ее побелело. Тернер подлил в стакан виски, сунул стакан ей в руку.

- Я дежурила. Была ответственной ночной дежурной. В четверг, двадцать третьего января. Лео до дежурств не допускали. Есть вещи, к которым временным сотрудникам не положено иметь доступа: специальные инструкции, планы чрезвычайных мероприятий. Было часов восемь, может быть, половина восьмого, я разбирала телеграммы. Я вышла из шифровальной, чтобы пойти в канцелярию, и увидела, что он стоит в коридоре. Стоит, словно кого-то ждет. И улыбается. "Дженни,- сказал он.- Какая приятная неожиданность!" Я почувствовала себя такой счастливой.

Она снова расплакалась.

- Я была безумно обрадована. Я так мечтала, чтобы он опять заговорил со мной, как прежде. Он ждал меня. Я это сразу поняла; он только делал вид, будто эта встреча - простая случайность. И я сказала: Лео! Я никогда не называла его так до этой минуты. Лео. Мы поговорили, стоя в коридоре. Какая приятная неожиданность, повторял он снова и снова. Может быть, поужинаем вместе? Я же на дежурстве, напомнила я ему - на случай, если это вы летело у него из головы. Жаль, сказал он, ничуть не смутившись, тогда, может быть, завтра вечером? А как насчет уик-энда? Он позвонит мне. Он позвонит мне в субботу утром, идет? Это будет очень мило, сказала я, меня это вполне устраивает. Сначала мы немного погуляем, сказал он, по холмам, за футбольным полем, хорошо? Я была счастлива. В руках у меня была пачка телеграмм, и я сказала: отлично, а сейчас мне надо передать эти телеграммы Медоузу. Он хотел отнести их вместо меня, но я сказала: нет, не утруждайте себя, я отнесу сама. Я уже повернулась к нему спиной, понимаете, не хотела, чтобы он ушел первый, но не успела сделать и двух шагов, как он вдруг сказал - в этой своей обычной, вкрадчивой манере: "Да, Дженни, послушайте, вот какое дело... Нелепая получилась история: весь наш хор собрался внизу, на лестнице, и никто не может отпереть дверь конференц-зала. Кто-то ее запер, а ключа нет, и мы подумали, что, наверно, у вас он должен быть". Все это показалось мне довольно странным, по правде говоря. Прежде всего я не представляла себе, кому это могло прийти в голову запереть дверь зала. Ну, я сказала: хорошо, я сейчас спущусь вниз и отопру дверь, только мне сначала надо разделаться с телеграммами. Он, конечно, знал, что у меня есть ключ: у дежурного всегда должны быть запасные ключи от всех комнат посольства. "Зачем вам утруждать себя и спускаться вниз,- сказал он.- Дайте мне ключ, я все сделаю сам. В две

минуты". И тут он заметил, что я колеблюсь. Она закрыла глаза.

- Он был такой... жалкий. Его так легко было обидеть. И я уже однажды оскорбила его - заподозрила, что он заглядывает в мои письма. Я любила его... Клянусь вам, я никогда никого не любила прежде...

Мало-помалу ее рыдания утихли.

- И вы дали ему ключи? Всю связку? Ключи от комнат, от сейфов...

- Да, и от всех столов и несгораемых шкафов, от парадного входа, и от черного, и от сигнала тревоги в архиве аппарата советников.

- И ключ от лифта?

- Лифт тогда еще не был на ремонте. Его заперли только в конце следующей недели.

- И долго он держал ключи?

- Минут пять. Может быть, даже меньше. Это ведь недолго, верно? - Она умоляюще вцепилась в его рукав. - Скажите, что это недолго.

- Чтобы снять отпечаток? За это время он мог снять пятьдесят отпечатков, если у него был навык.

- Но ему нужен был бы воск, или пластилин, или еще что-нибудь... Я потом проверяла - смотрела в справочнике.

- Он мог держать все это наготове у себя в комнате, - равнодушно заметил Тернер. - Она ведь на первом этаже. Не растривайтесь, - сочувственно добавил он. - Может быть, он и в самом деле просто хотел впустить хор. Может быть, у вас слишком разыгралось воображение.

Она перестала плакать. Ровным, монотонным голосом она продолжала свои признания:

- Хор не репетирует в эти дни. Только по пятницам. А это был четверг.

- Вы это выяснили? Справились у охраны?

- Я знала это с самого начала. Знала, когда давала ему ключи. Делала вид, будто не знаю, но знала. Просто не могла отказать ему в доверии. Это был акт самопожертвования, неужели вы не понимаете? Акт самопожертвования, акт любви. Но разве мужчина может это понять!

- И после того, как вы отдали ему ключи, - сказал Тернер, поднимаясь с колен, - он не захотел вас больше знать?

- Все мужчины таковы. Разве нет?

- Позвонил он вам в субботу?

- Вы же понимаете, что не позвонил. - Она снова уронила голову на руку.

Он захлопнул свою записную книжечку.

- Вы слушаете меня?

- Да.

- Упомянул он когда-нибудь о женщине, которую зовут Маргарет Айкман? Он был помолвлен с нею. Она знала и Гарри Прашко.

- Нет.

- А о какой-нибудь другой женщине?

- Нет.

- Говорил он с вами о политике?

- Нет.

- Были у вас основания предполагать, что он человек крайне левых убеждений?

- Нет.

- Случалось вам видеть его в компании каких-либо подозрительных личностей?

- Нет.

- Говорил он с вами когда-нибудь о своем детстве? О своем дядюшке,

который жил в Хэмпстеде? Дяде-коммунисте, воспитавшем его?

- Нет.

- О дяде Отто?

- Нет.

- Упомянул он когда-нибудь о Прашко? Упомянул или нет? Вы слышите?

Упомянул он о Прашко?

- Он говорил, что Прашко был его единственным другом на всей земле.-

Она снова разрыдалась, и он снова ждал, пока она успокоится.

- Говорил он о политических взглядах Прашко?

- Нет.

- Говорил, что они по-прежнему дружны? Она отрицательно покачала головой.

- Гартинг обедал с кем-то в четверг. Накануне своего исчезновения. В "Матернусе". Это были вы?

- Я же вам говорила! Клянусь, я не видела его больше!

- Признайтесь, это были вы?

- Нет!

- Он сделал пометку в своей записной книжке, которая указывает на вас.

Буква "П". И в других случаях он делал такие же пометки, имея в виду вас.

- Это была не я!

- Значит, это был Прашко, так, что ли?

- Откуда я могу знать?

- Потому что вы были его любовницей! Вы признались мне только наполовину, не рассказали всего! И вы продолжали спать с ним до последнего дня, пока он не скрылся!

- Это неправда!

- Почему Брэдфилд покровительствовал ему? Лео был ему глубоко антипатичен, почему же Брэдфилд так опекал его? Поручал ему всевозможные дела? Держал на жалованье?

- Будьте добры, оставьте меня,- сказала она.- Пожалуйста, уходите. И никогда больше не появляйтесь.

- Почему?

Она выпрямилась.

- Уйдите,- сказала она.

- В пятницу вечером вы ужинали с ним. В тот вечер, когда он исчез. Вы были его любовницей, но не хотите в этом признаться!

- Неправда!

- Он расспрашивал вас о Зеленой папке! И заставил вас передать ему спецсумку, в которой она хранилась!

- Неправда! Неправда! Убирайтесь вон!

- Мне нужна машина.

Тернер спокойно ждал, пока она звонила по телефону.

- Sofort! (Немедленно (н е м .)) -сказала она.- Sofort. Сейчас же приезжайте и заберите этого господина отсюда.

Он направился к двери.

- Что вы с ним сделаете, когда разыщете его? - спросила она упавшим голосом: волнение истощило ее силы.

- Это уж не моя забота.

- А вам, значит, все равно?

- Мы его не найдем, так что это не имеет значения.

- Зачем же тогда искать?

- А почему бы и нет? Разве не в этом проходит наша жизнь? Все мы ищем

людей, которых нам не суждено найти.

Он не спеша спустился по лестнице в вестибюль. Из соседней квартиры доносился гомон - там веселились. Компания арабов, сильно на взводе, пробежала мимо него вверх по лестнице; они громко переговаривались, сбрасывая на ходу плащи. Тернер остановился в подъезде. По ту сторону реки неяркая цепочка огней висела в теплом полумраке, словно ожерелье, опоясывая чемберленовский Петерсберг. На противоположной стороне улицы высилось новое здание. Оно производило странное впечатление, словно было построено сверху вниз - сначала кран навесил крышу, потом подвели все остальное. У Тернера мелькнула мысль, что прежде он видел это здание в другом ракурсе. Улицу пересекала эстакада железнодорожного моста. Когда по ней с грохотом промчался поезд, в окнах вагона-ресторана промелькнули безмолвные силуэты людей, уткнувшихся в свои тарелки.

- В посольство,- сказал Тернер.- В британское посольство.

- Englische Botschaft? (В английское? (н е м .))

- Не английское - британское. И побыстрей. Шофер выругался, буркнув что-то по адресу дипломатов.

Машина понеслась с головокружительной быстротой, на одном из поворотов они чуть не столкнулись с трамваем.

- Вы что, черт побери, не умеете водить машину? Тернер потребовал квитанцию. Шофер порылся в отделении для перчаток, достал квитанционную книжку и резиновую печать. Он хлопнул печатью с такой силой, что квитанция смялась. Посольство выплыло из-за угла, словно корабль, сверкая всеми своими окнами. Темные силуэты пар двигались в гостинной, слитые воедино медленным ритмом бального танца. Стоянка была забита машинами. Тернер выбросил квитанцию: Ламли не станет оплачивать проезд на такси. Согласно новому распоряжению об очередном сокращении расходов. И взыскивать не с кого. Разве что с Гартинга, который и так, кажется, уже по уши в долгах.

Брэдфилд на совещании, сказала мисс Пит. Возможно, сегодня же ночью он улетит вместе с послом в Брюссель. Она отложила в сторону свои бумаги и вертела в руках синий кожаный овал, на котором в надлежащем порядке раскладывала именные карточки для предстоящего официального ужина; с Тернером она говорила таким тоном, словно ей вменялось в обязанность бесить его. А де Лилл - в бундестаге, слушает дебаты о чрезвычайных законах.

- Я хочу поглядеть на ключи, которые хранятся у дежурного.

- Очень сожалею, но вы можете получить эти ключи только с разрешения мистера Брэдфилда.

Он сцепился с ней, а она только этого и ждала. Он одолел ее в перебранке, а ей только этого и надо было. Она выдала ему бланк допуска, подписанный хозяйственным отделом и завизированный старшим советником (политическим). Он отнес бланк на контрольный пост, где дежурным оказался Макмаллен. Крупного телосложения, медлительный в движениях, он был когда-то сержантом полиции в Эдинбурге, и все, что ему довелось слышать о Тернере, никак не располагало его в пользу последнего.

- И ночной регистрационный журнал,- потребовал Тернер.- Начиная с января.

- Пожалуйста,- сказал Макмаллен, продолжая маячить рядом, пока Тернер просматривал журнал, словно боясь, как бы тот его не унес. Было уже половина

девятого, и посольство заметно опустело.

Фамилия Гартинга нигде не значилась.

- Отметьте меня,- сказал Тернер, протягивая журнал Макмаллену.- Я пробуду здесь всю ночь.

"Как Лео",- подумал он.

9. РОКОВОЙ ЧЕТВЕРГ

П о н е д е л ь н и к . В е ч е р

В связке было не меньше

пятидесяти ключей, но только на пяти или шести висели жетоны с номерами. Тернер стоял в коридоре на первом этаже - там, где, укрывшись в тени за колонной и глядя на дверь шифровальной, стоял в свое время Лео Гартинг. Было около половины восьмого - тогда, и Тернер старался представить себе, как Дженни с пачкой телеграмм в руке выходит из шифровальной. В коридоре было шумно. Девушки из канцелярии то приносили телеграммы для шифровки, то получали их обратно, и стальное окошечко в двери шифровальной все время поднималось и опускалось, словно нож гильотины. Но в тот четверг вечером здесь было тихо - временная передышка среди нараставших волнений,- и Лео разговаривал с ней здесь, где стоял сейчас Тернер. Он поглядел на свои часы, снова перевел взгляд на связку ключей и подумал: пять минут. Что успел Лео проделать за это время? Шум был оглушающий: человеческие голоса сливались со всякого рода механическими звуками, возвещавшими о том, что мир близится к катастрофе. Но в тот вечер все было спокойно, и Лео стоял здесь, притаясь, воплощение неподвижности и тишины, зверь, стерегущий свою добычу, чтобы выпотрошить ее и уничтожить. За пять минут.

Тернер прошел по коридору до верхнего вестибюля, перегнувшись через перила, поглядел вниз, в пролет лестницы, и увидел, как вечерняя смена машинисток, словно спасаясь с горящего корабля, исчезла за дверью, растворившись в ночном мраке. Верно, Лео шел по коридору быстро, но с беззаботно-непринужденным видом - ведь Дженни могла все время глядеть ему вслед, да и Гонт или Макмаллен могли увидеть его, когда он спускался с лестницы,- проворно, но без малейших признаков спешки.

Тернер остановился в вестибюле. "Но какой же чудовищный риск! - внезапно подумал он.- Какая отчаянная игра!" Он увидел, как внизу все расступились, давая дорогу двум немецким чиновникам. В руках у них были черные портфели; они шагали с важным видом, словно пришли совершить хирургическую операцию... К а к о й р и с к ! Дженни могла одуматься. Могла броситься за ним. И в ту же секунду ей стало бы ясно - даже если бы она не знала этого прежде,- что Лео лжет. В ту же секунду, как только она очутилась бы в нижнем вестибюле и заметила, что из конференц-зала не доносится ни звука, увидела бы, что в регистрационном журнале нет отметки о приходе ни одного из участников хора, а на вешалке, возле входной двери, где сейчас разоблачались немецкие чиновники, не висит ни единого пальто, ни единой шляпы,- в ту же секунду она бы уже знала, что Лео Гартинг, эмигрант, космополит, несостоявшийся любовник, поставщик расхожего ширпотреба, обманул ее, чтобы раздобыть у нее ключи.

" А к т с а м о п о ж е р т в о в а н и я , а к т л ю б в и . Н о р а з в е м о ж е т м у ж ч и н а э т о п о н я т ь ? "

Прежде чем войти в коридор, он остановился перед лифтом и внимательно

его осмотрел. Позолоченная дверь была заперта. Вместо зеркала напротив двери - черное пятно: зеркало заколотили изнутри досками. Два тяжелых металлических бруса пересекали дверь по горизонтали для большей верности.

- Давно это сотворили?

- Сразу после Бремена, сэ, - ответил Макмаллен.

- А когда был Бремен?

- В январе, сэ. В конце января. По предложению министерства, сэ. Они прислали специального служащего. Он закрыл подвальное помещение и лифт, сэ. - Макмаллен сообщил это так, словно давал отчет олдерменам города Эдинбурга, и, как положено по уставу, методично переводил дыхание после каждой фразы. - Трудился тут всю субботу и воскресенье, - с почтительным удивлением добавил он, ибо, будучи по натуре апатичен и ленив, легко выдыхался на любой работе.

Тернер не спеша направился по тускло освещенному коридору к комнате Гартинга. Он думал: "Все эти двери были, вероятно, заперты, свет потушен, комнаты пусты. Может быть, сквозь решетки светила луна? Или представители Британской империи, если они рангом пониже, должны довольствоваться светом этих дешевых голубоватых ночников, и только шаги Лео громко отдавались под сводами?"

Две девушки прошли мимо него, одетые на случай боевой тревоги. Одна из них, в джинсах, окинула Тернера пристальным взглядом, словно прикидывая его вес. "Черт побери, - подумал он, - подождите, скоро я поиграю с какой-нибудь из вас". Он отпер дверь комнаты Лео и остановился на пороге в темноте. **Ч е г о ж е т ы в с е - т а к и д о б и в а л с я , Л е о , т ы , в о р ?**

Жестяные коробки из-под сигар могли сгодиться для этого дела, если их наполнить чем-нибудь вязким: детский пластилин из большого универмага Вулворта в Бад-Годесберге мог, например, сослужить свою службу; если еще немного посыпать его тальком, отпечаток был бы яснее. Три нажима ключом - одной стороной, другой стороной и вертикально, бородкой вниз; главное, чтобы все выступы и углубления обозначились четко. Конечно, это не лучший способ, все зависит от того, какие получатся болванки, но хороший, мягкий металл податлив, он сам заполнит малейшие углубления в форме... Значит, здесь Лео все держал наготове. Все пятьдесят жестянок, А может, только одну?

Может, только один ключ. Который? Какая пещера Аладдина, какой тайник хранил таинственные сокровища этого угрюмого английского дома?

Г а р т и н г , т ы в о р ! Он начал осмотр с двери, ведущей в комнату самого Гартинга, просто назло ему, чтобы досадить, довести незримо до его сознания, что с его дверью могли побаловаться, как со всякой другой, а потом не торопясь пошел дальше по коридору, подбирая ключи к замкам, и всякий раз, когда попадался нужный ключ, он прятал его в карман и думал: "Ну, какую пользу извлек ты для себя здесь?" Большинство дверей оказались просто незапертыми, и ключей оставалась еще целая куча - от шкафов, от туалетов, от комнат отдыха, от служебных помещений, от комнаты первой помощи, где сильно пахло спиртом, от предохранительной коробки над вводом электрических кабелей.

Ты устанавливал микрофоны? В этом разгадка твоего пристрастия ко всякого рода технике? Вот зачем тебе все эти электрические шнуры, фены, всевозможные приспособления, детали каких-то приборов - не безобидный ли все это камуфляж, чтобы вмонтировать где нужно хитроумное приспособление для подслушивания?

- Вздор! - произнес он громко, поднялся обратно вверх по лестнице, гремя связкой оставшихся ключей, ударявших его по ляжке, и попал прямо в

объятия личного секретаря посла, суетливого и одновременно чопорного субъекта, в немалой мере усвоившего непререкаемый тон своего начальника.

- Его превосходительство может появиться в любую минуту. На вашем месте я постарался бы ретироваться, и чем быстрее, тем лучше,- промолвил секретарь небрежно и холодно.- Его превосходительство не питает особого расположения к людям вашей профессии.

Почти во всех коридорах было светло как днем. В торговой миссии справляли шотландский национальный праздник. Шотландская куропатка, задрапированная кемпбелловским пледом, висела рядом с портретом королевы в форме шотландского стрелка. На листке фанеры была сооружена некая абстракция из крошечных бутылочек с шотландским виски, крошечных волюнок и танцоров-волынщиков. В счетно-плановом отделе под ярким плакатом, неистово призывавшим покупать только на Севере, мертвенно-бледные клерки с нечеловеческим упорством нажимали кнопки арифмометров, и только арифмометры оставались, казалось, равнодушными к висевшему на стене грозному предостережению: "Крайний срок - Брюссель!" Тернер поднялся еще этажом выше и очутился в Уайт-холле, в атташате, где у каждого из них был свой маленький кабинетик, что и было обозначено на двери вместе со званием владельца.

- Какого черта вы здесь шляетесь? - спросил его дежурный сержант, и Тернер посоветовал ему не забывать, что он не в казарме.

Откуда-то доносился голос с военной интонацией, диктовавший что-то стенографистке. Машинистки в своем бюро покорно сидели за машинками, словно ученицы за партами. Две девушки в зеленых комбинезонах заботливо склонились над гигантской копировальной машиной; третья сортировала разноцветные телеграммы, словно прачка - выглаженное белье. На особом помосте, возвышаясь над всеми, старшая машинистка, седая шестидесятилетняя дама с подкрашенными синькой волосами, проверяла восковки. Единственная из всех, она тотчас почуяла появление неприятеля и резко повернула голову в его сторону. Стена у нее за спиной почти сплошь была покрыта прищипленными кнопками открытками - рождественскими поздравлениями от старших машинисток других посольств и миссий. На одних были изображены верблюды, на других - королевская эмблема.

- Мне нужно проверить, как у вас тут работают замки,- пробормотал Тернер и прочел в ее взгляде: "Проверяйте что угодно, только не моих девочек".

"Черт побери, сказать по правде, я бы не отказался от одной из них. Ну, что вам стоит уступить мне одну девчонку для самой короткой прогулочки в рай! Г а р т и н г , т ы в о р ! "

Было десять часов. Тернер побывал уже везде, куда Гартинг мог с ключами иметь доступ, и в награду за все свои старания приобрел только головную боль. То, что хотел раздобыть Гартинг, уже исчезло отсюда. А возможно, было так надежно упрятано, что для розыска потребовались бы недели, или, наоборот, было настолько на виду, что оставалось невидимым.

Тернера мутило, как после перенапряжения, бессвязные воспоминания вертелись в мозгу. Черт! Один только день. За один день - от энтузиазма к унынию. От самолета до его рабочего стола - всюду следы, и никакого ключа к разгадке тайны. За один какой-то сволочной понедельник прожил точно целую жизнь. Он уставился на кипу чистых телеграфных бланков, недоумевая, что, дьявол его возьми, может он сообщить в Лондон. Корг уснул, аппараты молчали. Груда ключей громоздилась перед ним. Он принялся нанизывать их на кольцо. Ну же, думал он, постарайся пригнать одно к другому, черт побери. Ты не ляжешь

в постель, пока хотя бы не определишь, в каком направлении надо действовать. "Задача интеллекта,- рычал его толстозадый учитель,- в том, чтобы из хаоса создавать порядок. Что такое анархия? Это - мозг, лишенный системы". "Допустим, учитель, но что же тогда система без мозга?" Тернер взял карандаш и не спеша начертил табличку дней и часов недели. Потом открыл синюю записную книжку. Разобраться в этих отрывочных записях, составить из кусков целое. "Вы найдете его, а Шоун не найдет". Л е о Г а р т и н г , в т о р о й с е к р е т а р ь п о с о л ь с т в а , " П р е т е н з и и и к о н с у л ь с к и е ф у н к ц и и " , в о р и о х о т н и к , я в ы с л е ж у т е б я .

- Вы случайно не разбираетесь немножко в акциях? - спросил Корк, внезапно пробуждаясь от дремоты.

- Нет, не разбираюсь.

- Меня, собственно, вот что интересует,- продолжал Корк, протирая свои розовые, как у кролика, глаза,- если на Уолл-стрит начнется паника, во Франкфурте тоже паника и у нас ничего не получится с Общим рынком, как отзовется это на шведской стали?

- На вашем месте я поставил бы все на чет или нечет в рулетке и избавился от беспокойства раз и навсегда.

- Я, понимаете ли, уже все для себя решил,- объяснил Корк.- Мы подыскали небольшой участок на Карибских островах...

- Ладно, заткнитесь.

Сопоставляй. Конструируй. Изобрази все свои догадки мелом на доске и погляди, что получится. Ну же, Тернер, ты у нас философ, давай расскажи, что движет миром. Какое, к примеру, главное побуждение должны мы приписать Гартингу? Давай факты. Строй. В конце концов, мой дорогой Тернер, разве ты не отказался от с о з е р ц а т е л ь н о й жизни ученого ради а к т и в н о й гражданской деятельности? Строй. примени свои теории на практике, и де Лилл скажет, что ты знаток своего дела.

Сначала понедельник. Понедельники - это приглашения на приемы вне дома; а-ля фуршет, как бы между прочим сообщил ему за ленчем де Лилл: это избавляет от необходимости рассаживать по чинам. Понедельники - это, так сказать, матчи на чужом поле. Английская команда против иностранной. Принудительный труд на чужой территории. Гартинг принадлежал к дипломатам второго разряда и посещал второстепенные посольства. С маленькими гостиницами. Вся команда категории "Б" играла по понедельникам на чужом поле.

- ...а если родится девочка, мы, я думаю, найдем няньку-туземку, ее, наверно, можно будет немножко подучить - хоть самому необходимому.

- А вы не можете немножко помолчать?

- Но для этого, разумеется, понадобятся деньги,- добавил все-таки Корк.- Даром никто не станет работать, я понимаю.

- А вот понять, что я в настоящую минуту работаю, вы никак не в состоянии?

" П ы т а ю с ь р а б о т а т ь ",- подумал он, и мысли его тут же убежали в сторону.

Г а р т и н г , т ы в о р .

По вторникам - приемы дома. Вторник - это день домашнего очага. Домашний очаг открыт для гостей. Тернер составил их список и подумал: "Это хуже, чем у нас в Блэкхизе. Это увековеченный традицией, неистребимый, рабский час пустой, бессмысленной светской болтовни. Ванделунги (из голландского посольства)... Канарды (из канадского)... Обутусы (из ганского)... Кортезиани (из итальянского)... Аллертоны, Крабы и хотя бы раз-Брэдфилды; и вся эта миленькая шайка разбавлена по меньшей мере сорока

восемью соответствующими занудами, различие между которыми только чисто количественное: Обутусы - плюс еще шестеро... Аллертоны - плюс еще двое... Брэдфилды - одни. Им ты оказывал особое внимание, не так ли? Насколько я понимаю, он жил в общем-то на широкую ногу". Шампанское обязательно в т а к о й вечер. Голос жены снова пресек поток его мыслей; "Милый, почему бы нам не пойти сегодня куда-нибудь вечером? Уиллоуби будут рады, они знают, что я терпеть не могу возиться со стряпней..."

- ...а если это будет мальчик,- сказал Корк,- все заботы о нем я возьму на себя. Мальчика, уж конечно, можно будет пристроить - даже в таком месте, как здесь. Ведь тут же рай, особенно для учителей.

Среды - это культурно-бытовые мероприятия. Вечерами - пинг-понг, импровизированные концерты с пением, чтением стихов. А в сержантской столовке, бывало: "Мистер Тернер, сэр, что в вашем стакане - виски и джин? Подлейте себе капельку вот этого - будет позабористей. Знаете, что говорят про вас ребята,- думаю, вы не будете на меня в претензии, сэр, если я повторю, сегодня же сочельник, сэр: мистера Тернера, говорят они,- всегда величают вас мистером, сэр, не то что других,- мистера Тернера голыми руками не возьмешь, мистер Тернер не слабак. Но мистер Тернер - ч е л о в е к с п р а в е д л и в ы й . Кстати, сэр, я хотел потолковать с вами насчет моего отпуска..." Вечер в Автоклубе. Вечер, когда можно проникнуть на дюйм, на два глубже в структуру тела посольства. Это деловые вечера. Тут он работал. Тернер внимательно изучил все свидания, встречи и подумал: "Да, ты неплохо потрудился, добывая свои секреты, ничего не скажешь. Охотился, не жалея сил. Шотландский дансинг. Клуб любителей игры в кегли. Автоклуб. Собрание Спортивной комиссии. Ты скорее добьешься своего, чем я, мальчик. Ты в самом деле верил в это, приходится признать. Ты шел прямо к цели, верно? Ты действовал, и ты уже пробрался повсюду, ты, вор".

Итак, оставались только - поскольку ни в субботние, ни в воскресные дни не было сделано никаких заметок, не считая случайных записей, относящихся к уходу за садом, и двух-трех поездок в Ганновер,- оставались только четверги.

Подозрительные четверги.

Обведем квадратиком четверг, позвоним в отель "Адлер", узнаем, в котором часу они запирают входную дверь.

Не запирают вовсе. Нарисуем прямоугольник вокруг первого квадрата - в длину полтора дюйма, в ширину - полдюйма, украсим пространство между квадратом и прямоугольником свернувшимися в кольца змеями, и пусть раздвоенные языки многозначительно лизут букву "Ч", написанную готическим шрифтом, и подождем, пока тупо стучащие в истерзанном мозгу молоточки воспрянут и примут на себя роль шифровальной машины. Ну как?

Ничего, ничего, будь оно трижды проклято!

Итак - четверг. Он окутан какой-то сексуальной тайной и вымученным воздержанием. Он заполнен мелочными скрупулезными записями, сделанными непомерно крупным, скучным, должностным почерком человека, которому нечего делать и у которого очень много времени для этого ничегонеделания.

"Англо-германское общество приглашает на завтрак в честь друзей вольного города Гамбурга... Комитет жен дипломатического корпуса устраивает костюмированный завтрак а-ля фуршет по подписке, стоимость - 15 немецких марок, включая вино..." - устами ответственного устроителя кричали чудовищные, похожие на ночной кошмар прописные буквы величиной в полстраницы.

Т ы п и р а т , Г а р т и н г .

- А вы не могли бы выключить эту чертову штуку?

- Рад бы, да нельзя,- сказал Корк.- Что-то затевается, только не спрашивайте меня - что. "Лично Брэдфилду, расшифровать персонально". "Вручить непосредственно Брэдфилду". "Вручить Брэдфилду через ответственного дежурного"... День рождения у него, что ли, черт бы его побрал.

- Скорее похороны,- проворчал Тернер и снова взялся за синюю записную книжку-календарь.

Да, вот по четвергам у Гартинга были действительно какие-то дела. Настоящие, не для отвода глаз, еще не разгаданные. Было что-то такое, что он делал втайне. В глубокой тайне. Что-то настоятельно необходимое, значительное и секретное. Что-то, придававшее смысл всем остальным Дням недели. Что-то, во что он верил. По четвергам Лео Гартинг ходил по краю и помалкивал. Никаких записей - даже по поводу истекших дней недели, ни малейшей случайной оговорки. Только в самый последний четверг появилась одна-единственная запись, гласившая: "Матернус". Час дня. П.". И все; чистый лист бумаги, столь же целомудренный и молчаливый, как эти маленькие девственницы, встреченные сегодня в коридоре на первом этаже.

Или столь же тайно порочный?

Вся жизнь Гартинга была сосредоточена в этом дне. Он жил от четверга до четверга, как другие живут из года в год. Что представляли собой их встречи - Гартинга и его шефа? Какие, после стольких лет сотрудничества, были между ними отношения? Где они встречались? Где вручал он все эти документы и письма, где приглушенным голосом делал свои сообщения? В башенной комнате какой-нибудь крытой черепицей виллы? На мягкой постели, на полотняных простынях, с мягкой шелковистой девчонкой и сброшенными на спинку кровати джинсами? Под железнодорожным мостом, по которому проносятся поезда? Или в обветшалом посольстве с пропыленной люстрой и папашей Медоузом на золоченой кушетке, сжимающим его маленькую руку в своей? В изысканной спальне стиля барокко? В номере годесберг-ского отеля? В сером блочном здании нового жилого района? В уютном загородном бунгало, где в чугунную решетку вплетены инициалы владельца, а парадная дверь украшена витражом? Он пытался представить их себе: Гартинга и его шефа, непроницаемого, уверенного в себе; шутки вполголоса и приглушенный смех. Взгляните: эта недурна, шепчет продавец порнографического товара; признаться, мне даже самому жаль расставаться с нею - она вам сразу приглянулась, верно? Сидели ли они за бутылкой вина, притворно небрежно обсуждая следующий решительный шаг, направленный против той твердыни, которую они должны разрушить, в то время как на почтительном отдалении за их спиной доверенное лицо чуть слышно шелестело бумагами и чуть слышно шелкал фотоаппарат.

А может, все это происходило в отчаянной спешке? Кто-то кого-то подсаживает в машину в глухом закоулке; лихорадочная передача информации, пока они сломя голову петляют по узким улочкам, моля всевышнего, чтобы не случилось аварии. А может, на холме, рядом с футбольным полем? Отправляясь туда, Гартинг надевал балканскую шапку пирожком и серый костюм, как сторонники Движения?

Корк разговаривал по телефону с мисс Пит, нотка благоговейного трепета звучала в его голосе.

- Принимайте: Вашингтон передает семьсот групп. Лондон просит передать и расшифровать лично. Я бы на вашем месте незамедлительно поставил его в известность: он ведь намерен пробыть там всю ночь. Слушайте, драгоценнейшая, мне до этого нет дела, хотя бы он совещался с английской королевой. Это -

молния, и я обязан сообщить ему, так что если вы этого не сделаете, то я...

Ох! Ну и сука же!

- Приятно услышать это из ваших уст,- сказал Тернер, ухмыльнувшись, что случилось с ним не так уж часто.

- Она, кажется, воображает себя капитаном команды.

- В матче сборная Англии против сборной мира,- подхватил Тернер, и оба рассмеялись.

Неужели это все-таки был Прашко - тот, с кем он обедал в "Матернусе"? Если так, значит, не Прашко был постоянным связным, иначе наш дорогой Гартинг, который так ловко умеет замечать следы, не оставил бы это предательское "П" и не стал бы к тому же обедать с Прашко в общественном месте после того, как было приложено столько усилий, чтобы порвать существовавшую между ними связь. Или, может быть, в этом случае между ними, между Прашко и Гартингом, имелся посредник? Или в этот день что-то не сработало в налаженной системе? "Держись, Тернер, не сбивайся в сторону, слушайся простого здравого смысла, одно абсурдное предположение может, запутав, привести тебя к краху. Упорядочи весь этот хаос. Не означает ли "П", что Прашко пожелал увидеться с ним лично, захотел, быть может, предупредить Гартинга, что Зибкрон напал на его след? Увидеться с ним, чтобы приказывать ему - такая возможность не исключена,- приказывать ему л ю б о й ц е н о й , п р и л ю б ы х о б с т о я т е л ь с т в а х похитить Зеленую папку, а затем скрыться?" Четверг.

Тернер взял ключи и медленно покачал их, надев на палец. Четверг был день встречи... трудный, напряженный день... в этот день он получил предупреждение... это день накануне бегства... день, когда были подведены итоги за предыдущую неделю и получены инструкции на дальнейшее... день, когда он на пять минут одолжил ключи у мисс Парджитер. Боже милостивый! Неужто он в самом деле спал с Дженни Парджитер? Приходится идти на жертвы...

Беспользные ключи. Что, собственно, надеялся он из них извлечь? Доступ к желанной секретной сумке? Вздор. Он же наблюдал всю процедуру. Медоуз даже специально инструктировал его. Он отлично знал, что в связке ключей дежурного нет запасного ключа от этой сумки. Ему нужен был ключ от архива? Снова вздор. Достаточно хотя бы раз взглянуть на эту дверь, чтобы понять: тут одним ключом не обойдешься, тут есть запоры понадежней.

Т а к к а к о й ж е е м у б ы л н у ж е н к л ю ч ?

Какой это ключ нужен был ему так позарез, что он поставил на карту всю свою карьеру тайного агента, лишь бы снять слепок с этого ключа? Какой ключ был ему так отчаянно необходим, что он готов был обольстить Дженни Пард-житер, рисковал скомпрометировать себя в глазах посольства, да и навлек на себя известное неодобрение, судя по словам Медоуза и Гонта? Какой ключ? Ключ от лифта, чтобы погрузить туда все похищенные папки, запрятать их где-нибудь на чердаке и затем понемногу одну за другой вынести в собственном портфеле? Может, в этом разгадка исчезновения тележки?

Самые фантастические видения начинали возникать перед его глазами. Он видел, как невысокая фигура Гартинга устремляется по темному коридору, толкая перед собой к открытой дверце лифта нагруженную до отказа тележку, видел стопку трясущихся папок на верхней полке тележки и разношерстные случайные предметы - на нижней: пишущую машинку с большой кареткой, исчезнувшую из машинного бюро, кипы писчей бумаги, записные книжки, печать, всевозможные канцелярские принадлежности... Видел пикап, ожидающий у бокового входа в посольство, и безымянного шефа Гартинга, приотворяющего дверцу. И вдруг воскликнул:

- А пошел ты...- совсем как когда-то, в школьные годы, воскликнул в ту минуту, когда мисс Пит вошла забрать телеграммы, и вздох, вырвавшийся из груди мисс Пит, по служил неоспоримым доказательством ее сексуальной стойкости.

- Ему понадобятся шифровальные книги,- напомнил ей Корк.

- Он, между прочим, неплохо справляется с этого рода работой, благодарю вас.

- Послушайте, что же все-таки происходит, что делает ся в Брюсселе?

- Слухи.

- Какого рода?

- Если бы они хотели посвятить в это вас, едва ли бы они потребовали личной расшифровки, как вы думаете?

- Вы плохо знаете Лондон,- сказал Тернер. Покидая комнату, мисс Пит умудрилась даже самой своей походкой (чувственно покачивать бедрами - это вульгарно и простонародно, н а с т о я щ а я англичанка шагает прямо и неуклюже) выразить всю меру своего презрения к Тернеру и его профессии.

- Я мог бы ее придушить,- признался Корк.- Перерезать ее жилистую шею. И не почувствовал бы ни малейшего раскаяния. За все три года, что эта особа здесь работает, я только один раз видел, как она улыбнулась,- когда Старик помял свой "роллс-ройс".

Это абсурд. Вне всяких сомнений. Он знал, что это абсурд. Тайные агенты такого калибра, как Гартинг, не занимаются воровством - они собирают сведения, зашифровывают или заучивают наизусть, фотографируют, агенты такого калибра, как Гартинг, действуют расчетливо, по заранее продуманному плану, а не под влиянием вдохновения. Они сегодня так заматают следы, чтобы можно было переждать, а завтра приняться за свой обман снова.

И никогда не позволяют себе явной лжи.

Такой агент не скажет Дженни Парджитер, что спевки хора происходят по четвергам, если она за пять минут может установить, что хор репетирует по пятницам. Он не скажет Медоузу, что ездит на совещания в Бад-Годесберг, в то время как и Брэдфилду и де Лиллу известно, что этого нет и не было уже года два, если не больше. Он не станет, прежде чем удрать, забирать все причитающиеся ему деньги и страховки, что, естественно, должно привлечь к себе внимание. Он не станет работать по ночам, рискуя возбудить любопытство Гонга.

Но г д е работать?

Ему необходимо было уединение. Ибо он занимался ночью тем, чем не мог заниматься днем. Чем же именно? Фотографировал документы, надежно спрятанные в каком-то укромном углу, где он мог запереться от всех на замок? А где спрятана тележка? А где пишущая машинка? Или их исчезновение, как предполагает Медоуз, и вправду не имеет отношения к Гартингу? Пока что на все эти вопросы существовал только один ответ: Гартинг днем спрятал в каком-то тайнике документы, а ночью украдкой сфотографировал их, чтобы на следующее утро положить на место... и не положил. Почему? Почему он их украл?

Тайный агент не крадет. Это правило номер один. Посольство, обнаружив пропажу документов, может перестроить свои планы, пересмотреть или отменить соглашения, немедленно принять десятки всевозможных мер, чтобы предотвратить или хотя бы свести до минимума грозящую опасность, Самая желанная женщина - это та, которая тебе не принадлежит. Только тот обман достигает цели,

который никогда не будет раскрыт. Так зачем же красть? Причина была как будто ясна. Гартинг попал в цейтнот. Сколь бы ни были рассчитаны его действия, на всем лежал отпечаток спешки. Почему? У него был строго ограниченный срок? Почему?

"Не спеши, Алан. Осторожнее. П о с т а р а й с я , к а к Т о н и , А л а н ". Как очаровательный, неторопливый, гибкий, ритмичный, весьма сведущий по части анатомии, наш добрый друг-Тони Уиллоуби, широко известный во всех привилегированных клубах Лондона и прославившийся своей высокой техникой в любви.

- По правде говоря, я бы предпочел, чтобы первым у нас-был мальчик,- сказал Корк.- Понимаете, когда первый раз позади, там уж можно рискнуть и еще. Впрочем, я не сторонник очень многодетных семейств, отнюдь нет. Конечно, если проблемы прислуги для вас не существует, тогда другое дело. А вы, кстати, не женаты? Ох, простите, я это как-то так...

Предположим на мгновение, что это тайное, отчаянное проникновение в архив явилось результатом дремавших в его душе симпатий, что именно это заставило его действовать. В таком случае, чем диктовалась эта бешеная спешка, какова была ее цель? Вовремя выполнить указание нетерпеливого шефа? Только ли это? Первая стадия прослеживалась легко: Карфельд начал набирать силу в октябре. С этого момента многочисленная нацистская партия стала реальностью, даже возможность нацистского правительства перестала быть утопией. Месяц-другой Гартинг размышляет. Он видит физиономию Карфельда на всех заборах, слышит знакомые лозунги. Он в самом деле возбуждает желание открыть ворота коммунизму, заметил однажды де Лилл... Пробуждение происходит медленно и не без внутреннего сопротивления; старые воспоминания и симпатии погребены глубоко на дне души и не стремятся сразу всплыть. Но вот наступает поворотный момент, решение принято. Быть может, сам, быть может, уступая уговорам Прашко, он решается на измену. Прашко требует Зеленую папку. Добудь нам Зеленую папку, и ты сослужишь великую службу нашему делу. Добудь Зеленую папку к знаменательному дню, к Брюсселю. "Содержание этой папки,- сказал Брэдфилд,- может серьезно подорвать нашу позицию в Брюсселе..."

А может быть, он просто пал жертвой шантажа? Может, этим объяснялась его отчаянная торопливость? Может, он был поставлен перед необходимостью исполнить приказ своего алчного шефа, пригрозившего ему разоблачением каких-то его старых грехов? Этот инцидент в КЛльне, например, быть может, там произошло нечто такое, что могло сильно его скомпрометировать? Женщина, торговля наркотиками? Может, в бытность свою в армии он присвоил казенные деньги? Может, он продавал контрабандное виски и сигареты? Может, он был гомосексуалистом и влип в какую-нибудь грязную историю? Словом, быть может, он пал жертвой одного из тех банальнейших соблазнов, которые погубили карьеру не одного дипломата?

Нет, это не в его характере. Де Лилл прав: во всех действиях Гартинга была решимость, напор, беспощадность, исключая даже самоохранение, была агрессивность, рвение и целенаправленность, не совместимые с поведением человека подневольного, попавшего в тиски шантажа. В этой второй, тайной жизни, которую пытался сейчас исследовать Тернер, Гартинг был не слугой, а господином. Он не был послан - не был призван. Он не был загнан - он сам гнал, охотился, преследовал. В этом по крайней мере между ним и Тернером существовала полная тождественность. Но дичь, за которой гнался Тернер, имела имя. И был оставлен ясный - хотя бы на первых порах - след. Дальше этот след терялся где-то в рейнском речном тумане. И особенно странным казалось следующее. Гартинг охотился в одиночку и даже не искал себе

поддержки, покровителей...

А что, если Гартинг шантажировал Брэдфилда? Тернер невольно выпрямился на стуле, когда этот вопрос вдруг возник в его уме. Не этим ли объяснялось уклончивое поведение Брэдфилда? Не потому ли Брэдфилд подыскал ему работу в архиве, смотрел сквозь пальцы на эти отлучки по четвергам, на то, как Гартинг слонялся по всем коридорам с портфелем в руках?

Он еще раз перелистал записную книжку и подумал: "Начнем с основного вопроса... Не будем спрашивать, почему Христос был рожден в рождественскую ночь,- спросим, был ли он рожден вообще. Почему вообще четверги? Почему послеобеденное время? Почему такая р е г у л я р н о с т ь ? Сколь бы ни был он дерзок, почему все же эти встречи со связным днем, в рабочие часы, в Годесберге, когда его отсутствие в посольстве влекло за собой по меньшей мере необходимость лжи? Ведь это же все нелепо". Вздор, Тернер, все твои рассуждения вздорны. Гартинг мог встречаться с нужным ему лицом в любое время. Ночью в КНигсвинтере; на лесистом склоне Петербурга; в КЛьне, в Кобленце и даже за пограничной чертой - в Люксембурге или в Голландии - в нерабочие дни, когда не пришлось бы давать никаких объяснений, ни правдивых, ни ложных, ибо они никого не интересовали.

Тернер швырнул на стол карандаш и громко выбранился.

- Что-нибудь не ладится? - спросил Корк. Все машины его отчаянно трещали, и Корк бегал от одной к другой, утихомиривая их, как голодных детей.

- Ничего, достаточно хорошенько помолиться, и все пойдет на лад,- сказал Тернер, припомнив вдруг, что сказал он утром Гонту.

- Если хотите послать телеграмму,- бесстрастно предупредил его Корк,- советую поспешить.- Он быстро переходил от одного аппарата к другому, нажимая на кнопки, вытягивая бумажную ленту, словно видел свою главную за дачу в том, чтобы не давать машинам ни секунды бездействовать.- Похоже, что в Брюсселе, того и гляди, все полетит к черту. Гунны грозят покинуть зал заседания, если мы не повысим наши вложения в Сельскохозяйственный фонд. Холидей-Прайд считает это просто предлогом. Если события будут разворачиваться с такой быстротой, я закажу билеты на самолет на июнь месяц.

- Предлогом для чего? Корк прочел сообщение вслух:

- "Удобная лазейка, чтобы покинуть Брюссель, пока в Федеративной республике положение не нормализуется".

Тернер зевнул и отодвинул от себя телеграфные бланки.

- Я пошлю свою телеграмму завтра.

- Сейчас уже и есть завтра,- мягко напомнил ему Корк.

" Е с л и б ы я к у р и л , я б ы в ы к у р и л о д н у и з т в о и х с и г а р . Немножко nirваны мне бы сейчас не повредило,- подумал он.- Если я не могу добраться ни до одной из девочек, мне бы хоть сигару, что ли". Он знал, что все его построения от начала и до конца неверны.

Все рассыпалось, концы с концами не сходились, ничто не объясняло одержимости, ничто ничего не объясняло. Он выковал цепочку, ни одно звено которой не желало сцепиться с другим. Уронив голову на руки, он дал им волю, всем этим фуриям, наблюдал и смотрел, как они уродливой процессией медленно проходят перед его истерзанным воображением: безликий Прашко, матерый резидент, руководящий со своего неуязвимо парламентского кресла целой сетью шпионов-эмигрантов. Зибкрон, своекорыстный страж общественной безопасности, подозревающий посольство в причастности к многостороннему

заговору в пользу России, попеременно то охраняющий, то преследующий тех, на кого падает его подозрение. Брэдфилд, ригорист, педант, аристократ, презирующий сотрудников разведки и покрывающий их; непроницаемый, несмотря на свою явную причастность к преступлению, обладатель ключей от архива и канцелярии, от лифта, от спецсумки, бодрствующий всю ночь и готовый наутро отбыть в Брюссель. Прелюбодействующая Дженни Парджитер, повинная в куда более страшном преступлении, на которое ее толкнула иллюзорная страсть, уже запятнавшая ее имя в глазах всех сотрудников посольства. Медоуз, ослепленный безответной отеческой любовью к Гартингу, кладущий, презрев риск, последнюю из сорока папок на тележку. Де Лилл, интеллектуал и гомосексуалист, вступающий в борьбу, чтобы помочь Гартингу предать своих друзей. Стократно увеличенные, нелепо искаженные, они маячили перед ним, надвигались, извиваясь, сплетаясь в непотребном танце, и таяли перед лицом его собственных иронических опровержений. Те факты, которые всего несколько часов назад, казалось, приоткрывали перед ним завесу истины, теперь отбрасывали его в непроглядную тьму сомнений.

Шагая по коридору, совсем больной от усталости и тошнотного головокружения, он еще раз задал себе вопрос: "Какие секреты хранит в себе таинственная Зеленая папка? И кто, черт побери, расскажет мне об этом, мне, Тернеру, временному здесь человеку".

С полей тянуло туманом, он стлался по шоссе, словно дым, и оно тускло поблескивало под серыми дождевыми облаками. Колеса машин надсадно скрипели на влажном асфальте. Назад, в свой серый склеп, устало подумал Тернер. Охота кончена - на сегодня. И никакой хорошенький херувимчик не подарит себя этой старой безволосой обезьяне. Однако если след оборвался, это еще не конец и еще рано делать из меня отступника.

Ночной портье в "Адлере" поглядел на него с сочувствием.

- Удалось немножко развлечься? - спросил он, протягивая ему ключ от номера,

- Не особенно. - Надо бы вам съездить в КJльн. Это наш Париж.

На спинку кресла был аккуратно повешен смокинг де Лилла с приколотым к рукаву конвертом. На столе стояла бутылка виски.

"Если Вам непременно хочется поглядеть на это владение,- прочел Тернер,- я могу заехать за Вами в среду в пять утра". В постскриптуме содержалось пожелание приятно провести вечер у Брэдфилдов и шутовское предостережение не закапать томатным супом отвороты смокинга, дабы не дать повода к каким-либо кривотолкам относительно цвета политических убеждений его владельца, тем более, добавлял он как бы между прочим, что среди приглашенных, видимо, будет герр Людвиг Зибкрон из федерального министерства внутренних дел.

Тернер открыл кран ванны, взял с полки над раковиной стакан, до половины наполнил его виски. Почему это де Лилл вдруг пошел ему навстречу? Из сострадания к заблудшей душе? Боже упаси. И раз уж эта ночь отдана во власть бессмысленных вопросов, то почему его позвали на эту встречу с Зибкроном? Он лег в постель и в полудремоте пролежал до полудня: ему мерещился Борнмут и островерхие, неприступные ели на голых утесах Брэнксама, и он слышал голос жены, упаковывавшей детские вещи в чемодан: "Я пойду своей дорогой, ты - своей, и поглядим, кому из нас посчастливится первому проникнуть в рай", и безутешные рыдания Дженни Парджитер, взывавшей к сочувствию в безлюдной пустыне мира. "Не беспокойся, Артур,- подумал он

сквозь дремоту,- я не трону Майры даже ради спасения своей души".

<h2>10. "KULTUR" У БРЭДФИЛДОВ</h2>

В т о р н и к . В е ч е р

- Вы должны решительнее запрещать им, Зибкрон,- отважно, хотя и несколько сипло заявил герр Зааб после изрядной порции бургундского.- Это полоумные идиоты, Зибкрон. Турки.- Зааб уже перепил и перекричал всех, вызвав общее неловкое молчание. Только его жена - миниатюрная белокурая куколка неопределенной национальности с мило обнаженной нежной грудью - как ни в чем не бывало продолжала одарять его восторженными взглядами. Остальные гости, истомленные скукой и лишены возможности отмщения, медленно умирали от тоски под гром обличительных речей герра Зааба. Официант и официантка в венгерских национальных костюмах осторожно двигались за спинами гостей, словно в больничной палате, явно получив указание (в этом Тернер ни секунды не сомневался) уделять герру Людвигу Зибкрону больше внимания, чем всем остальным пациентам, вместе взятым. В его бледных, увеличенных очками, лишенных всякого выражения глазах, казалось, едва теплилась жизнь; бледные руки, точно две салфетки, лежали по обе стороны прибора; мертвенная неподвижность его позы словно бы говорила: он ждет - сейчас его положат на носилки, поднимут и понесут.

Четыре серебряных подсвечника с восьмиугольным основанием, и, если верить папаше БрэДФилда, весьма недурной марки - Поль де Ламери, год 1729,- ниточкой бриллиантовых огней соединяли Хейзел БрэДФилд с ее супругом, сидевшим по другую сторону длинного стола.

Тернера посадили где-то посередине между ними; смокинг де Лилла стягивал его, словно железный корсет. Даже рубашка и та была мала. Ее достал ему старший посыльный отеля в Бад-Годесберге, и Тернер заплатил за нее столько, сколько ему еще не приходилось платить ни за одну рубашку на свете, а теперь она душила его, и кончики крахмального воротничка впивались в шею.

- Они уже стекаются со всех сел и деревень. Их на этой чертовой рыночной площади должно собраться около двенадцати тысяч, И они строят Schaffet.- Английский язык и на этот раз подвел его.- Как, черт побери, это перевести? - спросил он, обращаясь ко всем присутствующим сразу.

Зибкрон пошевелился, словно его оживили глотком воды.

- Помост,- пробормотал он, и его угасающий взор метнулся в сторону Тернера, вспыхнул на мгновение и снова потух.

- Это фантастика - как Зибкрон знает английский язык! - возликовал Зааб.- Днем Зибкрон - Пальмерстон, ночью он - Бисмарк. Сейчас вечер, и он, как видите, совмещает в себе и того и другого... Помост. Даст бог, они установят на нем виселицу для этого сволочного типа. Вы слишком к нему снисходительны, Зибкрон.- Он поднял бокал и предложил пространный тост за БрэДФилда, отягощенный мало подходящими к случаю комплиментами.

- И Карл-Гейнц тоже фантастически знает английский,- пролепетала фарфоровая куколка.- Ты слишком скромн, Карл-Гейнц. У него язык такой же хороший, как и у герра Зибкрона.

Фрау Зааб было совершенно наплевать на Зибкрона. Да, в сущности, и на любого мужчину, чьи достоинства ставились выше, чем достоинства ее супруга. Ее реплика оборвала нить разговора, и он упал, как воздушный змей, и даже у Зааба уже не хватило сил запустить его снова. - Вы сказали: запретите ему.-

Зибкрон взял серебряные щипцы для орехов; его пухлая рука медленно поворачивала их перед пламенем свечи, отыскивая какое-нибудь предательское несовершенство. Стоявшая перед ним тарелка была безупречно очищена от остатков пищи -словно вылизанное языком блюдечко кошки. Он был бледный, холеный, угрюмый, примерно одного возраста с Тернером и чем-то напоминал метрдотеля или директора гостиницы - человека, привыкшего ходить по чужим коврам. Лицо у него было округлое, но жесткое, и рот жил на этом лице своей, обособленной жизнью - губы размыкались, чтобы выполнить ту или иную функцию, и смыкались снова, чтобы выполнить другую. Слова не служили ему средством выражения, а лишь средством вызвать на разговор других, за ними таился безмолвный допрос, начать который мешала усталость или холодное глубокое равнодушие омертвелою сердца.

- Я. Запретите ему,- повторил Зааб, навалившись -грудью на стол, чтобы все могли лучше слышать.- Запретите всякие там митинги, демонстрации. Запретите это все. Как коммунистам, которые только тогда, черт побери, и понимают... "Зибкрон? Sie waren ja auch in Hannover!" (Вы тоже были в Ганновере! (н е м .)) Да, и Зибкрон был там? Почему он не запретил все это? Ведь это же какие-то дикие звери - все они там. И они набирают силу, nicht wahr (Разве не так (н е м .)), Зибкрон? Великий боже, у меня тоже есть кое-какой опыт.- Зааб был человек немолодой и как журналист сотрудничал в свое время во многих газетах, но большинство из них исчезло с лица земли, когда окончилась война. Какого сорта опыт довелось приобрести герру Заабу в те времена, ни у кого не вызывало сомнения.- Но у меня никогда не было ненависти к англичанам. Вы можете подтвердить это, Зибкрон. Das können Sie ja bestdtigen. Двадцать лет я писал об этой сумасшедшей стране. Я был критичен - чертовски критичен порой,- но я никогда не был против англичан. Нет, никогда не был,- заключил он свою речь, так невнятно пробормотав последние слова, что это сразу поставило под сомнение все им сказанное.

- Карл-Гейнц фантастически за англичан,- произнесла его куколка-супруга.- Он ест по-английски, пьет по-английски.- Она вздохнула, словно давая понять, что и остальная его деятельность также носит несколько английский характер. Эта куколка довольно много ела; она еще продолжала что-то пережевывать, а крошечная ручка ее брала очередной кусок, готовясь отправить его в рот.

- Мы перед вами в долгу, Карл-Гейнц,- с тяжеловесной веселостью сказал Брэдфилд.- Да продлится ваша деятельность многие лета.- Он лишь полчаса назад возвратился из Брюсселя и за столом почти все время не спускал глаз с Зибкрона.

Миссис Ванделунг, жена голландского советника, уютно закутала в меховую накидку свои внушительные плечи и самодовольно сообщила:

- Мы ездим в Англию каждый год. Наша дочка учится в школе в Англии, и наш сын учится в школе в Англии...- Она продолжала лепетать. Все, что она любит, чем дорожит, чем восхищается,- все так или иначе имеет отношение к Англии. Ее скелетообразный муж коснулся пре лестного запястья Хейзел Брэдфилд и кивнул, засветившись отраженным восторгом:

- Всегда! - прошептал он, словно заклятие. Хейзел Брэдфилд, выйдя из задумчивости, улыбнулась

ему довольно мрачно, не сводя все еще отрешенного взгляда с серой руки, касавшейся ее запястья.

- Как вы милы сегодня, Бернард,- сказала она любезно-- Берегитесь, дамы могут приревновать вас ко мне.- Однако шутка прозвучала не слишком одобряюще - в голосе сохранилась неприятная, резковатая нотка.

"Эта не из тех,- подумал Тернер, перехватив злой взгляд, который она метнула на Зааба, снова пустившегося в рассуждения,- кто умеет быть милосердным к своим менее ослепительным сестрам. Между прочим, очень возможно, что я сижу на том самом стуле, на котором некогда сидел Лео,- продолжал он размышлять.- И ем то, что предназначалось для него? Впрочем, нет, по вторникам Лео сидел дома... к тому же его не приглашали сюда ужинать - только выпить",- напомнил он себе, поднимая бокал в ответ на предложенный герром Заабом тост.

- Брэдфилд, вы лучший из лучших. Ваши предки сражались при Ватерлоо, а ваша жена прекрасна, как королева. Вы лучший из лучших в британском посольстве, и вы не привечаете проклятых американцев или проклятых французов. Вы славный малый. Французы все подонки,- заключил Зааб, ко всеобщему смятению, и в столовой на миг воцарилась испуганная тишина.

- Боюсь, что это не слишком лояльно, Карл-Гейнц,- сказала Хейзел, и откуда-то с того конца стола, где она сидела, долетел негромкий смешок - его издала пожилая, ничем не примечательная Grdfin (Графиня (н е м .)), приглашенная в последнюю минуту в пару к Тернеру. Резкая струя электрического света неожиданно прорезала приятный полумрак: официанты-венгры, словно ночная смена, промаршировали из кухни к столу и с небрежной лихостью очистили его от приборов и бутылок.

Зааб еще грузнее налег на стол, уставив толстый и не слишком чистый палец в почетного гостя.

- Понимаете, наш приятель Людвиг Зибкрон - чертовски странный малый. Все мы - в прессе - восхищаемся им, потому что он, черт побери, остается для нас неуловимым, а журналисты преклоняются только перед тем, что не дается им в руки. А вы знаете, почему он для нас неуловим?

Собственный вопрос сильно позабавил Зааба. Он торжествующе поглядел на всех. Лицо его сияло.

- Потому что он, черт побери, слишком занят своим дорогим другом и... Kumpun.- Он щелкнул пальцами, беспомощно подыскивая слово.- Kumpun? - повторил он.- Kumpun?

- Собутыльником,- подсказал Зибкрон.

Зааб растерянно воззрился на него, огорошенный помощью, пришедшей с такой неожиданной стороны.

- Собутыльником,- пробормотал он.- Клаусом Карфельдом. И умолк.

- Карл-Гейнц, тебе надо запомнить, как будет по-английски,- неожиданно проворковала его супруга, и он галантно улыбнулся ей в ответ.

- Вы приехали погостить у нас, мистер Тернер? - спросил Зибкрон, обращаясь к щипцам для орехов. Внезапно Тернер оказался в луче прожекторов, и ему померещилось, что Зибкрон встал со своего больничного ложа и при готовился произвести редкую хирургическую операцию в порядке частной практики.

- Всего на несколько дней,- сказал Тернер. Их диалог не сразу привлек внимание присутствующих,

так что некоторое время они разговаривали как бы с глазу на глаз, в то время как остальные продолжали прежнюю беседу. Брэдфилд рассеянно перебрасывался отрывочными фразами с Ванделунгом. До слуха Тернера долетело упоминание о Вьетнаме. Зааб, неожиданно возвратившись на поле сражения, подхватил эту тему и тут же присвоил ее себе.

- Янки будут драться в Сайгоне,- объявил он,- но они не станут драться в Берлине.- Голос его звучал все громче и агрессивнее, но Тернер слушал его лишь краем уха - его внимание было сосредоточено на немигающем взгляде

Зибкрона, устремленном на него как бы из полу мрака.- Ни с того ни с сего янки вдруг помешались на самоопределении. Почему бы им не заняться этим хоть немножко в Восточной Германии? Все борются за права этих чертовых негров. Все сражаются за эти чертовы джунгли. Может, зря мы не втыкаем себе перья в волосы? - Он, казалось, старался раздражить Ванделунга, но безуспешно. Серая кожа старого голландца оставалась гладкой, как хорошо отполированная крышка гроба, и было ясно, что никакие эмоции уже не могут пробиться сквозь нее на поверхность.- Может, жаль, что в Берлине у нас не растут пальмы? - Он сделал паузу и громко отхлебнул вина.- Вьетнамская война - дерьмо.

- Война - это кошмар! - внезапно возопила Grdfin.- Мы лишились всего! -

Но ее реплика пропала впустую, ибо уже был поднят занавес: герр Людвиг Зибкрон приготовился говорить, положив в знак изъявления своей воли щипцы для орехов на место.

- А откуда вы, мистер Тернер?

- Из Йоркшира.- Воцарилась тишина.- Войну я провел в Борнмуте.

- Герр Зибкрон имел в виду - из какого вы ведомства,- сухо пояснил Брэдфилд.

- Из министерства иностранных дел,- сказал Тернер.- Как и все прочие,- добавил он и равнодушно поглядел на своего собеседника.

Белые глаза Зибкрона никогда не выражали ни осуждения, ни одобрения, они просто выжидали момент, когда будет удобнее вонзить скальпель.

- А можно ли поинтересоваться, какой именно отдел министерства имеет счастье пользоваться услугами мистера Тернера?

- Тот, что занимается исследованиями.

- Мистер Тернер, кроме того, известный альпинист,- донесся из другого угла комнаты голос Брэдфилда, и фарфоровая куколка изумленно воскликнула в сексуальном экстазе:

- Die Berge! (Горы (н е м .)) - Покосившись в ее сторону, Тернер заметил, как фарфоровая ручка потянула вниз бретельку платья, словно намереваясь в упоении совсем спустить ее с плеча.- Карл-Гейнц...

- В будущем году, дорогая,- негромко прогудел умиротворяющий баритон ее супруга,- в будущем году мы отправимся в горы.

Зибкрон улыбнулся Тернеру так, словно приготовил шутку, которую они оба могут оценить.

- Но в настоящее время мистер Тернер спустился с гор в долину. Вы остановились в Бонне, мистер Тернер?

- В Годесберге.

- В отеле, мистер Тернер?

- В "Адлере". Десятый номер.

- И какого же рода исследования, позвольте вас спросить, ведутся из десятого номера отеля "Адлер"?

- Людвиг, друг мой,- снова вмешался Брэдфилд, шутливость его тона звучала не слишком убедительно, - думаю, вам достаточно одного взгляда, чтобы распознать тайного агента. Алан Тернер - наша Мата Хари, он развлекает наше правительство в своей спальне.

"Хорошо смеется тот, кто смеется последним",- было отчетливо написано на лице Зибкрона. Он подождал, пока смех утихнет.

- Алан,- спокойно повторил он.- Алан Тернер из Йоркшира, сотрудник управления по исследованию международных проблем министерства иностранных дел Великобритании, временно проживающий в отеле "Адлер", известный альпинист. Вы должны извинить мое любопытство, мистер Тернер. Мы сейчас, знаете ли, все как на иголках здесь, в Бонне, и, поскольку я, на мою беду,

несу ответственность за персональную безопасность всех сотрудников британского посольства, мой особый интерес к людям, охрана которых поручена мне, вполне понятен. О вашем пребывании здесь консульство было, без сомнения, поставлено в известность? Должно быть, эта их сводка как-то ускользнула от моего внимания.

- Он был зарегистрирован у нас в качестве технического сотрудника,- сказал Брэдфилд, уже не скрывая своего раздражения учиненным ему в присутствии гостей допросом.

- Как благоразумно,- произнес Зибкрон.- На сколько проще, чем какие-то исследования. Он ведет себе исследования, а вы регистрируете его как технического сотрудника. А ваши технические сотрудники все по мере сил занимаются исследованиями. Крайне несложная механика. И что же, ваши исследования носят практический характер, мистер Тернер? Статистика? Или что-то более близкое к науке, чисто академическое, так сказать?

- Исследования вообще.

- Ага, исследования вообще. Широкие полномочия. Большая ответственность. Вы задержитесь здесь надолго?

- На неделю. Быть может, дольше. Зависит от того, сколько времени потребуется на выполнение задания.

- Задания по исследованиям? Так-так. У вас, значит, имеется задание. А я подумал было, что вы здесь замещаете кого-то другого, Ивена Уолдебира, например. Он занимался исследованиями в области торговли. Или Питера Мак-Криди - тот занимался наукой? Или Гартинга. Вы случайно не замещаете Лео Гартинга? Такая жалость, что его больше нет. Ведь это один из ваших старейших и особенно ценных сотрудников.

- О! Гартинг! - воскликнула миссис Ванделунг, услышав это имя, и было ясно, что у нее на сей предмет есть что сказать.- Вы знаете, какие сейчас идут толки? Что Гартинг пьянствует в КJльне. У него бывают запои, понимаете?

- Она явно была на седьмом небе оттого, что приковала к себе всеобщее внимание.- Всю неделю он сущий ангелочек, играет на органе и поет в хоре, как истый христианин. А с субботы на воскресенье отправляется в КJльн и затевает там драки с немцами. Это настоящий доктор Джекиль или мистер Хайд, уверяю вас! - Она рассмеялась, в ее тоне не чувствовалось осуждения.- Да, да, он очень испорченный, этот Гартинг. Роули, вы помните, конечно, Андре де Хоога? Ему рассказал все это кто-то из здешней полиции: Гартинг устроил страшную потасовку в КJльне. В ночном баре. Из-за какой-то женщины легкого поведения. Да, да, он очень загадочная личность, уверяю вас. А теперь у нас некому играть на органе.

Зибкрон повторил свой вопрос, развеяв сгустившуюся таинственность.

- Я никого не замещаю,- ответил Тернер и услышал откуда-то слева голос Хейзел Брэдфилд, холодный, но вибрирующий от сдержанного гнева:

- Миссис Ванделунг, вы знаете наши глупые английские обычаи, мужчины - так уж повелось - должны теперь поговорить без нас.

Хотя и не слишком охотно, дамы удалились.

Брэдфилд подошел к буфету, где на серебряных подносах стояли графины с вином; венгры подали кофе в великолепном кувшине, и, не оцененный никем, он в гордом одиночестве возвышался в конце стола, где прежде сидела Хейзел. Старикашка Ванделунг, погружившись в воспоминания, стоял возле балконной двери и глядел на уплывающий вниз во мрак травянистый склон, на котором играли отраженные огни Бад-Годесберга.

- Сейчас нам подадут портвейн,- заверил всех Зааб.- У Брэдфилдов это всегда фантастически роскошная штука! - Он решил на этот раз избрать своей жертвой Тернера.- Вы женаты, мистер Тернер?

Брэдфилд занял за столом место Хейзел и передвигал сидящим от него по левую руку два подносика с вином, изящно скрепленные друг с другом серебряным жгутиком.

- Нет,- сказал Тернер так, словно швырнул в собеседников увесистым булыжником: принимай, кто хочет. Но Зааб был глух к интонациям голоса, он слышал только самого себя.

- Безумие! Англичане должны размножаться! Младенцев! И как можно больше! Продолжайте культуру! Англия, Германия и Скандинавия! К черту французов, к черту американцев, к черту африканцев. Klein Europa (Малая Европа (нем.)), вы меня понимаете, Тернер? - Он поднял сжатую в кулак руку.- Нам нужны добротные и крепкие. Те, что умеют думать и говорить. Я еще не совсем идиот. Вы знаете, что это значит - Kultur? Он отхлебнул вина и завопил: - Фантастика! Лучше не бывает! Люкс! Экстралюкс! Какая это марка, Брэдфилд? Наверняка "Кокберн", только Брэдфилд вечно любит со мной спорить.

Брэдфилд был в нерешительности - вот ведь дилемма! Он поглядел на рюмку Зааба, потом на графины, потом снова на рюмку Зааба.

- Я очень рад, что вино понравилось вам, Карл- Гейнц,- сказал он.- Я склонен думать, между прочим, что вы пьете сейчас мадеру.

Ванделунг, все еще стоявший у балконной двери, рассмеялся. Смех был хриплый, злорадный и не смолкал очень долго, сотрясая сухонькое тельце с каждым вдохом и выдохом дряхлых легких.

- Ну что ж, Зааб,- промолвил он наконец, медленно возвращаясь к столу,- быть может, вы заодно завезете немножко культуры и к нам, в Нидерланды?

Он расхохотался снова, словно школьник, прикрывая подагрической узловатой рукой дырки между зубами во рту, и в этот миг Тернер почувствовал, что ему жаль Зааба и плевать он хотел на Ванделунга.

Зибкрон пить не стал.

- Вы были сегодня в Брюсселе. Надеюсь, ваша поездка была удачной, Брэдфилд? Я слышал, возникли новые трудности. Я очень огорчен. Мои коллеги утверждают, что Новая Зеландия представляет серьезную проблему.

- Овцы! - вскрикнул Зааб.- Кто станет есть овец? Англичане устроили себе там овечью ферму, а теперь никто не хочет есть этих овец.

Брэдфилд проговорил еще более неторопливо, размеренно:

- Никаких новых проблем не возникло перед нами в Брюсселе. Оба вопроса - о Новой Зеландии и Сельскохозяйственном фонде - не стоят на повестке дня уже не первый год. Это не те вопросы, которые нельзя было бы уладить между друзьями.

- Между добрыми друзьями... Будем надеяться, что вы окажетесь правы. Будем надеяться, что дружба достаточно крепка и затруднения достаточно ничтожны. Будем на это надеяться.- Взгляд Зибкрона снова упал на Тернера.- Итак, Гартинг пропал,- заметил он и сложил ладони, словно для молитвы.- Какая потеря для нашего общества. Прежде всего для нашего храма.- И, глядя Тернеру прямо в глаза, он добавил: - Мои коллеги сообщили ли мне, что вы знакомы с мистером Сэмом Аллертоном, известным английским журналистом. Как я понял, вы беседовали с ним сегодня.

Ванделунг налил себе мадеры и нарочито смаковал ее, словно дегустируя. Зааб, помрачневший и угрюмый, поглядывал на всех поочередно, мало что

понимая в происходящем.

- Какая странная фантазия взбрела вам на ум, Людвиг! Что значит - Гартинг пропал? Он в отпуске. Невозможно вообразить, откуда берутся все эти идиотские слухи. Единственная вина бедняги в том, что он забыл предупредить капеллана.- Смех Брэдфилда прозвучал довольно искусственно, однако ему нельзя было отказать в самообладании.- Он взял отпуск по семейным обстоятельствам. Это непохоже на вас, Людвиг: вы всегда так хорошо информированы, а на сей раз я просто удивлен.

- Вот видите, мистер Тернер, с какими трудностями мне приходится сталкиваться здесь. На свою беду, я несу ответственность за соблюдение порядка среди гражданского населения во время демонстраций. Я отвечаю перед министром. Роль моя самая скромная, но тем не менее ответственность лежит на мне.

В его скромности был оттенок благочестия. Казалось, надень на него стихарь, и перед вами один из певчих церковного хора, которым руководил Гартинг.

- Мы ожидаем, что в пятницу состоится небольшая демонстрация. К сожалению, среди определенных, не очень многочисленных слоев населения англичане не пользуются сейчас особой популярностью. Надеюсь, вы сумеете оценить мои усилия, направленные к тому, чтобы никто, решительно никто не понес ущерба. Отсюда вам должно быть понятно мое стремление знать местонахождение каждого лица. Чтобы иметь возможность оберегать. Однако мистер Брэдфилд, бедняга, частенько так перегружен работой, что не ставит меня в известность об этом.- Он сделал паузу и поглядел на Брэдфилда: один короткий взгляд - и все.- Но я не у к о р я ю мистера Брэдфилда за то, что он не все сообщает мне. Зачем ему это делать? - Жест бледных рук, демонстрирующий снисхождение.- Существует немало мелких и два-три крупных факта, о которых Брэдфилд мне не сообщил. Да и зачем? Это шло бы вразрез с его профессией дипломата. Вы согласны со мной, мистер Тернер?

- Это не по моей части.

- Но по моей. Извольте, я разъясню, что происходит. Мои коллеги - люди наблюдательные. Они поглядывают по сторонам, подсчитывают, замечают, что кого-то не хватает. Они начинают наводить справки, опрашивать слуг или, скажем, друзей и узнают, что это лицо исчезло. Это сообщение тотчас вызывает у меня беспокойство. И у моих коллег - тоже. Мои коллеги - весьма отзывчивые люди. Им неприятно думать, что человек мог потерять ся. Разве это не естественное движение человеческой души? Многие из моих коллег еще совсем юноши, почти под ростки. Гартинг отбыл в Англию?

Вопрос был поставлен в лоб - Тернеру. Но Брэдфилд взял ответ на себя, и Тернер благословил его за это в душе.

- У него семейные дела. Мы, разумеется, не уполномочены обнародовать их. В мои намерения не входит выворачивать наизнанку личную жизнь человека для того, чтобы вы могли пополнить свои досье.

- Превосходная установка, достойная подражания, нам всем следует исходить из нее. Вы слышали это, мистер Тернер? Какой смысл в бумажной слежке? Какой в ней смысл?

- Боже милостивый, почему вы уделяете столько внимания Гартингу? - скучающим тоном спросил Брэд филд, словно все это были шутки, которые ему приелись.- Меня удивляет, что вы вообще осведомлены о его существовании. Идемте выпьем кофе.

Он встал, но Зибкрон не шелохнулся.

- Ну, р а з у м е е т с я , мы осведомлены о его существова нии,-

заявил он.- Мы восхищены его работой. Мы в самом деле восхищены. В таком учреждении, как возглавляемое мною, изобретательность мистера Гартинга снискала ему много поклонников. Мои коллеги говорят о нем неустанно.

- Не понимаю, что вы имеете в виду.- У Брэдфилда покраснели щеки, он был не на шутку рассержен.- О чем, собственно, вы говорите? О какой его работе?

- Ему, понимаете ли, приходилось общаться с русскими,- пояснил Зибкрон, повернувшись к Тернеру.- В Берлине. Это, понятно, было давно, но я не сомневаюсь, что он многое от них воспринял, как вы считаете, мистер Тернер?

Брэдфилд поставил графины на поднос и ждал у дверей, пропуская гостей вперед.

Так про какую же все-таки работу вы толковали? -без обиняков спросил Тернер, когда Зибкрон неохотно поднялся со стула.

- Про исследования. Самые обыкновенные исследования вообще, мистер Тернер. Видите, это полностью по вашей части. Очень приятно сознавать, что у вас с Гартингом так много общих интересов. Собственно, именно поэтому я и спросил вас, не предполагаете ли вы заместить его. Мои сотрудники поняли со слов мистера Аллертонна, что у вас очень много общего с Гартингом.

Когда они прошли в гостиную, Хейзел Брэдфилд вскинула на мужа глаза - в них читалась отчаянная тревога. Все четыре гостя разместились на одном диване. Миссис Ванделунг держала в руках вышивание по рисунку; фрау Зибкрон, вся в черном, как монахиня, самоуглубленно и зачарованно смотрела на огонь камина, сложив руки на коленях; Грэдфин угрюмо потягивала коньяк из весьма вместительной рюмки, вознаграждая себя за пребывание в нетитулованном обществе. Два маленьких пятнышка атели на ее иссохших скулах, словно цветки мака на поле брани. И только миниатюрная фрау Зааб улыбнулась входящим, блистая заново припудренной грудью.

Тернер с завистливым восхищением прислушивался к светской болтовне Брэдфилда. Этот человек не ждал помощи ни от кого. Глаза у него запали от усталости, но он вел беседу столь же непринужденно и столь же беспредметно, как если бы находился на отдыхе вдали от всех забот и дел.

- Мистер Тернер,- негромко проговорила Хейзел Брэдфилд.- Мне нужна ваша помощь в одном небольшом деле. Могу я отвлечь вас на минуту?

Они остановились на застекленной веранде. На подоконниках стояли цветы в горшках, валялись теннисные ракетки. На кафельном полу - детский трактор, дощечка-скакалка с пружиной и подпорки для цветов. Откуда-то веяло запахом меда.

- Насколько я понимаю, вы наводите справки относительно Гартинга,- проговорила Хейзел. Тон был резкий, властный. Супруга Брэдфилда была вполне ему под стать.

- Я навожу справки?

- Роули совершенно извелся от тревоги, и я убеждена, что причина этого - Лео Гартинг.

- Понимаю.

- Он не желает разговаривать на эту тему, но лишился сна. За последние три дня он не перемолвился со мной ни словом. Дело уже дошло до того, что он порой посылает мне записки' через третьих лиц. Полностью отключился от всего, кроме работы. Нервы его напряжены до предела.

- Он не произвел на меня такого впечатления.

- Он, разрешите вам напомнить, мой муж.

- Ему очень повезло.

- Что взял Гартинг? -* Глаза ее возбужденно блеснули. Гневом? Решимостью? - Что он украл?

- Что заставляет вас думать, будто он что-то украл?

- Послушайте, я, а не вы несу ответственность за благополучие моего мужа. Если у Роули неприятности, я имею право это знать. Скажите мне, что сделал Гартинг. Скажите мне, где он. Здесь все перешептываются об этом. Все и каждый. Какая-то нелепая история в Кильне, любопытство Зибкрона... Почему я не могу знать, что происходит?

- Да, в самом деле, почему? Меня это тоже удивляет,- сказал Тернер.

Ему показалось, что сейчас она закатит ему пощечину, и подумал: ударь, получишь сдачи. Она была красива, но в опущенных углах рта притаилась бессильная ярость избалованного ребенка, и что-то в голосе ее, в манере себя держать показалось ему до ужаса знакомым.

- Убирайтесь. Оставьте меня.

- Мне наплевать, кто вы такая. Если вы хотите добыть секретные сведения, получайте их, черт побери, из первоисточника,- сказал Тернер, ожидая нового нападения с ее стороны.

Но она стремительно повернулась, выбежала в холл и поднялась по лестнице. Некоторое время он продолжал стоять неподвижно, уставясь невидящим взглядом на хаос разбросанных игрушек для детей и взрослых - удочки, крокетный набор, - на всевозможные случайные, бесполезные предметы того мира, в который он никогда не имел доступа. Все еще погруженный в раздумье, он медленно направился обратно в гостиную. Когда он вошел, Брэд-филд и Зибкрон, стоявшие плечом к плечу у балконной двери, оба как по команде обернулись и воззрились на него - на объект их единодушного презрения.

Полночь. Пьяную и уже полностью лишившуюся дара речи Ggdfrn уложили в такси и отправили домой. Зибкрон отбыл, удостоив прощальным поклоном только чету Брэдфилдов. Вероятно, его супруга отбыла вместе с ним, хотя Тернер не заметил, как это произошло. Осталась только едва заметная вмятина на подушке там, где она сидела. Ванделунги уехали тоже. Пятеро остальных расположились вокруг камина с чувством опустошенности и уныния: супруги Зааб, держась за руки, смотрели на умирающее пламя; Брэдфилд молча потягивал сильно разбавленное виски; Хейзел, похожая на русалку в зеленом облегающем платье до пят, свернулась калачиком в кресле, распластав по полу подол, словно хвост; в наигранной задумчивости она забавлялась с голубой сибирской кошкой, как хозяйка светского салона восемнадцатого века. Она не глядела на Тернера, однако и не старалась подчеркнуто игнорировать его и раза два даже обратилась к нему. Этот лавочник был непозволительно нагл, но Хейзел Брэдфилд не доставит ему удовольствия, отказавшись впредь иметь с ним дело.

- В Ганновере творилось что-то невообразимое...

- О бога ради, Карл-Гейнц, не начинайте все сначала,- взмолилась Хейзел,- мне кажется, я уже до конца жизни не смогу больше об этом слушать.

- Но п о ч е м у они вдруг ринулись туда? - ни к кому не обращаясь, спросил Зааб.- Зибкрон тоже был там. Они вдруг побежали. Те, что были впереди. Бросились сломя голову прямо к этой библиотеке. Почему? Вдруг все сразу - alles auf einmal.

- Зибкрон все время задает мне тот же вопрос,- внезапно в приливе откровенности устало проговорил Брэдфилд.- Почему они побежали? Уж кто-кто, а он-то должен бы это знать: он был у смертного одра этой Эйк, он, а не я.

Он, а не я должен был, я полагаю, слышать, что она сказала перед смертью. Какая муха его укусила, черт побери? Снова и снова одно и то же: "То, что произошло в Ганновере, не должно иметь места в Бонне". Разумеется, не должно, но он держит себя так, словно я виноват в том, что это вообще произошло. Прежде он никогда так себя не вел.

- Он спрашивает т е б я ? - с нескрываемым презрением проговорила Хейзел.- Но почему же ни с того ни с сего именно тебя? Ведь ты там даже не присутствовал.

- И тем не менее он все время задает мне этот вопрос,- сказал Брэдфилд, вскочив со стула, и что-то беззащитное, какая-то мольба вдруг прозвучала в его голосе, отчего Тернеру на мгновение почудилось, что в его взаимоотношениях с женой есть что-то странное.- Задает, невзирая на обстоятельства.- Он поставил пустой стакан на поднос.- Нравится вам это или нет, но он не перестает спрашивать меня: "Почему они вдруг побежали?" Совершенно так же, как Карл-Гейнц спросил сейчас: "Что побудило их броситься туда? Что именно так влекло их к этой библиотеке?" Для меня здесь ответ может быть только один: это английская библиотека, а нам всем известно отношение Карфельда к англичанам... Ну что ж, Карл-Гейнц, вам, молодоженам, верно, уже пора спать.

- А серые автобусы,- продолжал свое Зааб.- Вы читали, в каких автобусах разъезжала их охрана? Это были с е р ы е автобусы, Брэдфилд, с е р ы е \

- Это имеет какое-нибудь значение?

- И м е л о , Брэдфилд. Что-то около тысячи лет назад это, черт подери, имело огромное значение, мой дорогой.

- Боюсь, я не совсем улавливаю смысл ваших слов,- с усталой усмешкой промолвил Брэдфилд,

- Как всегда,- проронила его жена. Никто не воспринял это как шутку.

Они все уже стояли в холле. Слуга-венгр исчез, осталась только девушка.

- Вы были удивительно добры ко мне, черт подери, Брэдфилд,- с грустью проговорил Зааб, прощаясь.- Наверно, я слишком много болтал. Nicht wahr, Марлен, я слишком много болтал. Но я не доверяю этому Зибкرونу. Я - старая скотина, понятно? А Зибкрон - это молодая скотина. Будьте начеку!

- Почему я не должен доверять ему, Карл-Гейнц?

- Потому, что он никогда не задает вопросов, если не знает наперед ответа.- И с этими загадочными словами Карл-Гейнц Зааб с жаром поцеловал хозяйке дома руку и шагнул в ночной мрак, заботливо поддерживаемый своей молодой влюбленной супругой.

Тернер сидел на заднем сиденье, Зааб медленно вел машину по левой стороне дороги. Его жена дремала, положив голову ему на плечо, ее маленькая ручка все еще машинально и любовно почесывала темный пушок, украшающий затылок ее обожаемого супруга.

- Почему они побежали - там, в Ганновере? - повторил Зааб, счастливо проскользнув между двумя встречными машинами.- Почему эти проклятые идиоты побежали?

В отеле "Адлер" Тернер попросил, чтобы ему в половине пятого утра подали кофе в номер, и коридорный с понимающей улыбкой записал это в свой блокнот, как бы давая понять, что, конечно, все англичане поднимаются в такую рань - ему ли этого не знать. Когда Тернер улегся в постель, мысли его, отвлекшись от странного тошнотворного допроса, учиненного ему Зибкромом, перенеслись на более приятный объект в лице Хейзел Брэдфилд. И это тоже своего рода загадка, подумал он, засыпая, почему такая красивая, обаятельная, явно неглупая и интеллигентная женщина мирится с невыносимо

тоскливым существованием, на какое обрекает ее жизнь дипломатических кругов Бонна. Интересно, что бы делал бедняга Брэдфилд, если бы наш милейший высокородный Энтони Уиллоуби удостоил его супругу своим вниманием? И наконец, зачем, черт побери, зачем - убаюкивая звучал в его мозгу докучливый вопрос, который все время не давал ему покоя в течение этого нудного, бессмысленного вечера,- зачем вообще понадобилось им приглашать его?

И кем, собственно, был он приглашен? "Я должен пригласить вас отобедать с нами во вторник,- сказал Брэдфилд.- Не пеняйте на меня за то, что может произойти". "И я заметил, Брэдфилд! Я заметил, как вы покоряетесь, пасуете перед чужой волей. Впервые я почувствовал вашу слабость. Я увидел нож, торчащий у вас между лопаток, и я шагнул вам навстречу, на помощь, и услышал собственные слова из ваших уст". Х е й з е л , т ы с у ч к а ; З и б к р о н , т ы с к о т и н а ; Г а р т и н г , т ы в о р . "Если вы в самом деле так понимаете жизнь,- просюсюкал у него над ухом голос де Лилла,- лучше подавайте в отставку! Нельзя же поклоняться одному и сжигать другое - это уже отдавало бы средневековьем..."

Будильник был поставлен на четыре часа, но ему почудилось, что он уже звонит.

11. КИНИГСВИНТЕР

Среда. Утро

Еще не начинало светать, когда за ним заехал де Лилл, и пришлось просить ночного швейцара отпереть дверь отеля. Улицы были пустынные, холодны, недружелюбны. Время от времени навстречу машине внезапно наползал слоями туман.

- Нам придется сделать крюк - через мост. Паром ночью не ходит.- Де Лилл говорил отрывисто, почти резко.

Они выехали на шоссе. По обеим сторонам его тянулись новостройки - черепица, стекло, бетон,- дома, увенчанные шпилями строительных кранов, торчали, словно сорняки на невспаханном поле. Машина миновала посольство. Мрак окутывал влажный бетон здания, словно дым отгремевшей битвы. Британский флаг уныло свисал с древка - одинокий цветок на могиле солдата. На тускло освещенном фронте лев и единорог мужественно продолжали свое извечное противоборство, отблески золота и киновари делали нечеткими их контуры. Из сумрака выступали футбольные ворота на пустыре - они клонились набок, словно пьяные.

- В Брюсселе атмосфера накаляется,- заметил де Лилл и замолчал, явно не собираясь развивать эту тему дальше. Во дворе посольства стояло около дюжины автомобилей; белый "ягуар" Брэдфилда - на своей индивидуальной площадке.

- И чаша весов склоняется на нашу сторону или на оборот?

- Что тут можно предположить? - Помолчав, он добавил: - Мы добиваемся неофициальных переговоров с немцами; французы делают то же самое. Не потому, что немцы им по душе,- это уже своего рода спортивный интерес.

- Кто же побеждает? Де Лилл не ответил.

Опустевший город тонул в розовой призрачной дымке - в колыбели зари, в которой покоятся все города перед восходом солнца. Безлюдные, влажные от тумана улицы; стены домов - грязные, словно засаленные мундиры. Перед университетской аркой, возле временного шлагбаума, стояли трое полицейских; они дали знак остановить машину.

Молча, угрюмо обошли кругом маленький автомобиль, записали номер, покачали ногой задний бампер, проверяя подвеску, поглядели сквозь запотевшие окна на темные фигуры пассажиров внутри.

- Что они кричали нам вслед? - спросил Тернер, когда машина двинулась дальше.

- Чтобы мы следили за указателями одностороннего движения.- Де Лилл свернул влево, как предписывала синяя стрелка.- Куда, черт побери, они нас уведут?

Электрический грейдер чистил кювет. Еще двое полицейских в зеленых кожаных плащах и надетых набекрень фуражках с высоким верхом недоверчиво наблюдали за процессом. В витрине магазина молоденькая продавщица надевала пляжный костюм на манекен: приподняв синтетическую руку куклы, она натягивала на нее рукав. На ногах у девушки были сапоги из толстого войлока, и она передвигалась в них, словно заключенный в колодках. Машина выехала на привокзальную площадь. Поперек площади и вдоль крытых платформ были протянуты черные транспаранты: "Добро пожаловать, Клаус Карфельд!", "Члены союза свободных охотников приветствуют тебя, Клаус Карфельд, ты - оплот национального достоинства!". На новом, огромном щите для плакатов - портрет Карфельда таких внушительных размеров, каких Тернеру еще не доводилось видеть. И под ним подпись: "Freitag", пятница. Слово сверкнуло в свете автомобильных фар; лицо осталось погруженным в сумрак.

- Они прибывают сегодня. Тильзит, Мейер-Лотринген, Карфельд. Приедут из Ганновера, чтобы подготовить почву.

- И гостей будет принимать Людвиг Зибкрон.

Они ехали вдоль трамвайных линий, продолжая повиноваться указаниям дорожных знаков. Свернули налево, потом опять направо. Проехали под невысоким перекидным мостом, сделали разворот в обратном направлении, снова въехали на какую-то площадь, постояли перед наспех сооруженным светофором, и внезапно оба подались вперед на продавленных сиденьях, в изумлении глядя на здание ратуши в глубине рыночной площади, полого поднимавшейся вверх.

Позади торговых рядов островерхие кровли похожих на пряничные домики отчетливо вырисовывались на светлеющем небе. Но взгляды де Лилла и Тернера были прикованы к одинокому серо-розовому зданию на вершине холма, которое, казалось, господствовало над всей площадью. К стенам его были приставлены лестницы, балкон задрапирован черными фестонами траурного крепа, на булыжной мостовой перед фасадом выстроились в ряд черные "мерседесы". Слева от здания перед аптекой, залитый лучами десятка прожекторов, возносился к небу белый помост, похожий на средневековую сторожевую вышку. Площадка его доходила почти до слуховых окон соседних домов, а гигантские, похожие на лапы подпорки бесстыдно белели в темноте, таинственно и прихотливо переплетаясь с собственными черными тенями. У подножия помоста уже копошились рабочие. До Тернера донеслось гулкое эхо молотков и унылое повизгивание электрических пил. Связка бревен тяжело ползла вверх на беззвучном блоке.

- Почему флаги приспущены?

Траур. Это символический спектакль. Они объявили траур по погубленной национальной чести.

По длинному мосту они переправились на другую сторону реки.

- Ну, наконец-то,- удовлетворенно проворчал де Лилл и опустил воротник плаща, словно они въехали в более теплую зону.

Он вел машину на большой скорости. Одну за другой они миновали две деревни. Потянулись поля, перелески, и машина свернула на другое шоссе - вдоль восточного берега реки. Справа скалистая вершина Годесберга, все еще

окутанная пеленой тумана, угрюмо нависала над спящим городом. Они обогнули виноградник. Ряды кустов таинственно выплывали из темноты, похожие на зигзагообразный рисунок вышивки. Позади, над виноградниками, стояли одетые лесами Семь Холмов, а еще выше, над лесом, на самом горизонте, - черные руины замка, остатки готической причуды. Свернув с главного шоссе, они вскоре выехали на набережную, окаймленную подстриженными деревьями и цепочкой зажженных электрических фонарей. Внизу лежал Рейн, окутанный теплым паром своего дыхания и почти неразличимый.

- Следующий дом слева,- глухо произнес де Лилл.- Скажите мне, если заметите, что там кто-то стоит на страже.

Впереди из сумрака выглянул большой белый дом. Окна нижнего этажа были закрыты ставнями, но ворота стояли настежь. Тернер вышел из машины, пересек мостовую. Подобрал с земли камень, он метко, с силой швырнул его в стену дома. Звук удара прокатился над водой и отозвался эхом где-то вверху на темных склонах Петербурга. Вглядываясь в туман, они ждали оклика, звука шагов. Ничего не последовало.

- Отведите машину немного подальше и возвращайтесь,- сказал Тернер,

- Пожалуй, я ограничусь тем, что отведу машину немного подальше.

Сколько вам потребуется времени?

- Вы знаете дом. Пойдемте, помогите мне.

- Это не по моей части. Не обижайтесь. Я привез вас сюда по собственному почину, но входить в дом не хочу.

- Тогда почему вы меня привезли? Де Лилл ничего не ответил.

- А теперь не хотите пачкать руки?

Держась травянистой обочины, Тернер направился по подъездной аллее к дому. Даже в полумраке ему бросилось в глаза, что здесь царит такой же порядок, каким отличалась служебная комната Гартинга. Газон был опрятен, клумбы прополоты, аккуратно обложены дерном, на каждом кусте роз - металлическая табличка. В бетонном ящике возле кухонной двери стояло три мусорных ведра, перенумерованные и зарегистрированные, согласно местным порядкам. Тернер сунул ключ в замочную скважину и услышал шаги.

Сомнения быть не могло: шаги, хотя и не громкие, звучали совершенно отчетливо. Шаги человека. Двойной звук, сначала стук каблука, опускающегося на гравий, затем, тут же - стук подошвы. Создавалось впечатление, что кто-то шел крадучись: делал шаг, потом останавливался, прислушиваясь,- подавал о себе весть - и тут же пугался. И все же это были шаги.

- Питер! - "Он передумал и вернулся,- мелькнула у Тернера мысль.- Он человек мягкосердечный".- Питер!

Никакого ответа.

- Питер, это вы? - Тернер наклонился, быстро вытащил из деревянного ящика, стоявшего возле крыльца, пустую бутылку и замер, напряженно ловя каждый звук. На Семи Холмах прокричал петух. Затем долетел едва уловимый шелест - словно ветер сдул на влажную землю сосновые иголки в бору; он услышал шорох воды, трущейся о берег; услышал далекое дыхание Рейна, словно дыхание гигантской, нечеловеческими руками созданной машины- один звук, вобравший в себя множество других, звук незримо текущей воды, ломкий и вязкий; он услышал движение невидимых барж, внезапное громыханье якорной цепи, услышал протяжный крик, похожий на мычание скотины, забредшей в болото, или на зов сирены, разнесшийся далеко среди скал. Но он не услышал больше ни шагов, ни любезного мягкого голоса де Лилла. Повернув в замке ключ, он резко распахнул дверь и снова замер, прислушиваясь, крепко зажав в руке бутылку; в лицо ему, приятно защекотав ноздри, повеяло едва уловимым

ароматом табачного перегара.

Он ждал, пока глаз привыкнет к темноте и комната раскроется перед ним в своем холодном полумраке. А звуки множились и множились, заполняя пространство. Сначала из буфетной донесся звон стеклянной посуды; затем из прихожей - скрип половиц, в погребе проволочки пустой ящик по бетонному полу; прозвенел удар гонга - однотонный, отчетливый и повелительный, и вот уже со всех сторон, дрожа, вибрируя, начал расти непонятный гул, неопределимый, но надвигающийся, вот он все ближе, все громче с каждой секундой, словно чья-то могучая десница одним ударом сотрясла весь дом. Выбежав в холл, Тернер кинулся оттуда в столовую, стремительно включил свет и остановился, дико озираясь по сторонам, весь подобрившись, судорожно сжимая горлышко бутылки в своем мощном кулаке. - Гартинг! - закричал он уже во весь голос. - Гартинг! - Ему послышался шорох удаляющихся шагов, и он рывком распахнул дверь. - Гартинг! - закричал он снова. И снова никакого ответа, только в камине из трубы посыпалась сажа да за окном застучала по оштукатуренной стене сорвавшаяся с одной петли ставня. Тернер подошел к окну и окинул взглядом двор перед домом и реку за ним. На противоположном берегу здание американского посольства ослепительно сверкало, залитое огнями, словно электростанция, и желтые лучи, пронизывая туман, играли тусклыми отблесками на мерцающей воде. Только тут ему стало ясно, что послужило причиной его тревоги: караван из шести барж стремительно уплывал в туман; на мачтах развевались флаги, синими звездами горели над ними огни радиолокаторов, и, когда последнее судно скрылось из глаз, умолк и весь призрачный скрытый в доме оркестр. Ни звона стекла, ни скрипа половиц, ни шороха сажки в камине, ни тремоло стен. Дом снова затих, успокоенный, но настороженный, готовый в любую минуту выдержать новую атаку.

Тернер поставил бутылку на подоконник, распрямил плечи и стал не спеша обходить одну комнату за другой. Дом был барачного типа - сколочен на скорую руку за счет репараций для полковника оккупационных войск в тот период, когда Союзная контрольная комиссия располагалась в Петербурге. Мебель здесь стояла случайная, разношерстная, словно ни у кого не было твердого представления о том, по какой категории следует обставлять жилище Гартинга. Единственное, что могло привлечь здесь внимание, - это радиола. Электрические провода тянулись от нее в разные стороны, а по бокам камина стояли два динамика на вращающихся стержнях для регулирования направления звука.

В столовой стол был накрыт на два прибора.

В центре стола четыре фарфоровых купидона водили хоровод. Весна преследовала Лето, Лето убегало от Осени, Зима гнала их всех вперед. Два обеденных прибора стояли друг против друга. В подсвечник были вставлены свежие свечи, рядом - коробка спичек; нераскупоренная бутылка бургундского в корзинке для вина; в серебряной вазе - несколько увядших роз. На всем лежал тонкий слой пыли.

Тернер быстро сделал пометку в своей книжечке и прошел на кухню. Здесь все напоминало иллюстрацию из дамского журнала. Ни в одной кухне Тернер не видал еще такого количества всевозможных приспособлений. Миксеры, тостеры, сечки, штопоры. На пластмассовом подносе - остатки одинокого завтрака. Тернер приподнял крышку чайника. Чай был густо-красного цвета, заваренный из трав. На дне чашки осталось несколько капель, чайное пятнышко виднелось и на ложке. Еще одна чашка стояла перевернутая на сушилке для посуды. На холодильнике - транзистор точно такого же типа, как тот, что Тернер видел в посольстве. Тернер и здесь записал в свою книжку длину волны, на которой стояла стрелка транзистора, потом подошел к двери, прислушался и начал одну

за другой открывать дверцы буфета, доставать оттуда бутылки и жестяные коробки и заглядывать внутрь. Время от времени он делал пометки в своей книжечке. В холодильнике на средней полке были аккуратно расставлены несколько пол-литровых пакетов с молоком. Вынув из холодильника баночку с паштетом, Тернер осторожно понюхал его, стараясь определить, сколько он там простоял. На белой тарелочке лежали два бифштекса. Между волокон мяса проглядывали кусочки чеснока. "Он приготовил их в четверг вечером",- внезапно подумал Тернер. В четверг вечером он еще не знал о том, что скроется в пятницу.

На втором этаже коридор был устлан кокосовой циновкой. Мебель здесь была простая, сосновая, довольно ветхая. Тернер принялся доставать костюмы из гардероба; он обшаривал карманы, затем отбрасывал костюм, как ненужную ветошь. Покрой костюмов, так же как и самый дом, напоминал военные времена: пиджаки были приталены, с маленьким наружным кармашком на правом борту; брюки без отворотов сужались книзу. Продолжая свой обыск, он нашел носовой платок, клочок бумаги, обломок карандаша; все это он внимательно разглядывал и порой снова делал пометку в книжечке, прежде чем отбросить костюм в сторону и достать из расштанного, скрипучего гардероба следующий. А дом снова дрожал как в лихорадке. Откуда-то - на этот раз, казалось, из глубины самого здания - донесся металлический звук, похожий на лязг буферов товарных вагонов; этот звук прокатился по всему дому, снизу вверх, словно один этаж окликал другой, и тот отзывался на оклик. И не успели замереть эти звуки, как Тернер снова услышал шаги. Отшвырнув костюм, он одним прыжком очутился у окна. Опять шаги. Один шаг, второй. Шаги были тяжелые и доносились отчетливо. Тернер распахнул ставни и высунулся в предрассветный сумрак, напряженно всматриваясь в аллею, ведущую к воротам.

- Питер?

Ему показалось, что он уловил какое-то движение в темноте,- что это, человек или просто тень? Он не выключил лампу в прихожей, и оттуда на дорогу ложился узор света и тени. Но ветра не было, и верхушки берез не колыхались. Значит, человек? Какой-то человек прошел в доме мимо окон? И тень его промелькнула на усыпанной гравием аллее?

- Питер?

Безмолвие. Ни шума машины, ни оклика сторожа. Соседние дома все еще были погружены во мрак. А вершины горы Чемберлена медленно пробуждались от сна, встречая зарю. Тернер затворил окно.

Теперь он начал действовать быстрее. Во втором гардеробе его глазам предстало еще с полдюжины костюмов. Он небрежно стаскивал их с вешалок, обшаривал карманы и отбрасывал в сторону. И вдруг что-то неуловимое, какое-то шестое чувство заставило его насторожиться, предостерегая: не спешите. Он держал в руках костюм из темно-синего габардина, летний костюм служебного вида, более помятый, чем остальные, и висевший несколько в стороне, словно приготовленный для чистки или для того, чтобы надеть утром. Он осторожно взвесил его на руке. Затем разложил на постели, осмотрел карманы и вынул большой коричневый конверт, аккуратно сложенный пополам. Служебный конверт для официальных бумаг - в таких обычно рассылают извещения на подходящий налог. Конверт не был надписан: в свое время его заклеили, а затем вскрыли. В конверте лежал ключ; ключ тускло-свинцового цвета, не новый, уже сильно потертый от многолетнего или частого употребления - большой старомодный ключ с длинной бородкой от большого, сложного, хитрого

внутреннего замка, весьма отличный от всех прочих ключей той связки, что хранится у дежурного. Ключ от спецсумки для секретных бумаг? Положив ключ обратно в конверт, Тернер сунул его в свою книжечку и тщательно осмотрел остальные карманы костюма. Три палочки для коктейля - на кончике одной из них грязь, словно он чистил ею под ногтями. Несколько косточек от маслин. Немного мелочи - в общей сложности на четыре марки восемьдесят пфеннигов. И счет за напитки из отеля в Ремагене, без даты.

Кабинет он оставил напоследок. Это была невзрачная комната - много картонных коробок с виски, банки с консервами. Возле закрытого ставнями окна стояла гладильная доска. На старомодном карточном столике в неожиданном для этого дома беспорядке были разбросаны пачки каталогов, торговые брошюры, прейскуранты со скидками для дипломатов. В небольшом блокноте был составлен перечень предметов, которые, по-видимому, Гартинг обязался приобрести. Тернер пробежал его глазами и спрятал блокнот в карман. В деревянном ящике он обнаружил жестяные коробки с голландскими сигарами; их было не меньше дюжины.

Застекленный книжный шкаф был заперт на замок. Присев на корточки, Тернер прочел несколько заглавий на корешках, затем поднялся, прислушался, прошел на кухню, отыскал отвертку и одним мощным нажимом взломал дверцу шкафа; медный язычок замка прорвал дерево, словно кость - мышцу, и дверца беспомощно закачалась на петлях. Первые пять-шесть книг оказались немецкими довоенными изданиями в твердых переплетах с золоченым обрезом. Не все немецкие заголовки были ему понятны, но некоторые он перевел по догадке; "Leipziger Kommentar zum Strafgesetzbuch" (Лейпцигский комментарий к уголовному кодексу (нем.)) Штудингера; "Verwaltungsrecht" (Административное право (нем.)) и еще что-то по части закона о сроке ответственности за военные преступления. На каждой из книг, словно на вешалке для платья, было написано имя владельца: Гартинг Лео, а на одной: Гартинг Лео, studentus Juris (Студент права (лат.)); потом ему попался в руки томик с оттиснутым на форзаце медведем - гербом Берлина, поверх которого острым готическим почерком с очень тонкими закруглениями букв и крепким нажимом в конце прямых линий было начертано: "Für meinen geliebten Sohn Leo" (Моему любимому сыну Лео (нем.)). На нижней полке все книги стояли как попало: правила поведения британских офицеров в Германии; немецкая брошюра с описанием флагов судов, плавающих по Рейну, и англо-немецкий разговорник, изданный в Берлине накануне войны, сильно затрепанный, с пометками на полях. Порывшись в глубине шкафа, Тернер извлек оттуда кипу переплетенных помесячно бюллетеней Союзной контрольной комиссии за три года - с сорок девятого по пятьдесят первый; подборка была неполной, некоторых месяцев не хватало - и открыл первый том. Раздался легкий треск корешка, и в носу у него зачесалось от пыли. "18-я Ганноверская полевая разведывательная часть",- прочел он надпись, сделанную от руки хорошим канцелярским почерком, с твердым нажимом в конце прямых линий и тонкими черточками у закруглений; чернила были черные, особого сорта - чернила для официальных бумаг, не поступающие в открытую продажу. Заголовок был перечеркнут тонкой линией и заменен другим: "6-я группа общего расследования. Бремен". (Слово "Бремен" тоже было вычеркнуто). Ниже он прочел: "Канцелярия начальника военно-юридического управления. Монхенгладбах", и еще ниже: "Комитет по амнистиям. Ганновер. Выносу не подлежит". Перелистав наугад страницы, Тернер наткнулся на отчет о том, как

осуществляются перевозки по берлинскому воздушному мосту: соль следует подвешивать под крылья самолета и ни в коем случае не провозить внутри фюзеляжа... доставка бензина представляет большую опасность при взлете и посадке... предпочтительно не столько в интересах экономии, сколько для поддержания бодрости духа, производить снабжение углем и зерном, нежели заранее выпеченным хлебом... переброска сухого картофеля вместо свежего даст экономию в семьсот двадцать тонн на каждые девятьсот тонн ежедневного рациона гражданского населения. Тернер как зачарованный перелистывал пожелтевшие страницы; на глаза то и дело попадались неожиданно знакомые фразы: "Первое заседание Союзной контрольной комиссии состоялось 21 сентября в отеле "Петерсберг" неподалеку от Бонна... В Нью-Йорке намечено открыть немецкое туристское агентство... В самое ближайшее время предполагается воскресить традиционные фестивали в Байрейте и Обераммер-гау..." Тернер пробежал глазами краткие протоколы совещаний Союзной контрольной комиссии: "Обсуждались возможности расширения прав и ответственности Федеративной Республики Германии в сфере международной и экономической деятельности... В рамках Оккупационного статута были определены более широкие права Федеративной Республики Германии в области международной торговли... Было санкционировано непосредственное участие Германии в двух международных организациях..."

Следующая подшивка само собой открылась на материалах, относящихся к освобождению некоторой категории немецких военных преступников, посаженных в свое время под арест. И снова он невольно углубился в чтение: "В заключении пребывают в настоящий момент три миллиона немцев... Заключенные снабжаются продовольствием лучше, нежели оставшиеся на свободе... Союзники не всегда в состоянии отделить плевелы от злаков... По плану "Уголь" заключенных надлежит направить в шахты, по плану "Ячменное зерно" их следует послать на уборку урожая..." Один абзац был резко очерчен на полях синей шариковой ручкой: "31 мая 1938 года как акт милосердия была объявлена амнистия всем членам СС, против которых начато судебное преследование в соответствии с ордонансом 69, если они не относятся к категории лиц, активно проявивших себя на охранной службе в концентрационных лагерях". Слова "акт милосердия" были подчеркнуты, и чернила производили впечатление совсем свежих.

Просмотрев все подшивки, Тернер начал хватать их одну за другой и одним яростным движением отрывать от бумаги обе крышки переплета вместе с корешком, словно ломая крылья птицы, после чего он выворачивал переплет наизнанку и тряс бумагу, проверяя, не спрятано ли что-нибудь между листками. Покончив с этим, он подошел к двери. Снова где-то начало погромыхать и позвякивать - на этот раз громче, чем прежде. Тернер замер, склонив голову набок; его бесцветные глаза пытливо вглядывались в полумрак; он услышал гудок - протяжный, монотонный, вибрирующий и заунывный,- терпеливый призыв, таинственное стенание, робкую мольбу. Поднимался ветер - ну, разумеется, это был ветер. Тернер снова услышал стук ставни, ударяющейся о стену дома. Но ведь он же закрыл ставни! Безусловно, закрыл! Это ветер, предрассветный ветер с реки. Крепкий ветер, однако,- как отчетливо поскрипывают ступеньки лестницы, и скрип этот все набирает силу, словно скрип такелажа, когда ветер наполняет паруса. А стекло, стекло в столовой,- оно звенит как сумасшедшее, куда громче, чем прежде.

- Поторопись! - прошептал Тернер, отдавая сам себе приказ.

Он начал выдвигать ящики письменного стола. Ни один не заперт. Некоторые совсем пусты. Электрические лампочки, электрические пробки, иголки, нитки, носки, запонки, гравюра без рамки - галеон под всеми

парусами. На обороте надпись: "Дорогому Лео от Маргарет с самыми нежными чувствами. Ганновер, 1949". Почерк был явно не английский. Небрежно сложив гравюру пополам, он сунул ее в карман. Под гравюрой обнаружилась небольшая коробочка. Квадратная, твердая на ощупь, завернутая в черный шелковый носовой платок, заколотый булавками. Отколов булавки, Тернер осторожно развернул платок и увидел металлическую коробочку тускло-серебристого цвета; по-видимому, коробочка была когда-то покрашена или разрисована, а потом краску соскоблили каким-то острым инструментом, и поверхность стала шершавой. Приподняв крышку, Тернер заглянул внутрь, затем осторожно, почти благоговейно высыпал содержимое коробочки на платок. Перед ним лежали пять пуговиц. Круглые деревянные пуговицы, все на один образец, примерно дюйм в диаметре, вырезанные вручную, грубовато, но с большим старанием, словно у их создателя не хватало хороших инструментов, но отнюдь не рвения; в каждой пуговице были просверлены две просторные дырочки, как для толстой нитки или шнура. Под коробочкой лежала брошюра на немецком языке, взятая из боннской публичной библиотеки, с библиотечным номером и печатью. Плохо зная язык, Тернер сумел разобраться только, что это какое-то руководство по употреблению отравляющих газов. Библиотечная дата указывала, что книга взята в феврале этого года. Кое-где на полях виднелись пометки, и некоторые абзацы были отчеркнуты. " М г н о в е н н о е т о к с и ч е с к о е д е й с т в и е . . . п р и х о л о д н о й п о г о д е с и м п т о м ы п о я в л я ю т с я н е с р а з у ". Направив свет лампы на книгу, Тернер уселся за стол и, подперев голову рукой, углубился в текст; он с таким напряжением старался вникнуть в него, что лишь инстинктивно повернулся на стуле, когда на пороге возникла чья-то высокая фигура.

Это был совсем старый человек, в мундире и фуражке с высоким верхом вроде тех, что носили немецкие студенты или моряки торгового флота в период первой мировой войны. Черное от сажи лицо, в дряхлых руках кочерга - он держал ее перед собой, как трезубец, и она угрожающе покачивалась; тусклый взгляд красноватых глаз был устремлен на кипу изуродованных, оскверненных книг, и взгляд этот был гневен. Тернер начал медленно, очень медленно подниматься на ноги. Старик не шевельнулся, только кочерга затряслась еще неистовей и белые костяшки суставов проглянули сквозь вьевшуюся в поры сажу. Тернер осторожно шагнул вперед.

- Доброе утро,- сказал он.

Одна черная рука, выпустив кочергу, по привычке потянулась к фуражке. Тернер прошел в угол, где стояли картонные коробки с виски. Он сорвал крышку с одной из коробок, достал бутылку, откупорил. Старик что-то бормотал, покачивая головой, и все не сводил глаз с разорванных книг, валявшихся на полу.

- Ну-ка,- дружелюбно сказал Тернер,- глотните! - И протянул бутылку, стараясь, чтобы она попала в поле зрения старика.

Старик апатично выронил кочергу, взял бутылку и поднес ее к губам; в ту же секунду Тернер стремительно проскочил мимо него и бросился в кухню. Открыв наружную дверь, он закричал что было сил:

- Де Лилл!

Его возглас гулким эхом прокатился по пустынной улице и замер где-то над рекой.

- Де Лилл!

Он еще не успел возвратиться в кабинет, как в окнах соседних домов

начали вспыхивать огоньки.

Тернер распахнул деревянные ставни, и в комнату проник свет зарождающегося дня. У всех троих был растерянный, недоумевающий вид; старик, сжимая бутылку виски в дрожащей руке, все смотрел на разодранные книги.

- Кто этот человек?

- Истопник. Мы все держим истопников.

- Спросите его, когда он последний раз видел Гартинга. Старик ответил не сразу; снова выйдя из своего столбняка, чтобы хлебнуть виски, он протянул бутылку де Лиллу, по-видимому инстинктивно почувствовав к нему доверие. Де Лилл поставил бутылку на стол возле шелкового носового платка и спокойно повторил вопрос, но старик только молча поглядывал на них - то на одного, то на другого - и потом снова устремлял свой взгляд на книги.

- Спросите его, когда он последний раз видел Гартинга.

Наконец старик заговорил. Голос был безжизненный, неопределимый, как вечность; медлительный, тягучий крестьянский говор, невнятное бормотание, словно на исповеди, покорное и вместе с тем сварливое,- скулеж побитой собаки, безнадежно жаждущей сочувствия. Черные пальцы коснулись взломанной дверцы книжного шкафа; кивок в сторону реки - словно он хотел сказать, что там его дом; однако ни то, ни другое не нарушало монотонного бормотания, как будто все эти действия производились одним лицом, а бормотал кто-то другой.

- Он продает билеты на увеселительные прогулки по реке,- шепотом сообщил де Лилл.- Он заходит сюда рано утром, по пути на работу, и в пять часов вечера - по дороге домой. Топит котлы, вывозит мусор и пустую тару. Летом присматривает за лодками, подготавливает их для экскурсий.

- Спросите его снова. Когда в последний раз видел он Гартинга. Вот,- Тернер вынул из кармана бумажку в пятьдесят марок,- покажите ему, объясните, что он получит это, если расскажет то, что меня интересует.

Увидев деньги, старик устремил на Тернера пристальный взгляд тусклых красноватых глаз. У него были впалые щеки, изборожденное глубокими складками лицо, давно высохшее от недоедания,- морщинистая кожа да кости; сажа въелась в него, как краска в холст. Осторожно сложив бумажку пополам, он прибавил ее к остальным, которые вытащил из заднего кармана брюк.

- Когда? - резко спросил Тернер.- Wann? Старик заговорил, боязливо подыскивая слова, подбирая их одно к другому, словно купец, раскладывающий свой товар. Он снял шапку; коричневая кожа черепа проглядывала в проплешинах коротких, темных от сажи волос.

- В пятницу,- спокойно перевел де Лилл. Он смотрел в окно; казалось, что-то отвлекало его внимание.- Лео расплатился с ним в пятницу после обеда. Зашел к нему домой и тут же расплатился, как только старик отворил ему дверь. Сказал, что уезжает, и надолго.

- Куда?

- Куда - не сказал.

- А когда он вернется? Спросите его.

Пока де Лилл переводил, ухо Тернера уловило отдельные знакомые слова: Kommen... zurьск...

- Лео заплатил ему за два месяца. Он говорит, что может показать нам кое-что. Что-то такое, за что мы не по жалеем еще пятидесяти марок.

Старик испуганно поглядывал то на одного, то на другого; глаза смотрели выжидательно и со страхом, а худые руки нервно шарили под курткой. Это была матросская куртка, выцветшая и бесформенная, на его скелетообразной фигуре она выглядела странно чужеродно. Нащупав наконец то, что он искал, старик приподнял полу куртки и, засунув под нее снизу руку, достал нечто,

спрятанное где-то возле ворот. И снова что-то забормотал - теперь слова сыпались быстрее, обильней, беспокойней.

- Он нашел это в субботу утром в мусорном ящике, Тернер увидел кобуру военного образца от пистолета

38-го калибра, сделанную из защитного цвета ткани. Пустая кобура, а на внутренней стороне надпись чернильным карандашом: Г а р т и н г , Л е о .

Лежала в мусорном ящике прямо сверху: как поднял крышку - сразу увидел. Другим никому не показывал. Другие кричали на него, грозили превратить его физиономию в котлету. Другие все напоминали ему о том, что сделали с ним во время войны, и грозили, что так будет снова.

- Что значит "другие"? Кто это?

- Обождите.

Де Лилл подошел к окну и осторожно выглянул наружу. Старик продолжал бормотать.

- Он говорит, что распространял антифашистские листовки во время войны,- сказал де Лилл, все еще глядя в окно.- По неведению. Думал, что это обыкновенные газеты. А те, другие, поймали его и повесили вниз головой. Вот, по-видимому, кто они такие - эти другие. Он говорит, что англичане ему больше по душе. Гартинг, по его словам, был настоящий джентльмен. И еще он говорит, что хочет оставить себе эту бутылку виски. Лео всегда давал ему шотландское виски. И сигары. Тонкие голландские сигары, каких не достанешь в магазинах. Лео получал их по специальному заказу. А на рождество он подарил его жене фен для волос. И еще он хочет пятьдесят марок за кобуру,- добавил де Лилл, но в это время автомобили уже въезжали в ворота, и небольшую комнату сразу заполнил вой двух полицейских сирен и синий, слепящий, двойной свет фар. Послышались голоса, топот ног, и в комнату просунулись стволы автоматов, а за окном возникли одетые в зеленоватую форму фигуры. Дверь распахнулась, молодой человек в кожаном пальто держал в руке пистолет. Истопник плаксиво причитал; он съезжился, ожидая удара; синий луч метался по комнате, как прожектор по танцплощадке.

- Ничего не предпринимайте,- сказал де Лилл,- и не выполняйте никаких приказаний.

Он обратился к мальчишке в кожаном пальто, предъявив ему свою красную дипломатическую карточку. Голос его звучал негромко, но твердо; он сдержанно, без излишней болтливости вел переговоры, уверенный в своем авторитете, намекая на недопустимое нарушение дипломатического суверенитета. Лицо молодого полицейского было бесстрастно, как маска Зибкрона. Однако становилось заметно, что де Лилл мало-помалу одерживает верх, в тоне его зазвучали негодующие нотки. Он начал задавать вопросы, а мальчишка уже заговорил примирительно, даже уклончиво. Тернер понемногу уразумел смысл излагаемых де Лиллом претензий. Де Лилл указал на записную книжку, которую Тернер держал в руке, потом на старого истопника. Опись, сказал он. Они составляют опись. Разве дипломатам запрещено составлять опись? Производить инвентаризацию посольского имущества, устанавливать степень его амортизации? Казалось бы, это вполне естественное дело, особенно в такое время, когда собственности британских подданных грозит опасность разрушения. Мистер Гартинг находится в продолжительном отпуске; в связи с этим возникла необходимость сделать кое-какие распоряжения в отношении имущества, уплатить истопнику его пятьдесят марок... И с каких это пор, хотелось бы ему знать, спросил де Лилл, английским дипломатам запрещен вход в жилища сотрудников английского посольства? По какому праву, хотелось бы ему знать, отряд полицейских врывается в дом, нарушая покой лиц, пользующихся правом

экстерриториальности?

Снова взаимно предъявляются и внимательно проверяются документы; обе стороны записывают фамилии, номера. Полицейский приносит извинения. Тревожные времена, говорит он и долго, пристально смотрит на Тернера, словно распознав в нем коллегу. В любые, даже самые тревожные времена, отвечает де Лилл, следует уважать права дипломатов. Чем больше опасность, тем более необходимо соблюдать неприкосновенность личности. Обмен рукопожатиями. Кто-то из полицейских отдает честь. Один за другим они удаляются. Зеленые мундиры перестают маячить перед глазами, синие огни перестают слепить, машины отъезжают. Де Лилл раздобыл где-то три стакана и разливает виски. Старик продолжает хныкать. Тернер укладывает пуговицы обратно в металлическую коробочку и сует коробочку в карман вместе с небольшой брошюрой об отравляющих газах.

- Это и есть "другие?" - спрашивает он.- Этот его и допрашивал?

- Он говорит: да, вроде этого шпика, но чуть постарше. И более солидный. И волосы светлее. Мне кажется, мы оба знаем, кого он имеет в виду. А это возьмите - это больше по вашей части.

Де Лилл вынул из кармана своего коричневого пальто кобуру и без церемоний перебрал Тернеру; тот подхватил ее на лету...

Паром был разукрашен флагами Федеративной Республики Германии. К капитанскому мостику был прибит герб Кенигсвинтера. Весь нос парома заполняли полицейские. Стальные квадратные каски, бледные угрюмые лица. Очень молодые, они были непривычно тихими и молчаливыми для своего возраста; резиновые подошвы их сапог бесшумно ступали по металлической палубе; они глядели на реку так, словно получили приказ хорошенько ее запомнить. Тернер стоял в стороне и смотрел, как команда отдает швартовы; час был еще очень ранний; от усталости и напряжения мозг Тернера с необычной резкостью запечатлевал все окружающее: глухую дрожь металлической палубы под колесами автомобилей, вползавших вверх по сходням и стремившихся занять место поудобнее; тарыхтение машины, звон якорной цепи и крики команды, отдающей швартовы; резкий звон колокола, заглушивший отдаленный перезвон церковных колоколов, долетавший из города; враждебную отчужденность одетых в форму шоферов, когда они, выйдя из машин и порывшись в своих кожаных кошельках, доставали мелочь с таким видом, словно, принадлежа к какой-то тайной секте, не хотели узнавать друг друга в общественном месте; толпу скромно одетых людей с обожженными солнцем лицами, заполнивших паром и глазевших на машины, от которых их отделял барьер. Берег отступал; городок прятал свои кровли и шпили в зелени холмов, становясь похожим на оперную декорацию. Но вот паром лег на курс, описав длинную дугу вниз по течению, чтобы пропустить своего двойника, отчалившего от противоположного берега. Какое-то время казалось, что они вовсе не движутся - паром тихонько относило течением вниз по реке, в то время как "Джон Ф. Кеннеди", нагруженный черными, аккуратными пирамидами добротного угля, быстро двигался ему навстречу; свежий ветерок развеивал над его палубой простиранные и развешанные для просушки детские белье. Вскоре паром закачался на кильватерной волне, и женщины стали громко перекликаться, радуясь неожиданному развлечению.

- Он сказал вам еще что-то. Насчет какой-то женщины. Я слышал, как он сказал: "фрау" и "ауто". Он сообщил вам что-то о какой-то женщине в автомобиле.

- Ошибаетесь, старина,- холодно сказал де Лилл.- Вас обмануло его

своеобразное местное произношение. Порой оно и меня ставит в тупик.

Тернер, защитив рукой в перчатке глаза - ибо даже в это неяркое весеннее утро отраженный от воды свет был слишком резок - смотрел на удаляющийся берег Кенигсвинтера. Наконец он увидел то, что искал: коричневые зубчатые башни вилл, построенных на деньги Рура, вздымались ввысь, словно закованные в латы руки, простертые к Семи Холмам Зигфрида, а между ними белело что-то, проглядывая сквозь листву деревьев, окаймлявших набережную,- дом Гартинга, уплывавший в туман.

- Я охочусь за призраком,- пробормотал Тернер.- За тенью, будь она проклята!

- За вашей собственной тенью,- с нескрываемой неприязнью возразил де Лилл.

- О да, разумеется.

- Я доставлю вас в посольство,- сказал де Лилл.- А оттуда вы уж сами как-нибудь доберетесь.

- Почему, черт подери, понадобилось вам вообще везти меня сюда, если вы так щепетильны? - Внезапно Тернер рассмеялся.- Понятно! - сказал он.- Какой же я идиот! Мне надо бы выспаться! Вы испугались, что я могу найти Зеленую папку, и решили покараулить за кулисами. Слишком большая честь для временного сотрудника. О господи!..

Корк только что прослушал восьмичасовую передачу последних известий. Немецкая делегация покинула вечером Брюссель. По официальной версии, правительство Федеративной Республики Германии пожелало "обсудить некоторые чисто технические проблемы, возникшие в ходе дискуссии". На самом же деле они, по выражению Корка, решили сбежать с уроков. Тернер безучастно смотрел, как цветная бумажная лента, содрогаясь, сползает с роликов и падает в железную корзину. В этом состоянии он пребывал уже минут десять, и тут его потревожили. Раздался стук в дверь, и в узкой щели появилась физиономия этой дурищи, мисс Пит. Мистер Брэдфилд требует его к себе немедленно. Ее паскудные глазки сверкали от удовольствия. Теперь тебе крышка, говорил ее взгляд. Выходя следом за ней в коридор, Тернер случайно взглянул на купленную Корком брошюру с описанием земельных участков, которые можно приобрести на Багамских островах, и подумал: "Это может пригодиться, когда он разделается со мной".

<h2>12. "И ТАМ БЫЛ ЛЕО. В БУФЕТЕ ДЛЯ ПАССАЖИРОВ ВТОРОГО КЛАССА"</h2>

С р е д а

- Я уже переговорил с Ламли. Сегодня вечером вы возвращаетесь в Лондон. Транспортный отдел позаботится о вашем билете.- Письменный стол Брэдфилда был завален телеграммами.- Я от вашего имени принес извинения Зибкрону.

- Извинения?

Брэдфилд запер дверь, щелкнув английским замком.

- Вы хотите, чтобы я повторил вам все по слогам? По-видимому, вы такой же невежда в вопросах политики, как Гартинг. Вы находитесь здесь на правах временного дипломатического сотрудника; не будь этого, вы бы уже давно сидели за решеткой.- Брэдфилд был бледен от ярости.- Одному богу известно, о чем думал де Лилл. С ним у меня будет отдельный разговор. Вы сознательно не выполнили моих указаний. Ну что ж, у людей вашего сорта, по-видимому, свой

особый моральный кодекс, я в ваших глазах личность подозрительная, и вы оказываете мне не больше доверия, чем любому встречному.

- Вы льстите себе.

- Тем не менее вы были присланы сюда с тем, чтобы действовать под моим руководством - этого требовал Ламли, этого требовал посол и сама сложившаяся здесь ситуация, и вы были особо предупреждены о том, что ваша деятельность никоим образом не должна быть замечена вне стен посольства. Молчите и слушайте, что я говорю! Однако, ни в малейшей степени не считаясь ни с полученными вами указаниями, ни с обстоятельствами и не давая себе труда проявить хотя бы минимум сообразительности, вы в пять часов утра отправились в дом Гартинга, напугали до полусмерти одного из его служащих, пере будили соседей, орали во все горло, призывая де Лилла, и в результате привлекли к дому целый наряд полиции, что через несколько часов станет предметом обсуждения всего города. Не удовольствовавшись этим, вы вместе с де Лиллом разыграли перед полицией глупейший спектакль, инсценировав какую-то дурацкую инвентаризацию. Думаю, что это заставит улыбнуться даже Зибкрона, особенно после того объяснения вашей роли здесь, которое вы преподнесли ему вчера вечером.

- Это все?

- Прошу прощения, далеко не все. Если у Зибкрона были подозрения по поводу Гартинга, теперь вы дали ему в руки доказательства. Вы ведь сами видели, какую он занимает позицию. Одному богу известно, в каких только преступных замыслах не будет он нас теперь подозревать.

- Так расскажите ему,- предложил Тернер.- А по чему бы и нет? Облегчите его душу, черт подери, ему и так известно больше, чем нам. Почему мы делаем секрет из того, что знают уже все? Они сами рыщут по следу. Худшее, что мы можем сделать,- это испортить им охоту, спугнуть их дичь.

- Я не могу допустить подобного признания. Все что угодно - любые подозрения, любое недоверие с их стороны, только не наше признание в такой момент, как сейчас! Только не признание в том, что один из членов нашего дипломатического аппарата в течение двадцати лет работал на советскую разведку. Вы что, ничего не в состоянии понять? Я не могу допустить подобного признания! Пусть думают, что хотят: пока мы не пойдем им навстречу, они могут только строить догадки.

Он произнес это как присягу, как символ своей веры. И замолчал, выпрямившись на стуле, словно страж, оберегающий национальную святыню. - Ну, теперь уже все?

- Предполагается, что такого сорта деятельность, как ваша, должна протекать втайне. Вас призывают на помощь, рассчитывая на соблюдение обычных норм осторожности и благоразумия. Я мог бы кое-что рассказать вам о том, как вы должны вести себя здесь, если бы вы не дали мне ясно понять, что плевать вы хотели на всякие приличия. Мне потребуется немало времени, чтобы расхлебать кашу, которую вы тут заварили. Вы, по-видимому, полагаете, что я нахожусь в полном неведении относительно того, что происходит кругом. Я уже вынужден был сделать внушение Гонту и Медоузу. Не сомневаюсь, что найдутся еще и другие, которых мне придется призвать к порядку.

- Что ж, пожалуй, я отбуду сегодня после полудня,- сказал Тернер, глядя на Брэдсрилда в упор.- Я вам тут все изгадил, так, что ли? Весьма сожалею. Сожалею, что не сумел вам угодить. Я пришлю вам извинение в письменной форме. Ламли это понравится. И поблагодарю вас за гостеприимство. Да, да, я это сделаю непременно. Я напишу.- Он вздохнул.- Я здесь у вас вроде как Иона в чреве китовом. Самое лучшее, конечно, изрыгнуть меня. Это потребует от вас

только некоторых неприятных усилий. Вы ведь не любите отделяться от людей, не правда ли? Предпочитаете подписывать с ними договора на вре менную работу.

- Что вы хотите этим сказать?

- А то, что у вас, черт подери, есть немало оснований настаивать на соблюдении тайны! Я сказал Ламли - просто в шутку, черт подери,- я спросил его, слышите, спросил его, что для вас главное - документы или человек? Что, черт подери, вам на самом-то деле нужно? Обождите! Сегодня вы даете ему работу, завтра вы не желаете его знать. Если сейчас сюда доставят его труп. вам же будет тысячу раз наплевать на то, что он мертв. Вы обыщите его карманы - нет ли там каких бумаг,- и мир праху его!

Он сам не знал, почему его взгляд все время притягивали к себе туфли Брэдфилда. Туфли были сшиты на заказ и начищены до того благородного блеска, который напоминает полированную мебель красного дерева и может быть достигнут лишь усилиями камердинера или многочисленной челяди.

- Что за чертовщину вы несете?

- Я не знаю, чьих разоблачений вы боитесь, мне все равно. Думаю, Зибкрона - больно уж вы лебезите перед ним. Зачем, черт подери, понадобилось вам сводить нас вместе вчера вечером, если вы умирали от страха, как бы я его не задел? Какой был в этом смысл? И л и о н п о т р е б о в а л э т о г о ? Подождите, не отвечайте... пока еще говорю я, моя очередь. Вы же ангел-хранитель Гартинга - вы от дадите себе в этом отчет? Это ведь бросается в глаза за тысячу километров, и первое, что я сделаю, возвратясь в Лондон,- напишу это где только можно метровыми буквами. Вы возобновили его договор, так или нет? Всего- навсего для начала. А ведь вы его презирали. И несмотря на это вы не просто дали ему работу, вы изобрели для него работу. Вы прекрасно знали, черт подери, что министерству иностранных дел это уничтожение устаревших дел ни на что не нужно. Так же, как и картотека политических деятелей, что меня нисколько не удивляет. Но вы делали вид, что это важно, вы придумали это специально для него. Только не говорите мне, что вами руководило сочувствие, не поверю - не вашего он круга человек.

- Как бы там ни было, все это отошло в область пре дания,- сказал Брэдфилд, и снова Тернер - уже в который раз - уловил в его голосе нотку не то растерянности, не то презрения к себе.

- В таком случае, что вы скажете насчет совещаний по четвергам? - По лицу Брэдфилда пробежала судорога, словно от острой боли.

- О господи, с вами невозможно иметь дело,- пробормотал он, и это даже не прозвучало оскорблением в адрес Тернера, а скорее выводом, сделанным для себя.

- Эти вымышленные совещания по четвергам! Вы же сами освободили Гартинга от посещения совещаний, сами препоручили эту работу де Лиллу. Тем не менее отлучки Гартинга каждый четверг после полудня продолжались. Положили вы им конец? Черта с два! Сдается мне, вы даже знали, куда он бегаёт, верно? - Тернер вынул из кармана ключ, который нашел в одном из костюмов Гартинга.- А у него имелось специальное местечко; вот видите - тайник. Но, может, я и это вам зря говорю, может, вы и об этом осведомлены? С кем он там встречался? Это вам тоже известно? Я было подумал, с Прашко, но потом вспомнил, что вы сами подсунули мне эту идейку. Так что я теперь буду поосторожнее насчет этого Прашко, черт подери!

Брэдфилд сидел, опустив голову, а Тернер уже кричал, наклонившись над столом.

- Что же касается Зибкрона - так у него, как мы знаем, чертова уйма

агентов, у него в руках целая сеть, уж будьте покойны. Гартинг был всего лишь одним звеном цепи. Вы не в состоянии проконтролировать, что известно Зибкрону и что не известно. Здесь мы имеем дело с реальными фактами, а не с дипломатией.- Тернер ткнул пальцем в окно - туда, где смутно темнели очертания холмов за рекой.-- Они там времени даром не теряют. Пьют с друзьями, развратничают, разъезжают! Они не замурованы в четырех стенах - они знают, что такое жизнь!

- Для интеллигентного человека не требуется особых усилий, чтобы это понимать,- сказал Брэдфилд.

- Так вот, это будет первое, что я скажу Ламли, как только возвращусь к родному очагу. Гартинг работал не один! У него был покровитель и был тайный шеф, и, насколько я понимаю, это одно и то же лицо! И будь я проклят, если Лео Гартинг не был мальчиком-фаворитом Роули Брэдфилда! И они втихомолку немножко грешили, как мальчишки в интернете.

Брэдфилд встал с перекошенным от гнева лицом.

- Можете говорить Ламли все, что вам заблагорассудится,- прошипел он,- но сейчас же убирайтесь вон и чтоб духу вашего здесь не было! - И в этот момент дверь из приемной мисс Пит приотворилась, и они увидели воспаленное лицо Микки Краба.

Вид у него был озадаченный и несколько растерянный; с нелепым усердием он жевал кончик своих рыжеватых усов.

- Послушайте, Роули,- сказал он, осекся и начал сно ва, словно ему показалось, что он заговорил не в том клю че.- Извините, что я так ворвался, Роули. Я попробовал дверь из коридора, но она заперта. Извините, Роули, я на счет Лео.- Остальное внезапно хлынуло из него уже скороговоркой: - Я только что видел его на вокзале. Видел своими глазами, черт побери! Он пил пиво.

- Быстро и по порядку,- сказал Брэдфилд.

- Я оказывал услугу Питеру де Лиллу. Вот и все,- сказал Краб, сразу занимая оборонительную позицию. Тернер уловил, что от него пахнет алкоголем и мятными лепешками.- Питер должен был поехать в бундестаг. Там важное дело, как я понимаю, дебаты по поводу чрезвычайных законов идут уже второй день, ну, он и попросил меня заняться этой самой встречей на вокзале. Главари движения прибыли сегодня из Ганновера. Надо было поглядеть - кто именно будет их приветствовать... Я частенько выполняю разные мелкие поручения для Пи тера,- виноватым тоном присовокупил он.- Ну, встреча ли их, прямо сказать, что твоего лорда-мэра. Пресса, телевидение, полным-полно машин,- он нервно покосился на Брэдфилда.- Вся стоянка такси забита, представляете себе, Роули? И толпа народу. Скандируют во все горло приветствия и размахивают старыми черными флагами. И музыка.- Он покачал головой, выражая свое безмолвное удивление.- Буквально все дома на площади обклеены лозунгами.

- И вы увидели Лео? - в нетерпении перешел к делу Тернер.- В толпе?

- Да, вроде так.

- Не понимаю.

- Да один затылок только. Затылок и плечи. Промелькнул - и все. Исчез.

У меня не было' возможности задержать его.

Тернер схватил Краба за плечо своей каменной лапищей.

- Вы же сказали, что видели, как он пил пиво!

- Отпустите его,- сказал Брэдфилд.

- Эй вы, потише! - На секунду Краб, казалось, рассвирепел.- Ну и что? Я

увидел его еще раз потом, понимаете. Когда все это представление закончилось. Почти что, можно сказать, столкнулся лицом к лицу.

Тернер отпустил его.

- Подошел поезд, и все начали орать что было мочи и протискиваться вперед, чтоб поглядеть хоть краем глаза на Карфельда. Кое-где началась даже потасовка, но, по-моему, это были главным образом журналисты. Паразиты! - добавил он с оттенком подлинной ненависти.- И этот поганец Сэм Аллертон тоже, между прочим, был там. Не удивлюсь, если это он затеял драку...

- О боже милостивый! - в отчаянии возопил Тернер, и Краб осуждающе уставился на невежу.

- Первым появился Мейер-Лотринген - полиция устроила для него такой проход, вроде как для прогона скота, затем Тильзит, за ним Гальбах, и толпа заревела, словно стадо гиппопотамов. Битлзы,- несколько неожиданно добавил он.- Там преимущественно были длинноволосые мальчишки, студенты; они лезли на загородки, старались хоть дотронуться до этих господ. А Карфельда не было. Я слышал, как кто-то сказал, что он вышел из вагона на противоположную платформу, чтобы избежать толпы. Говорят, он не любит, когда к нему подходят слишком близко; вот почему повсюду строят для него эти чертовы помосты, страшной высоты. В общем, тогда часть толпы отхлынула - побежали его искать. Остальные топтались на месте, и тут заорали громкоговорители: все мы, дескать, можем отправляться домой, потому что Карфельд еще не прибыл из Ганновера. "Тем лучше для Бонна",- подумал я.- Он ухмыльнулся.- Разве не так?

Никто ему не ответил.

- Журналисты были просто в бешенстве, а я решил: надо позвонить Роули, сказать, что Карфельд не явился. Лондон ведь не любит, когда теряется след... След Карфельда,- пояснил он Тернеру.- А здесь с него тоже не спускают глаз, не дают ему общаться с неизвестными людьми.- Он, кажется, приближался к концу своего расказа: - Там, в вестибюле, есть круглосуточное почтовое отделение, я направился туда, и тут,- он поглядел на обоих слушателей и сделал робкую попытку заговорить с ними доверительным тоном,- тут мне подумалось, что не мешало бы выпить чашечку кофе, чтобы немножко собраться с мыслями, и, проходя по залу ожидания, я случайно поглядел в стеклянную дверь. Там двери друг против друга, понимаете. С одной стороны - ресторан, с другой - зал ожидания, а в нем - буфетная стойка и около нее два-три столика, чтобы можно было поесть сидя. Или хоть просто посидеть,- пояснил он с таким видом, словно впервые столкнулся с таким необыкновенным явлением.- Слева по коридору там первый класс, справа - второй, и обе двери стеклянные.

- Послушайте, я вас умоляю! - не выдержал Тернер.

- И там был Лео. Во втором классе. За столом. Одет в какой-то плащ, вроде военного, И мне показалось, что он немного не в себе.

- Пьян, что ли?

- Не знаю. Это было бы уж чересчур, черт побери,- в восемь-то часов утра? - Он с наивным видом поглядел на них.- Скорей он казался жутко усталым и, как бы это сказать, неподтянутым, не таким, как всегда. Без этого его щегольства, без лоска. Впрочем,- добавил он растерянно,- с каждым из нас такое бывает, мне кажется.

- Вы не разговаривали с ним?

- Нет уж, увольте. Я поскорее смылся оттуда и бегом сюда, чтобы доложить Роули.

- Было у него что-нибудь в руках? - быстро спросил Брэдфилд.- Был у

него при себе портфель? Что-нибудь, в чем он мог бы держать бумаги?

- Ничего при нем не было, Роули, старина,- пробормотал Краб.- Извините.

Все трое молчали; Краб, часто моргая, поглядывал то на одного, то на другого.

- Вы поступили правильно,- негромко проговорил наконец Брэдфилд.- Все в порядке, Краб.

- Правильно? - закричал Тернер.- Он поступил плохо, черт бы его побрал! Лео же не зачумленный! По чему он не мог поговорить с ним, усостить его, притащить его, наконец, за шиворот? Господи Иисусе, да вы просто какие-то полутрупы оба, и тот и другой! Правильно поступил? Его теперь, конечно, и след простыл. Мы упусти ли наш единственный шанс! Возможно, он ожидал там последнего связного. Наверное, они устроили ему фальшивый заграничный паспорт. С ним был кто-нибудь еще? - Он уже отворил дверь.- Я вас спрашиваю, был с ним кто-нибудь еще? Ну, что вы молчите?

- Ребенок,- сказал Краб.- Маленькая девочка.

- Кто?

- Чья-то девочка. Лет шести-семи. Он разговаривал с ней.

- Он заметил вас?

- Сомневаюсь. Он раз глянул в мою сторону, но как бы сквозь меня.

Тернер сорвал свой плащ с вешалки.

- Мне бы не хотелось,- сказал Краб, отзываясь скорее на этот жест, чем на слова.- Извините.

- А вы? Почему вы стоите? Поехали!

Брэдфилд не шевельнулся.

- Бога ради!

- Я остаюсь здесь. У Краба есть машина. Пусть он отвезет вас. Прошло уже около часа с тех пор, как он видел Гартинга или ему показалось, что видел. Так или иначе, пока он сюда добрался, того уже и след простыл. Я не намерен тратить время попусту.- Делая вид, что он не замечает изумленного взгляда Тернера, Брэдфилд продол жал: - Посол только что просил меня не покидать здания посольства. С минуты на минуту мы ждем сообщений из Брюсселя, и весьма вероятно, что ему понадобится старший советник.

- Боже милостивый, что здесь происходит? Трехстороннее совещание? А он сейчас, быть может, сидит там с целым ворохом секретных государственных бумаг! Неудивительно, что у него такой мрачный вид! Что с вами здесь творится? Или вы хотите, чтобы Зибкрон опередил вас? Хотите, чтоб он поймал его с поличным?

- Я уже объяснял вам: секретные бумаги - это еще не святыня. Мы предпочитаем, чтоб секреты не разглашались. Но по сравнению с моими обязанностями здесь...

- Это не секреты?! А ваша проклятая Зеленая папка?.. Брэдфилд, казалось, был в нерешительности.

- Я не имею права приказывать ему! - воскликнул Тернер.- Я даже не знаю его в лицо! Что я должен делать, что я должен, по-вашему, делать, если увижу его? Сказать ему, что вам желательно перемолвиться с ним словечком? Вы же его начальник, так или нет? Или вы хотите дать Людвигу Зибкрону возможность зацапать его раньше вас? - Неожиданно для него самого слезы вдруг прихлынули к его глазам. В голосе его прозвучала отчаянная моль ба: - Брэдфилд!

- Он был совсем один, старина,- пробормотал Краб, не глядя на Брэдфилда.- Сидел один-одинешенек. И только эта девчушка. Я хорошо видел.

Брэдфилд поглядел на Краба, потом на Тернера, и снова по его лицу прошла судорога боли, которую он напрасно силился скрыть.

- Это верно,- проговорил он наконец через силу.- Я его начальник. Ответственность лежит на мне. Пожалуй, мне придется поехать туда.- Тщательно заперев дверь на два оборота ключа, он предупредил мисс Пит, что оставляет вместо себя Гевистона, и первым начал спускаться с лестницы.

Новые красные огнетушители, только что прибывшие из Лондона, выстроились, словно часовые, вдоль коридора. На площадке части металлических кроватей ждали, когда их соединят друг с другом. На тележке для бумаг лежала кипа серых одеял. В вестибюле двое мужчин, стоя на стремянках, подвешивали металлический экран. Когда они втроем - Краб впереди - вышли из стеклянных дверей подъезда и направились к стоянке для машин, Гонт с удивлением поглядел им вслед. Брэдфилд на такой скорости вел автомобиль, нагло срезая углы, что Тернер был озадачен. Они промчались на желтый свет и выскочили на левую сторону проезжей части, чтобы свернуть к вокзалу. Оба - и Брэдфилд и Краб - держали свои красные удостоверения наготове и при проверке просунули их в окна, причем Брэдфилд не остановил, а лишь притормозил машину. Они вылетели на мокрую бульжную мостовую, и на трамвайных рельсах их занесло, но Брэдфилд вывернул баранку, сбросил газ и спокойно выждал, пока машина сама образумится. Они пересекли магистраль со знаком "стоп" и помчались дальше, едва успев проскочить под носом шедшего наперерез автобуса. Теперь машин попадалось меньше, но улицы были запружены народом.

Некоторые несли плакаты; кое-кто был одет в серые габардиновые плащи и черные фетровые шляпы с узкими полями - традиционную форму сторонников Карфель-довского движения. Толпа неохотно расступалась, все хмуро поглядывали на дипломатический номер и ослепительно отполированный кузов. Брэдфилд не сбавлял скорости и не сигналил - он вел машину, предоставляя пешеходам спасаться, кто как может. Только раз он затормозил перед каким-то стариком, который был либо глух, либо пьян, да какой-то мальчишка так шлепнул ладонью по крылу машины, что Брэдфилд на мгновение окаменел и лицо его побелело. Лестница вокзала была усыпана конфетти, колонны обклеены плакатами. Какой-то шофер такси кричал так, словно его избивали. Они оставили машину на стоянке.

- Налево! - крикнул Краб, когда Тернер ринулся вперед. Через высокие двери вокзала они сбежали в главный вестибюль.

- Держитесь левее! - снова крикнул Краб за спиной Тернера.

Три перегороженных барьерами выхода вели на платформу; три контролера сидели в своих стеклянных кабинах. Таблички на трех языках предупреждали, что контролеры будут к вам безжалостны, если у вас нет билета. Священники, стоявшие кучкой и перешептывавшиеся, неодобрительно покосились на Тернера. Благочестивый христианин не должен спешить, говорили их взгляды. Высокая, очень загорелая блондинка проскользнула мимо, едва не задев его своим рюкзаком и сильно потертыми лыжами; Тернеру бросилось в глаза, как плотно облегает ее свитер.

- Он сидел вон там,- прошептал Краб, но Тернер уже проскочил между стеклянных покачивающихся створок и стоял в буфете, оглядывая сквозь пелену табачного дыма все столики один за другим. Громкоговоритель сообщал пассажирам о пересадке на КЛьн.

- Нету,- сказал Краб.- Негодяй смылся.

Все было в табачном дыму, он клубился в темных углах и рассеивался только вокруг длинных цилиндрических ламп дневного света. Пахло пивом, копченым окороком и дезинфекцией. В глубине, словно айсберг, выплывала из тумана стойка, сверкая белым голландским кафелем. За столиком между двумя коричневыми деревянными перегородками сидело бедно одетое семейство,

собравшееся в дальний путь: пожилые женщины в черных одеждах с чемоданчиками, перевязанными веревками, и мужчины, погруженные в чтение греческих газет. За отдельным столиком маленькая девочка катала по столу круглые подставки для пивных кружек перед носом у какого-то пьянчуги, и указательный перст Краба был нацелен на этот стол.

- Вот там, где эта девчушка, видите? Сидел ипил пильзенское.

Не обращая внимания ни на ребенка, ни на пьяницу, Тернер бессмысленно поднимал одну за другой кружки и заглядывал в них. В пепельнице лежали три сигаретных окурка. Один еще дымился. Девочка с интересом наблюдала за Тернером: он нагнулся, обшарил пол и снова поднялся с пустыми руками; она следила за ним взглядом, когда он начал переходить от столика к столику, заглядывая людям в лицо, одного хватая за плечо, другого за руку, у третьего отклоняя в сторону газету.

- Это не он? - кричал Тернер.

Какой-то священник, сидя один в углу, читал "Бильд-цайтунг"; позади него, словно прячась в его тени, смуглый цыган ел жареные каштаны из бумажного пакетика.

- А этот?

- Увы, нет, старина,- сказал Краб, которому стало явно не по себе.- Не повезло. Не расстраивайтесь, право.

У окна с витражом двое солдат играли в шахматы. Какой-то бородатый человек делал вид, что кладет себе что-то в рот, но тарелка перед ним была пуста. К платформе подошел поезд, в ресторане зазвенели посудой. Краб разговаривал о чем-то с официанткой. Он держал ее за руку выше локтя и что-то шептал ей на ухо. Официантка покачала головой.

- Мы сейчас попробуем поговорить с другой,- сказал Краб, когда к ним подошел Тернер.

Они снова прошли в другой конец буфета, другая официантка радостно закивала, довольная тем, что ей удалось что-то припомнить, и, указывая на девочку, принялась рассказывать длинную историю о господине небольшого роста, время от времени называя его просто der Kleine (Маленький (нем.)), по-видимому, "господин" не столько относилось к Гартингу, сколько было знаком уважения к тем, кто ее допрашивал.

- Всего несколько минут назад он еще был здесь,- в растерянности произнес Краб.- По ее словам, во всяком случае.

- Он ушел один?

- Она не видела.

- Почему он ей запомнился?

- Спокойней. Она не слишком большой мыслитель, старина. Не будем ее пугать.

- Почему он ушел? Он увидел кого-нибудь? Может, кто-нибудь поманил его из-за двери?

- Вы слишком многого от нее хотите, сынок. Она не видела, как он уходил. Она не особенно обращала на него внимание, потому что он все оплатил вперед. Так, словно спешил. Словно хотел иметь возможность в любую минуту уйти. Чтобы не пропустить поезд. Когда эти молодцы прибыли ли, он вышел поглядеть, как их встречают, потом возвратился обратно, выкурил еще одну сигарету и выпил еще кружку пива.

- Что с вами? Куда это вы так уставились?

Черт побери, это странно,- пробормотал Краб, хмуря брови.

- Что странно?

- Он сидел здесь всю ночь, один. Пил, но не был пьян. Временами играл с

этой девчонкой-гречанкой. Ребятишки всегда были его слабостью.- Краб дал официантке монету, и она рассыпалась в благодарностях.- Но так или иначе, мы его упустили,- сказал Краб.- Жутко драчливый тип, когда на него находит. Лезет в драку с кем попало, стоит ему распалиться.

- Откуда вам это известно? Лицо Краба жалобно сморщилось.

- Вы бы поглядели на него в тот вечер в КJльне,- проворчал он, продолжая смотреть вслед удалявшейся официантке.

- Во время драки? Вы там присутствовали?

- Я же вам говорю,- с жаром промолвил Краб.- Когда этот малый заведется, от него лучше держаться подальше. Смотрите.- Он протянул руку. На ладони у него лежала пуговица. Совершенно такая же, как те, что хранились в металлической коробочке с исцарапанной крышкой.- Официантка нашла ее на столе,- сказал Краб.- И спрятала - на случай, если он вернется и спросит.

В буфет неторопливо вошел Брэдфилд. Лицо его было непроницаемо, челюсти сжаты.

- Насколько я понимаю, его здесь нет. Вы по-прежнему утверждаете, что видели его?

- Я не мог ошибиться, старина, извините.

- Что ж, по-видимому, мы должны принять ваши слова на веру. Предлагаю вернуться в посольство.- Он посмотрел на Тернера.- Если, конечно, вы не предпочитаете остаться здесь. Может быть, у вас зародились какие-либо новые идеи, которые вам необходимо проверить.- Он обернулся к буфетной стойке. Все взгляды были обращены на них. Оставленная без присмотра, сверкающая никелированным металлом машина со свистом выпускала в воздух пар. Ни одна рука не протянулась к ней.- А вы тут произвели сильное впечатление, однако.- Когда они медленно шагали к машине, Брэдфилд сказал: - Вы можете вернуться в посольство, чтобы забрать свои пожитки, но до обеда вы должны уехать отсюда. Если у вас есть какие-нибудь бумаги, отдайте их Корку, и мы перешлем их вам дипломатической почтой. Самолет отлетает в семь часов. Постарайтесь попасть на него. Если не достанете билета, поезжайте поездом. Словом, отправляйтесь.

Им пришлось ждать, пока Брэдфилд объяснялся с полицейским и показывал ему свою красную карточку. Он говорил по-немецки с английским акцентом, но грамматика его была безупречна. Полицейский кивнул, и машина двинулась. Они медленно возвращались в посольство, вокруг них были угрюмые лица бесцельно глазевшей толпы.

- Странное местечко выбрал себе Лео, чтобы проторчать там всю ночь,- пробормотал Краб, но мысли Тернера были заняты другим: чувство провала не покидало его, и тем не менее, трогая пальцами лежавший в кармане служебный конверт с ключом, он напряженно думал все о том же, чью дверь отпирал этот ключ для Лео?

<h2>13. НЕЛЕГКАЯ ДОЛЯ ИЩЕЙКИ</h2>

С р е д а

Он сидел за столом в шифровальной и, даже не сняв плаща, упаковывал бесполезные трофеи своего расследования: пустую кобуру, сложенную вчетверо гравюру, нож для разрезания бумаги с выгравированной на нем надписью от Маргарет Айкман, синюю записную книжку-календарь для советников посольства, книжечку для дипломатической скидки и металлическую коробочку с пятью деревянными пуговицами одинакового размера, к которым он теперь прибавил

шестую пуговицу и три сигарных окурка.

- Не расстраивайтесь,- сочувственно сказал Корк.- Все образуется.

- О да, без сомнения. Как с вашими вкладами и с земельным участком на Карибских островах. Лео же всеобщий любимчик. Все его оплакивают, как блудного сына. Мы все без ума от Лео, хоть он и надел нам петлю на шею.

- Учтите, ему ведь ничего не стоило кого хочешь обвести вокруг пальца.- Корк сидел без пиджака на складной кровати и надевал уличные ботинки. Рукава рубашки были у него перехвачены выше локтя металлическими браслетами, а рубашка была совсем как с рекламы в метро. Из коридора не доносилось ни звука.- Вот ведь что в нем поражало. Тихий, но пальца в рот не кладет.

Застучал аппарат, и Корк укоризненно на него покосился.

- Без мыла влезет в душу,- продолжал он.- Это он умел. Было в нем какое-то обаяние. Мог напелсти вам черт-те чего, и вы верили.

Тернер уложил все в бумажный пакет со штампом "Секретно" и припиской: "Вскрывать только в присутствии двух лиц, имеющих допуск".

- Это я прошу запечатать и переслать Ламли,- сказал он, и Корк написал расписку и отдал ему.

- Я хорошо помню, как увидел его впервые,- сказал Корк таким наигранно-веселым тоном, что Тернер невольно подумал: "Весело, как на похоронах".- Я был совсем зеленый тогда. Совсем щенок. И женат всего полгода. Если бы я не отшил его, я бы...

- Вы стали бы вкладывать свои денежки, следуя его советам. И одолжили бы ему шифровальный код - почитать на ночь в постели.- Сложив сумку пополам, Тернер стал застегивать пряжку.

- Нет, не шифровальный код, Джейнет. Он взял бы к себе в постель ее.- Корк ухмыльнулся.- Чертов греховодник! А вы бы никогда не подумали, что он такой. Ну ладно, пошли пообедаем.

Тернер в последний раз яростно щелкнул замком сумки.

- Де Лилл у себя?

- Сомневаюсь. Из Лондона пришла шифровка в полтора метра длиной. Значит, свистать всех наверх. Полный сбор дипломатов.- Он рассмеялся.- Им бы надо было пустить в ход старые черные флаги. Обработать депутатов. Провести встречи на всех уровнях. Все перевернуть, не оставив камня на камне. А они идут на новый заем. Дивлюсь я, откуда немцы добывают иной раз средства. Знаете, что сказал мне однажды Лео? "Послушай, Билл, мы скоро одержим большую дипломатическую победу. Отправимся в бундестаг и предложим им заем в миллион фунтов стерлингов. Мы с тобой вдвоем, ты и я. Думаю, они все там попадают в обморок". И он, знаете ли, недалеко был от истины, этот наш мудрый Лео.

Тернер набрал номер де Лилла, но там никто не взял трубки.

- Передайте ему, что я звонил, чтобы попрощаться,- сказал Тернер Корку и тут же передумал: - Впрочем, ладно, не стоит беспокоиться.

Он позвонил в транспортный отдел и справился о своем билете. Все в порядке, заверили его. Мистер Брэдфилд лично обращался к ним по этому поводу, и билет для Тернера лежит у дежурного. По-видимому, звонок Брэдфилда произвел там сильное впечатление. Корк взял со стула свой плащ.

- Дайте-ка телеграмму Ламли и сообщите, каким рейсом я прилетаю.

- Мне кажется, старший советник уже позаботился об этом,- сказал Корк, и щеки его слегка порозовели.

- Что ж. Благодарствую.- Тернер направился к двери, потом обернулся и окинул взглядом комнату, прощаясь с ней навсегда.- Надеюсь, с вашим первенцем у вас все будет в порядке. И ваши мечты осуществятся. И у всех

остальных, надеюсь, тоже. Каждый, надеюсь, достигнет того, к чему стремится.

- Послушайте, смотрите вы на это легче: бывают положения, когда ничего поделывать нельзя и приходится складывать оружие, верно? - сочувственно сказал Корк.

- Верно.

- Я хочу сказать, что не может все на свете проходить хорошо и гладко. В жизни так не бывает. Это все романтика. Для школьников. А вы тоже вроде Лео - не можете успокоиться, оставить все как есть. Ну ладно, что вы делаете сегодня после обеда? В американском кино днем показывают какой-то недурной фильм. Нет, это вам не подойдет - там будет уйма детского визга.

- Что это значит: Лео не мог успокоиться? Что вы хотели этим сказать?

Корк слонялся по комнате, проверяя аппараты, выдвигая ящики письменных столов, просматривая подготовленные к уничтожению секретные бумаги.

- Не прощал. И не то чтобы мстил. Он как-то поссорился с Фредом Энгером. Фред был из административного отдела. Говорят, это длилось пять лет, пока Фреда не отозвали.

- Из-за чего они поссорились?

- Да не из-за чего,- Корк подобрал с пола листок бумаги и начал читать.- Дело выеденного яйца не стоило. Фред спилил липу в саду у Лео - по его словам, это дерево могло обрушить его ограду. И так оно и случилось бы, Фред сказал мне. "Билл,- сказал он,- это дерево осенью все равно свалилось бы".

- Лео, как видно, тянуло к земле,- сказал Тернер.- Хотелось иметь свой клочок. Не нравилось вариться в общем котле.

- Сказать вам, что он сделал? Сплел венок из веток этой липы, принес его в посольство и прибил к двери кабинета Фреда. Здоровенными двухдюймовыми гвоздицами. Вроде как распял его на двери. Наши немцы думали, что Фред подохнет со смеху. Но только Лео было не до смеха. Он и не думал шутить. Он это всерьез. Он был вне себя от злости, понимаете. Но дипломаты этого не замечали. Он с ними был сама любезность, сама учтивость. И такой внимательный... Я не хочу сказать, что на самом деле он не был внимателен к людям. Я просто о том, что лучше было бы не подворачиваться Лео под горячую руку. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать.

- Он волочился за вашей женой, так, что ли?

- Я положил этому конец,- сказал Корк.- Вот и все. Потому что наблюдал разные другие случаи. Года два назад у нас тут устраивались благотворительные вечера с танцами. Лео зачастил на них. Ничего лишнего себе не позволял, между прочим. Хотел как-то раз преподнести ей фен для волос - вот и все. Каков шутник, а? Я ему сказал: "Посуши своим феном чьи-нибудь еще волосы. А эти я посушу сам". Так ему и сказал. А впрочем, что с него возьмешь? Знаете, как говорят об этих эмигрантах: "Они потеряли все, кроме своего акцента". И это суцкая правда, честное слово. Беда Лео была в том, что он хотел вернуть все обратно. Вот почему, мне кажется, так и получилось - схватил какие-то папки с бумагами и дал тягу. Верно, сбыл их тому, кто больше дал. Но мы, думается, не меньше ему задолжали.- Закончив осмотр и убедившись, что все в порядке, Корк сложил стопкой брошюры у себя на столе и подошел к двери, возле которой стоял Тернер.- Вы, верно, откуда-нибудь с севера? - спросил он.- Судя по вашему выговору.

- Вы его близко знали?

- Лео? Ну да, как мы все. Случалось, купишь иной раз что-нибудь с его помощью, другой раз угостишь его. Или попросишь сделать заказ у Голландца.

- У Голландца?

- Это экспортная фирма из Амстердама. Обслуживает дипломатов. Дешевле и без хлопот, понимаете? Доставляют что хотите: масло, мясо, радиоприемники, автомобили, любую вещь.

- И фены?

- Что угодно. Принимают заказы каждый понедельник. Сегодня вы заполняете карточку, передаете ее Лео, на следующей неделе вам доставляют заказ. Вероятно, он получал свою долю - сами понимаете. Но поймать его на этом никто не мог. Можно считать и пересчитывать, пока не посинеешь, - и все равно никогда не поймешь, из чего складывались его комиссионные. Впрочем, мне думается, брал он все теми же чудовищными сигарами. Совершенно омерзительная гадость, сказать по правде. Не думаю, чтобы он получал от них удовольствие, - курил просто потому, что даровые. И еще назло - потому что мы приставали к нему, подшучивали, - Корк простодушно рассмеялся. - Но он все равно умел обвести вокруг пальца любого из нас, чего уж тут скрывать, и вас бы, наверное, обвел. Ну ладно, я поплыл. До свиданья.

- Вы начали рассказывать о том, как впервые познакомились с ним.

- Разве? Ну что ж... - Он снова рассмеялся. - Я хочу сказать, его слова никогда нельзя было принимать на веру. Итак, мой первый день здесь. Микки Краб приводит меня к нему. Мы с Микки уже все обошли. "Теперь, - говорит Микки, - заходим в последнюю гавань", - и мы спускаем ся вниз, к Лео. "Это Корк, - говорит Микки. - Только что прибыл к нам в шифровальную". Так я познакомился с Лео. - Прервав свой рассказ, Корк уселся на вращающееся кресло возле двери и откинулся на спинку с видом важного чиновника, которым он видел себя в мечтах. - "По рюмочке вишневки", - предлагает Лео. Считается, что нам здесь пить не положено, но Лео на это всегда плевать хотел, и не потому, чтобы сам любил выпить, заметьте. "Надо отметить прибытие новичка. Вы, случайно, не поете, Корк?" "Только в ванной", - ответил я, и они рассмеялись. Он пытался завербовать меня в хор, понимаете? Это всегда производило на всех впечатление. Весьма набожный господин этот мистер Гартинг, подумал я. Не слишком ли уж? "Хотите сигару, Корк?" - "Нет, благодарю". - "Тогда сигарету". - "Не откажусь, мистер Гартинг". И вот мы сидим там у него, как самые что ни на есть заправские дипломаты, потягиваем вишневку, и я думаю: да, вы тут недурно устроились - прямо по-царски. Кресло, ковер, карты на стенах - полная экипировка. Между прочим, учтите, Фред Энгер забрал отсюда кучу всего, когда уезжал. Половина-то вещей - конфискованные. От них "освободили" кое-кого. Совсем как в старые времена, во время оккупации. "Ну, что нового в Лондоне, Корк? - спрашивает Лео. - Или все по-старому?" Это он, понимаете, помогал мне освоиться, хитрюга чертов. "Как там наш старик-швейцар из главного подъезда - все так же важен, когда приезжают послы?" И ведь, знаете, попал в самую точку. "А каминь? По-прежнему каждое утро топят каминь, а, Корк?" "Да что же, - говорю я, - все в общем-то идет неплохо, как ему и положено, все в свое время". Словом, несу какой-то бред. "О! Вот как? - говорит он. - Дело в том, что всего несколько месяцев назад я получил письмо от Ивена Уолдебира, и он сообщил мне, что там проводят центральное отопление. А этот старикашка, который вечно торчит у десятого подъезда? Он и сейчас днем и ночью там, а, Корк? И все читает вслух свои молитвы? Только что-то нам от его молитв не слишком много проку". Поверите, я уже готов был называть его "сэр". Ивен Уолдебир возглавлял в то время Западное управление и, можно сказать, был приравнен к богам. Ну а потом он опять перекинулся на хор, и экспортера-голландца, и на разные прочие вещи: все, что только в его силах, он во всем готов помочь. Наконец выходим мы оттуда, и я смотрю на Микки Краба, а он, того и гляди, уписается.

Сложился от хохота пополам. "Лео? - говорит он.- Лео? Да он в жизни не переступил порога министерства иностранных дел. Он и в Англии-то с сорок пятого года не был".- Корк умолк и покачал головой.- А все равно,- повторил он с добродушной улыбкой,- не приходится его винить, верно? - Он встал.- Я хочу сказать, что мы все видели его проделки и тем не менее попадались на удочку, разве не так? И Артур, и... Ну все, словом. Это как с моей виллой,- простодушно добавил он.- Я знаю, что никогда мне ее не иметь, а все-таки не теряю надежды. Я хочу сказать, что, видно, так надо - иначе нельзя жить, нельзя жить без иллюзий.

Вынув руки из карманов плаща, Тернер поглядел сначала на Корка, а потом на ключ, который сжимал в своей мощной ладони; казалось, его раздирали противоречивые чувства и он был в нерешительности.

- Какой номер у Микки Краба?

Он взял трубку и набрал номер; Корк с сомнением и испугом наблюдал за ним.

- Они же не хотят, чтобы вы продолжали его разыскивать,- с беспокойством заметил Корк.- Право же, я думаю, что они на это не рассчитывают.

- А я, черт побери, и не собираюсь его разыскивать. Я собираюсь пообедать с Крабом, сесть вечером на само лет, и никакая сила на свете не заставит меня хотя бы один лишний час пробыть в этих стенах, где слоняются призраки.- Он швырнул трубку на рычаг и вышел из комнаты.

Дверь в кабинет де Лилла была распахнута настежь, но самого де Лилла не было за письменным столом. Тернер нацарапал записку: "Зашел попрощаться. Прощайте. Алан Тернер". Рука его дрожала от гнева и унижения. Через вестибюль небольшими группами не спеша проходили сотрудники и исчезали за дверью на залитой солнцем улице: все направлялись в посольскую столовую, чтобы пообедать или перехватить бутерброд. У подъезда стоял "роллс-ройс" посла. Гонт что-то говорил шепотом Медоузу, стоя у двери, но при виде Тернера сразу умолк.

- Вот,- сказал он, протягивая Тернеру конверт.- Вот наш билет.- На лице у него было написано: отправляйтесь туда, откуда прибыли.

- Если вы готовы, я к вашим услугам, старина,- донесся голос Краба, как всегда, откуда-то из темного угла.- Вот он я!

Официантки в столовой были вышколенные, необычайно молчаливые, сдержанные. Краб заказал улиток, которые были, по его мнению, очень хороши. Они заняли столик в маленькой нише; на стене, унося мысли к нсгам и греховным соблазнам, висела гравюра в рамке: танцующие нимфы и пастухи.

- Вы были с ним в тот вечер в КJльне. В тот вечер, когда он ввязался в драку.

- Нечто феноменальное,- сказал Краб.- Ей-богу. Вам разбавить водой? - спросил он и капнул по нескольку капель воды в каждый стакан - словно пролил скудные поминальные слезы над могилой трезвенника.- Не знаю, что на него нашло.

- А вы часто проводили с ним вечера? Краб неуверенно ухмыльнулся; они выпили.

- Это было пять лет назад, понимаете ли. У Мэри захворала мать, и она стала то и дело улетать к ней в Англию. А я оставался на положении, так сказать, соломенного вдовца.

- И вы стали время от времени сматываться из дома по вечерам вместе с Лео - выпить, подцепить девчонку, верно?

- Более или менее.

- В КJльн?

- Обождите, старина,- сказал Краб.- Вы, черт возьми, прямо как следователь.- Он отхлебнул еще виски и, когда алкоголь разлился по жилам, поежился, словно плохой актер с запоздалой реакцией,- Господи! - сказал он.- Ну и денек. Господи!

- Ночные кабаки в КJльне лучше, чем здесь?

- Здесь этого себе не позволишь, старина,- сказал Краб, нервно оглянувшись.- Или вам придется сначала напоить половину правительства. В Бонне надо быть чертовски осторожным. Чертовски осторожным,- без особой нужды повторил он и потряс головой для большей убедительности.- В КJльне куда проще.

- И девчонки лучше?

- Я этим не занимаюсь, старина. Уже который год.

- Но Лео был до них охотник, верно?

- Он любит девчонок,- сказал Краб.

- Значит, в тот вечер вы отправились в КJльн. Ваша жена была в Англии, и вы решили кутнуть вместе с Лео.

- Мы просто сидели за столиком. Выпивали, и все.- Он подкрепил свои слова жестом.- Лео рассказывал про армию: вспоминал, так сказать, былое. Странная штука. Он любил армию. Да, да, Лео ее любил. Ему надо было оставаться там, я так считаю. Но только они бы не оставили его: кадровым - ни за что! Ему не хватало дисциплины, я так считаю. Он же был мальчишка, в сущности. Как и я. А когда ты молод, тебе все нипочем. Это приходит позже. В Шерборне лупили меня как собаку. Жуть. Колоти ли почем зря - сунут голову в раковину и держат, а те, что постарше, чтоб им сдохнуть, молотят по спине. Но мне было наплевать тогда. Я думал, что такова жизнь.- Он тронул Тернера за руку.- Я не знаю их теперь, старина,- прошептал он.- Я и не знал, что это сидит во мне. А потом вдруг вылезло наружу. Сейчас бы я мог перестрелять этих подонков за здорово живешь. Истинная правда.

- Вы встречали Лео, когда были в армии?

- Нет.

- Так откуда вы его знаете?

- Мы как-то столкнулись в Контрольной комиссии. В МJнхенгладбахе. В четвертой группе.

- Это когда он работал по разбору претензий?

Огорошенный вопросом Тернера, Краб реагировал на него совершенно в духе того животного, с которым была созвучна его фамилия. Он весь съежился и, казалось, прямо на глазах начал обрастать незримым панцирем, под которым и замер, ожидая, пока минует опасность. Понутив голову, сгорбив спину, он поглядывал на Тернера краем розового глаза из-под полуопущенных век.

- Значит, вы выпивали и разговаривали?

- Да, помаленьку. Ждали, когда начнется кабаре. Я люблю хорошее кабаре.- Внезапно он принялся рассказывать абсолютно неправдоподобную историю о том, как он во Франкфурте во время последней конференции свободных демократов привел к себе какую-то девчонку.- Полное фиаско! - горделиво объявил он.- Чего она только не вытворяла, эта чертова мартышка, а у меня - просто никак.

Значит, драка разгорелась после кабаре?

- Нет, раньше. Возле стойки бара собралась компания немцев,- шумели, горланили песни. Лео это пришлось не по нутру. Он начал поглядывать на них. Начал рыть землю копытами. Потом вдруг крикнул официанту: "Zahlen",- счет. Так вот, ни с того ни с сего. И во всю глотку притом. Я ему говорю: "Эй,

старина, что случилось?" А он ноль внимания. "Я еще не хочу уходить,- говорю я.- Сейчас выйдут девочки, хочу поглядеть". Как об стену горох. Официант приносит счет. Лео пробегает его глазами, лезет в карман и кладет на тарелку пуговицу.

- Какую пуговицу?

- Просто пуговицу. Вроде той, что официантка нашла тогда, на столике в вокзальном буфете. Обыкновенную дерьмовую пуговицу, деревянную, с двумя дырками.- В нем до сих пор кипело возмущение.- Какого черта, кто же это оплачивает счета пуговицами! Годится это? Я подумал было, что это забавы ради. Даже рассмеялся поначалу. "А где же все остальное, что было на ней надето?" - спросил я его. Я все считал, что он шутит. Только он и не думал шутить.

- Дальше.

- "Получите,- говорит он.- Сдачи не надо". И встает со стула как ни в чем не бывало. "Пошли отсюда, Микки,- говорит он.- Здесь воняет". Тут они и налетели на него. Боже милостивый! Фантастика! Я глазам своим не поверил. Подумать, что Лео такое может. Уложил троих, а четвертый сбежал. И тут кто-то как треснет его бутылкой по голове. Общая свалка. Прямо как где-нибудь в Ист-Энде. Он умел постоять за себя, ничего не скажешь. Но, в общем, они его одолели. Опрокинули спиной на стойку и давай обрабатывать. В жизни такого не видал. И все молча, никто ни слова. Без всяких там "будешь знать!" В полном молчании. Система. Очухались мы уже на улице. Лео стоял на четвереньках, а они подошли и дали ему еще раза два на прощание, а у меня прямо кишки выворачивало на мостовую.

- Упились?

- Какое к черту - трезв был, как монах. Мне дали пинка в живот, старина.

- Вам?

Голова у него вдруг отчаянно затряслась, и он, наклонившись, отхлебнул из стакана.

- Пытался выручить его,- пробормотал он.- Схватился с остальными, чтобы он мог удрать. Беда в том,- пояснил он, сделав основательный глоток,- что я уже не тот, каким был когда-то. А Прашко к тому времени и вовсе смотался.- Он хмыкнул.- Когда пуговица упала на тарелку, он был уже одной ногой за дверь. Он, верно, знал, как это бывает. Я его не виню.

- Прашко частенько навещался туда? В ту пору? - спросил Тернер таким тоном, словно осведомлялся о старинном приятеле.

- Я тогда впервые увидел его, старина. И больше не встречал. У них с Лео после этого пошло врозь. Осуждать тоже не приходится - член парламента и всякое такое. Вредит положению.

- А вы потом как?

- Боже милостивый. Сидел тихо, как мышь, старина.- По телу у него пробежала дрожь.- Могли в два счета ото звать домой. Засунуть в какую-нибудь блошиную дыру. Вместе с Мэри. Нет, покорно благодарю.

- И чем все это кончилось?

- Думается мне, Прашко сообщил Зибкрону. Полицейские свалили нас возле посольства, дежурный взял такси, мы добрались ко мне домой, вызвали врача. Затем появился Ивен Уолдебир, он был тогда политическим советником посольства. Следом за ним приехал Людвиг Зибкрон в огромном грязном "мерседесе". Что тут началось, бог ты мой! Ну и задал же Зибкрон Лео жару! Сидел у меня в гостиной и давал ему жару, я думал, этому конца не будет. Не

очень-то мне это было по душе. А с того, признаться, все как с гуся вода. Ведь, если вдуматься, дело-то было не шуточное. Наш дипломат затевает, черт побери, скандал в ночном кабаке, вступает в драку с мирными гражданами. Тут многим могли дать по шее.

официант подал почки в мадере.

- Славно,- сказал Краб.- Гляньте сюда. Пальчики оближешь. В самый раз после улиток.

- Что сказал Лео Зибкрону?

- Ничего. Абсолютно ничего. Вы не знаете Лео. Скрытный - это не то слово. Ни Уолдебир, ни я, ни Зибкрон - никто не выжал из него ни ползвучка. И ведь, учтите, как старались. Уолдебир устроил ему отпуск, наложили швы, вставили новые зубы, бог знает, чего только не делали. Всем говорили, что это случилось с ним в Югославии: купался и нырнул в мелком месте. Ну и расквасил физиономию. Ничего себе - нырнул! О господи.

- А как по-вашему, почему все это произошло?

- Понятия не имею, старина. Никуда больше не ходил с ним после этого.

Опасная штука.

- И у вас нет никакого мнения на этот счет?

- Сожалею,- сказал Краб. Он снова ушел в свою скорлупу, изборожденное морщинами лицо потеряло осмысленность.

- Видели вы когда-нибудь этот ключ?

- Никогда.- Он радостно осклабился.- Небось, у Лео нашли? Да, в прежние времена Лео по части юбок был не дурак. Теперь немного остепенился.

- А вам это ничто не напоминает? Краб продолжал смотреть на ключ.

- Попробуйте поговорить с Майрой Медоуз.

- Почему с ней?

- Она всегда не прочь. У нее уже был младенец. В Лондоне. Говорят, половина наших шоферов каждую неделю проходит через ее спальню.

- А не упоминал он когда-нибудь женщину по фамилии Аикман? Он вроде как собирался на ней жениться?

На лице Краба отразилось недоумение, мучительное старание припомнить.

- Аикман? - повторил он.- Занятно. Это из тех, его давнишних. Из Берлина. Правильно, он говорил о ней. Они тогда работали вместе с русскими. Правильно. Она была одной из этих самых связных, что ли. Берлин, Гамбург. Ну, всякое такое. Вышивала ему эти дурацкие подушечки. Забота и внимание.

- А чем, собственно, он занимался с русскими? - помолчав, спросил Тернер.- В чем заключалась его работа?

- Двусторонние переговоры, четырехсторонние - принимал в них участие. Берлин - он ведь как бы сам по себе, вы понимаете. Особый мир, тем более в те дни. Остров. Особый вид острова.- Он покачал головой.- Только это не для него,- добавил он.- Коммунисты - это совсем не по его части. Слишком независимый парень, на черта ему это.

- А эта Аикман?

- Мисс Брандт, мисс Этлинг и мисс Аикман.

- Кто они такие?

Три куколки. Из Берлина. Он приехал туда вместе с ними из Англии. Красотки писанные, говорил Лео. Нигде на свете таких не видал. А я скажу: он тогда вообще не видал женщин. Эти были эмигрантки и возвращались на родину, в Германию. Вместе с оккупационной армией. Так же, как Лео. В Кройдоне, в аэропорту, он сидел на своем чемодане, ждал самолета, и вдруг эти три куколки в военной форме прошли, вильнули бедрами. Мисс Аикман, мисс Брандт и мисс Этлинг. Оказалось - приписаны к той же части. С этой минуты он больше

ни на кого не смотрел. Он, Прашко, и еще один малый. Они вместе прилетели из Англии в сорок пятом. И эти куколки. Они там даже песенку такую сложили: "Мисс Айкман, мисс Этлинг и мисс Брандт...", застольную песенку, с довольно пикантными рифмами. Между прочим, они сложили ее в тот же вечер. Когда ехали в свою часть на военной машине. Распевали ее и веселились как чумовые. О господи!

Казалось, он сам готов был запеть ее тут же.

- Айкман - это была девушка Лео. Его первая девушка. Он говорил, что все равно вернется к ней. "Такой, как первая, не бывает,- вот как он говорил.- Все остальные - только суррогат". Подлинные его слова. Ну, вы знаете, гунны - они всегда так. Любят поковыряться в собственной душе.

- А с ней что случилось?

- Понятия не имею, старина. Растаяла в воздухе. Куда они все деваются? Стареют. Сморщиваются, как печеное яблоко. Ух ты! - Кусок почки сорвался у него с вилки, и подливка забрызгала галстук.

- Почему он не женился на ней?

- Она избрала себе другой путь, старина.

- Какой другой путь?

- Она не хотела, чтобы он принимал английское подданство,- так он говорил. Хотела, чтобы он остался немцем и не прятался от действительности. Она была сильна по части разной метафизики.

- Может, он отправился разыскивать ее?

- Он всегда уверял, что сделает это когда-нибудь. "Я знал разных девушек, Микки,- говорил он,- но я никогда не встречу второй такой, как Айкман". Впрочем, разве мы все не говорим того же самого? - И он нырнул носом в бокал с мозельским, ища в нем прибежища.

- Вы так считаете?

- А вы, между прочим, женаты, старина? Держитесь от этого подальше.- Он покачал головой.- Все было бы в порядке, если бы я мог исполнять супружеские обязанности. Но я не могу. Спальня для меня - это ночной горшок, и ничего больше. Я ни на что не годен.- Он подавил смех.- Женитесь в пятьдесят пять, вот вам мой совет. На хорошенькой шестнадцатилетней куколке. В этом возрасте они еще не понимают, чем их обделили.

- Прашко, значит, был там, в Берлине? С русскими и с Айкман?

- Неразлучная компания.

- А что еще рассказывал он вам относительно Прашко?

- Он был красным в те дни. Больше ничего.

- И Айкман тоже?

- Все может быть, старина. Он никогда об этом не говорил, его не так уж интересовали эти вопросы.

- А он сам?

- Лео - нет, старина. Он же ни уха ни рыла не смыслил в политике. Просто беспокойный характер, вот и все. Форель! - благоговейно прошептал он.- Теперь недурно поесть форели. Почки, скажу вам по секрету, это так, между прочим, а форель - это вещь.

Развеселившись, он пребывал в хорошем расположении духа до конца обеда. Лишь раз возвратился он к вопросу о Лео: когда Тернер спросил, часто ли они встречались за последние месяцы.

- На черта мне это,- прошептал Краб.

- А почему нет?

- Он начинал что-то замышлять, старина. Я-то видел. Опять примерялся, как бы ему схватиться с кем-нибудь. Задиристый щенок, сукин сын,- он

неожиданно пьяно осклабился.- Оять начал разбрасывать повсюду эти свои пуговицы.

Тернер вернулся к себе в отель в четыре часа; он был порядком пьян. Он не стал ждать, пока освободится лифт, и поднялся по лестнице, "Вот и все,- думал он.- Вот как славно все закончилось". Теперь он уже будет пить весь день до вечера и будет продолжать пить в самолете и, надо надеяться, к моменту встречи с Ламли лыка вязать не будет. Как сказал Краб: улитки, почки, форель, шотландское виски - и вовремя вбирай голову в плечи, когда начнет погромоухивать гром. Поднявшись на свой этаж, он смутно отметил про себя, что открытая дверца лифта приперта каким-то чемоданом, и подумал: верно, портье освобождает чей-то номер, выносит пожитки. "Мы здесь самые счастливые люди,- пронеслось у него в голове.- Мы уезжаем". Он никак не мог отпереть дверь своего номера - заело замок; долго ворочал ключом в замке, но ничего не получалось. Услышав шаги за дверью, он сразу отпрянул назад, но было уже поздно. Дверь распахнулась. Он успел увидеть бледное круглое лицо, гладко зачесанные назад светлые волосы, напряженно сморщенный покаты́й лоб и, пока медленно опускалась кожаная дубинка, увидел на ней шов и подумал: "Таким швом можно рассечь череп - не только лицо".

От удара дубинки у него подкосились колени, он почувствовал, как заныло под ложечкой и к горлу подступила тошнота... Его ударили в пах, и боль на мгновение стала невыносимой, но и она мало-помалу утихла, и он увидел женщину - ту, что покинула его, бросила его на произвол судьбы, предоставив ему метаться в поисках выхода из темных закоулков своего одиночества и поражения. Он услышал отчаянный крик Майры Медоуз, когда он сломил ее сопротивление, ложью заплатив ей за ложь; услышал ее вопли, когда они увозили ее от любовника, от этого поляка, когда отнимали у нее ребенка, и ему показалось, что эти вопли исторгнул он сам, и лишь постепенно до его сознания дошло, что они запихнули ему в рот полотенце. Он почувствовал, как что-то холодное и твердое ударило его по затылку, и голова превратилась в тяжелую глыбу льда; он услышал, как захлопнулась дверь, и понял, что остался один; перед его глазами пронеслось бесконечное, проклятое, великое множество нерадивых и обманутых, в ушах прозвучал глупый голос английского епископа, прославляющего бога и войну, и он погрузился в сон. Он лежал в гробу, холодном, гладком гробу, лежал на мраморной плите в длинном коридоре с глянцевыми кафельными стенами, в глубине которого играли ярко-желтые блики. Он услышал, как де Лилл говорит ему что-то, сдержанно и мягко, и как всхлипывает Дженни Парджитер голосами всех брошенных им женщин; он услышал отеческие увещания Медоуза, призывающего к милосердию, и веселое посвистывание всех идущих мимо непосвященных. А потом и Медоуз, и Парджитер ускользнули, растаяли, отозванные к другим похоронам, и остался только де Лилл, и только голос де Лилла приносил ему облегчение...

Дорогой мой,- говорил де Лилл, с изумлением глядя на него откуда-то сверху вниз.- Я зашел к вам, чтобы попрощаться, но если вы решили принять ванну, вам бы следовало по крайней мере предварительно снять с себя этот ужасный костюм.

- Сегодня четверг? Де Лилл, открыв кран, смачивал горячей водой полотенце.

- Среда. Пока все еще среда. Час коктейля.- Наклонившись над Тернером,

он начал осторожно стирать кровь с его лица.

Это футбольное поле... где вы как-то раз видели его. Куда он возил Парджитер. Скажите, как мне попасть туда.

Лежите тихо. И не разговаривайте, не то перебудите соседей.

С величайшей осторожностью он продолжал вытирать кшуюся кровь. Высвободив правую руку, Тернер украдкой нащупал в кармане пиджака ключ. Он был по-прежнему там.

Видели вы когда-нибудь этот ключ? Нет. Нет, не видел. И в ночь с первого на второе не был в беседке в три часа пополудни. Однако до чего же то в стиле нашего министерства иностранных дел,- шетил он, отступив на шаг и окидывая критическим взглядом результаты проделанной им работы,- до чего же это в их стиле - натравить быка на матадора. Вы не будете возражать, если я заберу у вас свой смокинг? Зачем Брэдфилду понадобилось это? Что понадобилось?

- Приглашать меня к обеду. На встречу с Зибкроном. - зачем он во вторник пригласил меня к себе?

Из братских чувств. Зачем же еще? Что было в этой спецсумке, пропажа которой так пугает Брэдфилда?

- Ядовитые змеи.

- Этот ключ не от сумки? - Нет.

Де Лилл присел на край ванны.

- Вам не следовало бы заниматься этим,- сказал он.- Я знаю наперед, что вы мне ответите: кто-то должен же пачкать руки. Но если этот кто-то - вы, не ждите, что я этому обрадуюсь. Вы не кто-то: в этом ваша беда. Предоставьте это занятие людям, которые родились с шорами на глазах...- Мягкий взгляд де Лилла был исполнен сочувствия.- Все это чудовищно нелепо,- сказал он.- Каждый день какие-то люди гибнут, стремясь уподобиться святым, но не выдержав испытания. Вы же рухнули под бременем своего стремления быть ищейкой.

- Завтра они начнут справляться о вас: "Почему он не уехал? Почему он тут околачивается?"

Тернер лежал расprostертый на спине, на длинном диване в комнате де Лилла. В руке у него был стакан с виски, лицо облеплено желтым антисептическим пластырем из обширной аптечки де Лилла. В углу валялась его парусиновая сумка. Де Лилл сидел за клавикордами, но не играл, а лишь трогал клавиши. Клавикорды были старинные, восемнадцатого века, с выгоревшей под тропическим солнцем крышкой.

- Вы что, возите с собой эту штуку повсюду?

- У меня была скрипка. Но в Леопольдвилле она распалась на составные части. Клей растаял. Трудно сберечь культурные ценности, когда тает клей,- сухо заметил он.

- Если Лео так чертовски хитер, почему он не уехал?

- Быть может, ему нравится здесь. Тогда он единственный в своем роде, должен признаться.

- И если они так чертовски хитры, почему они не убрали его отсюда?

- Быть может, они не знали, что он сорвался с крючка.

- Как вы сказали?

- Я сказал: быть может, они не знали, что он дал стрекача. Я, правда, не сыщик, но я кое-что понимаю в людях и знаю Лео. Он поразительно своенравный человек. Невозможно хотя бы на секунду представить себе, что он

станет выполнять то, что они ему прикажут. Если вообще существуют "они", в чем я сомневаюсь. Не в его натуре быть просто исполнителем.

- Я все время пытаюсь хоть как-то определить его для себя, но он не укладывается ни в один шаблон,- сказал Тернер.

Де Лилл ударил пальцем по клавишам.

- Скажите мне, каким хотелось бы вам его видеть? Паинькой или бякой? Или вы просто хотите, чтобы вам не мешали искать его? Вы хотите достичь чего-нибудь, не так ли,- потому что "хоть что-то" лучше, чем ничего. Вы как эти чертовы ученые: вам лишь бы не было вакуума.

Тернер лежал с закрытыми глазами, погруженный в раздумье.

- Я полагаю, что он мертв. И это было бы печально и жутко.

- Сегодня утром он ведь еще не был мертв! - сказал Тернер.

- А вам не нравится, что он в безопасности. Это раздражает вас. Вы хотите, чтобы он либо материализовался, либо перестал существовать. Вы не хотите иметь дело с призраками. Вероятно, именно это и есть самое увлекательное в охоте за экстремистами: вы охотитесь за их убеждениями, не так ли?

- Он продолжает скрываться,- сказал Тернер.- От кого он прячется? От нас или от них?

- Быть может, он просто действует сам за себя.

- С пятьюдесятью секретными папками? О да, конечно, конечно!

Де Лилл, облокотившись о клавикорды, внимательно наблюдал за Тернером.

- Вы дополняете друг друга. Я смотрю на вас и думаю о Лео. Вы - типичный сакс. Большие ручки, большие ножки, большое сердце и этот прославленный здравый смысл, который пытается разобраться в идеалах. У Лео все наоборот. И он актерствует. Он одевается, как мы, говорит на нашем языке, но он приручен лишь наполовину. Я скорее на вашей стороне: ведь мы с вами оба, в сущности, зрители, а не лицедеи.- Он опустил крышку клавикордов.- Мы из тех, кто что-то прозревает впереди, тянется и отступает. В каждом из нас в юности сидит Лео, но к двадцати годам он обычно уже мертв.

- Кто же в таком случае вы?

- Я? О, к сожалению, я дирижер.- Он встал, не спеша запер клавикорды маленьким бронзовым ключиком на цепочке.- Я даже не умею играть на этой штуке,- сказал он и побарабанил по выгоревшей крышке тонкими изнеженными пальцами.- Я говорю себе, что еще научусь когда-нибудь. Начну брать уроки или куплю самоучитель. Но, по правде говоря, меня это мало волнует: я научился жить с сознанием своей неполноценности. Как большинство из нас.

- Завтра четверг,- сказал Тернер.- Если им не известно, что он сбежал, они будут его ждать, верно?

- Да, возможно.- Де Лилл зевнул.- Только они, кто бы они ни были, знают, где им искать, верно? А вы не знаете. Это несколько затрудняет ваше положение.

- А может быть, и нет.

- Вот как?

- Нам известно по крайней мере, где видели его вы в тот самый четверг днем, когда предполагалось, что он находится в министерстве. Туда же он возил и Парджитер. Похоже, он облюбовал себе это местечко.

Де Лилл с минуту стоял неподвижно, все еще держа в руке ключик на цепочке.

- Я думаю, бесполезно отговаривать вас ехать туда?

- Конечно.

- И просить вас тоже? Ведь вы действуете вопреки инструкциям Брэдфилда.

- Пусть так.

- К тому же вы не вполне здоровы. Ну хорошо. Ступайте и ищите свою неприрученную половину. Но если вам действительно удастся найти эту Зеленую папку, мы надеемся, что вы возвратите ее нам, не вскрывая.

И это неожиданно прозвучало приказом.

14. ЧЕТВЕРГОМ РОЖДЕННОЕ

Ч е т в е р г

Погода на плато, казалось, была заимствована из разных времен года, из разных географических мест. Откуда-то с северного побережья Англии налетел морской ветер, он гудел в проводах, пригибал к земле колючую сухую траву и с шумом врвался в лесную чащу за футбольным полем, и если какая-то полоумная старушка могла посадить здесь в песчаный грунт чилийскую араукарию, то, казалось, стоило Тернеру пробежать по дороге, и он мог бы прыгнуть в троллейбус и очутиться на Борнмут-сквере. Ноябрьский мороз одел стебли папоротника пушистой белой корой инея; холод прятался здесь от ветра и кусал за щиколотки, словно арктическая вода; мороз засел в расщелинах камней на северной стороне холма, и казалось, здесь только страх может заставить пошевелить скованной от холода рукой, а жизнь бесценна уже тем, что завоевана. На пустом футбольном поле отважно умирали последние лучи оксфордского солнца, а небо было цвета осенних йоркширских сумерек - темное, беспокойное, с тяжелой бахромой туч на горизонте. Согнутые ветром стволы деревьев были из далекого детства, как отроческая спина Микки Краба, сгибавшаяся в школе над умывальной раковиной, но когда порыв ветра унесся вдаль, деревья не распрямили спин, замерев в ожидании новой атаки.

Свежие еще ссадины на его лице жгло, как огнем; в светлых глазах от бессонницы и боли появился стеклянный блеск. Он ждал, не сводя глаз с дороги, сбегавшей вниз с холма. Далеко внизу справа текла река; порывы ветра временами заглушали все звуки, и гудки барж замирали без ответа. По дороге навстречу ему медленно ползла машина: черный "мерседес" с кльнским номером, за рулем - женщина; не прибавляя скорости, машина проехала мимо. По ту сторону огороженной проволочной сеткой площадки стоял новенький спортивный павильон: окна закрыты ставнями, дверь на висячем замке. На крышу опустился грач, ветер шевелил его перья. Появился "рено" с французским дипломатическим номером, за рулем - женщина, рядом мужчина; Тернер записал номер в свою черную книжечку. Цифры получились корявыми, детскими, запись показалась ему какой-то неестественной, чужой. Должно быть, он все-таки успел дать им сдачи, потому что на суставах правой руки были довольно глубокие порезы - как от зубов при сильном ударе в открытый рот. Если у Лео почерк был аккуратный, закругленный, без острых углов, то у Тернера - крупный, прямой, напористый.

"Вы и Лео - оба беспокойные души,- сказал ему ночью де Лилл, когда они ехали в машине.- Бонн - это нечто стоячее, а вы - беспокойные души... Вы сражаетесь друг с другом, но, в сущности, вы оба сражаетесь против нас... Противоположность любви вовсе не ненависть, а апатия... Вам надо научиться апатии, войти с ней в соглашение". "Бросьте вы, Христа ради",- взмолился Тернер. "Здесь вам выходить,- сказал де Лилл, открывая дверцу машины.- И если завтра к утру вы не возвратитесь, я заявлю в береговую полицию".

В Бад-Годесберге он купил себе оружие - гаечный ключ - и теперь ощущал

его тяжесть в заднем кармане брюк. Темно-серый автобус "фольксваген" с табличкой "SU", полный ребятишек, остановился возле спортивного павильона. Шум обрушился на Тернера внезапно, испугав неожиданностью: взвилась стайка птиц, налетел порыв ветра, звонкими осколками рассыпался смех, прозвучал чей-то жалобный возглас, кто-то засвистел в свисток. Низкий луч солнца прорезал тучи - словно ручным фонариком осветили коридор. И павильон поглотил всех. "В жизни не встречал человека, который бы так выставлял напоказ свои недостатки", - в отчаянии кричал на него де Лилл.

Он поспешно спрятался за дерево. "Оппель-ре корд" с боннским номером. Двое мужчин. Он записывал и чувствовал, как гаечный ключ утыкается ему в бедро. Мужчины были в шляпах, в пальто и профессионально безлики. В боковых окнах машины - матовые стекла. Машина еще продолжала двигаться, но со скоростью пешехода. Он увидел их бледные лица, повернутые в его сторону, - как две луны среди искусственного мрака автомобиля. "Не о твои ли это зубы? - пронеслось у Тернера в голове. - Вас не отличишь друг от друга. Надеюсь, мы еще встретимся". Машина все ползла в гору, делая не больше десяти миль в час. Проехал фургон, за ним два грузовика. Где-то на колокольне пробили часы. А может быть, это прозвенел школьный звонок? А может быть, это благовест - звонят к вечерне? Или овцы бродят в долине, позвякивая колокольцами, или паром идет по реке, оповещая о себе ударами колокола? Солнце зашло. Вдали показался маленький "ситроен". Потом малолитражка, вся в грязи, с вмятиной на крыле, с неразлично тусклыми цифрами номера; за рулем - неясные очертания одинокой фигуры; единственная горящая фара то вспыхивает, то гаснет, сирена по временам сигналил кому-то. "Оппель" исчез. "Поторапливайтесь вы, лунообразные, вы можете пропустить Его появление". Колеса задергались, как развинченные суставы, когда маленький автомобиль свернул с дороги и запрыгал по грязным обледенелым деревянным мосткам, нахально вихляя задом при заносах. Дверца отворилась, он услышал завывания джаза, и во рту у него сразу пересохло от всех проглоченных таблеток, а порезы и ссадины на его лице были как решетчатая тень ветвей. Он бесшумно опустил гаечный ключ обратно в карман.

Она стояла спиной к нему, всего в десяти шагах, не ощущая ветра, не замечая ребятишек, которые с криком ворвались на футбольное поле.

Она смотрела на дорогу, сбегавшую вниз с холма. Она не заглушила мотора, и машина сотрясалась изнутри, как от боли. Стеклоочистители бессмысленно скребли по грязному ветровому стеклу. Она стояла, не шевелясь, уже почти час.

Целый час она ждала, замерев в восточной неподвижности, безразличная ко всему, кроме ожидания того, кто не шел и не придет. Она стояла, словно статуя, и, по мере того как садилось солнце, словно бы становилась все выше и выше.

Ветер трепал полы ее плаща. Один раз она подняла руку, чтобы отбросить с лица выбившуюся прядь волос; один раз прошла до конца деревянных мостков и поглядела вниз на пойму реки в сторону КJнигсвинтера; потом медленно повернулась в задумчивости, и Тернер плюхнулся на колени за деревьями в спасительную тень.

Терпение покинуло ее. С шумом распахнув дверцу автомобиля, она опустилась на сиденье, закурила сигарету и ладонью нажала на сигнал. Аккумулятор сел, сирена прозвучала сипло, и ребятишки рассмеялись, на минуту оторвавшись от игры... И снова все стихло.

Стеклоочистители больше не скребли, не металась по стеклу, но мотор продолжал работать, и она время от времени нажимала на акселератор, чтобы поднять температуру обогревателя. Стекла машины начали запотевать. Она достала из сумочки зеркало и губную помаду.

Откинувшись на сиденье, закрыв глаза, она слушала танцевальную музыку, лившуюся из радиоприемника; одна рука ее лежала на баранке автомобиля, и пальцы тихонько отбивали такт. Услышав шум машины, она приоткрыла дверцу и апатично выглянула наружу, но это снова был все тот же черный "оппель", медленно сползавший обратно с холма, и, хотя оба лунообразных лица были повернуты к ней, она осталась безучастной к проявленному ими любопытству.

Футбольное поле опустело. В спортивном павильоне окна закрыли ставнями. Она включила свет в кабине и поглядела на часы.

Внизу в долине уже замерцали первые огоньки, и очертания руки утонули в тумане. Тернер, тяжело ступая, вышел на дорогу и распахнул дверцу автомобиля.

- Поджидаете кого-нибудь? - спросил он и, сев рядом с ней, проворно захлопнул дверцу, так что свет в кабине сразу погас. Он выключил радиоприемник.

- Я полагала, что вы уехали,- со злобой произнесла она.- Я полагала, что мой муж уже избавился от вас.- Она вся была во власти страха, гнева, унижения.- А вы в это время шпионили за мной! Прятались в кустах, как третьеразрядный шпик! Как вы осмелились! Вы, жалкий подонок, ничтожество! - Она подняла сжатый кулак, но в ту же секунду Тернер с такой силой ударил ее по губам, что она стукнулась затылком о край окна. Открыв дверцу, он обошел вокруг машины, стащил ее с сиденья и снова ударил ладонью по лицу,

- Сейчас мы с вами немного прогуляемся,- сказал он,- и побеседуем об этом жалком подонке, этом ничтожестве, вашем любовнике.

Он повел ее по деревянным мосткам на вершину холма. Она шла за ним без малейшего сопротивления и тихонько плакала, низко опустив голову, уцепившись обеими руками за его руку.

Они смотрели сверху на Рейн. Ветер стих. Над головой уже мерцали первые звезды, словно флуоресцирующие огоньки в заштыленном море. Вдоль реки ряд за рядом зажигались огни, вспыхивали, и тут же умирали, едва успев родиться, и чудом воскресали снова, вырастая в огненные эвенты, колеблемые ночным ветерком. И только с реки приплывали какие-то звуки: пыхтенье моторных барж и - каждые четверть часа - убаюкивающий колыбельный перезвон склянок. Запахом тлена и сырости веяло от реки, и они чувствовали ее холодное дыхание на лице и на руках.

- Все началось как на пари.

Она стояла поодаль от него и глядела вниз, в долину. обхватив себя руками так, что ладони легли на лопатки.

- Он больше не придет. Все кончено. Я знаю.

- Почему он не придет?

- Лео не любил говорить о таких вещах. Он слишком пуританин для этого.- Она закурила сигарету.- Не при дет, потому что никогда не перестанет искать, вот почему.

- Что искать?

- Что ищет каждый из нас? Родителей, детей, жен щину.- Она обернулась к нему.- Давайте дальше,- сказала она с вызовом.- Спрашивайте остальное.

Тернер ждал.

- Когда мы с ним сошлись - это вы хотите знать? Я в ту же ночь легла бы с ним в постель, попроси он меня об этом, но он и не заикнулся. Потому что я - жена Роули, а он понимал, что хорошие люди встречаются не на каждом шагу. И он знал, что ему надо выжить - как вам это объяснить! Ведь Лео - обольститель, неужели не ясно? Он может уговорить павлина выщипать себе хвост... Какая я идиотка, зачем я все это вам говорю! - вырвалось у нее.

- Вы были бы еще большей идиоткой, если бы молчали. Вы ведь основательно влипли,- сказал Тернер.- Попали в беду. Говорю вам на случай, если вы сами этого не понимаете.

- А, у меня всю жизнь так. Что я могу с собой поделать? Мы с ним старые шлюхи - и он, и я - и вот встретились и полюбили друг друга.

Присев на скамейку, она вертела в руках перчатки.

- Это произошло на приеме. На омерзительном боннском приеме а-ля фуршет, с глазированной уткой и этими чудовищными немцами. Кто-то кого-то принимал. Кто-то кого-то провожал. Кажется, американцев. Каких-то титулованных мистера и миссис Икс. Очередное чествование каких-то высокопоставленных особ. Все было невыносимо провинциально.- Она говорила быстро, фальшиво-доверительным тоном, но, несмотря на ее старания, это был все тот же тон - в нем чувствовалась все та же хорошо отработанная дипломатическая сноровка; в каких только уголках мира не доводилось Тернеру слышать эти искусственные модуляции голоса, характерные для жен английских дипломатов, умеющих вовремя нарушить молчание, скрыть замешательство, завуалировать оскорбление, в меру цивилизованный голос, в меру изысканный тон, неотвратимо приверженный раз и навсегда выработанному стандарту, упрямо преследующий свою цель.- Мы приехали сюда прямо из Адена и прожили здесь ровно год. До этого мы жили в Пекине, а теперь вот - Бонн. Был конец октября - Карфельдовского октября. События только начинали назревать. В Адене в нас бросали бомбы, в Пекине нам угрожал самосуд, а теперь вот нас собираются сжечь на костре на рыночной площади. Бедняга Роули: он притягивает к себе унижение как магнит. Во время войны он был в лагере военнопленных - вы, наверно, знаете. Он из поколения униженных - вот как бы я окрестила таких, как он.

- Он бы влюбился в вас за это,- сказал Тернер.

- Он любит меня и без этого.- Она помолчала.- Как ни странно, я совсем не замечала Лео прежде. Он казался мне довольно скучным, незначительным... временным сотрудником. Маленький стилиста, пиджон - играет на органе в часовне и курит тошнотворные сигары на дипломатических коктейлях... Ничего интересного... пустое место. А в тот вечер - вдруг, едва он вошел, едва переступил порог, как я почувствовала: он отметил меня и избрал. И у меня мелькнула мысль: "Берегись, детка! Воздушная тревога!" Он подошел прямо ко мне: "Привет, Хейзел!" Никогда не называл он меня раньше по имени, и я подумала: "А ты, оказывается, наглец, малыш! Это право еще нужно заслужить".

- А вы умеете рисковать. Это хорошо,- сказал Тернер.

- Он заговорил. Не помню о чем; я никогда не придавала особого значения тому, что он говорит,- не больше, чем он сам. Вероятно, что-нибудь о Карфельде. О беспорядках, обо всей этой шумихе. И тут я наконец заметила его. Впервые по-настоящему обратила на него внимание.- Она снова умолкла.- И вот тогда я подумала: "Ого, столько лет я уже живу на свете, так где же ты все это время был?" Словно я нашла старую чековую книжку и вместо задолженности неожиданно обнаружила, что у меня есть еще кое- что на счету. Живой - вот что я ощутила в нем.- Она рассмеялась.- Полная противоположность вам. Вы - мертвец из мертвецов.

Тернер, вероятно, ударил бы ее снова, если бы в ее издевке не прозвучало что-то мучительно знакомое.

- Он был весь как натянутая струна - это первое, что бросилось мне в глаза. Все время начеку, следил за каждым своим шагом. Манера говорить, манера себя держать - все было деланное. Он прислушивался к собственному голосу, как прислушиваются к голосу собеседника; где следует, понижал его или повышал, расставлял все эпитеты в надлежащем порядке. Я попыталась классифицировать его: за кого могла бы я его принять, если бы ничего не знала о нем? Немец из Южной Америки? Сотрудник аргентинской торговой миссии? Что-нибудь в этом роде. Вылощенный латинизированный гунн.- Охваченная воспоминаниями, она снова умолкла.- У него был отлично подвешен язык, он ловко закруглял каждую фразу, немного на немецкий лад. Я заставила его рассказывать о себе - где он живет, кто готовит ему пищу, как проводит он уик-энды. И не успела опомниться, как он уже давал мне советы. Дипломатические советы: где подешевле покупать мясо; как пользоваться заказами по почте; что лучше заказывать у Голландца, а что у "Наафи". В "Экономате" первосортное сливочное масло, а орехи лучше брать в спецмагазине. Совсем как женщина. Он знал особый рецепт приготовления чая: все немцы помешаны на пищеварении. Потом предложил мне купить электрический фен. Почему вы смеетесь? - спросила она, внезапно вспыхнув от гнева.

- Разве я смеялся?

- Он знал, как можно купить со скидкой на двадцать пять процентов, сказал он. Он знал все модели фенов и сверял их стоимость.

- Значит, он поглядывал на ваши волосы тоже. Она резко повернулась к нему.

- Не забываетесь,- осадил ее.- Вы не стоите его мизинца.

Он снова ударил ее - сильно, с размаха ударил по щеке, и даже в сумерках было видно, как страшно она побледнела.

- Мерзавец! - сказала она, дрожа от ярости.

- Продолжайте.

Наконец она заговорила снова.

- В конце концов я сказала; хорошо. Мне так все осточертело. Роули забился куда-то в угол с советником французского посольства; все сражались у стола, добывая себе еду. Словом, я сказала, хорошо, я не прочь купить фен. Со скидкой в двадцать пять процентов. Только у меня-де нет при себе наличных. Можно выписать чек? Я могла бы с таким же успехом сказать просто: хорошо, я не прочь лечь с вами в постель. Тут он улыбнулся, и я впервые увидела его улыбку. Он вообще редко улыбается. Улыбка осветила все его лицо. Я попросила его принести мне чего-нибудь поесть, он ушел, а я смотрела ему вслед и старалась угадать, что из всего этого получится. У него такая легкая, скользящая походка - Eiertanz, как говорят немцы, что значит: может танцевать с завязанными глазами меж разложенных на полу яиц,- а мне казалось, что так неслышно ступают лишь в церкви, только он ступал тверже. Немцы атаковали стол, сражаясь за спаржу, а он просто проскользнул между ними и возвратился с двумя тарелками, наполненными разной снедью; из нагрудного кармашка у него торчали ножи и вилки, и он ухмылялся во весь рот. У меня есть брат, Эндрю, так он был вылитый мой братец в ту минуту - тот так же вот ухмыляется, когда в регби вырвется из схватки с мячом. И тут мне вдруг стало легко. Какой-то замызганный канадец пытался прочитать мне лекцию по сельскому хозяйству, я еле от него избавилась. Пожалуй, они единственные, канадцы, кто еще верит во всю эту чепуху. Они - как англичане в Индии.

Ей послышался какой-то шум, и, быстро обернувшись, она стала напряженно

всматриваться в сползавшую вниз, во мрак, дорогу. Ветер стих; стволы деревьев казались совсем черными на фоне неба; одежда становилась влажной от ночной росы.

- Он не придет. Вы же сами сказали. Давайте дальше. побыстрей.

- Мы пристроились где-то на лестнице, и он снова начал рассказывать о себе. Наводящих вопросов не требовалось. Все выливалось само собой, и в этом было что-то завораживающее. Германия в первые послевоенные дни. "Не изменились одни только реки". Я никогда не могла разгадать, что это: перевод с немецкого, полет фантазии или просто пересказ чужих слов.- Она замолчала, словно в нерешительности, и опять посмотрела на дорогу.- Он рассказывал о том, как женщины работали ночами при свете дуговых ламп - передавали камни из рук в руки, точно спешили потушить пожар. Как он научился спать в полуторатонке с огнетушителем под головой. Он забавно изображал, как сводило потом ему шею - склонял голову набок и перекашивал рот. Словом, развлекал меня, как в спальне.- Внезапно она вскочила.- Я пойду туда. Он убежит, если увидит пустой автомобиль: он пуглив, как котенок.

Он пошел следом за ней к деревянным мосткам, но на плато не было ни души, только на площадке для машин стоял "оппель-рекорд" с выключенными фарами.

- Садитесь в машину,- сказала она.- Не обращайтесь на них внимания.- Когда в кабине вспыхнул свет, она впервые заметила, что у него с лицом, и негромко охнула.- Кто это сделал?

- Они сделают то же и с Лео, если разыщут его раньше, чем мы.

Она откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза. Кто-то разрезал брезентовый верх машины, и он свисал ключьями, словно рубище нищего. На полу валялась пластмассовая баранка от детского автомобиля, и Тернер ногой вышвырнул ее из машины.

- Иногда я думала: "Ведь ты ненастоящий, пустая оболочка. Ты только имитируешь жизнь". Но кто посмеет думать так о своем любовнике? Он был актер, посредник, быть может, застрявший между двумя мирами: Германией и Англией, КНигсвинтером и Бонном, часовней и дипломатическими скидками, бельэтажем и подвалом. Кто может выдержать все эти битвы и уцелеть! Иногда он, в сущности, просто обслуживал нас,- сказала она про сто.- Или, вернее, меня. Как метрдотель. Мы были его клиентами. Стоило нам чего-нибудь пожелать, и он был к нашим услугам. Он не жил, он старался выжить. Ему всегда как-то удавалось выжить. До сих пор.- Она снова достала сигарету. В машине было очень холодно. Она попыталась запустить мотор и включить обогреватель, но аккумулятор сел.- После этого первого вечера все барьеры уже рухнули. Роули отыскал меня, и мы уехали оттуда последними. Он схватился из-за чего-то с Лезэром и был очень доволен, что взял над ним верх. Мы с Лео все еще сидели и пили кофе; Роули пришел и поцеловал меня в щеку... Что это там?

- Ничего.

- Какой-то огонек мелькнул внизу.

- Кто-то пересек дорогу на велосипеде. Уже никого нет.

- Я не выношу, когда он целует меня на людях, но он знает, что я не могу ему помешать. Если мы одни, он никогда этого не делает. "Пойдем, дорогая, пора уже". При его появлении Лео встал, но Роули даже не заметил его. Он повел меня к Лезэру. "Вот кому вы, в сущности, должны принести извинения. Весь вечер она просидела одна на лестнице". Мы уже направлялись к выходу, и Роули хотел взять свой плащ, но в вестибюле стоял Лео с его плащом и подал ему.- Она улыбнулась; в этой улыбке была любовь, нежность,

воспоминание согрело ее.- Я словно бы и не существовала для него больше. Роули повернулся к нему спиной, сунул руки в рукава, и я отчетливо увидела, как у Лео напряглись мускулы и побелели костяшки пальцев. Я была рада, понимаете? Я была довольна, что Роули так себя ведет.- Она пожала плечами.- Я уже попала на крючок,- сказала она.- Мне хотелось поймать пташку, и вот она была в моих руках - клюв, перышки, все. На другой день я разыскала его имя в посольском справочнике. Теперь вы уже и сами знаете, что он собой представляет,- ничего. Я позвонила Мэри Краб и осведомилась о нем. Как бы между прочим, шутя. "Я познакомилась с каким-то удивительным маленьким человечком вчера",- сказала я. Мэри едва не хватил удар. "Моя дорогая, это опасный человек. Держитесь от него по д а л ь ш е . Он как-то раз затащил Микки в ночной кабак, и Микки влип с ним в ч у д о в и щ н у ю историю. По счастью,- добавила она,- в декабре истекает срок его договора, и мы от него освободимся". Тогда я попытала еще Салли Эскью - она до ужаса добропорядочна. Я чуть не умерла со смеха... Она расхохоталась и, надменно выпятив подбородок, произнесла высокопарным тоном, подражая жене торгового атташе: "Это очень полезный холостяк, когда ощущается нехватка в мужчинах-немцах". А у них это бывает часто, понимаете; нас ведь больше, чем их. Целая свора дипломатов охотится за жалкой кучкой немцев - вот что такое Бонн. Беда в том, сказала Салли, что немцы опять возвращаются к старому в отношении таких, как Лео, и поэтому им с Обри приходится, хочешь не хочешь, избегать его общества. "Он бессознательный раздражитель, моя дорогая; надеюсь, вам ясно, что я хочу сказать". Я была безумно заинтригована. Побежала в гостиную и написала ему длинное письмо абсолютно ни о чем.

Она снова попробовала запустить мотор, но он даже не чихнул. Она плотнее закуталась в плащ.

- О господи! - прошептала она.- Лео, приди. Можно ли так испытывать дружбу!

В черном "оппеле" на секунду вспыхнул слабый огонек и тут же погас, словно кто-то кому-то давал сигнал. Тернер не промолвил ни слова, только кончики его крепких пальцев легонько коснулись гаечного ключа, лежавшего в кармане.

- Письмо девчонки-школьницы. Спасибо, что вы были так внимательны ко мне. Не сердитесь, что я отняла у вас целый вечер, пожалуйста, не забудьте насчет фена. Далее следовала миленькая, от начала до конца выдуманная история о том, как я отправилась за покупками в "Испанский сад" и там какая-то старая дама уронила монетку в две марки в ящик с апельсинами, и никто не мог отыскать эту монетку, а старушка сказала, что это - все равно как если бы она заплатила эти деньги за фрукты. Я сама отвезла письмо в посольство, и он позвонил мне на другой же день. Есть две модели, сказал он: та, что подороже, переключается на разное напряжение, и ею можно пользоваться без адаптера.

- Без трансформатора.

- "А как насчет цвета?" Я молчала и слушала. Он сказал, что ему очень трудно выбрать без меня - брать ли с переключателем и какого цвета. Нельзя ли нам встретиться и обсудить все сообща? Разговор происходил в четверг, и мы встретились здесь. Он сказал, что приходит сюда каждый четверг - подышать свежим воздухом, поглядеть на ребяташек. Я не поверила ему, но почувствовала себя очень счастливой.

- И это все, что он сказал насчет того, зачем приходит сюда?

- Как-то раз он еще сказал, что они перед ним в долгу - за время, которое он затратил.

- Кто в долгу?

- Посольство. Что-то там такое Роули отнял у него и передал кому-то другому. Какую-то работу. И теперь вместо этого он приходит сюда.- Она покачала головой с неподдельным восхищением.- Он упрям как мул,- сказала она.- "Они в долгу передо мной,- твердил он,- я беру то, что мне положено. Только так и можно жить",

- Мне кажется, вы говорили, что он не охотник до отвлеченных рассуждений.

- Он не любил вдаваться в высокие материи. Тернер промолчал.

- Мы немного погуляли, поглядели на реку; на обратном пути мы шли, взявшись за руки. А когда уже собрались уезжать, он вдруг сказал: "Я же забыл показать вам фен!" А я ответила: "Какая жалость! Значит, нам придется встретиться здесь еще раз в следующий четверг, не так ли?" Он был безумно шокирован.- Она заговорила, передразнивая его: в голосе звучала и насмешка, и что-то теплое, интимное - казалось, что она не столько старается изобразить это для Тернера, сколько вспоминает все для себя самой.- "Но моя дорогая, миссис Брэдфилд..." А я сказала: "Если вы придете в следующий четверг, я позволю вам называть меня Хейзел". Я шлюха,- сказала она.- Вот что вы сейчас подумали.

- А потом что было?

- Каждый четверг. Здесь. Он оставлял свою машину у подножия холма, а я ставила свою на дороге. Мы были любовниками, но никогда не лежали в постели. Старались быть благоразумными. Иногда он говорил, иногда молчал. И часто показывал на свой дом на том берегу реки - так, точно хотел продать его мне. Мы бродили по тропинкам с холма на холм, чтобы получше рассмотреть его со всех сторон. Я стала поддразнивать Лео однажды: "Ты как сатана. Показываешь мне свое царство". Ему это не понравилось. Он никогда ничего не забывает, понимаете? Это оттого, что ему пришлось пережить. Он не любил, когда я говорила о зле, о страданиях... Он познал все это слишком глубоко.

- А что было потом?

Голова ее поникла, улыбка сбежала с губ.

- Потом - постель Роули. Однажды в пятницу. В Лео еще жил мститель, он еще не до конца освободился от этого. Он всегда знал, когда Роули должен был куда-нибудь уехать: узнавал через транспортный отдел, заглядывал в журнал агента по покупке билетов. И говорил мне: на следующей неделе он уезжает в Ганновер... Он уезжает в Бремен.

- А зачем Брэдфилд туда ездил?

- О господи! Посещал наши консульства. Лео задавал мне тот же самый вопрос - а откуда я могу знать? Роули никогда мне ничего не говорит. Порой мне казалось, что он просто ездит за Карфельдом по всей Германии: он всегда оказывался там, где происходили их сборища.

- И с той поры так оно у вас и шло? Она пожала плечами.

- Да. Потом так и шло. Всякий раз, когда нам это удавалось.

- А Брэдфилд знал?

- О боже! Знал? Не знал? Вы хуже немцев. И да, и нет. Вы хотите, чтобы вам на все наклеили ярлыки? Есть вещи, с которыми этого нельзя делать. Есть вещи, которые как бы не существуют, пока о них не сказано вслух. Никто на свете не понимает этого так, как Роули.

- Черт подери,- пробормотал Тернер.- У вас на все есть ответ.- И тут же вспомнил, что сказал Брэдфилду то же самое три дня назад.

Она пристально смотрела прямо перед собой сквозь мутное ветровое стекло.

- Какова цена людям, всему вообще? Дети, мужа, служебная карьера... Вы потонете - скажут: неизбежная жертва. Вы сумеете выплыть - и вас назовут сукой.

Нет, вы отдайте себя на заклятие. А во имя чего?

- З н а л о н ?

Тернер схватил ее за плечо.

- Он знал?!

Слезы заструились по ее лицу. Она смахнула их рукой.

- Роули - дипломат,- проговорила она наконец.- Искусство жить на грани возможного - в этом весь Роули. Уметь ограничивать цель, дисциплинировать ум и чувства. "Не будем горячиться. Не будем называть вещи своими именами. Не будем вдаваться в обсуждение, если не знаем заранее, чего хотим достичь". Он не может... выйти из себя: ему это не дано. У него нет ничего, ради чего стоило бы жить. Кроме меня.

- Но он знает.

- Вероятно, да,- сказала она устало.- Я никогда не спрашивала его. Да, он знает.

- Потому что это вы заставили его возобновить договор, вы? В декабре прошлого года. Вы добились этого от него.

- Да. Это было ужасно. Совершенно ужасно. Но ведь нельзя же было этого не сделать,- сказала она так, словно имела в виду какую-то высшую цель, понятную им обоим.- Иначе бы он распостился с Лео.

- А Лео хотелось остаться здесь. Вот для чего вы ему понадобились.

- Лео сошелся со мной по расчету. Потому что он мог использовать меня. Он остался со мной, потому что полюбил меня. Вы удовлетворены?

Тернер ничего не ответил.

- Он никогда об этом не говорил. Я уже объясняла вам. Он никогда не произносил высоких фраз. "Еще один год - это все, что мне нужно, Хейзел. Только один год. Еще один год любить тебя, еще один год, чтобы взять у них то, на что я имею права. Еще один год после декабря, и тогда я уеду. Они даже не понимают, в каком они передо мной долгу". Словом, я пригласила его к нам на коктейль. Для встречи с Роули. Это было давно - прежде, чем пошли сплетни. Мы были втроем, я сделала так, чтобы Роули приехал а тот день домой пораньше. "Роули, это Лео Гартинг; он работает где-то там у тебя и играет на органе в часовне". "Да, разумеется, мы знакомы",- сказал Роули. Мы поговорили о том о сем. Об орехах, поступивших в наш спецмагазин. О весенних отпусках. О том, как бывает летом в КJнигсвинтере. "Мистер Гартинг приглашает нас к себе на обед,- сказала я.- Как это мило с его стороны, не правда ли?" На следующей неделе мы отправились в КJнигсвинтер. Он угощал нас разными разностями: миндальным печеньем с муссом, кофе с халвой. Вот и все.

- Что все?

- О господи, неужели вы не понимаете? Я показала его! Я показала Роули, чего я хочу, кого он должен мне дать!

Больше уже ничто не нарушало тишины. Грачи, словно часовые, торчали на едва колеблющихся ветках, и даже легкий ветерок не шевелил их перья.

- Они тоже спят стоя, как лошади? - спросила она. Повернувшись, она поглядела на него, но он ничего не ответил.

- Он не выносил тишины,- мечтательно проговорила она.- Тишина его пугала. Наверно, потому он так любил музыку и так любил свой дом - этот дом всегда был полон каких-то звуков. В нем даже мертвый не уснул бы. Не то что

Лео.

Она улыбнулась, охваченная воспоминаниями.

- Он не жил в нем, он обживал его и оснащал, как корабль. Всю ночь напролет он бегал по нему сверху вниз и снизу вверх - то закрывал окно, то прилаживал ставню или еще что-нибудь. И такой же была вся его жизнь. Тайные страхи, тайные воспоминания - то, о чем он никогда не говорил, но считал, что каждый должен понимать сам.- Она зевнула.- Он уже не придет,- сказала она.- Он не любит темноты.

- Где он сейчас? - настойчиво спросил Тернер,- Чем занимается?

Она молчала.

- Послушайте, он ведь нашептывал вам на ухо по ночам, выхвалялся перед вами, говорил, что переделает мир на свой лад. Рассказывал вам, какой он хитрец, какие проделывает штуки, как обводит людей вокруг пальца!

- Вы глубоко заблуждаетесь. Вы совершенно не понимаете его.

Тогда расскажите мне!

- Да нечего рассказывать. Ведь существует заочная любовь, по переписке.

А он как бы сносился со мной из другого мира.

- Из какого мира? Из Москвы, черт подери, из мира борьбы за мир?

- Я так и знала. Вы примитивны. Вам нужно, чтобы все линии сходились в одной точке и все цвета не имели оттенков. У вас не хватает мужества слышать полутона.

- А у него хватало?

Казалось, мысли ее были уже где-то далеко.

- Бога ради, уедем отсюда наконец,- сказала она резко, словно Тернер удерживал ее.

Ему пришлось долго толкать машину вниз по склону, пока не затарахтел мотор. Когда они понеслись вниз с холма, Тернер заметил, что черный "оппель" развернулся на площадке и поспешно двинулся следом за их машиной, соблюдая обычную дистанцию - ярдов в тридцать.

Она привезла его в Ремаген, в один из больших отелей на набережной. Хозяйка отеля, пожилая дама, усадив ее, ласково похлопала по руке.

- А где же этот маленький господин,- осведомилась она,- который был всегда так любезен и мил, курил сигары и изъяснялся на таком превосходном немецком языке?

- Он говорил с акцентом,- пояснила Хейзел Тернеру.- С легким английским акцентом. Он его специально усвоил.

На веранде было совершенно пусто, только в углу сидела какая-то молоденькая парочка. Присев к столику у окна, Тернер увидел, что "оппель" притормаживает у тротуара внизу, на набережной. Номер машины был уже другой, но лунообразные лица за стеклами - все те же. У Тернера мучительно болела голова. Отхлебнув виски, он сразу почувствовал тошноту. Он попросил воды. Хозяйка принесла бутылку местной минеральной воды и рассказала ему о всех ее полезных свойствах. Они поили этой водой раненых и в первую, и во вторую мировую войну, сказала она; тогда в их отеле располагался пункт первой помощи; всех, кто был ранен при переправе через реку, доставляли к ним.

- Он должен был встретиться со мной здесь в прошлую пятницу,- сказала Хейзел,- и повезти меня к себе домой обедать. Роули уезжал в Ганновер. В последнюю минуту Лео позвонил, что не придет. В четверг вечером он опоздал на свидание. Я не особенно встревожилась. Случалось, что он не приходил вовсе. Иногда задерживался на работе. Все уже стало немножко по-иному. Примерно с месяц назад. Сначала я думала, что у него другая женщина. Он вдруг начал исчезать из Бонна...

- Куда он исчезал?

- Один раз в Берлин. Потом в Гамбург. В Ганновер. В Штутгарт. Так он говорил, по крайней мере. Совсем как Роули. Я никогда не знала наверняка. Он был не слишком откровенен. Совсем не похож на вас.

- Итак, он появился с опозданием. В прошлый четверг. Дальше!

- Он обедал с Прашко.

- В "Матернусе"! - вырвалось у Тернера.

- Произошел "обмен мнений". Это один из леоизмов. Этакая неопределенность, уклончивость - можно понять и так, и этак. Как сослагательное наклонение - к нему он тоже прибегал с охотой. Словом, обмен мнений. Он не сказал, по поводу чего. Он казался озабоченным, словно его тяготило что-то. Я уже слишком хорошо его изучила, чтобы пытаться развеселить, вывести из этого со стояния; мы просто немножко погуляли. А он и следили за нами... И я поняла, что это и есть то самое.

- Что - то самое?

- Он получил год, который был ему нужен. И нашел то, что искал - бог весть что это такое.- а теперь не знал, как ему поступить.- Она пожала плечами.- А я тем временем тоже разобралась в себе. Но он об этом так и не узнал. А ему стоило только поманить меня пальцем, и я бы бросила все и ушла с ним.- Она глядела вниз на реку.- Никакие дети, мужья, ничто на свете не остановило бы меня. Ничто, позови он меня только.

- Что же такое он нашел? - понизив голос, прохрипел Тернер.

- Не знаю. Он что-то нашел и говорил об этом с Прашко, но ничего от него не добился. Лео это предвидел, но он должен был убедиться, вернуться к старому и проверить. Он хотел знать твердо, что может рассчитывать только на себя.

- Откуда вам все это известно? Что еще он вам рас сказывал?

- Меньше, чем ему казалось, вероятно. Я для него была как бы частью его самого.- Она пожала плечами.- Я была его другом, а друзья не задают вопросов. Не так ли?

- Продолжайте.

- "Роули уезжает в Ганновер,- сказал он.- Завтра вечером Роули уезжает в Ганновер". И тут же пригласил меня пообедать с ним в Книгсвинтере. "Это будет особый обед". Я спросила: "Ты хочешь отпраздновать что-то?" "Нет, нет, Хейзел, это не празднование. Просто сейчас особые дни,- сказал он.- Да и времени остается мало. Договора со мной уже не возобновят. После декабря все будет кончено. Так почему бы нам не пообедать вместе как-нибудь?" И он загадочно поглядел на меня. И потом мы снова отправились бродить по нашим любимым местам - он вел меня, я шла за ним. "Мы встретимся в Ре-магене,- сказал он,- мы встретимся здесь". И вдруг спросил: "Послушай, Хейзел, какого черта Роули таскается в Ганновер, что у него на уме?" А это было за два дня до их митинга - вот что он имел в виду.

Она очень забавно вдруг взяла и передразнила Лео: нахмурила брови с преувеличенным, явно наигранным, наивным простодушием - так, по-видимому, она нередко поддразнивала его, когда они оставались наедине.

- И что же было у Роули на уме? - спросил Тернер.

- Ничего, как выяснилось. Он никуда не поехал. И Лео, по-видимому, как-то узнал об этом, потому что забил отбой.

- Когда?

- Позвонил мне в пятницу утром.

- И что он сказал? Что именно он сказал?

- Именно это - что он не может встретиться со мной вечером. Причины он

не объяснил. Истинной причины. Ужасно огорчен, неотложные дела. Крайне неотложные. Этаким официальным тоном: "Мне очень жаль, Хейзел".

- И это все?

- Я сказала: "Хорошо".- Она явно не хотела разыгрывать перед Тернером трагедию.- "Желаю удачи".- Она опять пожала плечами.- Больше я его не видела и не слышала. Он исчез, и я встревожилась не на шутку. Я звонила к нему домой день и ночь. Вот почему вы были приглашены к нам на обед. Я подумала, что вы можете кое-что знать. Но вы ничего не знали. Любому дураку это было ясно.

Хозяйка выписывала счет. Тернер подозвал ее, попросил подать еще воды, и она вышла.

- Видели когда-нибудь вы этот ключ?

Он неуклюже извлек его из служебного конверта и положил перед ней на скатерть. Она взяла ключ, внимательно поглядела на него, держа на ладони.

- Где вы его взяли?

- В Книгсвинтере. В кармане синего костюма.

- Этот костюм он надевал по четвергам,- сказала она, продолжая рассматривать ключ.

- Вы дали ему этот ключ? - спросил Тернер с неприкрытым осуждением.- Это ключ от вашего дома?

- Вероятно, это единственный ключ, который я бы ему не дала,- помолчав, проговорила она наконец.- Единственная вещь, которую я бы для него не сделала.

- Продолжайте.

- Мне кажется, он этого добивался от Парджитер. Эта сучка Мэри Краб сказала мне, что у него была интрижка с Парджитер.- Она поглядела на набережную, туда, где в затененном месте, куда не падал свет фонарей, застыл в ожидании "оппель", потом ее взгляд перекинулся за реку - туда, где стоял дом Лео.- Он говорил, что посольство завладело чем-то, что по праву принадлежит ему. Чем-то из давно прошедших лет. "Они в долгу передо мной, Хейзел!" Он не хотел сказать, что это за долг. Воспоминания, сказал он. Дела давно минувших дней. И я должна раз добыть ключ, чтобы он мог взять то, что принадлежит ему по праву. Я сказала: "Поговори с ними. Поговори с Роули - он человек гуманный". Но он сказал - нет, Роули последний человек на свете, с которым он станет об этом говорить. И ведь то, что ему нужно, не представляет собой ни какой ценности. Это хранится у них где-то под замком, и они даже сами об этом не подозревают. Вы хотите меня прервать? Не надо. Молчите и слушайте. Я сообщая вам больше, чем вы заслуживаете.

Она отпила немного виски.

- Это была, кажется, наша третья встреча... у н а с в д о м е . Он лежал в постели и вдруг принялся говорить об этом: "Пойми, в этом нет ничего дурного, это не имеет отношения к политике - просто мне кое-что принадлежит по праву". И все было бы просто, если бы он мог нести дежурство, но по рангу ему этого не положено. А там у них в связке есть один ключ; они даже никогда не заметят его отсутствия; они и не помнят, сколько там всего ключей. Ему нужен один-единственный ключ.- Внезапно она заговорила о другом.- Личность Роули как-то притягивала его к себе. Туалетная комната Роули завораживала его. Все эти мелочи, без которых не обходится ни один джентльмен. Ему нравилось рассматривать их. И временами все это как бы олицетворялось для него во мне: жена Роули - вот чем я была для него порой, и только. Ему хотелось знать все особенности нашего домашнего обихода: кто чистит Роули ботинки, у кого он шьет костюмы. И вот так, как бы мимоходом, одеваясь, он

начал выкладывать на стол свои карты. Сделал вид, будто внезапно припомнил, о чем мы толковали всю ночь: "Да, послушай, Хейзел, ты же можешь раздобыть мне этот ключ? Когда-нибудь, когда Роули засидится допоздна у себя в кабинете. Позвони ему, скажи, что ты забыла что-нибудь в конференц-зале. Это же проще простого. А ключ этот - особенный,- сказал он.- Совсем непохожий на остальные, ты его сразу отличишь, Хейзел". Вот он, этот ключ,- сказала она бесстрастно, возвращая его Тернеру.- "Ты найдешь способ сделать это сам,- сказала я.- У тебя хватит на это сообразительности",

- Этот разговор происходил до рождества?

- Да.

- Боже милостивый, какой же я дурак! - прошептал Тернер.

- Почему? В чем дело?

- Ни в чем.- Глаза его сияли, он внезапно воспрянул духом.- Я же не подумал о том, что он мог его украсть. Я думал, что он снял с ключа слепок, а он просто стянул. Стянул, и все!

- Он не вор! Он настоящий мужчина. Он стоит десятка таких, как вы!

- О, еще бы, еще бы! Вы же не простые, вы оба избранные! Я не раз слышал всю эту галиматью, можете не сомневаться. Вы живете особой, недоступной для простых смертных, высокой духовной жизнью! Не так ли? Вы - творцы жизни, а Роули - жалкий несчастный поденщик. Вы - избранные личности, вы двое, вы отмечены свыше, а Роули питается крохами с барского стола, потому что любит вас. А я-то все время думал, что они хихикают и перешептываются по адресу Дженни Парджитер. Бог ты мой! Ну и бедняга! - сказал он и поглядел в окно.- Жаль мне его. Брэдфилд всегда был и будет мне крепко не по нутру, что уж тут кривить душой, но, черт подери, я сочувствую ему от всего сердца.

Бросив несколько монет на стол, он спустился вместе с ней по каменным ступенькам отеля. Она казалась испуганной.

- Он вряд ли рассказывал вам про некую Маргарет Айкман? Он собирался жениться на ней, да будет вам известно. Это была единственная женщина, которую он любил.

- Он никогда не любил никого, кроме меня.

- Но он никогда и не упоминал о ней в разговоре с вами? А другим, между прочим, он рассказывал про нее. Всем, кроме вас. Это была его большая, настоящая любовь!

- Я вам не верю... никогда не поверю! Отворив дверцу машины, он наклонился к Хейзел.

- Вас не выбьешь из седла, верно? Вы достигли своего. Он любил вас. Весь мир может катиться к чертям собачьим, к войне, только бы ваш любовник был с вами!

- Да. Я достигла своего. Он снова обрел себя со мной. Я помогла ему обрести себя. И что бы он сейчас ни делал, теперь он уже такой, каким должен быть, настоящий. Мы взяли от жизни свое, и я не позволю вам разрушить то, что принадлежит нам, не позволю - ни вам, ни кому-либо другому. Он нашел меня.

- А кроме вас, что он нашел еще? Каким-то чудом ей вдруг удалось завести мотор.

- Он нашел меня, и это вернуло его к жизни, и все остальное - то, что он нашел там, внизу,- тоже помогло ему вернуться к жизни.

- В н и з у ! Где внизу? Куда он скрылся? Отвечайте! Вы знаете! Что он вам сказал?

Даже не поглядев назад, она медленно тронула машину и поехала вдоль

набережной навстречу вечернему сумраку и тусклым отблескам огней.

Черный "оппель" отделился от тротуара и двинулся следом за ней. Тернер дал ему проехать, перебежал через улицу и вскочил в такси.

На стоянке в посольстве было полно машин, у ворот - двойной караул. "Роллс-ройс" посла снова стоял у подъезда, точно старое испытанное судно, готовое грудью встретить шторм. Тернер вихрем взлетел по лестнице, полы его плаща развевались как паруса, ключ был зажат в кулаке.

15. "СВЯТАЯ СВЯТЫХ"

Ч е т в е р г . В е ч е р

Два дипкурьера стояли возле контрольного поста; черные кожаные сумки, надетые поверх форменных курток, придавали им вид парашютистов.

- Кто сегодня дежурный? - с ходу спросил Тернер. - Я думал, что вы отбыли,- сказал Гонт.- Еще вчера, в семь часов вечера, так мне...

Дипкурьеры поспешно посторонились, заскрипев кожей.

- Мне нужны ключи.

Гонт заметил, что лицо у Тернера рассечено и заклеено пластырем, и глаза у него округлились.

Тернер схватил телефонную трубку, протянул ее Гонту и распорядился:

- Вызовите дежурного. Скажите ему, чтобы он спустился вниз с ключами. Немедленно.

Гонт запротестовал. На секунду вестибюль качнулся, и все поплыло куда-то, потом стало на свое место. Тернер услышал глупое валлийское бляение Гонта, жалобное и льстивое, и, грубо схватив его за руку, оттащил в сторону в темный коридор.

- Если вы не сделаете, как я вам сказал, вас вышвырнут отсюда к свиньям собачьим, и вы будете помнить меня до конца своей жизни.

- Я же объясняю вам: ключей не брали. Так где они?

- Здесь. У меня. В сейфе. Но вы не можете их получить, надо взять разрешение - вы же сами знаете!

- Они мне не нужны. Мне нужно только, чтобы вы их пересчитали, вот и все. Пересчитайте эти ключи, к чертовой матери.

Дипкурьеры смущенно переговаривались, понизив голос, с подчеркнуто незаинтересованным видом, но выкрики Тернера кромсали их диалог, рубили его, словно топором.

- Сколько должно быть ключей?

- Сорок семь.

Подозвав младшего охранника, Гонт отпер сейф, встроенный в обшитую панелью стену, и достал знакомую связку блестящих медных ключей. Оба дипкурьера, уже не в силах преодолеть любопытство, смотрели, как квадратные пальцы вахтера перебирают один ключ за другим, словно четки. Тернер пересчитал их раз, затем тут же - второй и протянул парню из охраны, который пересчитал их снова.

- Ну?

- Сорок шесть,- недовольно проворчал Гонт.- Действительно.

- Сорок шесть,- как эхо повторил охранник.- Одного не хватает.

- Когда их пересчитывали в последний раз?

- Это едва ли можно установить,- пробормотал Гонт.- Каждую неделю их брали, уносили, приносили.

Тернер указал на блестящую новую решетку, преграждавшую доступ к лестнице, ведущей в подвал.

- Как мне туда попасть?

- Я же вам объяснил. Ключ у Брэдфилда. Это запасной аварийный выход, понимаете? Охрана не имеет к нему доступа.

- Как же попадают туда технические служащие? Уборщики, например, истопники?

- В котельную теперь, после Бремена, сделан отдельный ход, ясно? И там внизу тоже поставлены решетки. Истопники пользуются наружной лестницей, но проникнуть они могут только в котельную, не дальше.- У Гонта был уже порядком испуганный вид.

- Должна же существовать пожарная лестница... служебный лифт?

- Есть черный ход, но он тоже на запоре. Понимаете, на запоре.

- А у кого ключи?

- У Брэдфилда. И от лифта тоже.

- А куда доходит лифт?

- До верхнего этажа.

- И там, кажется, находится ваша квартира?

- Ну и что из этого?

- Лифт доходит до самой вашей квартиры, доходит или нет?

- Почти.

- Покажите мне.

Гонт опустил глаза, поглядел себе под ноги, потом на охранника, потом на Тернера и снова на охранника. С явной неохотой он протянул охраннику ключи и, ни слова не сказав курьерам, начал быстро подниматься по лестнице; Тернер последовал за ним.

Здесь, казалось, день был еще в разгаре. Все комнаты ярко освещены, двери распахнуты. Дипломаты, секретарши, различные служащие торопливо сновали по коридорам; на Тернера и Гонта никто не обращал внимания. Все говорили только о Брюсселе. Название этого города передавалось шепотом из уст в уста, словно пароль. Оно было у всех на языке, его отстукивали все пишущие машинки, оно звучало во всех телефонных трубках, кричало со всех телеграфных лент. Они поднялись еще на один пролет лестницы и попали в недлинный коридор, где пахло сыростью, словно в бассейне. Откуда-то слева сильно тянуло сквозняком. Перед ними была дверь с табличкой: "Помещение охраны аппарата советников, посторонним вход воспрещен" и ниже еще одна табличка: "Мистер и миссис Дж. Гонт. Британское посольство. Бонн".

- Нам не обязательно входить внутрь, как вы считаете?

- Вот сюда он приходил и встречался с вами? И так повторялось каждый вечер в пятницу после спевки? Он поднимался сюда?

Гонт кивнул.

- А когда он уходил, вы провожали его? Выходили за ним следом?

- Он мне не позволял: "Сидите, сидите, дружище, смотрите ваш телевизор... Я сумею найти дорогу обратно".

- А это та самая дверь - на черный ход? Тернер указал налево, откуда тянуло сквозняком.

- Но она заперта, вы видите? Не отворялась бог знает сколько лет.

- Это единственный доступ туда, вниз?

- Лестница ведет прямо в подвал. Здесь сначала предполагалось сделать еще мусоропровод, но не хватило средств и построили только лестницу.

Дверь казалась крепкой, очень надежной, с двумя основательными запорами, которые, по-видимому, очень давно не отпирались. Острый луч

карманного фонарика обшарил закраину двери, затем пальцы Тернера тщательно ощупали деревянную обшивку и крепко обхватили дверную ручку.

- Подите-ка сюда. Вы примерно одного с ним роста. Ну-ка попробуйте сами. Возьмитесь за ручку. Не поворачивайте ее. Толкайте. Толкайте сильнее.

Дверь поддалась и распахнулась совершенно бесшумно.

На них повеяло холодом, затхлой сыростью. Они остановились на лестничной площадке. Ступеньки круто вели вниз. В небольшое окошко виднелось спортивное поле, прилегавшее к зданию Красного Креста. Внизу из-под колпака дымовой трубы посольской кухни вылетали мерцающие клубы дыма и таяли во мраке. Штукатурка на стенах надулась пузырями. Слышно было, как где-то каплет вода. Кусок дверной притолоки был аккуратно выпилен. Они начали спускаться вниз, освещая ступеньки карманным фонариком. Лестница была каменная, устланная посередине узкой циновкой. Остатки старого плаката на стене возвещали: "Милости просим всех вниз - в клуб посольства". Слышно было, как у кого-то что-то варится на плите, и тут же до них донесся женский голос, повторявший продиктованный текст телеграммы: "...в то время как официальные круги федерального правительства утверждают, что уход с совещания был вызван чисто техническими причинами, по мнению даже наиболее трезвых комментаторов...", и оба инстинктивно остановились и замерли, прислушиваясь,- каждое слово звучало с поразительной отчетливостью в лестничном пролете.

- Это через вентиляцию,- прошептал Гонт.- Она вы ходит на лестничную клетку.

- Молчите.

Они услышали неторопливый голос де Лилла, вносившего поправку.

- Объективных. О б ъ е к т и в н ы х будет звучать значительно лучше,- произнес де Лилл.- Будьте так добры, моя дорогая, замените "трезвых" на "объективных". Нам не следует давать им повод думать, что мы пытаемся утопить наши неудачи в вине.

Девушка хихикнула.

Они, по-видимому, спустились уже до подвального этажа, так как увидели перед собой кирпичные своды длинного коридора; куски штукатурки валялись на покрытом линолеумом полу. Сколоченная на скорую руку доска для объявлений напоминала о былых увеселениях: "Любительский театральный кружок посольства приглашает посетить рождественский спектакль. Будет представлена пьеса Гоголя "Ревизор". Кроме того, состоится большой детский праздник. Списки гостей, а также специальные пожелания по части меню и диетических блюд просим направлять в канцелярию до десятого декабря". Под этим стояла подпись: Лео Гартинг. И дата: 1957 год.

На мгновение Тернер утратил реальное ощущение времени и места; он пытался совладать с собой и не мог. Он снова слышал звон стекла, шорох сажи в камине, скрип снастей, пыхтенье барж на реке. Опять все та же дрожь, все то же пульсирование жизни где-то за пределами доступных слуху звуков.

- Что вы сказали? - спросил Гонт.

- Ничего.

Двигаясь словно в тумане и все еще испытывая дурноту, он наобум свернул в первый попавшийся коридор; в висках у него стучало.

- Вам, я вижу, нездоровится,- сказал Гонт.- Кто же это все-таки так вас отделал?

Они прошли в следующее помещение; здесь не было ничего, кроме старого токарного станка, на полу ржавели стружки. В противоположной стене они увидели дверь. Тернер распахнул ее - на секунду самообладание покинуло его,

и он отпрянул назад с возгласом испуга и отвращения. Однако перед ним были лишь металлические прутья еще одной решетки во всю высоту помещения от пола до потолка, да мокрый комбинезон свисал с проволоки, и капли воды с глухим стуком падали на цементный пол. Противно пахло стиркой и угаром; на кирпичной стене дрожал красный отблеск пламени, на стальных прутьях решетки танцевали огоньки. Это еще не Страшный суд, сказал себе Тернер, осторожно направляясь к двери напротив,- просто ночь, поезд, война, переполненный вагон, и все мы спим вповалку.

Дверь была стальная, она сверкала среди штукатурки; рама двери уже была тронута ржавчиной, и на поперечной перекладине виднелась полустершаяся казенная надпись: "Входа нет". Стена слева была когда-то покрашена белой краской, и Тернер заметил на ней царапины, оставленные тележкой. Под потолком горела лампочка в металлической сетке, отбрасывая на лица темный узор решетки. Тернер отчаянно старался вернуть себя к действительности. Под потолком, в обшитых изоляцией трубах, журчала и булькала вода, и горящий котел за стальной решеткой выплевывал белые искры, превращавшиеся на лету в мелькание крошечных черных точек.

Черт подери, думал Тернер, такой котел бы в топку "Куин Элизабет"; тут хватило бы жару, чтоб отправить на тот свет целую армию заключенных, а он обогревает эту фабрику призраков! Ему пришлось основательно повозиться с ключом, прежде чем он повернулся в замке. Внезапно замок щелкнул так громко, что казалось, его звук отозвался эхом где-то в самых отдаленных углах здания. Под дверь, видимо, набилось много шлака, потому что раздался скрежет и ее заело; Тернеру пришлось навалиться на дверь всем телом, а Гонт, валлиец, стоял позади, весь напрягшись от желания помочь и не решаясь сдвинуться с места. Сначала, шаря по стене в поисках выключателя, Тернер ничего не различал в темноте, затем тускло проглянуло единственное окошко, затянутое паутиной, и Тернера охватил страх, потому что это было слишком похоже на ненавистное - на тюрьму: сводчатое окошко было расположено высоко под потолком и заделано для надежности решеткой. Сквозь верхнюю часть окна был виден мокрый гравий стоянки для машин, и пока Тернер, чуть покачиваясь от головокружения, вглядывался в темноту, яркий луч фар медленно прополз по потолку, словно луч тюремного прожектора, вылавливающий беглецов, и рев мотора отъезжающей машины заполнил все уголки этого каземата. На подоконнике лежало солдатское одеяло, и Тернер подумал: "Ты не забыл, что надо затемнить окно, ты еще помнишь лондонские бомбежки".

Его пальцы нащупали выключатель, он показался ему похожим по форме на женскую грудь, и, когда он нажал кнопку, глухой щелчок отозвался громким ударом в его сердце, а поднявшаяся в воздух пыль ласково овеяла его лицо, оседая на черный цементный пол.

- У нас прозвали этот подвал "святая святых",- прошептал Гонт.

Тележка стояла в нише позади письменного стола. Сверху лежали папки, внизу - канцелярские принадлежности; все было разложено по формату, аккуратно, крест-накрест, часть - в больших, часть - в обычных конвертах, все было приготовлено так, чтобы быть под рукой. На столе, поближе к свету, стояла на своей квадратной фетровой подстилке пропавшая пишущая машинка в сером футляре, а рядом с ней - три-четыре жестяные коробки голландских сигар. Отдельно на небольшом столике - термос, несколько чашек, чайник со свистком, на полу - небольшой электрический вентилятор из двухцветной пластмассы, повернутый к письменному столу под таким углом, чтобы струя воздуха разгоняла сырость, на новом стуле с мягким сиденьем, обитым синтетической кожей,- розовая подушка с вышивкой по краям, сделанной рукой

мисс Айкман. Одним взглядом он охватил все эти предметы, сразу узнал их и коротко приветствовал про себя, словно старых знакомцев, он почти и не глядел на них - его глаза были уже прикованы к солидному архиву, заполнявшему стеллажи от пола до потолка; к тонким черным папкам с проржавевшими зажимами и полукруглыми выемками для больших пальцев, серым от плесени, покоробленным, сморщенным временем и сыростью, выстроившимся в шеренги, словно ветераны, ставшие в строй и ждущие команды.

Должно быть, он спросил, что это за документы, потому что Гонт начал что-то лепетать. Нет, он понятия не имеет, что в них. Нет, это не по его части. Нет. Они здесь с незапамятных времен, никто не помнит, как они сюда попали. Хотя, впрочем, кто-то говорил, что слышал, что это архив из Управления главного военного прокурора,- словом, он слышал, как что-то болтали на этот счет, болтали, что их привезли из Миндена на грузовиках и свалили здесь, благо, отыскалось для них местечко, это было лет двадцать назад, да, лет двадцать, никак не меньше, когда уходили оккупационные войска. И больше он ничего не знает, право, ничего; он просто случайно слышал, как об этом болтали, совсем случайно слышал, потому что он не сплетник, вот уж что-что, а это каждый про него скажет. Да куда там! Это было даже не двадцать лет назад, а еще раньше... Как-то раз летним вечером подъехали грузовики... Макмаллен и кто-то там еще чуть не всю ночь помогали их разгружать. Конечно, в т о в р е м я думали, что посольству может все это понадобиться... Доступа к ним никто не имел, ну а теперь - теперь кому они, в сущности, нужны? Раньше, бывало, кто-нибудь из аппарата советников спросит ключ, когда понадобится что-то здесь разыскать, но все это было давно. Гонт даже и не припомнит такого случая, сюда уже годами никто не заглядывает. Хотя, конечно, поручиться наверняка нельзя... Ему приходилось очень следить за своими словами, разговаривая с Тернером, это он уже понимал... Сначала ключ от этого помещения хранился где-то отдельно, а потом его присоединили к общей связке... Однажды - точно он не припомнит, когда это было,- ему опять довелось слышать разговоры про этот архив: Маркс, один из шоферов - он здесь уже больше не работает,- говорил, что это вовсе не из Управления главного военного прокурора, а что это - архив английских разведывательных групп специального назначения... Гонт продолжал еще что-то настойчиво бубнить, таинственно понизив голос, словно старая сплетница в церкви, но Тернер его больше не слушал. Он увидел карту.

Обыкновенную географическую карту, отпечатанную в Польше.

Она была прибита над письменным столом, там, где чаще всего вешают портреты детей,- прибита совсем недавно: следы в штукатурке были еще свежие. Почти немая карта - на ней не было нанесено ни городов, даже самых крупных, ни границ государств; маленькие стрелки не отмечали магнитных склонений, даже масштаба указано не было; единственное, что на ней имелось,- это местоположение концентрационных лагерей: Нейенгамме и Бель-зен - на севере; Дахау и Маутхаузен - на юге; Треб-линка, Собибор, Майданек, Бельцек и Освенцим - на востоке, и в центре - Равенсбрюк, Заксенхаузен, Кульмхоф и Гросс-Розен.

"Они передо мной в долгу",- внезапно пронеслось у Тернера в голове. Они передо мной в долгу- Боже милостивый, какой же я дурак! Пустоголовый, тупой идиот. Вот что ты крал, Лео,- ты приходил мародерствовать среди трупов своего собственного загубленного детства.

- Ступайте. Если вы мне понадобится, я вас позову,- сказал Тернер, тяжело опершись рукой о полку, и поглядел на Гонта невидящим взглядом.- И никому ни слова: ни Брэдфилду, ни де Лиллу, ни Крабу - никому, понятно?

- Я не скажу,- пообещал Гонт.

- Меня здесь нет. Я не существую. Я не появлялся в посольстве сегодня вечером. Вы меня поняли?

- Вам бы надо сходить к врачу,- сказал Гонт.

- Пошел к чертовой матери.

Он пододвинул стул, сбросил на пол подушку и присел к письменному столу. Подперев голову рукой, он ждал, когда комната перестанет качаться у него перед глазами. Он был один. Он был один, как Гартинг, в комнате, наполненной краденными вещами, и жил он сейчас, как Гартинг,- жил во времени, взятом взаймы, и, как Гартинг, охотился за сокрытой истиной. Возле окна был водопроводный кран, и, набрав воды в электрический чайник, он включил его и прислушивался, пока чайник не зашумит. Возвращаясь к столу, он споткнулся о лежавшую на полу зеленую сумку. Она была величиной с небольшой портфель, но более твердая, прямоугольной формы, из очень плотной синтетической кожи, из какой делают коробки для игральные карты и кобуры; углы были окованы тонкой сталью; возле ручки - инициалы королевы; замок был сломан, и сумка пуста. "Разве все мы не делаем то же самое - ищем там, где нечего искать?"

Он был один на один с этими папками и с запахом сырости, прогретой теплом электрического камина, со слабым, безжизненным дуновением пластмассового вентилятора и глухой воркотней закипающего чайника. Он начал медленно переворачивать страницы. Некоторые из папок были очень старые - те, что лежали, снятые с полок; записи - частично на английском языке, частично - на немецком, жестким готическим шрифтом, острым, как колючая проволока. Имена собственные возвышались над строчками, точно атлеты,- сначала фамилия, затем имя, под ними всего несколько строк, а внизу - торопливо проставленная подпись, санкционирующая окончательное решение чьей-то судьбы. Папки, лежавшие на тележке, были, наоборот, совсем новые, бумага гладкая, хорошего качества, в подписях под протоколами мелькали знакомые фамилии. И несколько скоросшивателей с регистрацией входящей и исходящей почты.

Он был один, он стоял в самом начале пройденного Гартингом пути - только его следы могли составить ему компанию да шорох воды в трубах за дверью, столь же унылый, как шарканье деревянных колодок по доскам эшафота. "Они тоже спят стоя, как лошади?" - вспомнился ему голос Хейзел Брэдфилд. Он был один. "И то, что он нашел там, внизу, тоже помогло ему вернуться к жизни".

Медоуз спал. Он бы ни за что на свете не признался в этом, и Корк из чувства сострадания ни за что на свете не позволил бы себе укорить его этим; к тому же, надо отдать Медоузу должное, глаза у него были открыты - он тоже как те лошади, о которых упомянула Хейзел Брэдфилд, вроде и спал и не спал. Он откинулся на спинку мягкого библиотечного кресла в позе человека, пользующегося заслуженным отдыхом, а в открытое окно уже врвался шум просыпающегося города.

- Я сдаю смену Биллу Сатклифу,- как бы между прочим, но намеренно громко сказал Корк.- Вам больше ничего не нужно? Мы вскипятили чайник, может, выпьете с нами чашечку?

- Все в порядке,- слегка заплетаящимся языком пробормотал Медоуз, резко выпрямляясь в кресле.- Сейчас все будет сделано.

Корк, стоя у открытого окна и глядя вниз на площадку для автомобилей, промолчал, давая Медоузу собраться с мыслями.

- Мы вскипятили чайник, может быть, выпьете чашечку,- повторил он.- У

Валери все готово.- Он держал в руке пачку телеграмм.- Такой ночи и не припомню с самого Бремена. Проговорили до рассвета. Слова, слова. К четырем часам утра они уже забыли всякую осторожность. Его превосходительство и министр беседовали прямо по открытому каналу. С ума можно сойти! Этак они могут выболтать все: код, шифровки - всю чертову меха нику.

- Да они ее уже выболтали,- пробормотал Медоуз, не столько отвечая Корку, сколько разговаривая сам с собой, и тоже подошел к окну,- с помощью Лео.

Самый зловещий восход солнца не может быть полностью зловещим. Земля живет по своим законам, ее краски, звуки, запахи существуют сами по себе, они не могут подтверждать наши мрачные предчувствия. Даже охрана у ворот, удвоенная на ночь, имела какой-то несуровый, домашний вид. Длинные кожаные пальто полицейских мягко блестели в утренних лучах, и все выглядело как-то удивительно безобидно; полицейские размеренно, солидно вышагивали вдоль здания. Корк почувствовал прилив оптимизма.

- По моим расчетам, это должно совершиться сегодня,- заявил он.- К обеду я стану отцом. Что вы на то скажете, Артур?

- Они никогда не торопятся,- сказал Медоуз.- Особенно по первому разу.- И они принялись подсчитывать автомобили.

- Все как есть на местах,- заявил Корк.

- Вы слышите? - внезапно сказал Медоуз.- Замолчите и послушайте.

- Какого дья...

- Тише.

Из противоположного конца коридора доносился стойкий монотонный шум, похожий на гудение мотора взбирающейся в гору машины.

- Этого не может быть,- резко сказал Корк.- Ключи у Брэдфилда, и он...- Они услышали металлический стук захлопнувшейся раздвижной решетчатой двери и глухое шипение гидравлического тормоза.

- Да нет, это кровати! Вот и все. Привезли еще кровати. Они пустили лифт, чтобы поднять кровати. Брэдфилд разрешил отпереть.- И как бы в подтверждение этой теории послышались звонкие удары металла о металл и скрип пружин.

- Его превосходительство и министр говорили еще по поводу сегодняшней демонстрации. Канцлер сказал, что нам не о чем беспокоиться. Немецкое посольство в Лондоне дает сообщения во Дворец. "Встреча закончилась,- зевнув, добавил Корк,- в двадцать два часа двадцать минут обычным обменом любезностями. Для прессы будет составлено совместное коммюнике". А тем временем что творится у экономического советника! А торговый атташе подсчитывает потери от спекуляции, направленной против курса фунта. Или против английского золотого запаса. Или против чего-то еще. А может, мы на краю кризиса? И кому до этого дело?

- Вам бы следовало пройти аттестацию,- сказал Медоуз.- Вам здесь негде развернуться.

- Я развернусь двойней,- сказал Корк, и в эту минуту Валери подала чай.

Медоуз уже подносил кружку с чаем к губам, когда услышал громохание тележки и знакомую трель скрипучих колес. Валери от неожиданности грохнула поднос на стол, расплескав чай и забрызгав сахар в сахарнице. На ней был зеленый свитер, и Корк, всегда не без удовольствия поглядывавший на нее, заметил, когда она обернулась к двери, что высокий ворот свитера слегка натер ей шею. Опередив всех, Корк сунул телеграммы Медоузу, подошел к двери и выглянул в коридор. Да, это была их тележка, доверху нагруженная красными и черными папками, и Ален Тернер толкал ее перед собой. Он был в одной

рубашке, без пиджака, под глазами у него темнели огромные синяки. Одна губа была рассечена и зашита на скорую руку. Он был небрит. Поверх всей груди папок лежала спецсумка. Корк говорил впоследствии, что у Тернера был такой вид, словно он в одиночку пробился с этой тележкой через неприятельскую линию фронта. По мере его продвижения по коридору все двери отворялись одна за другой: Эдна распахнула дверь машинного бюро, за ней - Краб, Парджитер, де Лилл, Гевистон; сначала высывалась голова, затем появлялось туловище, и когда Тернер добрался до двери архива и канцелярии, откинул перекладину стальной перегородки и небрежным жестом вытолкнул тележку прямо на середину комнаты, лишь одна-единственная дверь еще продолжала оставаться закрытой - дверь кабинета старшего советника посольства Роули Брэдфилда.

- Пусть тележка стоит здесь. Никто ни к чему не прикасайтесь.

Тернер пересек коридор и, не постучавшись, вошел в кабинет Брэдфилда.

16. "ВСЬ ЭТОТ ОБМАН"

П я т н и ц а . У т р о

- Я полагал, что вы отбыли.- В голосе звучало не удивление, а скорее усталость.

- Я не попал на самолет. Разве она не сообщила вам об этом?

- Что, черт возьми, сделали вы со своим лицом?

- Зибкрон послал каких-то молодчиков произвести обыск у меня в номере.

Искали чего-нибудь новенького о Гартинге. Я им помешал.- Он опустился на стул.- Они "англофилы". Как Карфельд.

- Дело Гартинга нас больше не интересует.- Брэдфилд подчеркнуто неторопливо отложил в сторону прочитанные телеграммы.- Я отправил в Лондон его документы вместе с письмом, оценивающим размеры причиненного нам вреда. Всем остальным будут заниматься уже оттуда. Я не сомневаюсь, что в надлежащий момент будет принято решение, следует ли нам информировать о случившемся остальных участников НАТО.

- Значит, вам придется дезавуировать ваше письмо. И пересмотреть ваши оценки.

- Я всячески шел вам навстречу,- оборвал его Брэдфилд с прежней, внезапно вспыхнувшей враждебностью.- Проявлял всяческое снисхождение. И к вашей малопочтенной профессии, и к вашему невежеству в области дипломатических отношений, и к вашей из ряда вон выходящей невоспитанности. Ваше пребывание здесь не принесло нам ничего, кроме беспокойства и неприятностей; вы, словно нарочно, старались восстановить против себя всех. Какого черта позволили вы себе остаться в Бонне, когда я распорядился, чтобы вы уехали? Почему вы врываетесь ко мне в кабинет в этом неподобающем виде? Или вы не имеете представления о том, что сейчас происходит? Сейчас пятница! Разрешите вам напомнить, раз вы, по-видимому, изволили об этом позабыть, что на сегодня назначена демонстрация.

Тернер не двинулся с места, и гнев Брэдфилда одержал верх над его усталостью.

- Ламли предупреждал меня, что вы человек грубый, неотесанный, но энергичный; пока что вы сумели проявить лишь свою неотесанность. Меня несколько не удивляет, что с вами так обошлись,- вы сами нарываетесь на подобное обхождение. Я предупреждал вас о том, какой вред может принести ваша деятельность, я изложил вам свои соображения, в силу которых дальнейшее

расследование должно быть прекращено, и я старался закрыть глаза на ничем не оправданную грубость, которую вы проявили по отношению к моим сотрудникам. Но теперь с меня хватит. Я запрещаю вам переступать порог посольства. Убирайтесь вон.

- Я нашел папки,- сказал Тернер.- Все папки, все, что пропало. И тележку. И пишущую машинку, и стул. И электрический камин, и вентилятор де Лилла.- Его голос звучал надломленно, словно ему было безразлично, поверят ему или нет, и взгляд, казалось, бродил где-то за пределами кабинета.- И чайные чашки, и всю прочую утварь, которую он понемногу к себе натаскал. И письма, которые он забирал из экспедиции и не отдавал Медоузу. Они были адресованы ему, Лео, понимаете. Это все были ответы на те письма, что он рассылал. Он завел там у себя внизу целое управление - филиал вашего аппарата советников. Только вы об этом и не подозревали. Он открыл всю истинную правду про Карфельда, и поэтому они теперь гонятся за ним.- Он легонько потрогал свою щеку.- Те, что расправились со мной, теперь гонятся за Лео. А он скрывается, потому что узнал слишком много и задавал слишком много вопросов. Насколько я понимаю, они его, верно, уже схватили. Очень жаль, что я так долго вам здесь докучал,- сказал он сухо.- Но вы видите, как обстоит дело. Мне бы хотелось выпить чашку кофе, если позволите.

Брэдфилд не шелохнулся.

- А Зеленая папка?

- Ее нет. Осталась только пустая сумка.

- Он взял ее?

- Я не знаю. Он или, быть может, Прашко. Не знаю.- Он покачал головой.-

Мне очень жаль.- Помолчав, он сказал: - Вы должны разыскать его, прежде чем это сде лают они. Иначе они убьют его. Вот зачем я к вам пришел. Карфельд - обманщик и убийца, и у Гартинга есть тому доказательства. До вас доходит то, что я вам говорю? - спросил он, неожиданно повысив голос.

Брэдфилд пристально смотрел на него, не проявляя ни малейшей тревоги.

- Когда Гартинг заинтересовался Карфельдом? - спросил Тернер, словно обращаясь к самому себе.- Он не хотел ничего замечать поначалу. Поворачивался ко всему спиной, старался забыть. Старался не видеть. Жил, как все мы, держа себя в узде, не желая вмешиваться, и называл это отказом от себя во имя общего блага. Разводил сад, посещал званые вечера. Занимался разными пустяками. Старался выжить и не впутываться ни во что. Прятал голову в плечи, чтобы колеса жизни катились мимо, не задевая. Так было до октября, пока Карфельд не показал своей силы. Он знал Карфельда - вот в чем дело, понимаете? И Карфельд был перед ним в долгу. Это много значило для Лео.

- В чем это он был перед ним в долгу?

- Погодите. Мало-помалу он начал... возвращаться к жизни. Он позволил пробудиться своим чувствам. Мысль о Карфельде мучила его, не давала ему покоя. Мы с вами оба знаем, как это бывает, когда что-то мучит. Физиономия Карфельда была повсюду - так же, как сейчас. Хмурящая брови, ухмыляющаяся, угрожающая... Его имя звучало в ушах Лео, не умолкая: Карфельд - обманщик, Карфельд - убийца. Карфельд - шарлатан.

- Что за чушь вы порете! Нельзя же быть столь смехотворно нелепым.

- Лео все это стало наконец невыносимо - весь этот обман. Ему захотелось правды. Спячка его плоти и ума закончилась. Он исполнился отвращения к самому себе за то, чего не сумел совершить, за то, чего не доделал, за то, что мало старался, и за то, что слишком старался... Ему было тошно и от своей обиденности, и от своих трюков, уловок. Нам всем знакомо это чувство, не правда ли? Так вот, Лео страдал от него. Очень страдал. И

тогда он решил добыть то, что жизнь ему задолжала,- чтобы свершился суд над Карфельдом. У него, понимаете, была хорошая па мять. Я знаю, что это совсем не модно в наши дни. Он на чал строить планы. Первое: проникнуть в архив и канцелярию; второе: возобновить свой договор и потом завладеть досье "Сведения об отдельных лицах" - старыми папками, документами, уже предназначенными к уничтожению, дав но, можно сказать, преданными забвению и упрятанными в вашу "святая святых". Он решил попробовать свести концы с концами, поднять архив, расследовать все заново...

- О чем вы толкуете, я ни слова не понимаю. Вы просто больны. Вам надо пойти и лечь в постель.- Его рука поднялась к телефону.

- Прежде всего он завладел ключом - это оказалось проще простого. Положите трубку! Оставьте в покое телефон! - Рука Брэдфилда замерла в воздухе, затем легла на стол.- После этого он принялся за работу в вашей "святая святых". Он организовал там свою собственную маленькую канцелярию - дела, переписку, регистрацию - и перебрался туда. Если ему что-нибудь требовалось из канцелярии, он это крал. Вы же сами сказали, что он вор. Вам ли не знать.- На мгновение голос Тернера смягчился, в нем прозвучало сочувствие.- Скажите, когда вы опечатали подвал? После Бремена, верно? В конце недели? Вот тут он запаниковал. Единственный раз. И тогда он стащил тележку. Нет, слушайте! Я сейчас расскажу вам о Карфельде. О его докторской степени, о службе в армии, о ранении под Сталинградом, о его химическом заводе...

- Всевозможные слухи на этот счет циркулируют здесь уже не первый месяц. Как только Карфельд показал, что он может серьезно претендовать на руководящую роль в политике, мы постоянно слышим разные истории о его прошлом, и всякий раз он чрезвычайно успешно опровергает их. Во всей Западной Германии едва ли сыщется хотя бы один более или менее видный политический деятель, которого коммунисты рано или поздно не попытались бы опорочить.

- Лео не коммунист,- сказал Тернер, и в голосе его вдруг прозвучала смертельная усталость.- Вы же сами сказали, что он - примитивная натура. В течение многих лет он сторонился политики, боясь того, что может вскрыться. Я ведь не сплетни пересказываю вам. Я сообщаю факты - то, что на нашем родном английском языке принято называть фактами. И факты сугубо секретные. И все они со держатся в нашем собственном английском архиве и запер ты в подвальном помещении нашего собственного английского посольства. Вот где он их раскопал, и теперь даже вы не можете похоронить их там снова.- В его словах не зву чало никакой враждебности, никакого торжества.- Если вы хотите лично во всем этом удостовериться, то все документы находятся сейчас в вашей канцелярии. Вместе с пустой спецсумкой. Есть там кое-что, в чем мне не удалось разобраться до конца: я недостаточно хорошо знаю немец кий язык. Я распорядился, чтобы никто не прикасался к этим документам.- Он вдруг усмехнулся, что-то припомнив - быть может, затруднения, с которыми ему пришлось столкнуться.- Вы едва не замуровали его там, сами того не подозревая. Он спустил вниз тележку в конце недели, и как раз в это время были установлены решетки и опечатан лифт. Он был в ужасе, что не сможет продолжать работу, не сможет больше проникнуть в "святая святых". До этой минуты все было для него шуточным делом. Схватить какую-нибудь нужную папку - он ведь имел доступ всюду, вы же знаете, работа над "Сведениями об отдельных лицах" давала ему это право,- шмыгнуть с ней в лифт, отнести в подвал и спрятать там. Но вы, хотя и невольно, положили этому конец: аварийные решетки расстроили все его планы. Тогда он погрузил все, что могло ему понадобиться, на тележку и просидел там, внизу, весь конец недели -

ждал, когда уйдут рабочие. Чтобы выйти наружу, ему пришлось взломать замок на черном ходу. А после этого он уповал лишь на то, что Гонт будет приглашать его к себе на верхний этаж. В простоте душевной, конечно, ни о чем не подозревая. Здесь все до единого действуют, так сказать, в простоте душевной. И я должен принести вам свои извинения,- неожиданно прибавил он смущенно,- за то, что я вам сказал. Я был не прав.

- Едва ли это самый подходящий момент для извинения,- сказал Брэдфилд и позвонил мисс Пит, чтобы она принесла кофе.

- Я хочу рассказать вам о том, что там, в этих документах,- сказал Тернер.- О деле Карфельда. И вы очень меня обяжете, если будете слушать, не прерывая. Мы оба устали, и времени у нас в обрез.

Брэдфилд положил на свой бювар лист голубоватой бумаги для черновиков и уже держал наготове ручку. Мисс Пит налила кофе в чашки и вышла. Выражение ее лица и единственный, исполненный презрения взгляд, брошенный на Тернера, были выразительнее любых слов, которые могли сыскаться в ее словаре.

- Я хочу рассказать о том, что ему удалось собрать. Потом, если вам угодно, можете отыскивать неувязки, опровергать.

- Постараюсь по мере своих сил,- сказал Брэдфилд, и губы его тронула улыбка, словно что-то возродив в нем на миг.

- Возле Данненберга, почти у самой границы Английской зоны есть деревушка. Называется Гапсторф. Она расположена в лесистой долине, обитателей - раз, два и обчелся. Вернее, так было. В тридцать восьмом году немцы построили там фабрику. Это была старая бумажная фабрика на берегу быстрой речушки и рядом - домик, притулившийся к скале. Потом немцы демонтировали фабрику, построили вдоль реки ряд лабораторий и превратили все это в небольшое секретное предприятие для выработки определенного рода газа.

Он отхлебнул кофе, положил в рот кусочек бисквита и, склонив голову набок, медленно, с большой осторожностью принялся жевать- по-видимому, преодолевая боль.

- Отравляющего газа. Выбор был понятен: быстрая речка, удобная для стока, хорошо укрытое от бомбежки место и крошечная деревушка, из которой немцам ничего не стоило выселить тех, кто был им неугоден. Все ясно?

- Все ясно.- Пока Тернер говорил, Брэдфилд уже на чал записывать кое-какие основные моменты. Тернер увидел, что слева от каждого абзаца он ставит цифры, и подумал: "Для чего он все это нумерует? Как будто можно опровергнуть факты, если их пронумеровать".

- Местное население утверждает, что не имело представления обо всех этих делах, и, по-видимому, это так. Они знали только, что фабрика была демонтирована, а вместо прежнего оборудования завезено много нового, очень дорогого с виду. Они знали также, что у складов поставлена круглосуточная охрана и что сотрудникам этого предприятия запрещено общаться с местным населением. На тяжелой физической работе там занимали иностранцев - французов и поляков, которых вообще не выпускали за пределы предприятия, так что и с низшим персоналом ни какого общения не было. И все знали насчет животных. Главным образом это были обезьяны, но также и козы, и овцы, и собаки. Все эти животные, раз попав туда, уже не вы ходили обратно. Имеется докладная записка местного гаулейтера, к которому поступало много жалоб от людей, любящих животных.

Тернер поднял глаза на Брэдфилда и сказал с неподдельным изумлением:

- Понимаете, он работал там ночи напролет, все докапывался до сути.

- Он занимался совершенно не своим делом и не имел права там находиться. Доступ в архив подвального этажа был запрещен много лет назад.

- Ничего, он ходил туда не понапрасну. Брэдфилд продолжал что-то писать.

- За два месяца до конца войны все это предприятие было уничтожено английскими бомбардировщиками. Пря мое попадание. Взрыв был чудовищный. Все смело с лица земли вместе с деревушкой. Иностраные рабочие погибли. Говорят, что звук взрыва был слышен за много миль,- там, как видно, было чему взрываться.

Перо Брэдфилда быстро бегало по бумаге.

- Во время этой бомбежки Карфельд уже находился у себя на родине в Эссене. Это абсолютно точно. Он говорит, что хоронил там свою матушку. Она была убита во время воздушного налета.

- Ну и что же?

- Он был в Эссене, это верно. Но он не хоронил своей матушки. Она умерла двумя годами раньше.

- Вздор! - воскликнул Брэдфилд.- Пресса уже давным-давно...

- В наших досье имеется фотокопия первоначального подлинного свидетельства о ее смерти,- спокойно, не повышая голоса, произнес Тернер.- Что представляет собой новое свидетельство, я не знаю. И кто его сфабриковал. Хотя, мне кажется, мы оба можем легко об этом догадаться, не слишком насилуя свое воображение.

Брэдфилд метнул на него быстрый, оценивающий взгляд.

- По окончании войны англичане были в Гамбурге и направили группу расследования поглядеть, что осталось от Гапсторфа, собрать трофеи, сделать снимки. Словом, обычную группу расследования без всяких специальных заданий. Думали, может быть, удастся разыскать кого-либо из работавших там ученых, удастся воспользоваться в какой-то мере их опытом - словом, вы понимаете. Поступило сообщение, что ничего обнаружено не было. И одновременно поступило сообщение о кое-каких слухах. Французский рабочий, один из немногих оставшихся в живых, рас сказал, что там в качестве подопытных животных использовались люди. Не сами рабочие, сказал он, а другие люди, которых туда привозили. Поначалу они пользовались животными, сказал он, а потом им уже этого оказалось мало, им потребовалось настоящее, и тогда стали специально доставлять туда людей. Он сказал, что как-то раз ночью дежурил у ворот - он к тому времени уже вошел к ним в доверие, и вдруг немцы приказали ему вернуться в барак, лечь спать и не появляться до утра. У него возникли подозрения, он спрятался и стал подсматривать. Он увидел странную вещь: серый автобус, обыкновенный одноэтажный серый автобус проехал все ворота одни за другими, и никто его не остановил и не проверил документов. Автобус скрылся в глубине территории, там, где были расположены склады, и через несколько минут появился снова и уехал тем же путем, только быстрее. Пустой.- Тернер замолчал, вынул из кармана носовой платок и осторожным движением приложил его ко лбу.- Этот француз рассказал еще, что одному его приятелю-бельгийцу предложили за большие деньги работать в новых лабораториях под самой скалой. Он пробыл там двое суток и вернулся бледный, как привидение. Клялся, что не проведет там больше ни одной ночи, хоть ты его озолоти. А на следующий день он исчез. Сказали, что его перевели куда-то. Но до того, как исчезнуть, он успел поговорить со своим приятелем и назвал ему некоего доктора Клауса. Доктор Клаус, сказал он, это здесь главный начальник, главный администратор, он все организует, все подготавливает, облегчает работу ученых. Именно этот доктор Клаус и

предложил бельгийцу поработать в лаборатории.

- Разве это можно считать свидетельскими показаниями?

- Обождите. Вы не торопитесь. Посланная туда группа доложила о том, что было ею обнаружено, и копию доклада направила в местный отдел по расследованию военных преступлений. Там взяли это дело на себя. Они допросили француза, получили от него подробное заявление, но не могли найти подтверждения его словам. Одна старушка, державшая цветочный магазин, рассказала, что как-то ночью слышала крики, но в какую именно ночь это было, старушка не помнила и к тому же не могла поручиться, что кричали люди, а не животные. Словом, все было крайне неопределенно.

- Да, действительно, крайне...

- Послушайте,- сказал Тернер.- Мы ведь с вами по одну сторону теперь, не так ли? Все двери открыты, больше уже нечего открывать.

- Может случиться, что какие-то еще понадобится закрывать,- сказал Брэдфилд, снова принимаясь писать.- Так бывает.

- В отделе не хватало людей, все были перегружены работой, и дело постепенно заглохло. Документы подшили куда следует, и на этом все прекратилось. В то время были дела поважнее. Доктора Клауса занесли в списки и поза были о нем. Француз вернулся к себе на родину, старушка позабыла про крики, и на том все и кончилось. Пока не всплыло снова два года назад.

- Минуточку.

Брэдфилд писал старательно, не спеша. Как всегда аккуратно, разборчиво выводил буквы, не желая никому доставлять потом лишних хлопот.

- А затем случилось нечто непредвиденное. То, что тем не менее всегда может случиться. Какой-то фермер, проживающий неподалеку от Гапсторфа, купил у местного муниципалитета клочок пустыря. Участок был незavidный - каменистый, поросший кустарником,- но он надеялся, что сможет его обработать. Начал копать, пахать и выкопал тридцать два трупа. Немецкая полиция осмотрела трупы и поставила в известность об этой находке оккупационные власти. Все преступления против граждан союзных государств подлежали юрисдикции союзного командования. Расследование велось английским судом, и было установлено, что тридцать один человек умер в результате отравления газом. На тридцать втором была куртка, какие носили иностранные рабочие, и он был застрелен в затылок. И еще было обнаружено кое-что; то, что по-настоящему взбудоражило всех. Трупы были изуродованы.

- Изуродованы?

- Вскрыты. И расчленены. Кто-то уже над ними поработал. Тогда все это дело было поднято заново. Кое-кто в поселке припомнил, что доктор Клаус прибыл из Эссена.

Брэдфилд перестал писать, он положил перо, сцепил пальцы и внимательно посмотрел на Тернера.

- В Эссене началось расследование: среди всех химиков, имевших ученую степень и способных проводить исследовательскую работу, стали искать человека по имени Клаус. Поиски очень быстро привели к Карфельду. Он не имел докторской степени, но это выяснилось позже. В то время было уже известно, что весь штат лаборатории работал под псевдонимами, следовательно, ничто не мешало им присвоить себе также и ученые степени. Эссен находился в английской зоне, и Карфельд был призван к ответу. Он отрицал все от начала до конца. Вполне естественно. Не забудьте: помимо трупов, никаких улик, в сущности, не было. Если не считать одного случайного совпадения.

Брэдфилд не прерывал его на этот раз.

- Вы слышали о так называемой "легкой смерти" - плане умерщвления

неполноценных?

- Гадамар.- Брэдфилд кивнул в сторону окна.- Ниже по течению, Гадамар,- повторил он.

- Гадамар, Вейлмюнстер, Эйхберг, Кальменхоф - клиники для уничтожения неугодных, всех, кто жил за счет государства и не мог внести своей лепты, содействовать его укреплению. Вы можете прочесть немало об этом в вашей "святая святых", а также в вашем архиве, в документах, предназначенных к уничтожению. Прежде всего люди, намеченные к истреблению, были распределены по категориям. Ну, вы знаете: калеки, психически неполно ценные, недоразвитые, дефективные дети в возрасте от восьми до тринадцати лет. Дети, которые мочатся в постель. За редким исключением все эти жертвы были немецкими гражданами.

- Они у них там назывались пациентами,- с глубоким отвращением произнес Брэдфилд.

- По-видимому, время от времени среди этих "пациентов" производили отбор - их использовали для неких медицинских целей. Детей наравне со взрослыми.

Брэдфилд кивнул, как бы подтверждая, что и это ему известно.

- К тому времени, когда возникло Гапсторфское дело, американцы и немцы успели уже провести довольно большую работу в области расследования вышеупомянутого плана "легкой смерти" для неполноценных лиц. На ряду с прочим они получили доказательства того, что был отобран целый автобус "гибридных рабочих" для "несения сопряженной с опасностью службы в научно-исследовательских химических лабораториях в Гапсторфе". В этом автобусе находился тридцать один человек. Между прочим, они пользовались автобусами серого цвета - если вам это что-нибудь напоминает.

- Ганновер,- тотчас сказал Брэдфилд.- Автобусы с охраной.

- Карфельд - прирожденный администратор. Все восторгаются этим его талантом. Так было, так есть. Приятно сознавать, что он не утратил своей былой хватки, не правда ли? Он из тех, кто любит идти по проторенной дорожке.

- Перестаньте рассусоливать. Давайте самую суть, быстро.

- Так вот, серые автобусы. На тридцать одного пассажира плюс места для охраны. Стекла в окнах замазаны черной краской изнутри. Везде, где только можно, они передвигались преимущественно ночью.

- Вы сказали, что было обнаружено тридцать два трупа, а не тридцать один...

- А ведь был еще бельгийский рабочий - вы забыли про него? Тот, что работал в лаборатории под скалой и разговаривал с французом из охраны. Они знали, как с ним следует поступить, не беспокойтесь. Ему стало известно слишком многое, понимаете? Как теперь - Лео.

- Ну-ка, держите,- сказал Брэдфилд, приподнимаясь и передавая Тернеру чашку кофе.- Выпейте еще.

Тернер взял чашку, и рука его почти не дрожала.

- Словом, когда решено было привлечь Карфельда к ответу, его забрали, привезли в Гамбург, предъявили ему обвинение на основе всех имевшихся улик, показали трупы, и он рассмеялся им в лицо. Сплошной вздор, сказал он, все, от начала до конца. Никогда в жизни он не был в Гапсторфе. Он инженер. Занимался монтажом. Затем весьма подробно описал свое пребывание на русском фронте, где получил в свое время военные медали и прочие награды. Думаю, что эсэсовцы сфабриковали ему все это. Он очень красочно расписывал свое участие в боях под Сталинградом. Кое-где концы не сходились с концами,

но таких неувязок было не слишком много, и в общем он твердо выдержал до конца допрос и продолжал утверждать, что его нога не ступала в Гапсторф и он слыхом не слыхал ни о каких лабораториях. На все вопросы: нет, нет, нет. Так продолжалось не один месяц. Он твердил свое: "Ну что же, если у вас имеются доказательства, открывайте судебный процесс. Передавайте дело в трибунал. Я ничего не боюсь, я герой войны. Я никогда в жизни ничем не управлял, кроме принадлежавших нашей семье заводов в Эссене, которые, как вам известно, разбомбили англичане. Я воевал в России, я никогда не травил газом никаких гибридов, к чему мне это? Я скромный человек и хочу жить в ладу со всем миром. Предъявите хоть одного живого свидетеля моих преступлений, покажите мне хоть кого-нибудь". Этого сделать не смогли. Ученые и химики в Гапсторфе жили в полнейшей изоляции, и надо пола гать, административный аппарат - тоже. В результате бомбежки все записи, документы - все было уничтожено, фамилий работавших там людей никто не знал - только имена, а то и просто клички.- Тернер пожал плечами.- Вот, по-видимому, как обстояло дело. А он сплел даже целую историю о том, как помогал антифашистскому Сопротивлению в России, и поскольку все войсковые подразделения, которые он упоминал, были либо истреблены, либо взяты в плен, проверить его показания не представлялось возможным. Больше, впрочем, он к этой теме - к своей причастности к движению Сопротивления - не возвращался.

- Это теперь не модно,- сухо заметил Брэдфилд.- Особенно в его сферах.

- В общем, его дело так и не попало в суд. Причин к этому было немало.

Отделы, занимавшиеся расследованием военных преступлений, стали понемногу расформировывать: Лондон и Вашингтон торопили с окончанием работы по денацификации и настаивали на передаче всех дел в немецкий суд. Начался хаос. В то время как отделы по расследованиям готовили обвинительные заключения, главное командование готовило амнистии. Существовали также и другие причины, чисто технического порядка, препятствовавшие ведению этого дела. Преступление было совершено преимущественно против французов, бельгийцев и поляков - если оно вообще было совершено,- и так как установить национальность жертв не представлялось возможным, возникали еще и юридические затруднения. И другие обстоятельства, хотя и не слишком существенные, затрудняли решение вопроса о том, что же делать. Вы знаете, как это бывает, когда начинают выискивать предлоги.

- Я знаю, как это было в те дни,- небрежно проронил Брэдфилд.- Это был бедлам.

- Французы были не слишком заинтересованы, поляки были слишком заинтересованы, а Карфельд к тому времени стал довольно крупной фигурой. Уже подписывал солидные контракты с союзными державами. Даже иной раз передоверял контракты своим конкурентам, лишь бы удовлетворить спрос. Вы же знаете, он очень способный администратор. Ловкий, деятельный.

- Вы говорите об этом так, словно видите в этом преступление.

- Его собственный завод демонтировали не менее двух раз, и теперь он работает на полный ход. Жалко же, в самом деле, приостанавливать такое предприятие. Шли даже слухи,- нисколько не меняя тона, продолжал Тернер,- что он начал так бурно развертывать свою деятельность потому, что оказался обладателем большого запаса весьма редких газов, которые он в конце войны укрывал под землей где-то в Эссене. Вот чем он занимался, когда английские самолеты бомбили Гапсторф. Когда, по его словам, он хоронил свою престарелую матушку. Он таскал откуда можно перышки, чтобы потом выстлать ими свое гнездо.

- Все свидетельства, на которые вы пока что ссылаетесь,- спокойно

проговорил Брэдфилд,- ни в коей мере не доказывают причастности Карфельда к Гапсторфу, точно так же как ничто не доказывает его соучастия в умерщвлении этих людей. Все, что он сам о себе рассказывает, вполне может быть правдой. И то, что он воевал в России, и то, что он был ранен...

- Правильно, такого же взгляда придерживались и в главном командовании.

- Остается недоказанным даже и то, что эти трупы имеют отношение к гапсторфским лабораториям. Газ мог быть и оттуда, но какие имеются доказательства того, что ученые-химики самолично применяли газ к жертвам, а тем более того, что все это было известно Карфельду и он в той или иной мере способствовал...

- В гапсторфском домике был погреб. Этот погреб при бомбежке не пострадал. Окна в погребе были заложены кирпичами и зацементированы, а из лабораторий в погреб шли газоотводные трубы. Кирпичные стены погреба были все изодраны.

- То есть как это "изодраны"?

- Руками, пальцами,- сказал Тернер.- Ногтями, надо полагать.

- Но так или иначе, главное командование встало именно на вашу точку зрения. Карфельд запер рот на замок, новых улик не нашлось, преследование не было возбуждено на вполне законном основании. Дело легло на полку. Отдел расследования переехал в Бремен, затем в Ганновер, затем в Мюнхенгладбах, и все дела были отправлены туда же. Вместе со всякими другими материалами ми из Управления главного военного прокурора. Где все это и должно было храниться, пока не будет принято окончательное решение о том, что делать дальше.

- И вот до этих материалов и добрался Гартинг?

- Он давно до всего добрался. Он же вел всю работу своей группы по расследованию. Он и Прашко. Вся переписка, протоколы, запросы, доклады, свидетельские показания, все досье по этому делу от начала до конца - теперь оно уже имеет и конец,- все зарегистрировано рукой Лео, Лео брал Карфельда под стражу, допрашивал его, присутствовал при вскрытии трупов, разыскивал свидетелей. Женщина, на которой он собирался жениться - Маргарет Айкман,- работала в том же разведывательном отделе, что и он. Вела канцелярскую работу. Их называли охотниками за черепами. В этом была его жизнь. Все они стремились только к одному: чтобы Карфельд был привлечен к суду.

Брэдфилд сидел, глубоко задумавшись.

- А как понимается здесь это слово - "гибрид"? - спросил он вдруг.

- Нацистский термин. Означает: еврей-полукровка.

- Понимаю. Понимаю. Значит, в какой-то мере все это задевало его лично, не так ли? И не могло не иметь для него значения. Он был очень легко уязвим. Он все пропускал через себя, иначе жить он не умел.- Рука Брэд- филда с зажатым в ней пером лежала совершенно неподвижно.- Тем не менее едва ли это подсудное дело.- Помолчав, он повторил как бы про себя: - Едва ли это подсудное дело. В сущности, в любом случае едва ли тут можно создать дело. Даже при самом пристрастном, самом неквалифицированном подходе. Нет, ни с какой стороны дело Карфельду пришить нельзя. Вместе с тем все это очень интересно, разумеется; это объясняет его отношение к англичанам. Но это еще не делает его преступником.

- Верно, не делает,- согласился Тернер к немалому удивлению Брэдфилда.- Дела из этого создать нельзя. Но мысль об этом не переставала глотать Лео. Он ничего не забыл. Он изо всех сил старался подавить это чувство, заглушить его в себе. И не мог от него уйти. Он должен был удостовериться, он должен

был еще раз проверить все, и в этом году в январе он спустился в "святая святых" и перечитал все свои доклады, всю свою аргументацию.

Теперь Брэдфилд снова сидел очень тихо.

- Возможно, тут сыграл роль и возраст. Но основное - опасение, не было ли что-то упущено.- Тернер произнес это так, словно это была и его личная проблема, оставшаяся и для него нерешенной.- А может быть, если хотите, и чувство ответственности перед историей.- Он помолчал в нерешительности.- Чувство времени. Он ощущал парадоксальность происходящего и необходимость что-то предпринять. И кроме того, он был влюблен,- прибавил Тернер и поглядел в окно,- хотя, быть может, он никогда бы себе в этом не признался. Он хотел просто использовать кого-то в своих целях, но получил больше того, на что рассчитывал. И тогда он вышел из своей летаргии. В этом же все и дело: разве противоположность любви - это ненависть? Вовсе нет. Летаргия. Апатия. Как у всех здесь.- Он помолчал и добавил мягко: - Однако нашлись люди, которые заставили его почувствовать себя в орбите больших дел. Короче, по тем или иным причинам он снова взялся за поиски. Снова перечитал все бумаги от начала до конца. Снова изучил всю обстановку, пересмотрел все материалы, относящиеся к тому времени и хранившиеся в архиве и в "святая святых". Снова с самого начала проверил все факты и начал заново наводить справки и вести расследование на свой страх и риск.

- Какого рода расследование? - спросил Брэдфилд. Они не смотрели друг на друга.

- Он создал свою собственную канцелярию. Писал письма и получал ответы. Всю переписку вел на бланках посольства. Просматривал в экспедиции всю корреспонденцию аппарата советников, прежде чем она успевала попасть в чьи-либо руки, и забирал то, что было адресовано ему. Он осуществлял это совершенно так же, как жил: деятельно и тайно. Не доверяясь никому, не рассчитывая ни на кого, отведя каждому свое обособленное место. Иногда он отправлялся в небольшие поездки, знакомился с церковными архивами, записывал рассказы о различных событиях, посещал министерства, беседовал с духовными лицами, с бывшими заключенными - все под видом посольских полномочий. Собирал вырезки из газет, снимал копии с документов, сам переписывал что следовало на машинке, когда требовалось - запечатывал конверты сургучной печатью. Ему удалось стащить даже и печать. Он вел свою переписку на бланках со штампом "Претензии и консульские функции", так что ответы на его запросы попадали непосредственно к нему. Он проверял все: свидетельства о рождении, о браке, о смерти матери, охотничьи удостоверения - он искал несоответствий, искал доказательств, что Карфельд не был на Восточном фронте. Он собрал чудовищное по величине досье. Ничего нет удивительного, если Зибкрон заинтересовался им... Он не оставил в покое ни одно правительственное учреждение - под тем или иным предлогом наводил справки всюду-

- О боже милостивый! - прошептал Брэдфилд и, как бы признавая себя побежденным, отложил в сторону ручку.

- К концу января он пришел к единственному возможному выводу: Карфельд бесстыдно лжет, а кто-то, какое-то, по-видимому, влиятельное лицо - и было весьма похоже, что это Зибкрон,- кто-то его покрывает. Я слышал, что Зибкрон по-своему не лишен честолюбия, и как только на политическом горизонте загорается новое светило, он тотчас стремится попасть в его орбиту.

- Это несомненно так,- подтвердил Брэдфилд, думая о чем-то своем.

- Так же, как и Прашко когда-то. Вы видите, куда уже мы с вами углубились. И, конечно, довольно скоро Зибкрон стал замечать (и Лео это

понимал), что посольство наводит весьма далеко идущие справки, выходящие за рамки обычной деятельности даже такого отдела, как "Претензии и консульские функции". И было ясно, что кому-то это придется не по душе и кто-то, черт подери, воз можно, прибегнет к довольно крутым мерам. Особенно после того, как Лео получил доказательства.

- Какие доказательства? Как может он теперь, через двадцать с лишним лет после совершения преступления, что-либо доказать?

- Все эти доказательства находятся сейчас в вашем архиве,- с какой-то странной неохотой сказал вдруг Тернер.- Вам бы лучше ознакомиться с ними самому.

- Я не располагаю временем, и уши мои уже при терпелись к самым пакостным сообщениям.

- И привыкли слушать их и не слышать.

- Я настоятельно прошу вас продолжать.- Он был настойчив, но без всякой нервозности.

- Хорошо. В прошлом году Карфельд решил получить докторскую степень. К этому времени он стал уже большой шишкой, сколотил себе крупное состояние в химической промышленности - его административный талант как нельзя лучше оправдал себя; он быстро шел в гору в местных политических кругах в Эссене и пожелал быть док тором наук. Возможно, он, как и Лео, не любил незавершенных дел и хотел, чтоб все было в ажуре. А может быть, считал, что ученая степень будет бесполезна в его делах: голосуйте за доктора Карфельда! Здесь любят, когда канцлер обладает ученой степенью. Короче говоря, он взялся за учебники и написал диссертацию. Он не слишком УТОМЛЯЛ себя исследовательской работой, и все были весьма поражены, особенно его научные руководители. Невероятно! - говорили они. Когда он только это успел!

- Ну и что же?

- Это была диссертация о воздействии некоторых отравляющих газов на человеческий организм. Работа получила, по-видимому, весьма высокую оценку, вызвала в свое время даже некоторый шум.

- Едва ли это может послужить неопровержимой уликой.

- О нет, может. Карфельд построил все свои научные выводы на детальном изучении тридцати одного смертного исхода.

Брэдфилд закрыл глаза.

- Нет, это еще не доказательство,- промолвил на конец Брэдфилд, он был очень бледен, но рука, державшая вечное перо, по-прежнему была тверда.- Вы сами знаете, что это еще не доказательство. Я согласен, это возбуждает подозрение. Это заставляет предполагать, что он был в Гапсторфе. И тем не менее этого еще и наполовину недостаточно.

- Жаль, что мы не можем сообщить об этом Лео.

- Карфельд будет утверждать, что он получил нужные ему данные в процессе своей работы в химической промышленности. Получил из третьих рук. И будет твердо стоять на этой позиции.

- Из рук отъявленных негодяев.

- Даже если будет доказано, что данные поступали из Гапсторфа, найдутся десятки объяснений того, как они попали к Карфельду. Вы сами сказали, что он не принимал непосредственного участия в экспериментах.

- Нет, он сидел, так сказать, за пультом управления. Случай довольно распространенный.

- Вот именно, и как раз тот факт, что он пользовался полученными кем-то данными, снимает с него обвинение в том, что он сам их добывал.

- Беда, понимаете ли, в том,- сказал Тернер,- что Лео и законник, и

вор, и нам приходится считаться и со второй половиной.

- Да,- рассеянно произнес Брэдфилд.- Он взял Зеленую папку.

- Но так или иначе, в том, что касается Карфельда и Зибкрона, он подобрался достаточно близко к истине, а это значит идти на очень большой риск, не так ли?

- А prima facie (На первый взгляд (л а т .)), - заметил Брэдфилд, еще раз про бежав глазами свои заметки,- имеются данные для возбуждения нового расследования, это несомненно. В лучшем случае можно добиться, чтобы прокурор назначил предварительное следствие.- Он раскрыл телефонный справочник.- Наш правовой атташе должен знать.

- Не трудитесь,- участливо сказал Тернер.- Что бы Карфельд ни совершил, он теперь недосыгаем для закона. Время упущено, он уже прошел финиш.- Брэдфилд поглядел на него с удивлением.- Теперь уже никакими силами невозможно привлечь его к суду - даже при наличии неопровержимых улик, письменно подтвержденных им самим.

- Да, разумеется,- спокойно сказал Брэдфилд.- Я совсем забыл.- В голосе его прозвучало облегчение.

- Он теперь под защитой закона. Закона об истечении срока давности; для него он пришелся как раз вовремя. В четверг вечером Лео сделал соответствующую пометку на его досье. Дело закрыто навсегда. Теперь уже никто ничего не в силах изменить.

- Существует известная процедура возобновления...

- Существует,- сказал Тернер.- Но не применительно к этому случаю, и между прочим - по вине англичан. Расследование гапсторфского преступления велось английскими органами. Мы не передавали этого дела в руки немецкой юстиции. Однако ни суда, ни общественного процесса не было, и когда немецкие судебные органы приняли на себя разбор военных преступлений нацистов, мы ни разу не поставили их в известность об этом деле. Карфельдовское дело провалилось в зияющую пустоту между немецким правосудием и нашим.- Он умолк.- А теперь то же самое случилось и с Лео.

- А что намеревался сделать Гартинг? Какую цель преследовал он, производя все эти розыски?

- Он хотел знать. Хотел довести дело до конца. Оно истерзало его, как воспоминание об изуродованном детстве или как неудавшаяся жизнь. Ему необходимо было разобраться в нем до конца. В остальном, мне кажется, он полагался на свое чутье.

- Когда получил он эти так называемые доказательства?

- Диссертация прибыла к нему в субботу, когда он был еще здесь. Он вел ежедневную регистрацию входящих и исходящих, понимаете? Все подшивалось в папки. В понедельник он появился в архиве и был очень весел, очень возбужден. Несколько дней он провел, раздумывая, что предпринять дальше. В прошлый четверг он обедал с Прашко.

- На черта ему это понадобилось?

- Я не знаю. Я думал над этим. Но не понял. Возможно, он хотел обсудить, что следует предпринять. Может быть, хотел получить юридический совет. Может быть, надеялся, что все же существует какой-либо способ возобновить судебное преследование...

- Такого способа не существует?

- Нет.

- Слава тебе, господи.

Тернер пропустил это мимо ушей.

- А возможно, он хотел предупредить Прашко, что уже начинает попахивать

жареным. Может быть, хотел попросить защиты? - высказал предположение Тернер.

Брэдфилд внимательно на него поглядел.

- А Зеленая папка пропала,- сказал он: обычное самообладание уже вернулось к нему.

- Да, осталась пустая сумка.

- И Гартинг сбежал. А причина э т о г о вам тоже известна? - Брэдфилд смотрел на Тернера в упор.- Это тоже занесено у него в досье?

- Он несколько раз записал в своем блокноте: " У м е н я о с т а е т с я о ч е н ь м а л о в р е м е н и ". Все, кто разговаривал с ним в эти дни, замечали, что он был точно в цейтноте... Необычно взвинченный, напряженный... Вероятно, он все время думал о новом законе.

- Но мы же знаем, что в соответствии с этим законом Карфельд стал недосыгаем, разве что можно было бы добиться приостановления действия закона. Так почему он сбежал? И почему такая спешка?

Тернер пожал плечами, не обращая внимания на странно пытливый и почти вызывающий тон, каким Брэдфилд задал свой вопрос.

- Значит, вам неизвестно почему? Почему он выбрал именно этот момент, чтобы сбежать? И унес с собой именно эту папку?

- Мне кажется, Зибкрон загнал его в угол. У Лео имелись доказательства, и Зибкрон знал об этом. С этой ми нуты за Лео была установлена слежка. У Лео был револьвер,- сказал Тернер.- Старого армейского образца. Видимо, он уже почувствовал опасность, потому что стал носить его с собой. Должно быть, он испугался.

- Видимо, да,- снова с оттенком облегчения произнес Брэдфилд.- Да, так оно и есть. Несомненно, этим все и объясняется.

Тернер растерянно на него поглядел.

Минут десять по меньшей мере Брэдфилд не произносил ни слова и не шевелился. Он стоял в углу и смотрел в окно на реку.

- Неудивительно, что Зибкрон приставил к нам охра ну,- проговорил он наконец таким бесцветным голосом, словно речь шла о тумане, поднимавшемся с реки.- Неудивительно, что он стережет нас, словно опасных преступников. В Бонне не осталось, вероятно, ни одного министерства, даже ни одного, вероятно, журналиста, не осведомленного о том, что британское посольство занято охотой на Карфельда и пустило гончих по следам его прошлого. Интересно, каких действий ждут они от нас теперь? Что мы будем публично его шантажировать? Или, нацепив судейские парики, предъявим ему от лица союзных держав обвинение в преступлениях двадцатипятилетней давности? Или они считают, что, одержимые бессмысленной жадной мщени я, мы хотим теперь просто взять реванш у того, что препятствует осуществлению наших европейских замыслов?

- Вы разыщете Лео, правда? Вы не будете слишком жестоки к нему? Он очень нуждается сейчас в помощи, хоть в какой-нибудь...

- Так же, как и все мы,- сказал Брэдфилд, продолжая глядеть на реку.

- Он не коммунист. Он нас не предавал. Он считает, что Карфельд представляет собой страшную опасность. И для нас. Он простой, бесхитростный человек. Вы сами можете убедиться из этих его досье...

- Знаю я его простоту.

- И мы несем за него ответственность, в конце концов. Кто, как не мы, поселил в его мозгу все эти идеи еще в те далекие времена? Идеи высшей справедливости. Не мы ли надавали ему все эти обещания: Нюрнберг, денацификация? Мы заставили его поверить в это. Мы не можем допустить, чтобы

он стал жертвой только потому, что наша позиция изменилась. Вы не видели того, что там, в папках, вы даже не представляете себе, что говорилось про немцев в те дни. А Лео остался прежним. Он из тех, кто стоит на своем. Это же не преступление, не так ли?

- Я очень хорошо знаю, что тогда думали. Я сам был здесь в те дни. Я видел то, что видел он, видел достаточно. Он должен был изжить в себе это. Как изжили все мы.

- А я считаю, что мы обязаны взять его под свою защиту, он этого стоит. В нем есть цельность... Я почувствовал это там, внизу. Его не собьешь с толку софизмами. Для таких, как мы с вами, всегда отыщется десяток причин, чтобы сидеть сложа руки. А Лео совсем из другого теста. Он действует, руководствуясь только одним правилом: делай, раз так надо. Раз ты так чувствуешь.

- Надеюсь, вы не собираетесь преподносить его нам в качестве примера, которому все должны следовать?

- И еще одно обстоятельство не давало ему покоя.

- Что именно?

- В случаях, подобных этому, всегда можно обнаружить какие-то побочные документы. В штабах СС, в клиниках, в транспортных частях. Приказы о перемещении, письменные полномочия - различные документы, так или иначе, хотя бы отдаленно, связанные с делом и помогающие пролить свет. Однако тут ничего не всплывало на поверхность. Лео неустанно делал пометки: почему не осталось никаких следов в Кобленце? Почему нет этого, почему нет того? По-видимому, он подозревал, что все эти улики были уничтожены кем-то... Хотя бы Зибкромом, к примеру. Но мы-то можем отдать ему должное, можем? - почти с мольбой проговорил Тернер.

- Здесь нет ничего абсолютно достоверного.- Взгляд Брэдфилда все еще был устремлен вдаль.- Здесь все сомнительно. Все туманно. Нет точных разграничений - социалисты позаботились об этом. Все - все, и все - ничего. Неудивительно, что Карфельд в трауре.

Что так приковывало внимание Брэдфилда к реке? Маленькие суденышки, пробирающиеся сквозь туман? Красные стрелы грузовых кранов и плоские равнины? Или виноградники, уходившие за горизонт, забравшиеся так далеко сюда, на север, с юга? Или гора Чемберлена - серый призрак с длинным бетонным прямоугольником здания, в котором его поместили когда-то?

- "Святая святых" ничего нам в этом смысле прояснить не может,- проговорил наконец Брэдфилд и снова замолчал.- Прашко. Вы говорите, что он обедал с Прашко в четверг?

- Брэдфилд...

- Да? - Он уже направлялся к двери.

- Мы теперь уже по-другому относимся к нему, верно?

- Вы так полагаете? Не исключена возможность, что он в конце концов окажется коммунистом.- В голосе Брэдфилда прозвучала ироническая нотка.- Вы забываете, что он как-никак выкрал Зеленую папку. А вам, должно быть, вдруг померещилось, что вы уже проникли к нему в самую душу.

- А зачем он ее выкрал? Что было в этой папке? Но Брэдфилд уже вышел в наполненный гулом коридор

и пробирался между стоящими у стен сложенными кроватями. Навстречу плыли таблички: "Пункт первой помощи. Комната отдыха на случай чрезвычайного положения. Детям вход запрещен". Когда они проходили мимо архива, оттуда донеслись радостные возгласы и нестройные рукоплескания. Корт, совершенно

белый от волнения, выбежал им навстречу.

- У нее уже все,- прошептал он.- Звонили из родильного дома. Пока я был на дежурстве, она не разрешила им послать за мной.- В розовых, широко раскрытых глазах его стоял испуг.- Я ей даже не понадобился. Она даже не захотела, чтобы я был там с ней.

17. ПРАШКО

П я т н и ц а . У т р о

Позади посольства от восточной границы его владений начинается гудронированная аллея, которая ведет к северу мимо новых вилл, слишком дорогих для представителей Британской империи. У каждой виллы садик - небольшой, но весьма ценный, если учесть стоимость земельных участков; каждая отличается от всех прочих каким-либо осторожным архитектурным отклонением от нормы, характерным для современного стандарта. Если один дом обзавелся кирпичной площадкой для жарения мяса на вертеле и внутренним двориком, выложенным камнем, то другой поспорит с ним оградой из голубого сланца или смело выставленного напоказ неотесанного камня. Летом молоденькие жены нежатся в солнечных лучах возле своих микроскопических бассейнов. Зимой черные пудели купаются в снегу. И каждый день с понедельника по пятницу черные "мерседесы" доставляют хозяев домой к обеду. И воздух неизменно, хотя бы слегка, насыщен запахом кофе.

Было еще совсем раннее, холодное, но прозрачно ясное, как после дождя, утро. Они ехали медленно, опустив стекла. Миновали госпиталь, места пошли более унылые - предместье еще сохраняло свой старый облик. За лохматыми елями и иссиня-черными кустами лавра свинцовые шпили, возносившие когда-то ввысь горделивые упования Веймара, торчали, словно пики, среди дряхлеющего леса. Впереди вставало здание бундестага, голое, безрадостное и бесприютное,- огромный мотель, выкрашенный в желтовато-молочный цвет, весь в траурно-мрачных флагах. За бундестагом, увенчанный аркой моста Кеннеди, огражденный громадой зала Бетховена, бурый Рейн неустанно стремил свой упорядоченный бег в неизвестность.

Всюду, куда ни глянь, была полиция: не часто можно увидеть, чтобы оплот демократии так надежно охраняли от демократов. У главного входа, вытянувшись беспокойной цепочкой, дожидалась своей очереди делегация школьников, и полицейские, словно заботливые родители, не отходили от детей ни на шаг. Телевизионная съемочная группа устанавливала свои прожекторы. Перед объективом какой-то молодой человек в темно-красном вельветовом костюме, беззаботно подбоченясь, выделял антраша, в то время как его коллега окидывал оценивающим взглядом его фигуру. Полицейские хмуро наблюдали за ними, обеспокоенные таким фривольным поведением. Вдоль тротуара подтянутые, словно присяжные заседатели, стояли граждане с высокими, похожими на римские штандарты стягами в руках - серая, послушно ожидающая толпа. Лозунги претерпели изменения: "Сначала единая Германия. Потом единая Европа", "Мы тоже гордая нация", "Сначала возвратите нам нашу страну!". И лицом к лицу с ними в одну линию стояли полицейские, опекая их совершенно так же, как школьников.

- Я поставлю машину внизу, на набережной,- сказал Брэдфилд.- Одному богу известно, что мы тут найдем по возвращении.

- А что там происходит сейчас?

- Дебаты. По поводу поправок к чрезвычайным законам.
- Я думал, что это давным-давно решенный вопрос.
- В этом городе ничто никогда не бывает решено до конца.

Вдоль всей набережной в безучастном ожидании замерли серые отряды, похожие на безоружных солдат; изготовленные на скорую руку знамена оповещали о своем происхождении: Кайзерслаутерн, Ганновер, Дортмунд, Кассель... Отряды стояли в немом молчании, ожидая, когда будет дан приказ протестовать. Кто-то принес с собой транзистор и пустил его на полную громкость. При появлении белого "ягуара" головы повернулись в его сторону.

Брэдфилд и Тернер, шагая бок о бок, начали медленно взбираться на холм, удаляясь от реки. Они прошли мимо киоска, в котором, казалось, не было ничего, кроме цветных фотографий шахини Сорейи. Перед центральным подъездом двумя колоннами выстроились студенты, оставив неширокий проход. Брэдфилд, вскинув голову, распрямив плечи, шел впереди. В дверях охранники хотели задержать Тернера, и Брэдфилд коротко осадил их. В вестибюле было невыносимо жарко и пахло сигарами. Отголоски дебатов наполняли его мерным жужжанием. Журналисты - кое-кто из них с фотоаппаратами - с любопытством поглядели на Брэдфилда, но он отрицательно покачал головой и отвернулся. Депутаты негромко переговаривались, стоя отдельными группами, и в бесплодной надежде посматривали через плечо друг друга, ища глазами кого-нибудь поинтереснее. Знакомая фигура устремилась навстречу.

- Лучший подарок! Истинная правда, Брэдфилд, вы - лучший подарок! Пришли полюбоваться на конец демократии? Пришли на дебаты? Ну еще бы, вы же, черт побери, там у себя времени даром не теряете. И секретная служба все еще при вас? Мистер Тернер, вы, я надеюсь, вполне лояльны? Господи помилуй, что у вас с физиономией, черт побери? - Не получив ответа, он сказал, понизив голос и украдкой поглядев по сторонам: - Брэдфилд, я должен поговорить с вами. Дело чрезвычайно важное и безотлагательное, черт побери. Я пытался дозвониться к вам в посольство, но для Зааба вас никогда нет на месте.

- У нас здесь назначена встреча.

- Это надолго? Скажите мне, как долго может это затянуться? Сэм Аллертон тоже жаждет видеть вас, мы вместе хотим обсудить с вами кое-что.

Его черная голова склонилась к уху Брэдфилда. Шея у него была грязная, щеки небриты.

- Это невозможно знать наперед.

- Послушайте, я буду ждать вас здесь. Это крайне важное дело. Я скажу Аллертону: будем ждать Брэдфилда. Наши газеты, сроки выпуска - это не делает погоды. Нам нужно потолковать с Брэдфилдом.

- Никаких комментариев, вы же знаете. Мы опубликовали наше заявление вчера вечером. Полагаю, что у вас имеется экземпляр. Мы принимаем объяснение, данное нам канцлером. И с надеждой ожидаем возвращения немецкой делегации в Брюссель в течение ближайших дней.

Они спустились вниз в ресторан.

- Он здесь. Разговаривать буду я. Пожалуйста, пре доставьте все мне.

- Постараюсь.

- Нет, вашего старания мне мало. Извольте держать рот на замке. Он очень скользкий субъект.

Первое, что увидел Тернер, была сигара. Небольшая сигара - она торчала в углу рта, словно черный термометр, и Тернер сразу заметил, что это - голландская сигара: Лео получал их и бесплатно снабжал ими Прашко.

Вид у Прашко бы такой, словно он всю ночь провозился в редакции над газетой. Он появился из двери, за которой были расположены торговые киоски, и в куртке нараспашку, засунув руки в карманы, прошествовал через зал, задевая по дороге за все столики и ни перед кем не извиняясь. Это был грузный, неопрятный мужчина; коротко подстриженные волосы с сильной проседью; мощная грудная клетка незаметно переходила в еще более мощный живот; сдвинутые на лоб очки придавали ему вид гонщика. Следом за ним шла девушка с портфелем: апатичное, почти лишенное выражения лицо ее производило впечатление не то скучающего, не то чрезмерно целомудренного; у нее были темные, очень густые волосы.

- Суп! - заорал Прашко на весь ресторан, как только они обменялись рукопожатиями.- Подайте нам суп. И что-нибудь для нее.- Официант, слушавший последние известия по радио, приглушил приемник, как только завидел Прашко, и с готовностью скользнул к нему. Медные зубчики подтяжек крепко впивались в засаленный край брюк, облежавших объемистый живот Прашко.- Вы тоже трудитесь здесь? - спросил он и пояснил: - Она ничего не понимает. Ни на одном языке, черт побери. Nicht wahr, Schatz (Не правда ли, сокровище мое? (н е м .))? Ты глупа, как овца. Так что у вас за дела? - Он говорил по-английски свободно, с легким американским акцентом, почти полностью заглушавшим всякий другой, если он у него был.- Вас скоро назначат послом?

- Боюсь, что нет.

- А это кто с вами?

- Приезжий.

Прашко очень внимательно поглядел на Тернера, потом на Брэдфилда и снова на Тернера.

- Какая-то девчонка крепко осерчала на вас?

На лице его двигались только глаза. Но плечи настороженно приподнялись, и голова инстинктивно ушла в плечи: он был весь начеку. Лево́й рукой он взял Брэдфилда за локоть.

- Это хорошо,- сказал он.- Это отлично. Люблю перемены. Люблю новых людей.- Голос его звучал на одной ноте, короткие фразы ложились тяжело; это был голос конспиратора, человека, выработавшего в себе долготлетнюю привычку говорить так, чтобы его нельзя было подслушать.- Так зачем вы пожаловали? Узнать личное мнение Прашко? Голос оппозиции? - Он пояснил Тернеру: - Когда создается коалиция, оппозиция превращается в привилегированный клуб.- Он громко расхохотался своей шутке, и Брэдфилд рассмеялся тоже.

Официант подал суп-гуляш, и Прашко быстрыми, беспокойно-настороженными движениями своей здоровенной ручищи мясника принялся вылавливать кусочки говядины.

- Так зачем же вы пожаловали? Может, хотите отправить телеграмму своей королеве? - Он ухмыльнулся.- Весточку от ее бывшего подданного? О'кей! Пошлите ей телеграмму. Только на черта ей знать, что думает Прашко? И вообще кого это интересует? Я - старая шлюха.- Это было адресовано непосредственно Тернеру.- Они небось так говорили вам? Я был англичанином, я был немцем, я, черт побери, стал почти американцем. Я был в этом борделе дольше всех прочих шлюх. Вот почему я уже стал никому не нужен. Меня имели все. Сообщали они вам об этом? И левые, и правые, и центр.

- Кто из них обладает вами теперь? - спросил Тернер. Не сводя глаз с изуродованного лица Тернера, Прашко поднял руку и сделал выразительный жест - потер кончиком большого пальца средний и указательный.

- Знаете, что такое политика? Купля-продажа. Деньги на бочку. Все остальное - куча дерьма. Дипломатия, договоры, союзы - все дерьмо. Может

быть, мне следовало оставаться марксистом. Так, значит, они теперь взяли да и ушли из Брюсселя? Это печально. Да, да, это очень печально. Вам теперь не с кем вести переговоры.

Он разломил булочку и окунул половинку в суп.

- Скажите вашей королеве, что Прашко говорит: англичане - лживые, вонючие лицемеры. Ваша супруга в добром здравии?

- Вполне, благодарю вас.

- Давненько я не обедал там у вас наверху. Вы по-прежнему живете в этом гетто? Ничего себе местечко. Не обращайтесь внимания. Меня никто не может долго вы носить. Вот почему я меняю партии,- пояснил он Тернеру.- Когда-то я считал себя романтиком - вечно в погоне за голубым цветком. Теперь, должно быть, мне просто все приелось. Друзья, женщины, господь бог - везде одно и то же. Все они преданные. И все они вас обманывают. И все подонки. Бог мой! Скажу вам еще кое-что: новых друзей я предпочитаю старым. Кстати, у меня новая жена - как она вам нравится? - Взяв молодую женщину за подбородок, он приподнял ее лицо, как бы желая продемонстрировать ее в наиболее выгодном ракурсе; она улыбнулась и слегка похлопала его по руке.- Я сам себе поражаюсь,- продолжал он, прежде чем кто-либо из них успел сообразно обстоятельствам ответить на вопрос.- Было время, когда я мог бы ползать на своем жирном брюхе, лишь бы залучить ваших вшивых англичан в Европу. А теперь вы обиваете у нас пороги, и мне наплевать,- Он пока чал головой. - Право, я сам себе изумляюсь. Но таков ход истории, надо полагать. А может быть, таков я. Может быть, меня просто влечет к сильным мира сего; может быть, я люблю вас, потому что вы были сильны, а теперь я ненавижу вас, потому что вы - ничто. Вчера ночью они убили какого-то мальчишку, вы слышали об этом? В Хагене. Передавали по радио.

Он взял с подноса рюмку водки. Бумажная подставка прилипла к ножке. Он оторвал ее.

- Одного мальчишку. И одного старика. И одну полоумную библиотекаршу. Пусть даже целую футбольную команду. Это еще не Армагеддон.

В окно видны были длинные серые колонны, замершие в ожидании на набережной. Прашко обвел рукой зал.

- Поглядите на все это дерьмо. Все бумажное. Бумажная демократия, бумажные политики, бумажные орлы, бумажные солдатики, бумажные депутаты. Кукольная демократия. Стоит Карфельду чихнуть, как мы пускаем в штаны. Знаете почему? Потому что он, черт побери, слишком близок к истине.

- Вы, значит, принадлежите к его сторонникам? Так я вас понял? - спросил Тернер, делая вид, что не замечает рассерженного взгляда Брэдфилда.

Прашко доел свой суп; он почти все время не сводил глаз с Тернера.

- Мир молодеет с каждым днем,- сказал он.- Карфельд - куча дерьма, пусть так. Ладно. Но мы богатеем, вы это видите, приятель? Мы едим, пьем, строим дома, покупаем машины, платим налоги, ходим в церковь, делаем детей. Теперь мы хотим получить что-нибудь подлинное. Вы знаете, что это такое, приятель?

Он по-прежнему не сводил глаз с изуродованного лица Тернера.

- Иллюзии. Короли и королевы. Семейство Кеннеди, де Голль, Наполеон, баварские герцоги Виттельсбахи и Потсдам. К черту, мы больше не захолустная деревня. Да, кстати, что вы скажете насчет нынешних студенческих беспорядков в Англии? Что думает об этом ее королевское величество? Может, вы мало даете им карманных денег? Молодежь! Хотите знать кое-что про молодежь? Я скажу вам.- Теперь он обращался исключительно к одному Тернеру.- "Немецкая молодежь упрекает своих отцов за то, что они затеяли войну". Вот что вы

слышите. Не проходит дня, чтобы какой-нибудь свихнувшийся умник не оповестил нас об этом через какую-нибудь очередную газету. Хотите знать настоящую правду? Они упрекают своих отцов за то, что те п р о и г р а л и эту чертову войну, а не за то, что они ее начали: "Эй, вы! Где наша Империя, чтоб вас черт побрал?" Так же как и англичане, как я понимаю. Такое же дерьмо собачье. Все щенки одинаковы. Они хотят вернуть себе бога.- Он перегнулся над столом, почти вплотную придвинул свое лицо к Тернеру.- Слушайте, может, мы провернем дельце: мы вам - наличные, вы нам - иллюзии? Беда только в том, что мы это уже пробовали.- Он с разочарованным видом откинулся на спинку стула.- Мы как-то раз заключили такую сделку и получили от вас кучу дерьма. Вы не поставщики иллюзий. Вот почему мы не хотим больше слышать об англичанах. Они не умеют вести дела. Наш немецкий папенька Фатерланд предлагал руку и сердце вашей английской маменьке, но вы не явились на свадьбу.- Он снова расхохотался, смех его звучал фальшиво.

- Быть может, сейчас пришло время заключить этот союз? - намекнул Брэдфилд с усталой улыбкой важного государственного деятеля.

Краем глаза Тернер заметил двух людей - бледные лица, темные костюмы, замшевые туфли,- они молча заняли места за соседним столиком. Официант поспешно направился к ним, сразу распознав их профессию. И в эту минуту целая орава молодых журналистов ввалилась из вестибюля в ресторан. У некоторых в руках были газеты, заголовки кричали о Брюсселе и Хагене. Журналистами предводительствовал папаша Карл-Гейнц Зааб, он уставился на Брэдфилда с утрированной тревогой. За окном, в унылом внутреннем дворике, ряды пустых пластмассовых стульев походили на искусственные цветы, пробившиеся сквозь растрескавшийся асфальт.

- Вот эти подонки - это уже настоящие нацисты,- громко, на весь зал сказал Прашко, взмахнув жирной рукой в сторону журналистов.- Они высовывают языки, громко выпускают газы и воображают, что изобрели демократию. Куда провалился этот чертов официант - сдох?

- Мы разыскиваем Гартинга,- сказал Брэдфилд.

- Ясно! - Прашко привык к неожиданностям. Рука, вытиравшая салфеткой обветренные губы, все так же не спеша продолжала свое занятие. Желтоватые глаза все так же, не мигая, смотрели из воспаленных глазниц на собеседников.- Я его здесь что-то не видел,- равнодушно за метил Прашко.- Может, он где-нибудь на балконе. Ведь у вас, приятели, там своя специальная ложа.- Он положил салфетку.- Может, вам надо поискать его там?

- Он исчез неделю назад. В пятницу утром на прошлой неделе.

- Кто, Лео? Ну, этот малый никуда не денется.- Появился официант.- Такие не пропадают.

- Вы его друг,- сказал Брэдфилд.- Кажется, его единственный друг. Мы подумали, что он мог прийти посоветоваться с вами.

- О чем?

- А вот в этом-то все и дело,- сказал Брэдфилд с едва заметной усмешкой.- Мы подумали, что он мог сказать это вам.

- Он до сих пор не завел себе друзей среди англичан? - Прашко переводил взгляд с одного на другого.- Бедняжка Лео! - Теперь уже в голосе его явно слышалось ехидство.

- Вы занимали особое место в его жизни. В конце концов, вы ведь очень долго работали вместе. У вас одинаковый опыт за плечами. Нам кажется, что в трудную минуту Лео, нуждаясь в совете, в деньгах или еще в какой-нибудь помощи, мог инстинктивно обратиться к вам. Нам думается, что он мог бы даже искать у вас защиты.

Прашко снова внимательно поглядел на свежие рубцы на лице Тернера.

- Защиты? - повторил он, почти не шевеля губами, словно предпочел бы сделать вид, что не произносил этого слова. - С таким же успехом вы могли бы защищать...- Капельки пота внезапно проступили у него на лбу, словно это осел пар, висящий в воздухе,- Уйди отсюда,- сказал он девушке.

Без единого слова она поднялась, рассеянно улыбнулась всем троим и неторопливо вышла из ресторана, и Тернер с совершенно неуместным и неожиданным для себя легкомыслием проводил восхищенным взглядом ее соблазнительно покачивающиеся бедра. А Брэдфилд уже заговорил снова.

- У нас очень мало времени,- торопливо промолвил он, наклонившись над столом.- Вы были с ним в Гамбурге и в Берлине. Существуют кое-какие обстоятельства, известные, возможно, только вам двоим. Вы меня слушаете?

Прашко молча ждал.

- Если только вы в состоянии помочь нам разыскать его, не поднимая шума, если вам известно, где он скрывается, и вы можете воздействовать на него, если вы можете хоть что-нибудь предпринять во имя старой дружбы, я беру на себя сохранение тайны и обещаю мягко обойтись с ним. Ни ваше имя, ни чье-либо другое не будет при этом нигде фигурировать.

Теперь уже Тернер ждал, переводя взгляд с одного лица на другое. Прашко выдавал только струившийся по его лицу пот, Брэдфилда - только крепко зажата в пальцах ручка. Он сжимал ее, низко наклонившись над столом. За окном серые колонны замерли в ожидании; двое в углу тупо наблюдали за происходящим, поедая булочки с маслом. - Я отправлю его в Англию. Я удалю его из Германии навсегда, если это необходимо. Он себя уже достаточно скомпрометировал; не может быть и речи о том, чтобы мы снова стали прибегать к его услугам. Он позволил себе... Своим поведением он поставил себя в положение, лишаящее его нашей поддержки, вы понимаете, что я хочу сказать? Любые сведения, какими он может обладать, являются исключительно собственностью английской короны...- Он откинулся на спинку стула.- Мы должны разыскать его прежде, чем это сделают они,- сказал он, но Прашко по-прежнему не говорил ни слова и не сводил с Брэдфилда жесткого взгляда маленьких, заплывших жиром глаз.- Я учитываю также,- продолжал Брэдфилд,- что у вас может иметься личная заинтересованность в тех или иных вопросах, которая должна быть удовлетворена.

Прашко заерзал на стуле.

- Полегче,- сказал он.

- Я меньше всего собираюсь вмешиваться во внутренние дела Федеративной республики. Ваши политические устремления, будущее вашей партии в свете нового Движения - все эти вопросы лежат вне сферы наших интересов. Я здесь для того, чтобы охранять наш союз, а не для того, чтобы становиться в позу судьи по отношению к союзнику.

Совершенно неожиданно Прашко улыбнулся.

- Отлично сказано,- заметил он.

- Ваша двадцатилетней давности связь с Гартингом, ваши взаимоотношения с некоторыми органами, близки ми английским правительственным кругам...

- Это никому не известно,- быстро перебил его Прашко.- Выражайтесь осторожнее, черт побери!

- Я как раз намеревался предложить то же самое вам,- сказал Брэдфилд. Улыбка Прашко вызвала у него ответную улыбку облегчения.- Я совершенно так же, как и вы, не хочу, чтобы про наше посольство говорили, будто мы питаем к кому-то дурные чувства, поносим видных немецких политических деятелей, выволакиваем на свет божий старые, давно похороненные дела, что мы

солидаризируемся со странами, не симпатизирующими внутренней политике Германии, и поставили своей задачей бесчестить Федеративную республику. Я совершенно убежден, что и вы также не заинтересованы в том, чтобы про вас - в вашей сфере - распространялись подобного рода слухи. Я хочу указать лишь на общность наших интересов.

- Ясно,- сказал Прашко. Его изборожденное морщинами лицо оставалось непроницаемым.

- И у вас, как у нас, есть свои негодяи. Мы не должны позволять им становиться между нами.

- Боже упаси! - сказал Прашко, покосившись на синяки и ссадины Тернера.- У нас, помимо того, есть еще довольно странные друзья. Это Лео так вас отделал?

- Они сидят в углу,- сказал Тернер.- Это их работа. Они сделают то же самое и с ним, дайте им только до него добраться.

- Ладно,- сказал наконец Прашко.- Я готов помочь вам. Мы с ним пообедали вместе. С тех пор я его больше не видел. Что надо этой обезьяне?

- Брэдфилд! - кричал Зааб через весь зал.- Скоро, наконец?

- Я же вам сказал, Карл-Гейнц: мы не собираемся делать никаких заявлений.

- Мы просто потолковали, вот и все. Я не так-то часто встречался с ним. Он позвонил мне: может, встретимся, пообедаем? Я сказал: давай завтра.- Прашко развел руками, словно фокусник, показывающий, что он ничего не прячет в рукаве.

- О чем же вы толковали? - спросил Тернер. Прашко пожал плечами и поглядел на обоих собеседников.

- Вы знаете, как это бывает с давними друзьями. Лео - славный малый, но... Словом, люди меняются. А может быть, мы не хотим, чтобы нам напоминали о том, что ни чего не меняется. Вспоминали прошлое, Лео немного выпил. Ну, вы знаете, как это бывает при таких встречах.

- Какое прошлое? - настойчиво спросил Тернер, и Прашко зло на него поглядел.

- Известно какое: Англию. Дерьмовое было время. Вы знаете, как мы попали в Англию - я и Лео? Мы были желторотые. Знаете, как мы попали? Его фамилия начиналась с буквы Г, а моя - с П. Так я переделал П на Б. Гартинг Лео, Брашко Гарри. Такие были времена. Нам повезло, что мы не были Цейсе или Цахари - где бы мы тогда стояли в списке? Англичане не любили второй половины алфавита. Вот про это мы с ним и толковали: про то, как нас отправили в Дувр на палубе, бесплатно. Про те проклятые времена. Про эту чертову сельскохозяйственную школу в Шептон-Маллете. Вам знакома эта вонючая школа? Может, ее теперь подновили наконец? Может, уже и этот старикашка помер, который готов был нас изничтожить за то, что мы - немцы, и говорил, что только благодаря англичанам мы еще живы. Знаете, чему научились мы в Шептон-Маллете? Итальянскому языку. От военнопленных. Только с этими несчастными и можно было поговорить! - Он повернулся к Брэдфилду.- Кто этот нацист, между прочим? - спросил он и вдруг расхохотался.- Вы что, думаете, что я псих? Ну да, я обедал с Лео.

- И он поведал вам о каких-то там затруднениях? - спросил Брэдфилд.

- Он хотел узнать насчет нового закона,- ответил Прашко, все еще продолжая ухмыляться.

- Закона об истечении срока давности?

- Вот именно. Хотел узнать про закон.
- Применительно к определенному случаю?
- Почему к определенному?
- Просто я вас спрашиваю.
- Мне показалось, что вы имели в виду какой-то определенный случай.
- Значит, он интересовался этим вообще, с чисто юридической точки зрения?
- Разумеется.
- С какой стороны и кому могло это пойти на пользу, хотелось бы мне знать? Никто из нас не заинтересован в том, чтобы выкапывать из могилы прошлое.
- И это правильно, вы так считаете?
- Это - здравый смысл,- сухо сказал Брэдфилд,- что, как я полагаю, должно иметь в ваших глазах больше веса, чем любые мои заверения. Так что же хотел он знать?
- Теперь Прашко говорил, взвешивая каждое слово.
- Он хотел понять причину. Хотел понять внутренний смысл. Тогда я сказал ему: это не новый закон, это закон старый. Он должен положить конец некоторым вещам. Каждая страна имеет свой последний суд - место, дальше которого уже идти некуда. Правильно? И в Германии так же точно должен быть конечный день. Я разговаривал с ним, как с ребенком - он ведь до черта наивен, вы это знаете? Блаженный. Я сказал: "Слушай, ты проехал на велосипеде без фонаря, так? Если по прошествии четырех месяцев это не будет обнаружено, ты чист. Если ты совершишь не предумышленное убийство, тогда это уже не четыре месяца, а пятнадцать лет, если убийство с заранее обдуманном намерением - двадцать лет. А если это предумышленное убийство, совершенное нацистом,- срок еще больше, добавляется дополнительное время". Они ждали несколько лет, прежде чем начать отсчитывать до двадцати. Если они не поднимают дела, обвинение теряет силу. Я сказал ему: "Слушай, они валяли с этим дурака, пока все едва не отошло в область предания". Они вносили поправки, чтобы угодить королеве, они вносили поправки, чтобы угодить самим себе; сначала они начинали исчислять с сорок пятого, затем с сорок девятого, а теперь уже пересчитали все заново.- Прашко развел руками.- Ну и тут он принялся на меня кричать: "Какого черта вы делаете неприкосновенную святыню из этих двадцати лет!" "Никто не делает никакой святыни из двадцати лет. Никто ни из чего не делает святыни, будь все трижды проклято. Но мы состарились. Мы устали. Мы вымираем". Вот что я ему сказал: "Не знаю, что ты забрал в свою дурацкую башку, только все это бред. Все всегда идет к одному концу. Моралисты говорят, что это нравственный закон; другие говорят, что это целесообразность. Послушайся меня, я твой друг и я, Прашко, говорю тебе: это факты, это жизнь, и нечего валять дурака!" Тогда он разозлился. Видали вы когда-нибудь, как он злится?
- Нет.
- После обеда я привез его сюда обратно. Мы все еще продолжали спорить, понимаете? Всю дорогу, пока ехали в машине. Потом сели за этот столик. Вот как раз сюда, где мы сейчас сидим. "Может быть, мне удастся получить новую информацию",- сказал он. А я ответил: "Если ты получишь новую информацию, забудь о ней, потому что ты все равно ни черта не добьешься, только понапрасну потратишь время. Ты опоздал. Это закон".
- Он, случайно, не намекнул, что у ж е п о л у ч и л эту информацию?
- А он ее получил? - сразу же спросил Прашко.
- Не думаю, чтобы она существовала.

Прашко медленно кивнул, теперь он все время смотрел на Брэдфилда.

- Так что же произошло потом? - спросил Тернер.

- Ничего. Я сказал ему: "Ладно, ты докажешь непредумышленное убийство - в этом случае ты уже опоздал на несколько лет. Ты докажешь убийство с заранее обдуманной намерением - в этом случае ты тоже опоздал уже с декабря. Так что катись к такой-то матери". Вот что я ему сказал. Тогда он схватил меня за руку и зашептал, словно какой-то выживший из ума изувер: "Ни один закон не может измерить то, что они сотворили. Ты и я, мы с тобой это знаем. В храмах проповедуют: Христос был рожден непорочной девой Марией и на светящемся облаке вознесся на небо. И миллионы людей верят в это. Ты знаешь, каждое воскресенье я играю в часовне на органе и слышу эти проповеди". Это правда?

- Да, он играл на органе в часовне,- сказал Брэдфилд.

- Бог ты мой! - искренне изумился Прашко.- Лео в часовне?

- Да, на протяжении многих лет.

- Ну, и потом он понесся дальше: "Но мы с тобой, Прашко, ты и я, мы в свое время видели живых свидетелей дьявольского зла". Вот что он сказал. "Не на вершине горы, не во мраке ночи, а там, на равнине, где стояли мы все. Мы - в особом положении. А т е п е р ь в с е э т о п о в т о р я е т с я с н о в а " .

Тернер хотел что-то сказать, но Брэдфилд остановил его.

- Тогда я разозлился, черт побери, и сказал ему: "Ты брось разыгрывать передо мной Христа-спасителя. Перестань вопить о нюрнбергской справедливости на века - она длилась четыре года. Закон по крайней мере дал нам хотя бы двадцать лет. Да и кто навязал нам этот закон, в конце-то концов? Вы, англичане, могли заставить нас изменить его. Когда вы все передавали в наши руки, вы могли сказать: эй, вы, чертовы немцы, занимайтесь правосудием, разбирайте преступления в ваших собственных судах, выносите приговоры в соответствии с вашим уголовным кодексом, но сначала аннулируйте закон. Значит, вы были соучастниками: и теперь вы - соучастники. Только теперь со всем этим покончено навсегда. Да, черт побери, со всем этим покончено". Вот что я ему сказал. А он только все глядел на меня и повторял: "Прашко, Прашко".

Он вынул из кармана носовой платок, вытер лоб, потом рот.

- Не обращайтесь внимания,- сказал он.- У меня нервы не в порядке. Вы знаете, что такое политики. Я сказал ему, когда он стоял и таращил на меня глаза, я сказал ему: "Это моя страна, ясно? Если что-то еще колотится у меня в груди, так оно принадлежит этой стране, этому борделю. Я сам не раз удивлялся - почему? Почему не Букингемскому дворцу? Почему не цивилизации кока-колы? Но это моя родина. И это то, что ты должен для себя найти,- родину, а не просто, черт побери, посольство". А он все продолжал таращить на меня глаза. Я и сам, думал, спячу, говорю вам. Я сказал ему: "Ладно, предположим, ты найдешь доказательства. Скажи мне, к чему все это: преступление совершил в тридцать лет, наказание получил в шестьдесят? Какой в этом смысл? Мы все уже старики,- сказал я ему,- и ты, и я. Знаешь, чему учил нас ГИте: никто не может наблюдать заход солнца дольше четверти часа". А он сказал мне: "Все начинается сначала. Погляди на эти лица. Прашко, прислушайся к речам. Кто-то должен обуздать этого негодяя, иначе на нас с тобой снова нацепят бирки".

Первым заговорил Брэдфилд:

- Если бы он обнаружил доказательства, чего, как мы знаем, ему сделать не удалось, как бы он тогда поступил? Если бы он не искал их, а уже ими

обладал, что тогда?

- О господи, говорю же вам: он бы совсем ополоумел.

- Кто такая Айкман? - спросил Тернер, прерывая затянувшееся молчание.

- О чем вы, приятель?

- Айкман. Кто они - мисс Айкман, мисс Этлинг и мисс Брандт? Он был помолвлен с Айкман когда-то.

- Просто женщина, с которой он жил в Берлине. А может, это было в Гамбурге? А может, и там и там. Черт, все стал забывать, все на свете. Слава тебе господи, а?

- Что с ней случилось?

- Понятия не имею,- сказал Прашко. Его сощуренные глазки на темном лице казались трещинами в коре старого дерева.

Два бледных лунообразных лица продолжали вести наблюдение из своего угла, две пары бледных рук покоились на столе, словно на минуту отложенное в сторону оружие. Громкоговоритель выкрикнул имя Прашко: фракция ждала его появления.

- Вы предали его,- сказал Тернер.- Вы натравили на него Зибкрона. Вы предали его со всеми потрохами. Он многое раскрыл вам, а вы предупредили Зибкрона, потому что вам хочется забраться повыше.

- Спокойнее,- сказал Брэдфилд.- Спокойнее.

- Вы - вонючий подонок,- прошипел Тернер.- Вы убьете его. Он сказал вам, что получил доказательства, открыл вам все и просил у вас помощи, а вы натравили на него Зибкрона, чтобы тот расправился с ним. Вы были его другом, и вот что вы сделали.

- Он же сумасшедший,- прошептал Прашко.- Вы что, не понимаете - он сумасшедший! Вы же не видели его тогда, в те дни. Вы не видели его и Карфельда там, в подвале. Вы думаете, что эти молодчики так уж крепко поработали над вами? Карфельд слова не мог произнести, а Лео: "Говори! Говори!" - Прищуренные глаза Прашко совсем сузились.- Когда мы увидели эти трупы на поле... они были связаны все вместе. Их связали вместе, прежде чем отравить газом. И тут он совсем рехнулся. Я сказал ему: "Слушай, это не твоя вина, не твоя вина, что ты остался жив!" Он, между прочим, не показывал вам пуговицы? Лагерные деньги? Вы этого ни разу не видели? Ни разу не ходили с ним выпивать, прихватив с собой двух девчонок? Вы не видели, как он расплачивается деревянными пуговицами, чтобы затеять драку? Говорю вам, он - сумасшедший. Слушайте, знаете, откуда у него эти пуговицы? Он срезал их! Срезал их с одежды одного из трупов! Слыхали, чтобы кто-нибудь делал такое?

- С какого трупа? С одного из шести миллионов?

- Я сказал ему, когда мы сидели здесь,- заикаясь, пробормотал Прашко: "Брось это, пошли отсюда. Еще ни кому не удавалось построить в Германии Иерусалим. Что тебя гложет? Пойди лучше переспи с какой-нибудь девчонкой!" Я сказал ему: "Послушай! Надо иметь голову на плечах и держать себя в узде, иначе мы все сойдем с ума". Он - блаженный. Блаженный безумец, который не может ничего забыть. Что такое, по-вашему, наш мир? Танцкласс для кучки безумцев - полоумных проповедников нравственности? Ясное дело, я сказал Зибкрону. Голова у вас работает, приятель, но и вам придется научиться забывать. Черт побери, если уж англичане этого не могут, так кто же может?

Когда они прошли в холл, там стоял крик. Два студента в кожаных пальто прорвались сквозь кордон у дверей и уже на лестнице сражались со швейцарями. Какой-то пожилой депутат прижимал ко рту носовой платок, и кровь стекала ему

на кашне.

- Нацисты! - выкрикнул кто-то.- Нацисты! - снова закричал кто-то, указывая на студента, стоявшего на балконе.

- Назад, в ресторан,- сказал Брэдфилд,- мы можем выйти другим ходом.

Ресторан внезапно опустел. Депутаты и остальные посетители разбрелись кто куда, одни - привлеченные криками в холле, другие - отпугнутые ими же. Брэдфилд не позволял себе бежать, но шел быстрым четким шагом, как на марше. Они вышли в сводчатую галерею. В витрине галантерейного магазина были выставлены черные портфели из тонкой телячьей кожи. В другой витрине парикмахер взбивал пену на лице невидимого клиента.

- Брэдфилд, да послушайте же меня! Господи боже мой, я же хочу предупредить вас о том, что они говорят!

Зааб совершенно запыхался. Его объемистый живот колыхался под засаленной курткой. Капли пота, словно слезы, поблескивали под желтыми, набрякшими веками. Из-за его плеча высывалась багровая физиономия Аллертона в ореоле черной гривы. Все направлялись к выходу. В конце галереи было уже тихо, в холле тоже воцарился порядок.

- Кто и что говорит? Вместо Зааба ответил Аллертон:

- Весь Бонн говорит, старина. Вся чертова бумагомаральня.

- Слушайте. Ходят слухи. Слушайте. Бог знает, чего только не болтают.

Вам известно, что произошло в Ганновере? Вы знаете, почему они взбесились? Об этом шепчутся во всех кафе: делегаты, карфельдовские приспешники - все распускают эти слухи. Они расползлись уже по всему Бонну. А им было дано предписание молчать. Загадочная история, фантастика!

Зааб торопливо оглянулся по сторонам.

- Самая большая сенсация за все годы,- сказал Аллертон.- Даже для этого унылого захолустья.

- Почему во время демонстрации они там, впереди, сломали ряды и ринулись как бешеные в библиотеку? Они - эти молодчики, которых везли в серых автобусах? Кто-то стрелял в Карфельда. Когда оркестр заиграл особенно громко, кто-то выстрелил в него из окна библиотеки. Какой-то дружок этой женщины-библиотекарши, Эйк. Она работала в Берлине с англичанами. Эмигрантка. Сменила свою фамилию на Эйк. Она впустила его, чтобы он мог выстрелить из окна. Потом, перед смертью, она во всем призналась Зибкрону. Эйк. Охрана видела, как он стрелял. Карфельдовская охрана. Когда наяривал оркестр. Они увидели человека, стрелявшего из окна, и бросились, чтобы схватить его. Охранники, слышите, Брэдфилд! Охранники, которых привезли в серых автобусах. Брэдфилд, вы только послушайте, что они говорят! Они нашли пулю, револьверную пулю английского образца. Вы понимаете теперь? Англичане совершают покушение на Карфельда - вот какие распускаются слухи. Фантастика! Вы должны положить этому конец. Поговорите с Зибкроном. Карфельд жутко напуган: он страшней трус. Понимаете, почему он стал так осторожен, почему строит повсюду эти чертовы Schafott? Как, черт побери, это называется?

- Эшафот,- сказал Тернер.

Толпа, хлынувшая из холла, вынесла их на свежий воздух.

- Эшафот! Все это строжайшая тайна, Брэдфилд! Только для вашего личного сведения! - Уже издали они услышали его крик: - Упаси вас бог ссылаться на меня. Зибкрон расвирепееет. Фантастика!

- Можете быть совершенно спокойны, Карл-Гейнц,- прозвучал среди всей этой суматохи почти неестественно уравновешенный голос,- никто не злоупотребит вашим доверием.

- Послушайте, старина,- Аллертон наклонился к самому уху Тернера. Он

был небрит, черные лохмы его взмокли от пота.- Что случилось с Лео? Он словно сквозь землю провалился. Говорят, эта самая Эйк была в свое время весьма лихая девчонка и работала вместе с "охотниками за черепами" в Гамбурге. А кто это вас так разукрасил, старина? Слишком рано полезли ей под юбку, а?

- Это не для печати,- сказал Брэдфилд.

- Нет, пока еще нет, старина,- сказал Аллертон.

- Не пока, а вообще.

- Говорят, он едва не прикончил его в Бонне, в ночь накануне ганноверского митинга. Просто не был вполне уверен, что это он. Карфельд шел с секретного совещания, направлялся к условленному месту, и только чистая случайность спасла его от Лео. Просто зибкрановские молодчики подоспели как раз вовремя.

Вдоль набережной неподвижные колонны замерли в терпеливом ожидании. Слабый ветерок чуть колыхал черные флаги. На другом берегу за синеватой стеной деревьев заводские трубы лениво выдыхали дым в унылом свете пасмурного утра. У края воды томились в бездействии маленькие лодочки - яркие мазки на серой траве. Тернер посмотрел влево - на старую лодочную пристань, которую еще не успели снести. Вывеска доводила до общего сведения, что пристань является собственностью факультета физического воспитания Боннского университета.

Они стояли вдоль берега, ряд к ряду. Тонкая пленка тумана, словно след дыхания на стекле, заволакивала бурый горизонт и мост через реку. Ни шороха - только отзвуки чего-то скрытого от глаз: крик затерявшейся чайки, жалобный стон заблудившейся баржи, неустанное стенанье невидимых дрелей. Казалось, не люди, а серые тени выстроились там вдоль берега реки, и даже человеческие шаги звучали как-то отрешенно; дождя не было, но влага тумана порой ощущалась на лице, словно пульсация крови под разгоряченной кожей. Это не суда, а погребальные дроги плыли вниз по течению, неся свои дары богам севера; и все было лишено запаха, только откуда-то, из глубины материка, тянуло углем и металлом.

- Карфельда упрятали до вечера,- сказал Брэдфилд.- Об этом позаботился Зибкрон. Ждут, что тот сделает новую попытку сегодня вечером. И он ее сделает.- И Брэдфилд, помолчав, повторил все слово в слово от начала до конца, точно заучивая формулу: - Пока не начнется демонстрация, Карфельд не выйдет из своего убежища. После демонстрации Карфельда снова спрячут. Возможности самого Гартинга крайне ограничены - он знает, что ему недолго разгуливать на свободе. Значит, он сделает попытку сегодня вечером.

- Айкман умерла,- сказал Тернер.- Они убили ее.

- Да. Он будет пытаться сегодня вечером.

- Заставьте Зибкрона отменить митинг.

- Будь это в моей власти, я бы так и поступил. Да и Зибкрон, будь это в его власти,- тоже. Но теперь уже поздно.- Он указал на серые колонны.

Тернер поглядел на него в упор.

- Нет, не могу себе представить, чтобы Карфельд, как бы ни был он напуган, отменил митинг,- сказал Брэд филд, словно сомнение промелькнуло на миг в его уме, но он тут же его отгнал.- Этот митинг - кульминация, он должен увенчать собой кампанию, проведенную им в провинциях. Он нарочно приурочил все к этому дню - к самому острому моменту брюссельских переговоров. Он уже на полпути к полной победе.

Брэдфилд повернулся и медленно зашагал по тротуару к стоянке машин. Серые колонны наблюдали за ним в молчании.

- Возвращайтесь в посольство. Возьмите такси. С этой минуты всякое передвижение по городу исключается. Ни один человек не должен покидать посольства, нарушение запрета повлечет за собой увольнение. Сообщите об этом де Лиллу. Расскажите ему также обо всем, что произошло, подготовьте все документы, так или иначе относящиеся к Карфельду, и отложите их до моего возвращения. Все, что освещает его деятельность: доклад группы по расследованию преступлений, его работу на соискание степени - все, что имеется в "святая святых" и может пролить свет. Я вернусь сразу же после обеда.

Он отворил дверцу машины.

- Какое у вас соглашение с Зибкромом? - спросил Тернер.- В чем его тайный смысл?

- Нет никакого соглашения. Либо они уничтожат Гар тинга, либо Гартинг уничтожит Карфельда. И в том, и в другом случае я должен дезавуировать его. И только это существенно в настоящий момент. Может быть, вы предложи те мне какой-либо другой образ действий? Вам известен другой выход из создавшегося положения? Я информирую Зибкрона, что порядок будет восстановлен. Я дам ему слово, что мы не имеем никакого отношения к деятельности Гартинга и ничего о ней не знаем. Можете вы предложить мне другое решение проблемы? Я буду вам признателен.

Он включил мотор. Серые колонны зашевелились, любопытствуя: им нравился белый "ягуар".

- Брэдфилд! - Да?

- Прошу вас. Еще пять минут. Я еще не все карты выложил на стол. Существует еще кое-что, о чем мы ни разу не вспомнили. Брэдфилд!

Ни слова не говоря, Брэдфилд отворил дверцу и вышел из машины.

- Вы говорите, что мы не имеем к нему отношения. Мы имеем. Он - создание наших рук, и вы это знаете, это мы сделали его тем, что он есть, мы перемололи его на этой мельнице, между тем миром и нашим, мы загнали его внутрь самого себя, заставили его увидеть то, чего никто не должен видеть, услышать то... Мы заставили его пуститься в это странствие в одиночку - вы не знаете, каково ему было одному там, внизу. А я знаю! Брэдфилд, послушайте! М ы в д о л г у п е р е д н и м . И он знает это.

- Перед каждым из нас кто-то в долгу. Мало кому будет оплачен этот долг.

- Вы намеренно хотите уничтожить его! Вы не хотите ничего для него сделать! Вы хотите отречься от него, потому что он был ее любовником! Потому что...

- О боже мой,- тихо произнес Брэдфилд.- Если бы я поставил перед собой такую задачу, мне пришлось бы убить больше, чем тридцать два человека. И это все, что вы хотели мне сказать?

- Обождите! Брюссель... Общий рынок... И все это... На будущей неделе главным на повестке дня станет курс фунта, еще через неделю - Варшавский договор. Да мы, черт подери, вступим в Армию Спасения, стоит только американцам этого пожелать. Какое значение имеют все эти ярлыки? Вы же яснее всякого другого видите, что происходит, куда нас несет! Почему же вы позволяете себе плыть по течению? Почему не скажете "стоп"?

- А что я могу сделать для Гартинга? Скажите, что могу я сделать, если не отречься от него? Вы знаете наше положение здесь. Политический кризис - явление строго определенное. Скандальные происшествия - вещь расплывчатая.

Неужели вы до сих пор не поняли, что значение имеет лишь видимость явлений, а не их суть?

Тернер в отчаянии поглядел по сторонам, как бы ища поддержки.

- Это неправда! Не можете вы в такой мере быть рабом показной стороны явлений.

- А что еще остается, если внутри все прогнило насквозь? Сломайте тонкую пленку видимости, и мы погибли. Это то, что сделал Гартинг. Я лицемер,- без малейшей рисовки сказал он.- Я глубоко верю в необходимость лицемерия. Только этим путем мы ближе всего соприкасаемся с добродетелью. Лицемерие - декларация того, чем мы должны были бы быть. Как религия, как искусство, как закон, как брак. Я поклоняюсь внешней стороне явлений. Это худшая из религий, но она лучше всех остальных. Такова моя профессия, такова моя философия. И в отличие от вас,- добавил он,- я не поставил себя на службу мощной державе, тем более - державе добродетельной. Всякая власть порочна. Отсутствие власти - порочнее во сто крат. Америка показала нам в этом смысле пример, мы должны быть ей благодарны. Все абсолютно правильно. Мы - гниющая страна, и мы принуждены принимать любую помощь, какую нам предложат. Это прискорбно и, признаюсь, порой весьма унижительно. Тем не менее, по-моему, предпочтительнее потерпеть поражение как сила, чем уцелеть за счет бессилия. Предпочтительнее быть поверженным, чем стоять в стороне от схватки. Предпочтительнее быть англичанином, чем швейцарцем. В отличие от вас я не надеюсь ни на что. Я не возлагаю никаких надежд на общественное устройство, как не возлагаю их на людей. Итак, это все, что вы можете мне предложить? Я разочарован.

- Брэдфилд, я ведь теперь знаю ее. И я знаю вас и понимаю, что вы должны чувствовать! Вы ненавидите его. Вы ненавидите его сильнее, чем хотите себе в этом признаться. Вы ненавидите его за то, что он способен чувствовать: за то, что он может любить, даже за то, что он честен, за то, что он разбудил ее. За то, что принизил вас в ее глазах. Вы ненавидите его за каждое мгновение, которое она отдала ему,- за каждую ее мысль о нем, мечту о нем!

- И тем не менее вы ничего не можете предложить. Насколько я понимаю, все ваши минуты уже истекли. Да, он совершил преступление,- добавил он небрежно, словно мимоходом возвращаясь к уже обсуждавшемуся вопросу,- Да. Совершил. И не столько против меня, как вы, вероятно, полагаете, сколько против порядка, созданного из хаоса; против укоренившегося шаблона бесцельного существования. Какое имел он право изливать свою ненависть на Карфельда и какое имел он право... Никто не давал ему права помнить. Если у вас и у меня остается еще какая-то цель в жизни - она в том, чтобы спасти мир от подобных посягательств.

- Да он один-единственный - вы слышите? - он один-единственный среди всех нас живой, настоящий! Единственный, кто сохранил веру и способен действовать! Для вас все это - бездушная, бессмысленная игра, традиционная и глупая семейная игра вроде лото, вот что это такое для вас - просто игра. А для Лео это неотделимо от него самого! Он знает, чего он хочет, и все делает, чтобы этого достичь!

- Да. И уже этого достаточно, чтобы вынести ему приговор.- Брэдфилд забыл про Тернера в эту минуту.- Для таких, как он, больше нет места на земле. Хотя бы один этот урок мы все-таки сумели вынести из прошлого, благодарение небу! - Его взгляд был устремлен на реку.- Мы познали, что даже ничто - это довольно хрупкий цветок. Послушать вас, так одни вносят свою лепту, а другие - нет. Словно все мы трудимся во имя того дня, когда не

будем больше никому нужны, когда мир получит возможность сложить оружие и возделывать свой сад. Но результата нет, его не существует. Завершающий день не настанет никогда. Сегодняшний день - вот ради чего мы живем. Настоящее. То, что происходит сейчас, сию минуту. Каждую ночь, ложась спать, я говорю себе: вот и еще один день отвоеван. Мир отсчитал еще один день противоестественной жизни на смертном одре. И если я больше никогда не открою глаз, быть может, все то же самое будет продолжаться еще сотни лет. Да.- Он говорил, стоя лицом к реке.- Наша политика подобна этому течению - тоже то на три дюйма выше, то ниже. Три дюйма свободного выбора - вот предел нашей деятельности. Вне его - анархия и все эти романтические западни совести и протеста. Все мы жаждем большей свободы - каждый из нас. Ее не существует. Когда мы примем эту непреложную истину, нам будет спать легко. Гартинг прежде всего не имел права спускаться туда, вниз. А вы обязаны были вернуться в Лондон, когда получили мое распоряжение. Закон об истечении срока давности преступлений - это приказ забыть. Гартинг нарушил его, Прашко прав: Гартинг нарушил закон равновесия.

- Но мы же не роботы! Мы рождаемся на свет свободными от всех этих пут, я верю в это! Мы не властны над собственным рассудком, не можем диктовать ему свою волю!

- Боже милостивый, кто вам это сказал? - Он обернулся к Тернеру, в глазах его стояли слезы.- В течение восемнадцати лет моего брака и двадцати лет дипломатической службы я подчинял рассудок воле. Половину своей жизни я потратил на то, чтобы научиться не видеть, а другую половину - на то, чтобы научиться не чувствовать. И вы думаете, что после этого я не способен научиться забывать? Боже мой, порой меня гнетет то, чего я не знаю! Так какого же черта, почему не может забыть и он? Вы думаете, мне доставляет удовольствие то, что я вынужден делать? Разве вы не понимаете, что это он принудил меня к этому? Он заварил всю эту кашу, а не я! Его чудовищное бесстыдство...

- Брэдфилд! А что же, по-вашему, Карфельд? Разве Карфельд также не преступил все границы дозволенного?

- Что касается Карфельда, то в этом случае существуют различные способы воздействия.- Его голос снова обрел свою обычную непроницаемость.

- Лео нашел способ.

- Неправильный, как выяснилось.

- Почему неправильный?

- Не все ли вам равно - почему.

Он снова не спеша направился к машине, но Тернер опять закричал ему вслед:

- Что заставило Лео скрыться? Он что-то прочел. Он выкрал что-то. Что было в этой Зеленой папке? Что представляли собой эти "Беседы официальные и неофициальные" с немецкими политическими деятелями? Брэдфилд! Кто их вел и с кем?

- Умерьте ваш голос - они слышат.

- Скажите мне! Вы вели переговоры с Карфельдом? Вот что заставило Лео отправиться на эту ночную прогулку! Вот откуда все пошло!

Брэдфилд ничего не ответил.

- Господи помилуй! - прошептал Тернер.- В конце концов мы, значит, ничем не отличаемся от них. Мы такие же, как Зибкрон и Прашко: мы просто ставим на ту лошадку, у которой есть шансы завтра прийти первой!

- Тише! - предостерег его Брэдфилд.

- Аллертон... То, что сказал Аллертон...

- Аллертон? Ему ничего не известно!

- В ту пятницу вечером Карфельд приехал сюда из Ганновера. На совещание. В Бонне никто об этом не был оповещен. Все держалось в такой тайне, что он от вокзала шел пешком. Вы в тот вечер, в ту пятницу, так и не поехали в Ганновер в конце концов. Ваши намерения изменились, вы возвратили билет. Лео узнал об этом через служащих транспортного отдела...

- Вы несете какой-то вздор.

- Вы встретились с Карфельдом в Бонне. Встречу организовал Зибкрон, а Лео выследил вас, потому что он уже знал, что вы задумали!

- Вы не в своем уме.

- Нет, я в своем уме. А вот Лео действительно мог сойти с ума. Потому что у него возникли подозрения. Он все время в глубине души был уверен, что вы втайне подстраховываете себя на случай провала в Брюсселе. Однако до тех пор, пока он не увидел Зеленой папки, до тех пор, пока он полностью не убедился во всем, ему еще казалось возможным действовать в рамках закона. Но ознакомившись с содержанием Зеленой папки, он понял: да, в самом деле, все повторяется сначала. Теперь он знал. Вот почему он начал спешить. Он должен был остановить вас... Он должен был остановить Карфельда, пока не поздно! Брэдфилд не проронил ни звука.

- Что было в Зеленой папке, Брэдфилд? Почему он взял ее с собой, словно залог любви? Почему именно эту единственную папку он унес? Потому что в ней были протоколы этих самых переговоров, не так ли? Вот чем он вызвал ваш огонь на себя! Вам нужно было во что бы то ни стало вернуть себе папку. Вы подписывали эти протоколы, Брэдфилд? Вот этим самым вашим на все готовым пером? - Его светлые глаза горели гневом.- Давайте-ка сообразим, когда именно выкрал он спецсумку - в пятницу... В пятницу утром его подозрения подтвердились, не так ли? Он увидел все черным по белому на бумаге: это было еще одно доказательство тому, что он искал. Он отправился с этим к Айкман. "Они снова берутся за старое... Мы должны положить этому конец, пока не поздно... Мы не как все, мы - избранные". Вот почему он унес Зеленую папку! Чтобы показать им. "Дети, глядите,- хотел он сказать всем,- история и в самом деле повторяется, и это далеко не фарс!"

- В папке были совершенно секретные документы. За одно это он мог на долгие годы сесть за решетку.

- Но он не сядет, потому что вам нужна папка, а не человек. Вот еще одна сторона вашей трехдюймовой свободы.

- А вы бы предпочли, чтобы я оказался фанатиком?

- Все то, что он подозревал уже несколько месяцев, то, что носилось в воздухе Бонна, ползло шепотком, мелькало в отрывочных сведениях, которые он получал от нее,- все это нашло свое подтверждение: англичане оставляли себе на всякий случай лазейку. Небольшая политическая перестраховка - одновременное заигрывание и с Бонном, и с Москвой. Такова ваша игра, Брэдфилд? Что же под всем этим кроется? Неудивительно, черт подери, если Зибкрон думал, что вы ведете тройную игру! Сначала вы делали ставку только на Брюссель, и это было вполне мудро. "Ничто не должно помешать осуществлению наших планов". А за тем вы переметнулись на сторону Карфельда и заручились поддержкой Зибкрона. "Сведите меня с Карфельдом,- сказали вы ему,- но только с соблюдением полнейшей тайны. Англичане интересуются возможностью такого союза".

Интересуются, понятно, совершенно неофициально, учтите. Только нащупывание почвы, встреча с глазу на глаз, учтите. Впрочем, в конечном счете торговое соглашение с Востоком отнюдь не снимается с повестки дня,

герр доктор Карфельд, если в один прекрасный день вы окажетесь более надежным союзником, чем эта разваливающаяся коалиция! По правде-то говоря, в последнее время у нас очень сильны антиамериканские настроения: это ведь у нас в крови, вы знаете, герр доктор Карфельд...

- В вас даром пропадает талант...

- И что за этим последовало? Не успел Зибкрон положить Карфельда в вашу постель, как ему сообщили такое, что у него кровь застыла в жилах: британское посольство составляет на Карфельда досье - выволакивает на свет божий все его неприглядное прошлое! Британское посольство уже раздобыло соответствующие документы - у н и к а л ь н ы е документы, Брэдфилд,- и теперь там прикидывают, нельзя ли прибегнуть к шантажу через третьих лиц. Но и это еще не все!

- Нет.

- Не успели Зибкрон и Карфельд оправиться от этого небольшого потрясения, как вы обрушили на их головы более сокрушительный удар. Такой, что они едва устояли на ногах. Нет, даже Альбион, подумали они, не может быть настолько вероломен: англичане просто-напросто готовят покушение на Карфельда! Это выглядело полнейшим абсурдом, разумеется. Зачем убивать человека, которого вы намерены шантажировать? Они там небось чуть не спятили, теряясь в догадках. Неудивительно, что Зибкрон казался совсем больным во вторник вечером!

- Теперь вы знаете все. Вы проникли в тайну. Так сохраните ее.

- Брэдфилд! - Да?

- Кому желаете вы удачи на этот раз? Сегодня вече ром там на кого вы будете делать ставку, Брэдфилд? На Лео? Или на вашего купленного по дешевке союзника?

Брэдфилд включил мотор.

- Купленные по дешевке союзники!.. Только такие нам еще по карману? На большее у нас уже не хватает пороху? Мы - гордая нация, Брэдфилд! Вы еще можете заполучить Карфельда за полцены, не так ли? Он ненавидит нас, но это не имеет значения. Он сам переползет к нам! Люди меняются. А ведь он думает о нас непрерывно!..

А какой бы это был красивый старт! Небольшой пинок под зад коленом - и он побежит вперед без оглядки.

- Либо вы здесь, либо там. Либо вы включаетесь в игру, либо нет.- Неуверенная пауза.- Или вы скорее предпочли бы быть швейцарцем?

Не прибавив больше ни слова, даже не взглянув на Тернера, Брэдфилд повел машину вниз с холма, свернул направо и скрылся в направлении Бонна. Тернер долго стоял, глядя ему вслед, а потом зашагал обратно вдоль реки, к стоянке такси. Внезапно за его спиной возник странный таинственный шум: глухой рокот голосов, шарканье ног - невыразимо унылые, невыразимо печальные звуки, печальнее он еще ничего не слышал в жизни. Серые колонны пришли в движение, они медленно двинулись вперед, безликие, тяжеловесные, страшные,- серое безмозглое чудовище, которое уже ничто не в силах остановить... Позади них лесистые очертания горы Чемберлена неясно проступали сквозь туман.

<h2>ЭПИЛОГ</h2>

Брэдфилд шел впереди, де Лилл и Тернер - следом. Вечерело. На улицах почти не было движения. Бонн замер. Толпы молчаливых незнакомцев в сером текли по улочкам и переулкам, устремляясь к рыночной площади. Черные флаги

лениво колыхались над разливавшимся людским потоком.

Бонн еще не видывал таких лиц. Старые и молодые, сытые и голодные, потерянные и обретенные, мудрецы и тупицы, послушные и непокорные - все дети республики, казалось, поднялись в едином порыве и, построившись в легион, двинулись на ее жалкие бастионы. Были тут люди с гор - темноволосые, кривоногие, тщательно вымытые и причесанные, как для праздника; были клерки, пропахшие нафталином, раздумывавшиеся сейчас на свежем воздухе; были и фланеры - неторопливая пехота немецкого променада - в сером габардине и серых фетровых шляпах. Одни несли флаги стыдливо, точно сознавая, что им это уже не по возрасту; другие - как боевые знамена; третьи - как добычу на продажу. Словом, Бирнамский лес пошел на Дансинан.

Брэдфилд подождал своих - они немного отстали.

- Зибкрон оставил для нас место, мы должны пройти на площадь несколько выше. Придется пробиваться вправо.

Тернер кивнул, еще не дослушав до конца. Он вертел во все стороны головой, стараясь заглянуть в каждое лицо, в каждое окно, в каждую лавчонку, закоулок, проулок. Внезапно он схватил де Лилла за локоть, но человек, привлечший его внимание, уже исчез, затерявшись в текучей толпе.

Не только сама площадь, но и все вокруг - балконы, окна, дверные проемы магазинов, каждая щель, каждый кусок пространства были заполнены белыми пятнами лиц и серыми пальто, зелеными мундирами солдат и полиции. Но люди все прибывали, их становилось все больше и больше, они забили все улицы и переулки, выходявшие на площадь, они вытягивали шеи, стараясь увидеть трибуну, с которой будет выступать оратор, искали глазами лидера: безликие люди искали глазами одно лицо, а Тернер пытливо всматривался в толпу, тоже отчаянно стараясь найти лицо человека, которого никогда не видел. Над головами в лучах прожекторов угрожающе свисали с проводов громкоговорители, а над ними медленно темнело небо.

"Ничего у него не выйдет,- угрюмо думал Тернер,- никогда ему не пробиться сквозь такую толпу". Но тут он снова услышал голос Хейзел Брэдфилд: "У меня был младший брат - отчаянный регбист, и Лео так похож на него, просто не отличишь".

- Берите левее,- сказал Брэдфилд.- Держите направление на отель.

- Вы англичанин? - спросил женский голос. Так осведомляются за чашкой чая в кругу друзей.- У меня дочь живет в Ярмуте.- Толпа увлекла ее в сторону. Свернутые знамена, опущенные вниз, словно копья, преградили им путь. Знамена образовывали круг, и внутри него стояли студенты-цыгане у своего маленького костра.

- В огонь Аксея Шпрингера! - без особого воодушевления выкрикнул какой-то юнец; какой-то другой разодрал книгу и швырнул ее в огонь. Книга горела плохо, долго задыхаясь в дыму, прежде чем умереть. "Если так поступать с книгами,- подумал Тернер,- то потом недолго взяться и за людей". Несколько девушек полулежали на надувных матрацах, и отблески огня на их лицах придавали им поэтичность.

- Если мы потеряем друг друга, встретимся у подъезда "Штерна",- распорядился Брэдфилд.

Какой-то мальчишка услышал это и ринулся к ним, подстрекаемый остальными, а две девчонки принялись кричать что-то по-французски.

- Англичане! - заорал юнец; видно было, что он совсем еще подросток и очень волнуется.- Англичане - свиньи! - Услышав, как радостно взвизгнули девчонки, он отчаянно замахал тощими кулачками над копиями свернутых знамен. Тернер ускорил шаг, но удар настиг Брэдфилда, попав ему в плечо; Брэдфилд

сделал вид, что не заметил. Толпа раздалась, внезапно, по какому-то таинственному закону утратив свою злую волю, и перед ними в глубине площади, подобная сновидению, возникла городская ратуша - заколдованная волшебная гора розоватых леденцов и сусального золота. Законченное изысканное творение, сотканное из тончайшей филиграни и солнечных лучей. Ослепительное, возрождающее в памяти величие Рима и обитые шелком залы дворцов, где несыгранные менуэты де Лилла тешили сердца твердолобых бургеров. Слева, все еще погруженный в сумрак, отрезанный от этого волшебства световой завесой прожекторов, нацеленных на здание, ждал помост - ждал, как ждет палач появления владыки.

- Герр Брэдфилд? - спросил бледнолицый сыщик. Он был все в том же кожаном пальто, как тогда, на заре, в КJнингсвинтере. Но в его черной пасти не хватало двух зубов. Услышав это имя, его коллеги обратили к Брэдфилду свои лунообразные физиономии.

- Да, я Брэдфилд.

- Нам приказано освободить для вас место на ступеньках.- Он тщательно выговаривал английские слова, отрепетировав свою маленькую роль для этого пришельца. Радиоприемник в кармане его кожаного пальто затрещал, требуя внимания. Он поднес микрофон ко рту.- Господа дипломаты прибыли,- сказал он,- и находятся в безопасности. Джентльмен из Управления по исследованиям тоже тут.

Тернер в упор посмотрел на его изуродованный рот и улыбнулся.

- Эх ты, педик,- смачно произнес он. Губа у сыщика была рассечена, хотя и не так глубоко, как у Тернера.

- Извините?

- Педик,- повторил Тернер.- Педераст.

- Заткнитесь,- приказал Брэдфилд.

Со ступенек была видна вся площадь. Сумерки сгущались, и прожекторы, восторжествовав над дневным светом, озаряли бледные пятна лиц, плававшие, как белые диски, над темной массой толпы. Дома, магазины, кинотеатры - все растаяло, остались одни островерхие черепичные крыши - сказочные силуэты на фоне темного неба, и это было еще одно сновидение "Сказок Гофмана", игрушечный резной деревянный мирок, немецкая ворожба, чтобы продлить для немца его детство. Высоко над крышей мигала реклама кока-колы, отбрасывая ненатурально-розовые блики на черепичный скат; какой-то заблудившийся луч прожектора шарил по фасадам, заглядывая в пустые витрины магазинов, словно в глаза любовницы. На нижней ступеньке - спиной к лестнице, руки в карманах - стояли шпики: черные фигуры на сером фоне толпы.

- Карфельд появится сбоку,- внезапно сообщил де Лилл.- Из переулка слева.

Проследив за его вытянутой рукой, Тернер впервые заметил почти у самого подножия помоста узкий проулок между аптекой и городской ратушей, совсем узкий - не шире десяти футов, обстроенный с двух сторон высокими зданиями и казавшийся глубоким, как колодец.

- Мы остаемся здесь - ясно? На этих ступеньках. Что бы ни случилось. Мы здесь - наблюдатели, только наблюдатели, ничего больше.- В минуты напряжения сухое лицо Брэдфилда становилось волевым.- Если им удастся его обнаружить, они доставят его нам. Так мы договорились. И мы немедленно увезем его в посольство. Где для безопасности посадим под арест.

Оркестр - вспомнилось Тернеру. Он совершил это в Ганновере, когда оркестр играл особенно громко. Расчет был на то, что музыка заглушит звук выстрела. Ему пришли на память и фены, и он подумал: "Этот человек не из

тех, кто станет менять приемы: если один раз сработало, значит, работает и еще раз - в этом он немец. Как Карфельд со своими серыми автобусами".

Течение его мыслей нарушил гул толпы, взволнованной предвкушением зрелища,- гул, переросший в гневную мольбу, когда лучи прожекторов внезапно погасли, оставив освещенной лишь ратушу - сияющий и чистый алтарь - и группу его служителей, появившихся на балконе. Имена посыпались из бесчисленных ртов, вокруг зазвучала медленная литания:

Тильзит, вон Тильзит, Тильзит, старик-генерал, третий слева, смотри-ка, смотри: он надел медаль, ту самую, которую хотели у него отнять, военную медаль за отличие, она висит у него на шее. Храбрый человек Тильзит. А вон Мейер-Лотринген - экономист. Ну да, der Grosse (Большой (нем.)), тот, высокий: глядите, как красиво машет он рукой,- еще бы, он ведь из родовитых. Говорят, наполовину Виттельсбах, кровь-то, она всегда скажется. А уж какой ученый - все знает. Смотрите-ка: и священники тут! Епископ! Глядите, глядите, сам епископ благословляет нас. Считайте, сколько раз он благословил нас своей святой рукой! А сейчас смотрит вправо! Вот опять поднял руку! А вон и молодой Гальбах - это горячая голова. Смотрите-ка, смотрите, он в свитере! До чего обнаглел: надеть свитер в такой день. И в Бонне! Эй, Гальбах! Du, toller Hund (Бешеная собака (нем.)). Но ведь Гальбах - из Берлина, а берлинцы, они, известно, наглецы! Помяните мое слово: придет день, он всех нас поведет за собой, - молодой, а смотрите, до чего преуспел.

Перешептывания слились в рев - утробный, голодный, истощный, страстный,- рев такой мощный, какой не в силах исторгнуть в одиночку человеческая глотка, исполненный такой веры, какой не проникнется в одиночку самая набожная душа, такой любви, какой не может вместить в одиночку человеческое сердце; этот рев взмыл и сник, упал до шепота, когда раздалось первые тихие звуки музыки и видение ратуши исчезло и перед толпой возник помост. Кафедра проповедника, капитанский мостик, дирижерский пульт? Колыбель младенца, скромный гроб из простого тесаного дерева, нечто грандиозное и в то же время целомудренное, деревянная чаша Грааля,местилище немецкой истины. И на этом помосте - совсем один, один, но неустрашимый, единственный борец за эту истину, обыкновенный человек по имени Карфельд.

- Питер! - Тернер осторожно указал на узкий проулок. Рука его дрожала, но взгляд неотрывно был устремлен в одну точку. Тень? Караульный, ставший на пост?

- Я бы на вашем месте не тыкал так пальцем,- прошептал де Лилл.- Ваш жест может быть неправильно истолкован.

Но никто в эту минуту не обращал на них внимания, ибо все видели только Карфельда.

- Клаус! - ревела толпа.- Клаус с нами!

Дети, помашите ему рукой, Клаус, волшебник, пришел к нам в Бонн на немецких сосновых ходулях.

- А этот Клаус очень смахивает на англичанина,- донесся до Тернера шепот де Лилла,- хоть он и ненавидит нас, смертельно ненавидит.

Он казался таким маленьким, стоя там, наверху. Говорили, что он высокий, и было бы совсем нетрудно с помощью всевозможных ухищрений сделать его выше на фут или на два. Но он, видно, сам хотел казаться меньше, словно для того, чтобы подчеркнуть, что великие истины изрекают скромные уста. А он, Карфельд, скромный человек и, совсем как англичане, не любит выставлять

себя напоказ. При этом он был человек нервный, и ему явно мешали его очки - у него, видимо, не было времени протереть их в эти трудные дни, и теперь он снял их и принялся всю полировать стекла, точно понятия не имел, что на него смотрит толпа. Еще не сказав ни слова, он как бы говорил: это другие - не я - устроили такую церемонию, мы-то с вами, вы и я, знаем, зачем мы здесь.

Давайте помолимся.

- Больно уж яркий свет и бьет ему прямо в глаза,- произнес кто-то,- надо бы поубавить.

Он явно был одним из них, этот, стоявший там один-одинешенек, ученый человек, доктор наук; он башковитый, мозги что надо, но все равно - он один из них; нужно будет - сразу сойдет с этого своего высокого помоста, сразу уступит другому, более достойному, если такой найдется. И, конечно, он никакой не политик. Да и не гонится за почестями - ведь только вчера заверил всех, что уступит свое место Гальбаху, если такова будет воля народа. Толпа перешептывалась, выражая свою симпатию, свою озабоченность. У Карфельда усталый вид; он очень посвежел; он отлично выглядит; у Карфельда совсем больной вид; он выглядит старше, моложе, выше, ниже... Говорят, он отходит от дел; неверно, он бросает свою фабрику и переключается полностью на политику. Откуда он возьмет средства? Да он же миллионер.

Он спокойно начал говорить.

Никто его не представлял, и он не отрекомендовал себя сам. Музыка, возвещавшая его появление, смолкла, оборвавшись на одинокой ноте, ибо Клаус Карфельд был один, он стоял совсем один там, наверху, и никакая музыка не могла послужить ему утешением. Карфельд - это не боннский пустомеля; он ученый, но он один из нас; Клаус Карфельд, гражданин и доктор наук,- добропорядочный человек, и, как добропорядочный человек, он озабочен судьбой Германии, и в силу этого чувство долга повелевает ему обратиться к своим друзьям.

Он говорил так негромко, так ненавязчиво, что Тернеру вдруг показалось, будто вся эта масса, стоявшая на площади, подалась вперед и словно бы подставила ухо, чтобы Карфельд мог не обременять себя, не повышать голоса.

Когда все кончилось, Тернер не мог бы сказать, как много он понял или каким образом он понял так много. Сначала у него создалось впечатление, что все интересы Карфельда лежат в области истории. Он говорил о причинах, приведших к войне, и Тернер уловил все те же обветшалые символы былой веры - Версаль, хаос, депрессия, окружение, ошибки, допущенные государственными деятелями обеих сторон, ибо немцы не могут слагать с себя ответственность. Затем была кратко отдана дань всем, павшим жертвой безрассудства; слишком много людей погибло, сказал Карфельд, и лишь немногие знают - почему. Это никогда не должно повториться. Карфельд твердо в этом убежден. Он привез из Сталинграда не только раны, он привез память, неистребимую память об искалеченных душах, изуродованных телах и предательстве...

А ведь он и в самом деле помнит все это! Бедный Клаус! - шептала толпа. Он перестрадал за всех нас.

И по-прежнему никакой риторики. Мы с вами, продолжал Карфельд, испытали на себе уроки истории, и мы уже можем посмотреть на все как бы со стороны. И сказать: это никогда не повторится. Правда, есть люди, которые рассматривают битвы девятнадцатого и тридцать девятого годов как отдельные звенья крестового похода против врагов всего германского, но он, Карфельд - и он особо хотел подчеркнуть это для сведения своих друзей,- он, Клаус Карфельд, отнюдь не принадлежит к этой школе.

- Алан! - голос де Лилла звучал твердо, почти как приказ. Тернер проследил за направлением его взгляда.

Какая-то дрожь пробежала по толпе. На балконе возникло движение. Тернер увидел, как генерал Тильзит наклонил свою солдафонскую голову и Гальбах, студенческий вождь, что-то шепнул ему на ухо; он увидел, как Мейер-Лотринген перегнулся через резную ограду балкона, прислушиваясь к кому-то, кто обращался к нему снизу. Полицейский? Детектив в штатском? Он увидел, как блеснули очки, мелькнуло бесстрастное лицо хирурга - Зибкрон встал и исчез, и все снова успокоилось и только Карфельд, здоровый человек, академически мыслящий ученый, рассуждал о сегодняшнем дне.

Сегодня, говорил он, как никогда прежде, Германия - игрушка в руках своих союзников. Они ее купили, и теперь они ее продают. И это факт, заявил Карфельд, - он не собирается тут теоретизировать. В Бонне было уже слишком много теоретизирования, добавил он, и он не намерен выступать с новой теорией и увеличивать смятение в умах. Итак, это ф а к т . И как он ни прискорбен, добрым и здравомыслящим друзьям не мешает обсудить между собой, как же союзникам Германии удалось достичь такого странного положения вещей. В конце концов Германия ведь богатая страна - она богаче Франции и богаче Италии. Она богаче Англии, как бы между прочим добавил он, но с англичанами надо быть терпимее, потому что в конечном-то счете это ведь англичане выиграла войну, они народ на редкость одаренный.

И с тем же поразительным спокойствием, так же рассудительно перечислил он все проявления английской одаренности: от них пошли мини-юбки, эстрадные певцы, у них Рейнская армия, которая сидит в Лондоне; их империя понемногу разваливается на части; их национальный долг растет - словом, не будь англичане так талантливы, Европа давно бы обанкротилась. Он, Карфельд, всегда это говорил.

Тут по толпе прокатился смех - греющий душу, злой смех, и Карфельд был шокирован и, пожалуй, даже чуть-чуть разочарован тем, что эти нежно любимые им грешники, наставить которых на путь истины господь бог повелел ему, ничтожному рабу своему, что они осмелились смеяться в храме. И Карфельд терпеливо выжидал, пока смех замрет,

Так как же могло случиться, что Германию, такую богатую, располагающую самой многочисленной армией в Европе и играющую столь важную роль в так называемом Общем рынке, как могло случиться, что Германию продают на площади как последнюю шлюху?

Выпрямившись на своей кафедре, он снял очки и умиротворяюще простер вперед руку, ибо по толпе прошел гу л протеста и возмущения, а он, Карфельд, не такого, разумеется, добивался эффекта. Мы должны рассмотреть этот вопрос здраво, как подобает благочестивым людям, предостерег он, осветить его с чисто духовной стороны, без чрезмерных эмоций и злобы, как подобает добрым друзьям! Рука у него была пухлая, округлая и словно бы оплетенная невидимой паутиной, потому что он никогда не разжимал пальцев, и вечно сжатый кулак походил на набалдашник палки.

Так вот, пытаюсь найти национальное объяснение этому весьма странному, чрезвычайно существенному и - по крайней мере для немцев - историческому факту, необходимо быть объективным. Во-первых, - и первый выстрел кулаков в воздух - мы имели двенадцать лет нацизма и тридцать пять антинацизма. Карфельду непонятно, что уж такого страшного в нацизме, чтобы весь мир навеки предал его анафеме. Нацисты преследовали евреев - и это было, конечно, плохо, и он хочет, чтобы его слова о том, что это плохо, были запротоколированы для истории. Подобно тому как он осуждает Оливера Кромвеля

за обращение с ирландцами, США - за отношение к черным и, конечно, за геноцид против американских индейцев и желтой опасности в Юго-Восточной Азии, церковь - за преследование еретиков и англичан - за бомбежки Дрездена, так он осуждает и Гитлера за то, что тот сделал с евреями, и за то, что импортировал изобретение британцев, столь успешно применявшееся в Англо-бурской войне,- концентрационные лагеря.

Тернер увидел, как молодой сыщик, стоявший прямо перед ним, осторожно сунул руку за борт своего кожаного пальто, и опять раздалось легкое потрескивание радио. Напрягая зрение, Тернер снова окинул внимательным взглядом толпу, балкон, переулки; снова взгляделся во все дверные проемы, во все окна - ничего. Ничего, кроме часовых, расставленных на крышах, и полиции, ожидавшей в своих фургонах; ничего, кроме несметной толпы молчаливых мужчин и женщин, застывших, словно перед явлением Мессии.

Давайте рассмотрим, предложил Карфельд, поскольку это поможет нам прийти к логическому и объективному ответу на многие вопросы, одолевающие нас сегодня,- давайте рассмотрим, что же произошло после войны.

После войны, продолжал Карфельд, произошло всего лишь то, что к немцам стали относиться как к преступникам, а поскольку немцы практиковали расизм, то их сыновья и внуки тоже должны были рассматриваться как преступники. Но поскольку союзники люди добрые и хорошие, они склонны были пойти на некоторые уступки и несколько реабилитировали немцев: в качестве особого одолжения их приняли в НАТО.

Немцев поначалу одолевала робость, они не хотели перевооружаться - многие были по горло сыты войной. Сам Карфельд принадлежал к этой категории: уроки Сталинграда каленым железом были выжжены в его молодой памяти. Но союзники были люди не только добрые, но и твердые. Немцы должны создать армию, а англичане, американцы и французы будут командовать ею... И голландцы тоже... И норвежцы... И португальцы... И любые иностранные генералы, которые готовы командовать побежденными.

- Да что там! Они могли бы дать нам даже африканских генералов командовать бундесвером!

Несколько человек - из тех, что стояли впереди, у подножия трибуны, в защитном кольце одетых в кожаное людей,- эти несколько человек смеялись, но он жестом унял их.

- Слушайте! - сказал он им.- Слушайте, друзья мои! Мы это з а с л у ж и л и ! . Мы проиграли войну! Мы преследовали евреев. Мы не годились, чтобы командовать! Мы годились только на то, чтобы платить! - Гнев их постепенно утихал.- Потому-то,- продолжал он,- мы и платим за пребывание у нас английской армии. Потому-то они и допустили нас в НАТО.

- Алан!

- Я их видел.

Два серых автобуса стояли у аптеки. Луч прожектора прошелся по их тусклой поверхности и скользнул дальше. Окна чернели, зашторенные изнутри.

И мы были благодарны за это, продолжал Карфельд. Благодарны за то, что нас приняли в этот привилегированный клуб. Конечно, мы были благодарны. Хотя клуб оказался, в сущности, не для нас: члены его не любят нас, членские взносы чрезмерно высоки, да к тому же немцам, поскольку они еще дети, не разрешают играть с оружием, которое может причинить вред их врагам. И тем не менее мы были благодарны, потому что мы немцы и потому что мы проиграли войну.

По толпе снова прошел ропот возмущения, и он снова оборвал его резким жестом руки.

- Нам здесь не нужны эмоции,- напомнил он.- Мы рассматриваем факты!
Примостившись на узком балконе, мать приподняла ребенка высоко над толпой.

- Смотри туда! - прошептала она.- Такого, как он, ты больше не увидишь.
Площадь застыла, недвижимые головы все были повернуты в одну сторону, все смотрели в одну сторону темными провалами глаз.

Как бы подчеркивая свою полную беспристрастность, Карфельд снова выпрямился на кафедре, не спеша поправил на носу очки и перелистал лежавшие перед ним страницы. Затем помедлил, с сомнением оглядывая ближайšie к нему лица, как бы раздумывая, пойдет ли за ним его паства и насколько она поддержит то, что он намерен сказать.

Какова же была роль немцев в этом привилегированном клубе? Он бы определил ее так. Сначала он ее сформулирует, а потом на примере покажет, с помощью чего можно было этого достичь. Роль немцев в НАТО вкратце сводилась к следующему: вести себя покорно в отношении Запада и враждебно в отношении Востока; понимать, что даже среди победоносных союзников могут быть добрые победители и злые победители.

Снова смех взорвался и стих. Вокруг зашептали: Клаус, Клаус - он понимает толк в шутке... И в самом деле. НАТО - это же типичный клуб. НАТО... Общий рынок... Все - обман, везде обман. И в Общем рынке все то же, что в НАТО. Так сказал Клаус, и потому немцы должны стоять подальше от Брюсселя. Это еще одна западня, новое окружение... Им заходят и с флангов и с тыла.

- Это Лезэр,- прошептал де Лилл.

Седеющий человек невысокого роста, чем-то показавшийся Тернеру похожим на кондуктора автобуса, присоединился к ним на ступеньках и удовлетворенно записывал что-то в блокнот,

- Французский советник, большой приятель Карфельда.

Когда Тернер снова перевел взгляд на трибуну, ему впервые бросилась в глаза небольшая группа людей, стоявшая в переулке,- необузданная, темная сила, маленькая армия, которая ждала лишь сигнала к выступлению.

Как раз напротив, на другой стороне площади, в плохо освещенном переулке, стояли и молча ждали люди. Они держали знамена, не производившие в сумерках впечатления черных, а впереди - Тернер отчетливо это разглядел - впереди стояли несколько музыкантов из военного оркестра. Свет дуговых фонарей поблескивал на трубе, на оплетенных тесьмой обручах барабана. Во главе их темнела одинокая фигура с поднятой, как у дирижера, требующей тишины рукой.

Снова затрещало радио, но слова потонули во взрывах смеха. Карфельд отпустил еще одну шутку, грубую шутку, которая не могла не вызвать у кого-то гнева: намек на одряхление Англии и на королеву. Тон, каким он это произнес, был нов и необычен - легкий шлепок по спине, преднамеренный, похожий на ласку и на удар бича, от которого горит кожа и который способен затронуть политические чувства и вызвать злость. Итак, Англия вместе со своими союзниками принялась перевоспитывать немцев. Ну еще бы: где же вы найдете лучших воспитательниц? В конце концов, кто, как не Черчилль, впустил дикарей в Берлин, кто как не Трумэн, сбрасывал бомбы на беззащитные города; совместными усилиями они превратили Европу в развалины - так кто же лучше их сможет объяснить немцам, что такое цивилизация?

В переулке никакого движения. Рука дирижера по-прежнему поднята, маленький оркестр ждет сигнала.

- Это социалисты,- прошептал над ухом Тернера де Лилл.- Они решили

устроить контрдемонстрацию. Какой дурак пустил их сюда?

Итак, союзники взялись за работу: надо научить немцев себя вести. Не надо было немцам убивать евреев, заявили они,- убивайте лучше коммунистов. Не надо было нападать на Россию, заявили они, но мы защитим вас, если русские на вас нападут. Не надо было сражаться за новые границы, заявили они, но мы поддержим ваши притязания на восточные земли.

- Но мы-то знаем, что это за поддержка! - Карфельд выбросил руки ладонями вверх. - Пожалуйста, дорогая, пожалуйста! Можешь взять мой зонтик и оставить его у себя... пока не пойдет дождь!

Показалось Тернеру или в самом деле в этой реплике прозвучала интонация, к которой в свое время прибегали в немецких мюзик-холлах, когда хотели передать еврейский акцент? Толпа засмеялась, но Карфельд снова жестом утихомирил ее.

В переулке дирижер по-прежнему стоял - застыв, подняв руку. Неужели он никогда не устанет, подумал Тернер, отдавать этот поганый салют?

- Их уничтожат,- убежденно сказал де Лилл.- Толпа их уничтожит!

Так вот, друзья мои, что произошло. Победители в чистоте помыслов своих и в великой своей премудрости научили нас понимать, что такое демократия. Ура демократии! Демократия - это как Христос: все оправданно, что совершается во имя демократии.

- Прашко,- с расстановкой произнес Тернер,- Прашко написал это для него.

- Он часто для него пишет,- сказал де Лилл.

- Демократия расстреливает негров в Америке и подкупает их золотом в Африке! Демократия управляет колониальной империей, сражается во Вьетнаме и нападает на Кубу. Демократия позволяет переложить все на совесть немцев! Демократия внушает: что бы ты ни сделал, ты никогда, никогда не будешь таким плохим, как немцы!

Он повысил голос, подавая сигнал - сигнал, которого ждал оркестр. Тернер снова посмотрел поверх голов толпы туда, в переулок, увидел, как белая-белая, точно салфетка, рука плавно опустилась в свете фонаря, как промелькнуло бледное лицо Зибкрона, поспешно покинувшего свой командный пост и отступившего в тень домов, и заметил, как головы начали поворачиваться одна за другой, когда и он сам услышал далекие звуки музыки - военный оркестр, и хор мужских голосов; он увидел, как Карфельд перегнулся через трибуну и обратился к кому-то стоявшему внизу, увидел, как он отступает в глубину возможно дальше, все еще продолжая говорить, и внезапно уловил в его голосе прорывавшиеся сквозь его возмущение, сквозь ярость, сквозь все заклинания, визгливые призывы, брань и подстрекательства - отчетливо уловил нотки страха.

- Соци! - крикнул молодой сыщик далеко в толпе. Он стоял навтыжку, расправив обтянутые кожей плечи, и орал, сложив руки рупором.- Соци - там, в переулке! Социалисты решили на нас напасть!

- Это диверсия,- не повышая голоса, констатировал Тернер.- Зибкрон инсценирует диверсию. "Чтобы выманить его, подумал он,- чтобы выманить Лео и заставить его рискнуть. И музыка для того, чтобы заглушить выстрел,- мысленно добавил он, услышав "Марсельезу",- все подстроено, чтобы он начал действовать".

Сначала все продолжали стоять, не двигаясь. Первые такты музыки были едва слышны - невинные звуки, слабенькая мелодия, извлеченная ребенком из губной гармошки. Да и песня, зазвучавшая вслед, была вроде тех, что поют мужчины, собравшись в йоркширском трактире в субботу вечером, поют без

воодушевления, не в лад, как люди, не привыкшие к музыке,- да, впрочем, толпу и не интересовала музыка, все ее внимание было приковано к Карфельду.

Но Карфельд - тот слышал музыку, она с необыкновенной силой подстегнула его.

- Я уже не молодой человек,- закричал он.- Скоро я буду совсем старик. Какой вопрос, молодые люди, зададите вы себе, когда проснетесь утром? Что вы скажете, глядя на эту американскую шлюху - Бонн? Вот что вы скажете: сколько же можно жить так, без чести? Вы по смотрите на своих правителей и скажете это, вы посмотрите на социалистов и скажете: неужто мы должны покорно следовать за любой собакой, если она носит казенный мундир?

"Он перефразирует Лира",- мелькнула у Тернера нелепая мысль, и в эту минуту все прожекторы вдруг погасли - словно опустили черный занавес. Мрак сразу накрыл площадь, и громче зазвучало пение "Марсельезы". Тернер почувствовал едкий запах смолы в ночном воздухе - по всей площади вспыхивало и гасло бесчисленное множество искр; он услышал приглушенный оклик и приглушенный отзыв, услышал, как из уст в уста поспешно передавались слова команды. Пение и музыка внезапно слились в рев, подхваченный рупорами,- чудовищный, бессмысленный, одичалый рев, усиленный радио и искаженный до неузнаваемости, оглушающий, сводящий с ума.

"Да,- повторил про себя Тернер с чисто саксонской ясностью мышления,- да, именно так я бы и поступил на месте Зибкрона. Я бы инсценировал эту диверсию, накалил толпу и устроил побольше шума, чтобы спровоцировать его, чтобы он выстрелил".

Музыка гремела все громче. Он увидел, как полицейский на ступеньках повернулся к нему лицом, а молодой сыщик предупреждающе поднял руку.

- Оставайтесь, пожалуйста, на месте, мистер Брэдфилд! Мистер Тернер, оставайтесь, пожалуйста, на месте!

В толпе возбужденно перешептывались - она алчно предвкушала что-то.

- Прошу вынуть руки из карманов!

Вокруг них вспыхнули факелы - кто-то, видимо, подал сигнал. Они запыхали безудержной надеждой, позолотив мрачные лица, исполнив их веры, вдохнув мечту в их прозаические черты, оживив тупой взгляд пророческим жаром апостолов. Маленький оркестр вступил на площадь, в нем было не больше двадцати душ, и армия, которая шла за ним, шагала вразброд, неуверенно; но музыка, усиленная рупорами Зибкрона, звучала теперь уже повсюду, олицетворяя террор социалистов.

- Соци! - раздалось снова в толпе.- Соци идут на нас.

Кафедра проповедника опустела - Карфельд исчез, но социалисты продолжали продвигаться вперед.

- Бей их, бей наших врагов! Бей евреев! Бей красных! Разделаемся с мраком, шептали голоса, разделаемся со светом, разделаемся со шпионами-саботажниками: во всем виноваты социалисты.

А музыка звучала все громче.

- Ну вот,- ровным голосом сказал де Лилл,- они его и выманили.

Молчаливые люди деловито окружили подножие карфельдовского помоста из нетесаного белого дерева. Сгибались кожаные спины, мелькали луноподобные лица, шептались о чем-то.

- Бей соци! Бей! - Ярость толпы вздымалась, как на дрожжах. И трибуна, и Карфельд были позабыты.- Бей их!

Бей здесь, сейчас, бей все, что тебе не по нраву, шептали голоса, бей евреев, негров, кротов-конспираторов, крушителей, ниспровергателей, родителей, любовников, они хорошие, они плохие, умные, глупые.

- Бей евреев-социалистов! - Над головами взмыли плакаты; голоса шептали: Иди! Иди!

"Мы должны убить его, Прашко,- в смятении сказал себе Алан Тернер,- или нам снова навесят бирки..."

- Бить-кого? - спросил он де Лилла.- Что они делают?

- Гонятся за своей неосуществленной мечтой.

Мелодии больше не было, звучала одна нота - хриплый, грубый рев, призыв к бою, призыв к ярости, призыв к убийству; истребить некрасивое, безобразное, уничтожить больных, недоразвитых, искалеченных, жалких, неумелых. Внезапно в свете факелов взмыли в воздух черные флаги и затрепетали, как растревоженная моль: толпа качнулась и накренилась в сторону; один край ее прорвался, и факелы потекли в переулок, гоня перед собой оркестр, провозглашая музыкантов своими героями, обжигая их поцелуями, с игривой яростью пускаясь между ними в пляс, разбивая инструменты, громя витрины, окна домов... Красные знамена взмыли вверх и упали, как капли крови, и толпа растоптала их и, отяжелевшая, глухо урча, потекла дальше по переулку, ведомая факелами. Затрещало радио. Тернер услышал голос Зибкрона, холодный и удивительно ясный, услышал краткую команду - одно-единственное ключевое слово: "Schafott" - и бросился бежать к помосту, рассекая людские волны; он почувствовал боль от удара в плечо, почувствовал, как руки уцелевших хватили его, но он сбрасывал их с себя, точно детские ручонки. Снова руки хватили его, и снова он отмахивался от них, как от веток. Перед ним возникло лицо - он ударил по нему и побежал дальше, преодолевая людские волны, стремясь добраться до помоста. И тут он увидел его. - Лео! - закричал он.

Он лежал на мостовой, как художник, который рисует на асфальте, вокруг неподвижно стояли люди. Они стояли, но ни один не касался его. Они сбились плотным кольцом вокруг, но оставили ему место умереть. Тернер видел, как он приподнялся и снова упал, и опять крикнул: "Лео!" Он увидел, как темные глаза обратились к нему, и услышал ответный возглас - мольбу к нему, к Тернеру, к миру, к богу или к милосердию, к любому человеку, который мог бы спасти его от свершившегося. Он увидел, как людское кольцо сомкнулось, склонившись над ним, и распалось, отпрянув в сторону, увидел, как покатились мягкая шляпа по мокрой брусчатке, и ринулся вперед, повторяя: "Лео!" Он выхватил у кого-то факел, и в нос ему ударил запах паленой материи. Он держал факел, отпихивая от себя чьи-то руки, и вдруг почувствовал, что никто больше не препятствует ему,- он стоял один на берегу, у края помоста, и смотрел вниз на свою собственную жизнь, на свое собственное лицо, на руки, пытавшиеся, словно любовницу, обнять брусчатку, и на листовки, кружившие, реявшие над маленьким телом, словно листья, гонимые ветром.

Рядом с ним не было никакого оружия - ничто не указывало на то, как он умер,- только шея повернута под каким-то странным углом там, где что-то сдвинулось с места и перестало совпадать одно с другим. Он лежал, распластаный, придавленный к мостовой теплым боннским воздухом, точно кукла, разбитая на куски и аккуратно сложенная потом. Человек, который жил и чувствовал и теперь не чувствовал ничего,- наивный человек, потянувшийся поверх всех барьеров за наградой, которой ему никогда не суждено было добыть.

Издали долетал яростный крик толпы, все еще преследовавшей в переулках давно исчезнувших музыкантов, а за своей спиной Тернер слышал легкий звук шагов. - Общайте его карманы,- сказал чей-то голос с истинно английским хладнокровием.